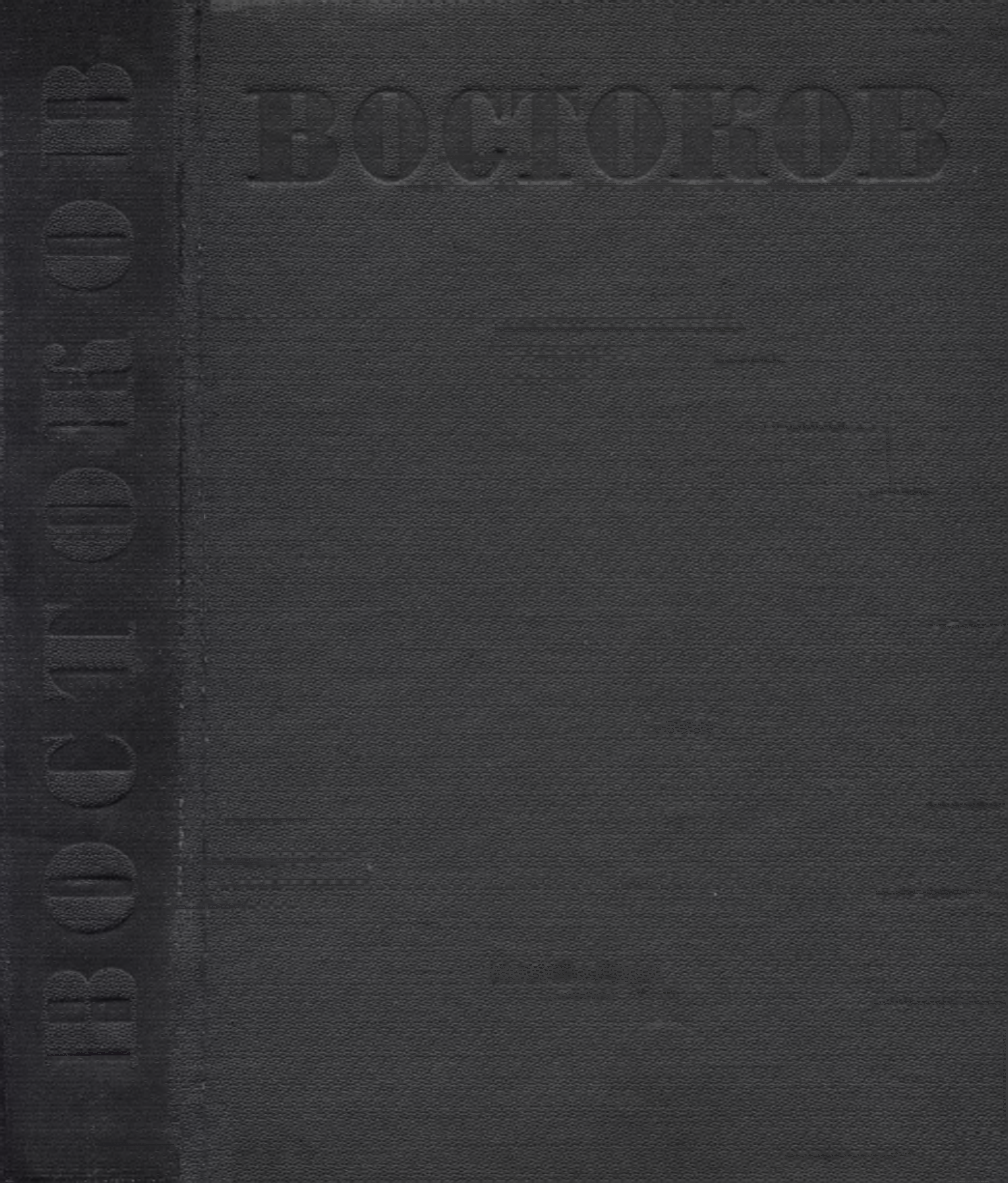
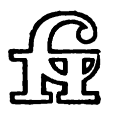

ВОСТОКОВ
ВОСТОКОВ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ М. ГОРЬКОГО

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ • 1935

ВОСТОКОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

РЕДАКЦИЯ,
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
И ПРИМЕЧАНИЯ
Вл. ОРЛОВА

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ • 1935

ОТ РЕДАКТОРА

Стихотворения Востокова печатаются в настоящем издании согласно указаниям, сделанным самим автором. В объявлении о подписке на второе (и последнее) издание своих поэтических произведений (1821 г.) Востоков писал: «После первого полного издания своих стихотворений в 1806 г. под названием «Опыты лирические», автор, ободренный благосклонными отзывами о сих опытах, но чувствуя притом недостатки оных, тщательно занимался выправкою тех из них, кои казались ему достойными сохранения, дабы некогда представить их публике в той степени совершенства, до какой возможно ему было довести труды свои. Наконец, лет пять уже отвлеченный обстоятельствами от беседования с Музами и, может быть, на век распростившись с ними, полагал он, что может считать стихотворное поприще свое конченным и приступить к последнему от себя изданию своих стихотворений. Он разделил их на три книги, вообще по порядку времени расположенные» («Благонамеренный» 1820, ч. XII, стр. 128).

Таким образом, вопрос о выборе редакций и расположении стихотворений Востокова по отделам — решается категорически, тем более что Востоков придавал большое, принципиальное значение переработке своих стихотворений от издания к изданию. Так например, в неизданном наброске предисловия к «Опытам лирическим» (1805—1806 гг.) он подчеркивал, что стихи его «предлагаются здесь с нарочитыми переменами» и что «порядок стихотворений сих, писанных в разные времена и следственно не одним пером и не в одном духе, требовал неотменно разделения оных на четыре книги, или отделения» (Бумаги Востокова в архиве Академии Наук СССР.)

В настоящем издании стихотворения Востокова разбиты на четыре отдела, из которых первые три соответствуют трем

«книгам» издания 1821 г. (с незначительными, сравнительно, сокращениями, преимущественно за счет нескольких патриотических стихотворений 1807—1814 гг., писавшихся Востоковым часто по заказу и не имеющих сколько-нибудь крупного литературного значения), а в четвертый отдел вошли: 1) избранные стихотворения из «Опытов лирических» (1805—1806 гг.) и различных альманахов и повременных изданий 1800-х гг., не включенные Востоковым в издание 1821 г. и 2) избранные стихотворения, написанные и частично опубликованные Востоковым после выхода в свет издания 1821 г. Внутри этого, четвертого, отдела пьесы печатаются в хронологическом порядке и замыкаются несколькими стихотворениями, даты которых установить не удалось.

В «Опытах лирических» Востоков присоединил к своим стихотворениям обширные примечания, отброшенные (за малыми исключениями) в издании 1821 г. Примечания эти, представляющие значительный историко-литературный интерес, печатаются в настоящем издании в составе комментариев редактора. Примечания же Востокова к стихотворениям, написанным после выхода в свет издания 1821 г., сохранены в тексте и печатаются под строкой.

Стихотворения Востокова печатаются, как правило, в последних авторских редакциях, с проверкой в отдельных случаях по автографам, авторизованным спискам и первопечатным публикациям. Из вариантов и разночтений учитываются в примечаниях только важнейшие.

Текст стихотворений Востокова печатается без строгого соблюдения орфографии и пунктуации подлинника, с сохранением, однако, некоторых особенностей оригинала, имеющих определенное стилистическое или историко-лингвистическое значение. Орфография не изменялась также в тех случаях, когда подновление ее разрушило бы особенности произношения.

Даты, принадлежащие Востокову, сохранены в тексте. Даты, установленные редактором, указаны и аргументированы в примечаниях. В большинстве случаев даты установлены на основании памятных записей Востокова «Летопись моя» (1794—1806 гг.), опубликованных в книге «Заметки А. Х. Востокова о его жизни», 1901.

В процессе работы над книгой редактором были обследованы различные архивные фонды, из которых в первую очередь

нужно назвать личный архив Востокова, хранящийся в Архиве Академии Наук СССР, и остатки архива Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, хранящиеся в Фундаментальной библиотеке Ленинградского государственного университета. Из материалов личного архива Востокова в книгу включено несколько неизданных стихотворений, что оговорено в каждом отдельном случае в примечаниях (впервые публикуемые пьесы отмечены также в «Содержании» — звездочкой).

В примечаниях сосредоточены необходимые библиографические и текстологические сведения, а также дан возможно более кратко изложенный реальный и историко-литературный комментарий к отдельным стихотворениям. Персональные справки об упоминаемых в тексте лицах, а также мифологические имена и названия выделены в «Указатель», причем сведения по псевдо-славянской мифологии конца XVIII — начала XIX вв. даны в форме цитат из специальных сочинений, материалом которых пользовался Востоков. В «Словаре» разъяснены слова, выпавшие из речевого обихода наших дней.

За помощь в работе советами и указаниями приношу благодарность Г. А. Гуковскому, Б. В. Томашевскому и С. И. Хмельницкому, а также работникам Архива Академии Наук СССР.

Вл. Орлов

Февраль 1934 г.

ВОСТОКОВ

А я подоблюся пчеле, что на цветах
По лугу злачному гуляет,
Со многим тщаньем собирает
Из разных мед соков —
Тружусь над мелочным сложением
стихов...

Востоков

(перевод оды Горация «К Иулу-Антонию»)

I

Востоков прожил длинную жизнь. Современник Державина и Радищева, он был свидетелем отмены крепостного права. Ученая его деятельность продолжалась почти до самой его смерти, но как поэт он целиком принадлежит эпохе восьмисотых годов.

Раннее выпадение Востокова из живой литературной современности (примерно с середины десятых годов он перестал писать стихи) безусловно определило в известной мере и то обстоятельство, что за очень редкими исключениями он не попадал в поле зрения историков русской поэзии, тем более что, при полной условности и схематичности общепринятой до недавнего времени концепции русского литературного процесса конца XVIII — начала XIX вв., его трудно было причислить к какому-либо определенному направлению, к какой-либо поэтической школе, а своей собственной школы он также не создал.

Проблема Востокова — проблема поэта-одиночки, поэта-экспериментатора, нарушавшего традиции русской поэтической культуры. Работа Востокова в области реорганизации русского стиха, носившая следы глубокого теоретического осмысления (но не гениального дарования), протекала на периферии литературы и, в конечном счете, не отвечала основным тенденциям развития русской поэзии. К тому же общественный резонанс этой работы был невелик.

Тем не менее Востоков сыграл достаточно крупную роль: на рубеже XIX века он сказал новое слово в поэзии. В наше время, в процессе освоения литературного наследства, полезно учесть поучительный опыт проделанной им работы.

II

Александр Христофорович Востоков был «незаконнорожденным» отпрыском знатной фамилии. Отцом его был остзейский дворянин, аренсбургский уездный предводитель дворянства майор Христофор Иванович Остен-Сакен (1737—1811). Родился Востоков 16 марта 1781 г. в Аренсбурге (городок на острове Эзеле, б. Лифляндской губернии) и в младенчестве еще был отдан на воспитание в Ревель к какой-то вдове майорше Трейблут, которую он называл «маменькой».

В Ревеле Востокова окрестили Александром-Вольдемаром (крестным отцом его был «соседний кирпичник»), фамилии же до семилетнего возраста он не имел вовсе. О происхождении фамилии «Востоков» сам он рассказал следующее: «Перед отправлением меня из Ревеля, где я жил, в Петербург — придумали мне фамилию. Er soll Osteneck: так написано было в письме, которое получила воспитательница моя от отца моего из Аренсбурга. Не знаю, почему-то эта фамилия мне с самого начала не понравилась, и я никогда не мог к ней привыкнуть. Сие было главною причиною, побудившею меня издать в свет первые сочинения мои под вымышленным прозвищем Востокова. Я продолжал однакож еще долго после того и в житейских отношениях, и в делах службы прозываться попрежнему Остенеком, не осмеливаясь сам собою переменить фамилии. Но вымышленная мною для сочинений моих русская фамилия мало-по-малу вытеснила из употребления немецкую, так что меня даже и по гражданской службе, в Комиссии составления законов, стали писать Востоковым. Тогда уже и я сам не усумнился обменять немецкую вымышленную фамилию, к коей ничто меня не привязывало, на русскую, под коею я стал известен». [1]

В Ревеле Востоков рос в бедной, полукрестьянской обста-

[1] «Заметки А. Х. Востокова о его жизни», 1901, стр. 40. — В другом месте Востоков писал: «Настоящее мое имя было Остенек, что товарищи мои в [кадетском] корпусе переделали в Остенéк. Последнее имя мне особенно не нравилось: я придумал себе название Осталиàн, у которого была своя земля Остàлия. Но я не сообщал никому этой выдумки, а хранил ее собственно для себя».

новке, в одноэтажном домике, стоявшем в городском предместьи. Домик «перегорожен был на две половины... На левой стороне находились хлевы для трех коров, на правой — две жилые горницы». Кроме Востокова обитателями этих горниц были: майорша Трейблут, две ее родственницы, служанка, еще один «незаконнорожденный» воспитанник майорши и, наконец, старик—гарнизонный сержант Савелий, большой приятель Востокова и его первый наставник в русском языке. Савелий водил Востокова гулять «в город на ярманку, в корабельную гавань, на солдатское учение».

«Первое мое воспитание в Ревеле», вспоминал Востоков, «было весьма скудно: я имел для чтения Библию и иногда слушал сказки и басни, которые мне сержант в зимние вечера рассказывал... На пятом году стали меня учить грамоте немецкой, на шестом читал я уже бегло мою Библию. Я пропущал притчи, пророчества и все, что было свыше моего умишка, но весьма занимался повестями, как-то: Товием, Руфью, Иудифою, Маккавеями и проч., мечтал о Голиафе и Давиде, и мне отменно понравились приятные греческие имена, которые в Маккавеях встречаются, от еврейских же всегда отвращалось ухо мое». [1]

Когда Востокову минуло семь лет, отец его, Х. И. Остен-Сакен, решил отправить его в Петербург на учение. В домике майорши Трейблут событие это восприняли как решительный поворот в судьбе Востокова. «Мне начали твердить о будущем моем состоянии, о Петербурге, об отце моем», пишет Востоков. «Однако же все это не много возраждало во мне любопытства, потому что я не мог вообразить себе иных благ, кроме тех, которыми наслаждался в хижине г-жи Трейблут». Востокова снарядили в путь, поручив его какому-то капитану Лингену, снабдили «овчинным тулупом и диравыми портками», а крестный отец его — кирпичник — дал ему на дорогу рубль медными деньгами.

В марте 1788 г. капитан Линген привез Востокова в Петербург к дяде его — тайному советнику барону Карлу Ивановичу Остен-Сакену (1733—1808), жившему в Зимнем дворце. В дневнике К. И. Остен-Сакена под 30 марта 1788 г. читаем: «Le capitaine Lingen revenait d'Oesel et m'ammena de la part de

---

[1] «Заметки Востокова», стр. 6; оттуда же и все нижеследующие цитаты автобиографического характера.

mon frère un orphelin de 7 ans Alexandre Osteneck pour lui donner ici une éducation convenable».[1] Поселился Востоков однако у другого Остен-Сакена — барона Иоганна-Густава (1727—1793), занимавшего (до 1798 г.) пост саксонского посланника и полномочного министра при петербургском дворе.

В том же 1788 г. Востокова отдали в Сухопутный кадетский корпус. При содействии служившего в корпусе третьего Остен-Сакена — барона Фабиана Вильгельмовича (1752—1837), будущего фельдмаршала — Востоков меньше чем через два месяца после поступления в корпус был переведен во «второй возраст».

Востоков числился в корпусе не кадетом, а гимназистом. Гимназистами назывались там воспитанники недворянского происхождения; готовили их на должности корпусных учителей и освобождали от специально-военных занятий. В первый же год корпусной жизни Востоков подружился с кадетом Александром Ивановичем Хатовым.[2] Востоков впоследствии с благодарностью вспоминал о Хатове: «Он первый служил к моему образованию, научил меня рисовать и развивал во мне охоту к словесности... Способствовал к развитию во мне способностей и сообщил много познаний исторических и сказочных».

Учился Востоков в корпусе не плохо и много читал. «Маленькая библиотека второго возраста», пишет он, «пособляла мне кое-как. Я читал в ней попавшиеся мне немецкие книги. По французски я еще не знал, а в русский язык только вникал... С 1792 года я читал уже и французские книги, а по русски начал кое-что писать, разумеется детское».

Самых ранних произведений Востокова не сохранилось, но среди бумаг его имеется тетрадь, озаглавленная: «Разные сочинения А. Остенека. 1-го Генваря 1793 года» (сюда вошли стихотворения, написанные в 1793—1794 гг.).

Сочинения двенадцатилетнего Востокова конечно не блещут литературными достоинствами и подчас носят еще следы слабого знакомства с русской речью. Но, учитывая более чем юный возраст автора и сравнительно позднее приобщение его к русской языковой культуре, нельзя не признать, что и в этих

[1] «Известия отделения русского языка и словесности Академии Наук», т. I, кн. 1, 1896, стр. 108.

[2] Выпущен из корпуса в 1797 г.; умер в 1846 г. в должности директора Военно-ученого комитета; автор нескольких военно-исторических сочинений.

ранних своих опытах он был уже настоящим поэтом. Среди многочисленных эпиграмм, шарад, эпитафий, «песенок» и пасторалей молодого Востокова встречаются стихи, замечательные своим «философическим» содержанием. Такова, например, ода «Счастье» (1793 г.):

Доколе будешь ты гоняться
За ложным счастьем, человек.
Ты будешь счастьем наслаждаться
Не целой свой превратной век.
Пройдут твои счастливы лета,
Настанет грусть и нищета, —
Что значит счастье сего света —
Оно пустая лишь мечта!
В палатах мраморных, огромных
Сегодня зрят вельмож, царей,
Но завтра зрят усталых, томных,
Лишенных знатности своей.
Они рубашками покрыты,
Насилу пищу достают,
Сколь прежде были знамениты, —
Теперь столь бедными слывут.
О, счастье, сколько ты превратно,
Сколь ты обманываешь мир...

Ода эта свидетельствует о том, что Востоков уже в детстве усвоил популярную в конце XVIII века идею природного равенства людей. — Встречается у молодого Востокова и лирическая медитация, вроде следующей:

О, участь горестна, мучительна разлука,
Судьба жестокая, ужаснейшая мука,
Доколе будешь ты, Фортуна, меня гнать,
Неужли мне ее вовеки не видать?..

Любопытно, что в 1793 г. Востоков пишет «Элегию на смерть короля французского», в которой образ казненного Людовика XVI рисуется как образ невинного страдальца:

Краса природы уж смутилась,
Не виден ясной солнца луч,
На горизонте появилась
Толпа ужасных, грозных туч.
Без жалости народ жестокой
Владельца своего разит,
Европа в грусти преглубокой
О нем с печалию гласит.

Агнцу́ невинному подобен,
Он с твердостью на казнь изшел
И, на врагов своих не злобен,
Небесно царство приобрел.

Не удивительно, конечно, что Востоков, испытывая влияния окружавшей его военно-дворянской среды, разделял ее негодование по поводу казни «венценосца», но интересно, что двенадцатилетний мальчик откликнулся на злободневное событие политической современности. Этот факт лишний раз свидетельствует о быстром интеллектуальном развитии Востокова.

Упрочению литературных интересов Востокова много способствовали люди, окружавшие его в корпусе, где — по словам Ф. В. Булгарина — «дух литературный преобладал над всеми науками». Действительно, в Сухопутном кадетском корпусе увлечение литературой и театром было устойчивой традицией. Корпус был колыбелью русской драматургии (я имею в виду известные театральные представления, организованные А. П. Сумароковым в 1745 г.); из его стен вышел целый ряд выдающихся писателей и драматургов. Булгарин (сам бывший воспитанником корпуса) удостоверил, что «внимание двора к русской литературе, слава Сумарокова и русский театр в корпусе — утвердили в кадетах любовь к русской словесности и отечественному языку, и эта любовь, поддерживаемая искусными преподавателями, каковы были Яков Борисович Княжнин и ученик его Петр Семенович Железников, сделалась как бы принадлежностью корпуса и переходила от одного кадетского поколения к другому». [1]

Упомянутый Булгариным П. С. Железников в жизни Востокова сыграл крупную роль. Востоков был обязан ему не только основательным знакомством с русской и иностранными литературами (французской и итальянской), но и первыми шагами на литературном поприще (см. ниже). Железников оставил по себе память как о весьма умном и образованном человеке и превосходном преподавателе. Он и сам был не чужд литературе: еще в бытность свою гимназистом кадетского корпуса он перевел Фенелоновы «Приключения Телемака, сына Улиссова». Перевод его был напечатан по распоряжению Екатерины II в 1788—1789 гг. на казенный счет, и введен в учебные заведения в качестве книги для классного чтения.

[1] Воспоминания, ч. II, 1846, стр. 16—17.

Железников был приверженцем классицизма; идеалом совершенства был для него Расин, но вместе с тем он живо интересовался молодой русской литературой и знакомил своих учеников с сочинениями Карамзина, «выступившего тогда только на сцену в Московском журнале».

Товарищами своими по корпусу Востоков называет кадета Волкова, гимназистов Петрова, Лафоржа и Шубникова, а также своих двоюродных братьев — Людвига и Александра Остен-Сакенов, с которыми ездил он в Зимний дворец к дядюшке барону Карлу Ивановичу.

Из них большое влияние на Востокова имел Григорий Гаврилович Волков (род. в 1780 г.), поступивший в корпус одновременно с Востоковым и выпущенный в армию в 1796 г. В тетради ранних сочинений Востокова имеется «Епистола к Волкову», которую приводим здесь полностью:

Колеблемый среди собранья мрачных дум,
Не знает, что начать теперь мой слабый ум;
Грущу, терзаюсь я, в смертельну ввержен скуку,
И только лишь перо намерен взять я в руку,
Утихнет весь мой жар, все позабуду враз
И голову ломать я должен целый час.
Итак, любезный друг, наставь меня, наставь,
И, путь ближайший мне к Парнассу показав,
Скажи, о чем мне петь? — Поэму ль, эпиграмму,
Эклогу, оду ли, сатиру или драму,
Или с Гомером мне на верх Парнасса взлезть
И храбрые дела героев превознесть,
И, взявши лиру в длань, воспеть как Ломоносов
Бессмертную хвалу императрицы Россов;
Или мне Боалу велишь ты подражать,
Сатирами чтобы пороки охуждать,
Иль в прозе ты писать, о Волков, мне вели.
О ты, великий муж, свой жар ты мне всели!
Стихи на новый год, Зима — твои творенья —
Исполнены ума, достойны удивленья,
Во всех твоих стихах так много остроты,
Все книги ты читал, пиитов знаешь ты,
И между ими сам не будешь ты забвен,
Вольтер, Княжнин, Руссо, забавный Ла-Фонтен,
Виргилий, и Гомер, и стихотворцы все,
Сам Феб и Муз собор — знакомы все тебе.
Итак, любезный друг, тебя просить намерен,
Чтобы ты показал мне к Геликону путь;
Я в том, о Волков, в том надежно я уверен,
Что сами девять Муз тебя пиитом чтут.

Из стихотворения этого видно, что Волков был человеком начитанным и среди товарищей слыл присяжным поэтом. Дальше корпуса слава его, впрочем, не шла и из печатных его сочинений известно только одно: «Песнь к богу по истреблении врагов России» («Русский Вестник» 1813, ч. XXII, № 5).

Особо должен быть отмечен в биографии Востокова и Степан Александрович Шубников, также литератор. С Шубниковым Востоков читал в корпусе французские книги. Позже Шубников ввел Востокова в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств.

III

В начале 1794 г. Востоков оставил кадетский корпус, так как, будучи заикой, оказался совершенно непригоден к должности учителя, на которую его готовили. Высокопоставленные родственники Востокова попробовали было определить его в военную службу (еще в июле 1789 г. К. И. Остен-Сакен, по обычаю того времени, «записал» Востокова сержантом в лейб-гвардии Измайловский полк [1]). Но по самому складу своей натуры Востоков не годился для военной деятельности, к тому же заикание его и в этом случае служило препятствием. Поэтому К. И. Остен-Сакен решил перевести Востокова в Академию Художеств, «по тому суждению, что в этой Академии говорить не нужно». [2] Прощаясь с корпусными товарищами и полагая, что его отправят обратно в Лифляндию, Востоков написал «Стихи на разлучение с С. Петербургом» (помеченные 20 января 1794 г.):

Прощаюсь с вами я, о вы, места любезны,
В которых я возрос и дни провел свои,
Сколь будут те часы мне горестны и слезны,
Как я оставлю вас, о Невские струи!
С каким прискорбием я некогда вспомяну
Оставленных друзей, тьму радостей, отрад, —
Тогда с печалию и с грустию я стану
Оплакивать тебя, Петрополь — славный град.

---

[1] См. «Известия отделения русского языка и словесности Академии Наук». т. I, кн. 1, 1896, стр. 109.
[2] См. запись в дневнике К. И. Остен-Сакен от 27 января 1794 г. — ibid.

В Академии Художеств Востоков учился до 1802 г., сперва в живописном, а потом в архитектурном классе. Но ни в той, ни в другой области он не оказал сколько-нибудь значительных успехов и выпущен был без академической степени. В «Летописи моей» 1795 г. Востоков писал, вспоминая первые годы пребывания своего в Академии: «Предавшись ремеслу архитектурному, я прозябал. Может быть для того судьба оставляла меня так долго в сем бездействии и чувственной дремоте, чтобы приуготовить к живейшим душевным наслаждениям. Много терпел [я] прискорбного от окружающих меня людей и учился терпеть». Впрочем, хотя занятия живописью и архитектурой и не интересовали Востокова, они оставили след в его поэтическом творчестве: стихи его не только насыщены образами пластических искусств, но и изобилуют технической «художнической» терминологией.

В Академии Художеств Востоков очутился в совершенно иной обстановке, нежели та, что окружала его в кадетском корпусе. Из всех русских учебных заведений конца XVIII века Академия Художеств была пожалуй наиболее «гражданским» и демократическим. Учились здесь почти исключительно «разночинцы», самый быт которых резко отличался от кадетского. Военной дисциплине, царившей в корпусе, здесь противостоял дух «богемности», перераставшей сплошь да рядом в самую откровенную распущенность. Из дневника Востокова за годы его учения в Академии видно, что там процветали «греческие нравы» и что сам Востоков был с целым рядом товарищей в более тесных отношениях, нежели обычные приятельские.

Лениво занимаясь предметами специальными, Востоков много времени уделял, в бытность свою в Академии, занятиям литературным. Он не порывал связи ни с П. С. Железниковым, ни с Г. Г. Волковым, ни с С. А. Шубниковым. Железников учил его итальянскому языку, Шубников «занимал философствованием», а Волков — «словесностию».

Вместе с тем и в самой Академии Художеств образовалась группа учеников, живших литературными интересами. Ближайшими друзьями Востокова в Академии были: Василий Петрович Осипов, Александр Иванович Ермолаев, Иван Алексеевич Иванов, Александр Дмитриевич Фуфаев, Фрол Филиппович Репнин, Иван Иванович Теребенев, Самуил Иванович Гальберг.

Все они составили тесный кружок, даже своего рода тайное общество («остенекистов») и серьезно занимались самообразованием. Все они увлекались сочинениями Карамзина и сообща читали только что вышедший (в апреле 1794 г.) альманах его «Аглая» («которая произвела в нас живейшее впечатление», — вспоминал впоследствии Востоков). Осипов даже переписал «Аглаю» всю целиком, а Иванов, будучи в Москве, совершил паломничество на знаменитый «Лизин пруд» и послал приятелям план местности, описанной Карамзиным.

«Ермолаев и Иванов», пишет Востоков, «настроили ум мой на особенные мечтания; согласно с книгами, которые мы читали, занимали нас попеременно приключения Жильблаза, открытие Америки, подвиги Кортеса и Пизарро, Робинзон Крузо и другие подобные предметы». Когда, по воцарении Павла I, в Академии Художеств «пошли новые преобразования» и «между учениками завязалась игра в солдаты», Востоков «не участвовал в этой игре», его «забавы были ученые: чтение книг с товарищами». — Сохранились свидетельства тому, что в кружке «остенекистов» обсуждались не только литературные, но и политические вопросы («Читаем Вольтера... Негодуем на Павла I», — записал Востоков в дневнике 1799 г.),[1] при чем обсуждались в таком плане и тоне, что их нужно было засекречивать. В апреле 1800 г. Иванов писал Востокову (тайнописью): «С недавнего времени по случаю возымел причину опасаться нашего утфипилизму [то же, что и «остенекизм». *В. О.*], особливо когда дело касается до чего нибудь такого!! Ныне во всем наблюдается строгое смотрение, посылки на почте расшиваются, нет ли чего нибудь запрещенного; итак надобно остерег... ох! окарауливаться.[2] Советую тебе кзишь [т. е. сжечь. *В. О.*] мои [письма] и прошу позволенья гюшисфофь [т. е. вычеркнуть. *В. О.*] в твоих то, что мне захочется».[3]

В Академии Художеств Востоков начал усиленно заниматься «сочинительством». Из дневника его известны по заглавиям некоторые не дошедшие до нас произведения, как например: «Послание к друзьям» и «Притворный слуга» (1794), «Сельская

---

[1] Из уцелевших писем А. И. Ермолаева известно, что в 1798 г. Востоков написал какую-то «политическую статью» и живо интересовался политическими событиями во Франции. См. «Переписка А. Х. Востокова», 1873, стр. II.

[2] Смысл оговорки Иванова в том, что Павел I запретил в 1797 г. употреблять «якобинское» слово: «стража» и приказал заменить его словом: «караул».

[3] «Заметки А. Х. Востокова», 1901, стр. 62.

бережися малѣйшей простуды, и вдѣйствѣ великую наблюдать осторо-
жность; а наипаче стаго убереженiя. Благословенна буди кора Перуанска:
она въ мѣнѣ ее отъемлетъ; только она дорогонька. Радуйся другъ мой, со
нашъ (къ тебѣ друга) ѣдетъ изъ украины, и везетъ предовольной коробъ разныхъ
кузовъ анекдотовъ и ~~новыхъ~~ куплетовъ, побасенокъ и историекъ. — Прощай другъ
мой останусь навсегда любящимъ тебя

Ивановичъ

[illegible]

твой портретъ

жизнь» (1797), «Весна» и «Ода Денисову» (1798), «Глас патриота» (написанный в связи в «негодованием» на Павла I), «Кольма» (вероятно перевод из Оссиана, которого Востоков читал с приятелями), «Курительная трубка», «Осенний вечер», «Песнь Бравермана к Эмилии», «Подобие совершенства», «Пигмалион» (1799), «Мысли о верах» (1800). Востоков пробовал также писать и прозой; в дневнике его 1796 г. читаем: «Пишу Чуксину роман на заказ»; в 1799 г. он писал какую-то повесть «Конклатский мыс». В 1797 г. Востоков приступил к переводу нашумевшего по всей Европе французского антиклерикального романа Дюлорана «Le compère Mathieu» (1766 г.), данного ему С. А. Шубниковым. [1] К 1798 г. относятся первые стихи Востокова, которые он счел достойными печати и включил в свои книги («Фантазия», «Шишак» и др.). Повидимому сам Востоков считал этот год началом своей серьезной литературной деятельности.

В сентябре 1800 г. Востоков кончил академический курс, но был оставлен в Академии еще на три года пансионером, с производством в 14-й класс. В марте 1803 г. он определился на службу, в Академию Художеств же, переводчиком и помощником библиотекаря.

По выходе из Академии Востоков «особенно пристратился к стихотворству». В сентябре 1801 г. С. А. Шубников ввел его в только что образовавшееся Общество любителей изящного (будущее Вольное общество любителей словесности, наук и художеств). [2] О событии этом в «Летописи» Востокова имеются следующие записи:

«Сентябрь. Пришед к Шубникову, получаю от него сведения о обществе.

Октябрь. Нахожусь в сомнении и ожидании. Вхожу в Общество 28-го окт[ября].

Ноябрь. Знакомлюсь с Волковым, Алекс[еем] Гавр[иловичем].

---

[1] Русский перевод «Кума Матвея», выполненный П. Пельским, в 1803 г. подвергся полицейским преследованиям.

[2] С. А. Шубников был одним из первых, по времени вступления, членов Общества. В «Свидетельствах членов, данных 15 июля 1802 г.» о нем сказано: «Вступил 21 сентября 1801 г. представлением перевода из Вольтера [О] Невтоновой философии, всегда показывал свое расположение к Обществу, но за болезнию редко присутствовал и не мог много участвовать в общественных упражнениях. Общество обязано ему членами: Востоковым, Бринкеном и Языковым» (с рукописи, ГПБ). В марте 1804 г. Шубников был исключен из Общества за непосещение заседаний. Из бумаг Общества видно, что в 1802 г. он читал там свои переводы из Вольнея и Дидро.

Декабрь. Круг познаний моих распространяется от знакомств и обстоятельств».

Востоков был не только самым крупным поэтом Вольного общества, но и «самым постоянным членом и сотрудником его». — «Слишком двадцать лет он был членом Общества», пишет Н. И. Греч, «и конечно пропустил в это время не более двух или трех заседаний, разве по сильной болезни. Всегда приходил он первым и уходил последним... принимал деятельное участие во всех его [общества] трудах, умел ужиться со всеми членами и во время треволнений, обуревавших сословие, которому прежде всего надлежало быть миролюбивым, сохранял спокойствие, беспристрастие и благородную независимость мнений и поступков... Пользовался общим уважением и доверенностию». [1]

Уже в ноябре 1801 г., через месяц после вступления, Востоков стал исполнять в Обществе секретарские обязанности, а 30 марта 1802 г. формально был избран секретарем. Кроме того в течение ряда лет он был бессменным членом «Комитета цензуры» (см. рецензии его, читанные в Вольном обществе, — в «Журнале министерства народного просвещения» 1890, март; там же, на стр. 70—74, — читанная 15 июля 1802 г. речь Востокова «О просвещении человеческого рода». [2]

В 1802 г. Востоков впервые выступил в печати. Учитель и приятель его П. С. Железников издавал в то время литературную хрестоматию «Сокращенная библиотека в пользу господам воспитанникам первого кадетского корпуса» (четыре части, 1800—1804), составленную из «избранных мест из лучших авторов» и предназначенную «служить воспитанникам и образцами штиля и материею для размышления».[3] Здесь, во второй

---

[1] «Северная Пчела» 1857, № 125, и «Весть» 1864, № 15, стр. 13.

[2] Дополнительные данные о деятельности Востокова в Вольном обществе см. в моей статье в сборнике «Поэты-радищевцы» — «Библиотека поэта», 1935.

[3] «Сокращенная библиотека», изданная Железниковым, сыграла некоторую роль в распространении среди русской молодежи 1800—1810-х гг. «либеральных идей». Н. И. Греч, вспоминая о Рылееве, писал, что он «набрался вздору» из этой книги, где были помещены «целиком разные республиканские рассказы, описания, речи из тогдашних журналов». «Утверждают, что мятежники 14 декабря были большею частью лицеисты», продолжал Греч. «Неправда: были два лицеиста, Пущин и Кюхельбекер, да и последний был полоумным. Большею частью были в числе их воспитанники 1-го Кадетского Корпуса, читатели библиотеки Железникова», излагавшей «заманчивые идеи либерализма, свободы, равенства, республиканских доблестей» («Записки о моей жизни», 1930, стр. 441). — «Сокращенная библиотека», однако, «находилась в употреблении до 1845 или 1846 г., не возбуждая никаких опасений» (см. «Русский Вестник» 1869, ч. III, стр. 235).

части (вышедшей в начале 1802 г.), рядом с одами Ломоносова и Державина, появились стихи юного и ни кому еще не известного Востокова («Осеннее утро» и «Парнасс, или гора изящности») — без имени автора, но с лестным примечанием Железникова (см. ниже, стр. 380). — Вслед за тем целый ряд стихотворений Востокова появился в изданиях Вольного общества любителей словесности, наук и художеств — в «Свитке Муз» (кн. I—II, 1802—1803) и в «Периодическом Издании» (1804).

Еще в 1803 г. Востоков собирался издать собрание своих стихотворений, но только два года спустя вышли в свет его «Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах» (две части, 1805—1806). В «Предуведомлении» к сборнику Востоков писал: «Некоторые из сих стихотворений были за три года перед сим напечатаны и нашли благосклонных себе читателей; чтоб оправдать снисхождение их, предпринял Автор ныне издать Лирические свои опыты... с нарочитыми поправками. Не надлежало, конечно, издавать рано сии опыты, которые и после поправок всегда останутся о п ы т а м и, — но дело сделано. Автору осталось, по крайней мере, ценою тщательной выделки закрыть кой-где скудость предмета. Успел ли он в том — предоставляется судить читателю».

«Опыты лирические» были встречены весьма сочувственно. В дружественном Востокову «Любителе Словесности» Н. Ф. Остолопова писали: «Г. Востоков изданием сочинений своих сделал приятный подарок российской словесности. Читая их, можно чувствовать, что он родился поэтом. Нигде не увидите той п р и н у ж д е н н о с т и, столь свойственной некоторым нашим стихотворцам и прозаикам, сделавшимся писателями против воли природы... Желательно, чтобы чаще выходили подобные книги». [1] Столь же благосклонным был отзыв «Вестника Европы»: «Автор под скромным названием Опытов представляет благосклонности читателей и суду критиков свои сочинения, которыми, как нам кажется, и читатели и критики останутся довольны: те и другие найдут в стихах Г-на Востокова талант, вкус и знания, обещающие много хорошего... Скажем, что Г. Востоков знает — в чем состоит тайна Поэзии, непроницаемая для самозванцев-поэтов. Погрешности не закрывают дарования, которое Г. Автор Опытов обрабатывает

---

[1] «Любитель Словесности» 1806, ч. I, стр. 71—82, и ч. III, стр. 81—90

с таким успехом». [1] От Александра I за поднесенный ему через товарища министра народного просвещения М. Н. Муравьева экземпляр «Опытов» Востоков получил бриллиантовый перстень.

Собственно-литературная деятельность Востокова была недолговременна. Уже в начале 1810-х годов, как поэт, он сходит с литературной арены и обращается к ученым занятиям. После издания «Опытов» он напечатал очень немного новых стихотворений (появлялись они в «Талии» 1807 г., «Цветнике» 1809—1810 гг., «Санктпетербургском Вестнике» 1812 г. и «Сыне Отечества» 1812—1814 гг.). В 1821 г. Востоков вторично издал собрание своих стихотворений, «исправленное и умноженное». [2]

К тому времени, уже окончательно выпавший из литературы, Востоков, естественно, не мог уже рассчитывать на особенно шумный успех своего запоздалого выступления. Книга прошла малозамеченной; впрочем в единственном отзыве о ней, появившемся в «Сыне Отечества», поэтическая деятельность Востокова была расценена высоко: «Возвышенность, благородство и сила чувства, истина мыслей, оригинальность выражения составляют отличительное свойство произведений г. Востокова, который, по свидетельству самых строгих и прозорливых критиков наших, заслуживает имя истинного поэта. И то самое, что некоторым читателям кажется слишком необыкновенным и даже диким, свидетельствует о его собственном, незаимствованном даре. Он уже несколько лет не пишет стихов, которые составляли занятие и услаждение молодых лет его, и ныне издал полное собрание всех своих пиитических произведений, имеющее право на отличное место в библиотеке всякого любителя поэзии». [3]

После издания «Стихотворений» в 1821 г. Востоков окончательно простился с поэзией. Напечатанные им в 1825—1827 гг. переводы сербских песен в счет не идут. Они были скорее результатом его учено-филологических занятий. [4]

---

[1] «Вестник Европы» 1806, ч. XXV, стр. 32—42.

[2] См. объявление о подписке на это издание в «Благонамеренном» 1820, ч. XII, стр. 128—130.

[3] «Сын Отечества» 1821, ч. LXIX, стр. 39—40. Анонимная рецензия эта принадлежит, вероятно, Н. И. Гречу.

[4] Желая привлечь Востокова к участию в альманахе «Урания», М. П. Погодин обратился к нему 4 ноября 1825 г. с «покорнейшей» просьбою: «украсить оный какою-нибудь пиесою» («Переписка А. Х. Востокова», 1873, стр. 239).

Давно я с Музой разлучился,
Играть на лире разучился —

признавался Востоков в позднейшем альбомном стихотворении. И был прав: попытки его вернуться к «беседе с Музой» были крайне неудачны и оставались в портфеле автора. [1]

IV

Сойдя с литературного поприща, Востоков заслужил громкую известность своими учеными трудами. Его называли «отцом славянской филологии», «lumen creator philologiae Slavicae» (Копитар), — и действительно заслуги его в этой области чрезвычайно велики.

Филологией и археологией Востоков начал заниматься еще в ранней молодости (не позже 1802 г.). В печати его первые ученые работы появились только в 1808 г. (грамматические примечания в книге И. М. Борна «Краткое руководство к российской словесности»), но еще прежде он трудился над обширными сочинениями: «Коренные и первообразные слова языка славенского» и «Этимологическое словорасписание», а также разрабатывал проект огромного «Этимологического словаря» (различных, но «единокоренных» языков). Большую роль в развитии научных интересов Востокова сыграл его ближайший приятель и сотрудник А. И. Ермолаев.

Начиная с 1804 г. Востоков много занимался народною словесностью и задумал составить полное собрание народных песен. [2] Занятия эти нашли отражение и в литературной практике Востокова (см. ниже), но полностью реализованы были в замечательном «Опыте о русском стихосложении», впервые опу-

---

На это Востоков ответил: «Я бы за великую честь себе поставил видеть какую-нибудь пиесу мою в альманахе, который вы издавать намерены, но теперь у меня ничего нет готового. Я совсем отстал от поэзии, погрузясь в бездну филологии. Последние стихи, мною писанные, суть переводы некоторых Сербских песен (собрания Вука Стефановича), коими я занимался по просьбе барона Дельвига, поместившего их в «Северных Цветах» (Н. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. I, 1888, стр. 317).

[1] Почти полный список стихотворений Востокова, составленный В. И. Срезневским, приложен к «Запискам А. Х. Востокова о его жизни» 1901, стр. 90—110. Дополнительно см. «Столица и усадьба» 1915, № 48, стр. 12 (переложение «Отче наш» сафическим размером, из альбома П. И. Кеппена, хранящегося ныне в ИРЛИ) и материалы настоящего издания.

[2] В 1810 г. он обращался по этому поводу за содействием к членам Вольного общества любителей словесности, наук и художеств — см. «Журнал министерства народного просвещения» 1890, март, стр. 101—104.

бликованном в «Санктпетербургском Вестнике» 1812 г. (ч. II). В 1817 г. Востоков издал «Опыт» отдельно в расширенной редакции, дополнив его «Критическим обозрением стопосложных размеров, употребительных в российском стихотворстве». Книга эта, посвященная в основной своей части исследованию так называемого «народного» русского стиха, впервые вводила в научный оборот понятие особой системы стихосложения, основанной на счете ударений, а не слогов. Являясь первым глубоким теоретическим обоснованием системы русского тонического стихосложения, «Опыт» Востокова не потерял своего значения и до настоящего времени.

Особенно прославился Востоков своим «Рассуждением о славянском языке» («Труды Общества любителей российской словесности» 1820 г.), в котором были подведены итоги лингвистического спора шишковистов и карамзинистов по вопросу об отношении русского языка к старославянскому, и положено прочное основание славянской филологии как научной дисциплине. В «Рассуждении» Востокова впервые ставилась проблема исторического изучения старославянского языка, проблема «исследования и показания свойств языка и различных его форм, с изменениями, каким подвергались формы сии в продолжение столетий в России и других землях Славянских».

Из других ученых трудов Востокова наибольшей известностью пользуются: «Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея» (1842), в течение долгого времени служившее основным источником сведений о древней письменности; образцовое издание «Остромирова Евангелия» (1842) и две Русские грамматики» — «пространная» и «краткая» (из них первая выдержала с 1826 по 1858 г. девять изданий, а вторая — одиннадцать). [1]

Востоков не принадлежит к числу людей «с биографией». Жизнь его на редкость бедна событиями сколько-нибудь крупного масштаба. На основании немногих и случайных данных, которыми мы располагаем, невозможно построить его биографию, — в том смысле, какой вкладывают в это слово, имея

---

[1] Полный перечень научных трудов Востокова, составленный И. И. Срезневским, см. в книге «Филологические наблюдения А. Х. Востокова», 1865, стр. LVIII—LXIV. — Значение их выяснено акад. И. В. Ягичем в «Истории славянской филологии», 1910, стр. 215—224.

в виду рассказ о жизни, деятельности и общественных отно шениях человека, заслуживающего быть отмеченным в истории его времени. Биография Востокова неизбежно собьется на послужной список или, в лучшем случае, на очерк его академической деятельности.

Оставив поэзию, Востоков жил исключительно интересами своего дела, ограничил сферу своих отношений узким кругом родственников и друзей, и поддерживал связь только с ученым миром. Это была тихая и уединенная, подлинно кабинетная, жизнь труженика и энтузиаста науки, глухого к «житейскому волненью» и чуждого какой бы то ни было «корысти». Не лишним будет заметить, что несмотря на крупнейшие заслуги Востокова перед русской филологией, он и в этой области не нашел, да и не искал, громкого успеха. Его работы были оценены в полной мере много лет спустя, уже после его смерти, а при жизни «отец славянской филологии» испытал не мало профессиональных огорчений в обстановке академической рутины. К этому можно прибавить, что и материальное положение Востокова в течение всей его жизни оставалось очень непрочным: любопытно, что в 1829 г. Российская академия выдала ему 500 рублей для уплаты врачу, лечившему его от заиканья.[1]

Остается упомянуть о служебной деятельности Востокова. В 1804 г. он перешел из Академии художеств в Комиссию составления законов — переводчиком. Здесь прослужил он двадцать лет. Кроме того с 1811 г. он состоял переводчиком же при Департаменте герольдии, в 1815 г. поступил помощником хранителя рукописей (А. И. Ермолаева) в Публичную библиотеку, а в 1818 г. определился старшим помощником секретаря в Департамент духовных дел.

В 1824 г. Востоков остался служить только в Публичной библиотеке. В 1828 г., после смерти А. И. Ермолаева, он занял его место, а с учреждением (в том же 1828 г.) Румянцевского музея (находившегося тогда еще в Петербурге) был назначен его хранителем (позже Востоков был старшим библиотекарем Музея). Со службой в Публичной библиотеке и Румянцевском музее Востоков совмещал обязанности члена и главного редактора Археографической комиссии.

---

[1] М. И. Сухомлинов, История Российской академии, вып. VII, 1885, стр. 371.

В 1844 г., прослужив сорок лет, Востоков вышел в отставку и занялся исключительно научной работой.

Востоков был действительным и почетным членом многих русских и иностранных литературных и ученых обществ, университетов и академий, между прочим: «Общества любителей российской словесности (с 1818 г.), Российской академии (с 1820 г.), Общества истории и древностей российских (с 1823 г.), Академии Наук (корреспондент с 1826 г., академик с 1841 г.), Московского, Харьковского, Пражского, Тюбингенского университетов и пр.

Умер Востоков в Петербурге 8 февраля 1864 г. на восемьдесят третьем году жизни.

V

Если имя Востокова как одного из крупнейших русских ученых XIX века известно достаточно широко и доныне, [1] то собственно-литературная, стихотворческая его деятельность была забыта уже его современниками. А полвека спустя после выхода в свет «Опытов лирических», на страницах «Отечественных записок» было сделано почти сенсационное «открытие»: оказалось, что знаменитый филолог в свое время занимал далеко не последнее место в ряду русских поэтов. [2]

Востоков-ученый заслонил собою Востокова-поэта. Но не следует думать однако, что стихотворческая его деятельность прошла вовсе не замеченной. Не говоря уже о том, что в пределах своего кружка — Вольного общества любителей словесности, наук и художеств — Востоков был непререкаемым авторитетом по вопросам литературного мастерства и эстетического вкуса, опыт его экспериментальной работы над стихом учитывали представители самых различных поэтических школ и направлений начала XIX века.

В сознании современников поэзия Востокова была крупным литературным явлением, и недаром его стихотворения целыми сериями печатались в поэтических хрестоматиях («Собрание русских стихотворений» Жуковского, «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах» Обще-

[1] В «Литературную энциклопедию», впрочем, он не попал.

[2] См. статью Н. Карелкина, А. Х. Востоков, его ученая и литературная деятельность — «Отечественные записки» 1855, т. XCVIII, отд. II стр. 41—70.

ства любителей отечественной словесности, «Пантеон российской поэзии» Никольского).

Глава старшего поколения архаистов Шишков, выдвигал кандидатуру Востокова в члены Российской академии, особо отметил его заслуги в области поэзии. [1]

Убежденный и воинствующий классик А. Палицын, не столько архаист, сколько архаик, в своем «Послании к Привете» (1807) отзывался о молодом стихотворце достаточно благосклонно, осуждая, впрочем, его за вредное пристрастие к новшествам:

Готовится певец нам с летами — Востоков:
В нем есть познания, и дар, и вкус, и ум,
И много стихотворных дум, —
Когда б он более держался тех уроков,
Какой меж прочих нам оставил Сумароков
В бессмертной басенке к Мотонису своей...
Ты этой басенки конца не позабудь:
«Во век отеческим языком не гнушайся,
И не вводи в него
Чужого ничего,
Но собственной своей красою украшайся».
Фантазий новых нам в стихи ты не вводи,
И вместо их слова природны находи,
Да более переводи:
Полезнее сто раз с творцов великих списки,
Чем подлинники низки...

Но этот голос литературного старовера был одиноким. Именно новаторские тенденции Востокова, — а он на рубеже XIX века был конечно одним из наиболее видных реформаторов русского стиха, — вызывали живые отклики в литературной среде.

Известный реакционер А. С. Стурдза, не бывший цеховым литератором, но тесно связанный с «Беседой любителей русского слова», в глубокой старости засвидетельствовал, что «когда-то страстно любил, изучал и перенимал» стихотворения Востокова — «задумчиво-прекрасные, в которых дышит истинный лиризм и пленяет читателя классическое разнообразие размеров». [2]

---

[1] См. «Известия Российской академии», кн. IX, 1820, протокол от 5 июня.

[2] Беседа любителей русского слова и Арзамас. Мои воспоминания — «Москвитянин» 1851, ноябрь, кн. I, стр. 16.

Представитель младшего поколения архаистов Кюхельбекер отводил Востокову почетное место в ряду замечательнейших русских поэтов «от Ломоносова до Жуковского»[1] и особо подчеркивал его выдающуюся роль в истории борьбы за обновление русского стиха (см. ниже).

Литераторы кармзинистской ориентации — «очистители языка» — также высоко расценивали стихотворения Востокова. Пурист Дмитриев назвал их «прекрасными», а самого Востокова — «истинным поэтом», высказав только пожелание, «чтоб он убегал низких слов, как то: и з т о м и т ь вместо утомить, п о д м о г а... да исправнее был в рифмах».[2] «Вы предупредили мое желание, показав нам опыты с разных размеров греческих и римских», писал Дмитриев Востокову. «Мне давно хотелось, чтобы поэты наши пели не одним только ямбом и хореем: чем более перемен в музыке, тем более удовольствия для слушателя. Все показанные вами размеры приятны и в нашей поэзии, кроме Горацианского, употребленного вами в пиесе: К Борею».[3]

Батюшков в своей программной «Речи о влиянии легкой поэзии на язык» (1816) отмечал «стихотворения Востокова, в которых видно отличное дарование поэта, напитанного чтением древних и германских писателей».[4]

Жуковский выговаривал Александру Тургеневу: «По письму твоему вижу, что ты не очень жалуешь Востокова. Грешишь, любезный друг, этот человек с истинным стихотворным талантом. Я предсказываю, что он будет одним из хороших наших стихотворцев. Надобно ему только очистить слог. В его стихах виден человек с мыслями, с чувством, с воображением, и исполненный духом древних. Желаю от всего сердца ему образования и успеха».[5]

Для характеристики благожелательного, в общем, отношении к Востокову младших карамзинистов-арзамасцев можно

---

[1] О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие—«Мнемозина», ч. II, 1824, стр. 29.

[2] Письмо к Д. И. Языкову 1803 г.—«Русский Архив» 1868, № 7 — 8, стбц. 1082—1083.

[3] Письмо 1806 г. — «Переписка А. Х. Востокова», 1873, стр. XXIV.

[4] «Сочинения К. Н. Батюшкова» , т. II, 1885, стр. 242.

[5] Письмо 1809 г. — «Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу», 1895, стр. 50. — Жуковский собирался писать о Востокове в «Вестнике Европы», полагая, что Каченовский в своем отзыве об «Опытах лирических» Востокова «говорил очень недостаточным образом о его таланте». Намерения своего Жуковский, однако, не осуществил.

привести позднейший отзыв самого Александра Тургенева: «Много в поэзии его прекрасного, но и в ней он иногда кажется заикою. Есть какая-то петровская шероховатость, уравненная большим вкусом и образованностью нашего времени, но он истинный поэт... Часто и неумолимый Блудов называет его поэтом». [1]

Также и Вяземский, много лет спустя, высмеяв «довольно нестройные и смешные» стихи Востокова:

О какая гармония
В редкий сей ансамбль влита, —

тут же «поспешил оговориться»: «Кроме того, что он искупил их, а может быть и другие стихотворные промахи, своею глубокою и многополезною ученостью, он и как поэт, в начале нынешнего столетия, явил несомненные признаки дарования. Он был нередко поэтом мысли и чувства. Если ухо не могло заслушиваться музыкальности стиха, то стих его часто поражал читателя внутренним достоинством... В поэзии Востокова отзывается немецкое происхождение его. В ней преобладает германская стихия, хотя почти везде выражающая себя правильною русскою речью. Он часто и нередко удачно покорял русскую просодию разнообразным метрам древних языков». [2]

Плетнев в 1844 г., вспоминая, как он и Дельвиг «некогда перечитывали» стихи Востокова, нашел в них, «несмотря на устаревший их язык, много истинной поэзии». Заслугу Востокова Плетнев видел в том, что, «начав писать ранее Жуковского [что, кстати, не совсем справедливо.—*В. О.*], он явно отделился от Державинской школы и, обогатившись сокровищами латинской и немецкой поэзии, внес в это искусство разнообразие всех метров древних и новейших, и придал стихам новость содержания, несколько живых красок и свободу в выборе предметов». [3]

Все эти довольно длинные цитаты приведены здесь со специальной целью. Во-первых, ими исчерпывается весь дошед-

---

[1] Письмо к П. А. Вяземскому 1819 г. — «Остафьевский архив», т. I, 1899, стр. 258.— Характерна ссылка Тургенева на Д. Н. Блудова, бывшего в «Арзамасе» наиболее ортодоксальным блюстителем карамзинистских традиций.

[2] Старая записная книжка—«Русский Архив» 1874, т. I, стбц. 1340—1341.

[3] «Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. II, 1896, стр. 231. Не случайно упомянут Плетневым Дельвиг, в творчестве которого явственно различимы следы влияния, оказанного Востоковым. В этом смысле следует проанализировать «русские песни» Дельвига и его опыты «подражаний древним».

ший до нас материал, свидетельствующий о восприятии поэзии Востокова его современниками;[1] во-вторых, приведенные отзывы позволяют поставить вопрос о Востокове-поэте в историческом плане.

При этом нужно отметить два обстоятельства. Прежде всего, критические замечания, сделанные архаистами и карамзинистами, при общей положительной оценке стихотворной деятельности Востокова, — шли по разным, даже противоположным, направлениям. Если иные возражали против пристрастия Востокова к «новшествам», к «новым фантазиям», то другие, наоборот, находили в его стихах «петровскую шероховатость», «нечистый слог» и «низкие слова». В то же время и те и другие особое внимание обращали на «немецкое происхождение» стихов Востокова и отличающее их «разнообразие метров».

VI

Годы, в которые протекала непродолжительная литературная деятельность Востокова, составили целую эпоху в истории русской поэзии. Это была эпоха, ознаменованная утверждением нового литературного сознания, выработкой новых эстетических норм, обновлением лексического аппарата и средств организации стиха, вообще разрушением классицистической поэтики XVIII столетия, изменением самого понятия «литература» и переосмыслением ее социальной функции.

Для правильного понимания русского литературного процесса в 1790—1800-е гг. во всем его объеме следует в первую очередь пересмотреть вопрос о литературной борьбе, разгоревшейся в эту переломную эпоху с особенной силой. Одним из важнейших участков этой борьбы был поэтический язык. Шумная распря шишковистов и карамзинистов по вопросу о «старом» и «новом» слоге служила выражением обостренной идеологической борьбы феодально-крепостнических и буржуазных тенденций экономического и общественного развития, и вскоре же переросла первоначальный предмет спора. Центр полемики переместился с вопросов чисто лингвистических на вопросы общелитературного порядка, а вслед затем и на еще более отвлеченные вопросы культуры, политики и социальной

[1] Не считая трех кратких рецензий на его книги, о которых упоминалось выше.

1850 24

истории. Шишков прямо указывал, что европеизированный язык Карамзина и его соратников служит каналом, по которому в русское общество проникают идеи «безверия», «своевольства» и «пагубной философии», породившие французскую революцию.

Однако, не следует преувеличивать реальное историческое значение идеологической и политической борьбы шишковистов и карамзинистов. Борьба эта была внутриклассовой борьбой и выражала противоречие интересов всего лишь различных групп одного господствующего класса дворян-землевладельцев.

Шишков был идеологом группы крупнопоместного консервативного дворянства, Карамзин в известном смысле может быть назван идеологом среднедворянского слоя, причастного увлечениям идеями западноевропейского либерализма, но по словам Маркса, сказанным по иному поводу, — и тот и другой равно «фактически представляли реакционный классовый интерес». Общность их исходной классовой позиции блестящим образом подтвердилась спустя несколько лет, как только потребовала этого изменившаяся политическая ситуация.

Ограничиться одной распрей шишковистов и карамзинистов — значит донельзя сузить вопрос о классовой борьбе в русской литературе на рубеже XVIII и XIX веков. А такая борьба шла, и даже с немалым ожесточением. Традиционное противопоставление имен: Шишков — Карамзин в этом плане ничего объяснить не может; противопоставление имен: Карамзин — Радищев объясняет многое.[1]

---

[1] Впервые это положение было выдвинуто мною в статье «Пнин-поэт» («Сочинения Ивана Пнина», М. 1934). В. Ваганян в «Красной Нови» (1934, кн. VIII стр. 207—208) сделал по этому поводу ряд возражений, которые в основном сводятся к следующему: поскольку «социальная обстановка в России была осложнена, совершенно естественно идеологическое отражение воспроизводит сложность отношений действительности нарушением прямой зависимости между социальным бытом и идеологией, осложняя ее различными отклонениями от нормы». Из этого т. Ваганян делает тот вывод, что «подобно тому, как неверно сводить классовую борьбу к борьбе двух «слогов», подобно этому несерьезно втискивать ее в рамки борьбы локальных групп», — имея в виду при этом группы «карамзинистов» и «радищевцев». — В. Ваганян прав, когда пишет об осложненности социальной обстановки в России на рубеже XVIII—XIX вв. Дабы не плодить дальнейших недоразумений, должен заметить, что установление незамеченной в свое время антиномии «радищевцы — карамзинисты», конечно, не решает вопроса о классовой борьбе в литературе 1790—1800-х гг. во всем его объеме, но безусловно проясняет общий рисунок расстановки и взаимоотношений классовых сил в указанное время. — Соглашаясь, что «Шишков и Карамзин... в общем были идеологами дворянства», т. Ваганян находит «осложняющие своеобразия»

Полемика во попросу о литературе и ее социальной функции носила в эпоху 1790—1880-х гг. чрезвычайно широкий и принципиальный характер. В центре полемики стояли не только проблемы литературного стиля (в широком значении этого слова), но также и проблемы «идеологизации» литературы, в области поэзии сводившиеся прежде всего к задаче насыщения стиха идейно-смысловым содержанием. Острота полемики вокруг проблемы «идеологизации» литературы усугублялась еще благодаря тому обстоятельству, что именно в эту эпоху усваивается новая точка зрения на художественное, слово как на отличное средство идейной борьбы, — стих приобретает конкретно-агитационное значение.

Различные группы писателей, выражавшие различные классовые тенденции, решали задачу «идеологизации» литературы не одинаково. Здесь не место выяснять вопрос об оппозиционных настроениях в литературе павловской и александровской эпох, достаточно лишь указать, что процесс становления и первоначального развития буржуазной идеологии в области литературы, явственно различимый уже во вторую половину XVIII

в том, что шишковисты «выставили идею национального самодовления», являющуюся «в ее первоначальной стадии одним из непременных составных элементов буржуазно-демократической национальной идеи»; в том, что «карамзинисты отстаивали со значительными неизбежными ужимками идею демократизации языка»; в том, что радищевцы «были тоже дворяне, хотя и не из очень благополучных». Из всего этого следует вывод: «Значит (?!), противопоставление Карамзин — Радищев еще ясности не вносит... если предварительно не внесена ясность в социологические понятия исследователя». Но, говоря об «идее национального самодовления», необходимо учитывать, в каком варианте она проявляется, поскольку она далеко не всегда являлась «составным элементом буржуазно-демократической национальной идеи» и подчас носила откровенно реакционный характер, служила отличным оружием в руках защитников феодально-крепостнических отношений; в связи с деятельностью Шишкова, в частности, она никак не служит к упрочению концепции т. Вагаяна. Что же касается «идеи демократизации языка», якобы защищавшейся карамзинистами, то по сути дела картина была как раз обратная: карамзинисты стремились к закреплению в речевом обиходе салонного языка «для немногих», синтаксически и семантически ориентированного на французский литературный язык. Архаисты же, отстаивавшие права старого церковно-книжного языка, имели основание претендовать на его более объемлющее значение, поскольку формами именно этого языка, а не салонного жаргона карамзинистов, владели такие широкие общественные группы, как духовенство, купечество, мещанство, мелкий чиновный люд, провинциальное дворянство и грамотное крестьянство. Уже сверх этого Шишков рассматривал «славянщину» как панацею от пагубного влияния революционной Франции. Налицо — действительно одно из «осложняющих своеобразий», но имеющее значение обратное тому, которое видит в нем т. Ваганян. И, наконец, по поводу «дворянства» радищевцев возникает вопрос: насколько уместно подменять исследование идеологии апелляцией к сословному происхождению, указывая при этом на недостаточную ясность чужих социологических понятий. Кстати, замечание фактологического порядка: радищевцы (имея в виду наиболее видных и примечательных представителей группы, ее «идеологов») не были дворянами, — или т. Ваганян считает дворянами Пнина и Востокова?..

века, в эту эпоху приобретает более конкретные очертания Связанная с именем Радищева линия мелкобуржуазного радикализма была продолжена в годы «александровской весны» литераторами и публицистами Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Членам этого кружка с достаточными основаниями может быть присвоено звание «радищевцев».

Полемика вокруг «старого» и «нового» слога обычно трактовалась слишком упрощенно, как борьба двух (и единственных) течений в литературе 1800-х гг. Между тем в каждом из этих течений легко различимы отдельные струи, не только не совпадавшие друг с другом, но принимавшие подчас совершенно разные направления. Еще до недавнего времени историко-литературная традиция не пыталась даже диференцировать эти течения, но так как литературная борьба 1800-х гг. в целом — была сложна и полемикой шишковистов с карамзинистами отнюдь не покрывалась, то все литературные явления, не укладывавшиеся в тесные рамки столь примитивной схемы, либо вовсе не принимались в расчет, либо, в случае нужды, насильственно и бездоказательно «подгонялись» к той или иной группе. Таким образом целый ряд поэтов (и даже литературных объединений) был зачислен, без достаточных к тому оснований, либо в «союзники» Шишкова и его партии, либо в «союзники» Карамзина и его окружения.

Однако, не говоря уже о том, что течения архаистов и карамзинистов (именно течения, а не группы) были очень широкими и четкие границы их установить трудно (на иных участках они даже смыкались друг с другом), — на ряду с ними существовали и немаловажную роль играли также и группы промежуточные, без учета которых нельзя составить точное и полное представление о литературной эпохе 1800-х гг. Такими группами были: Дружеское литературное общество братьев Тургеневых и Кайсаровых, где рядом с Мерзляковым мы видим Жуковского; Оленинский кружок, в составе которого были такие поэты, как Крылов и Гнедич; Вольное общество любителей словесности, наук и художеств.

О промежуточности позиций поэтов Вольного общества, об эклектичности их установок — в равной мере свидетельствуют их теоретические высказывания и литературная практика. Они с большой свободой сочетали некоторые принципы одической поэзии Державина, Капниста и других поэтов XVIII

века (речь идет, разумеется, не о простом использовании готовой поэтической системы, но о переосмыслении и деформации отдельных ее элементов) со многими программными положениями «очистителей языка»,— поскольку основная проблема, стоявшая перед группой, проблема «идеологизации» литературы, в известной мере покрывалась провозглашенным карамзинистами лозунгом борьбы за семантически-весомое слово (за счет разрушения «бессмысленного» одического «грома»). Это был принципиальный и теоретически осмысленный эклектизм с установкой на конгломерацию двух поэтических систем, сосуществовавших в литературном сознании эпохи 1800-х гг.

На том шатком основании, что программные установки поэтов Вольного общества по некоторым пунктам совпадали с литературно-теоретическими положениями карамзинистов,— их нередко брали за одни скобки. Вольное общество объявлялось своего рода «союзной державой» карамзинской школы, выступавшей с ней рука об руку против архаистических принципов. Подобное представление в корне ошибочно.

Достаточно обратиться к теоретическим высказываниям такого видного представителя группы, как И. М. Борн, чтобы вопрос немедленно же осложнился. Борн писал именно по «больному» вопросу о языке: «Какой неисчерпаемый источник имеем мы в славянских книгах! Сколь богат, силен и благозвучен язык славяно-российский! Не быв пристрастен к боязливой очистке языка (Purism), нельзя однакож без некоего негодования на нерадивость многих переводчиков видеть в сочинениях и переводах их не только худосложенные новые слова, но и целые предложения, свойству языка вовсе противные... Зачем же и без нужды раболепствовать и подражать чужому, когда имеем свое, нередко чужое превосходящее? Зачем многозначительную краткость и благородную простоту славянскую переменять на вялое и надутое многословие?» [1]

Полемический смысл этого высказывания совершенно ясен. Употребленное Борном слово «переводчики» нужно понимать в данном случае шире его обычного значения: имеются в виду подражатели (Борн пишет не только о переводах, но и о сочинениях «переводчиков»). Это — стрела в лагерь карамзинистов, которым предъявляется самое страшное для них об-

[1] «Краткое руководство к российской словесности», 1808, стр. 131—132.

винение — в «вялом и надутом многословии». Борн бьет карамзинистов тем самым оружием, которым они в свою очередь били шишковистов.

Характерно также, что поэты Вольного общества уклонились от участия в полемике 1803 г., развернувшейся вокруг шишковского «Рассуждения о старом и новом слоге». Однако тот же Борн писал, что Шишков своим «Рассуждением» «весьма много способствовал к обращению всего нашего внимания к чистоте и богатству языка». [1] В то же время отзыв его о Карамзине крайне сдержан; как о поэте он о Карамзине вообще ничего не сказал, «заметив» вскользь, что «проза сего писателя составила как бы новую эпоху в нашей словесности», и очень резко ополчившись на подражателей Карамзина, «рабски прилепляющихся» к его слогу. [2] В журналах, служивших неофициальными органами Вольного общества («Северный Вестник», «Журнал российской словесности») появлялись резкие отзывы о Карамзине и его литературном окружении.

Все это нимало не напоминает дружеских, союзнических, или даже просто добрососедских отношений. Замечу также, что выпады Борна относятся к тому времени, когда принципы карамзинистов внешне уже восторжествовали над архаистическими, — это обстоятельство подчеркивает полемическую остроту его высказываний.

Во всяком случае нет решительно никаких оснований соглашаться с утвердившимся с давних пор мнением, будто именно в Вольном обществе «проявилось живое сочувствие Карамзину». [3] О таком сочувствии можно говорить, да и то с оговорками, лишь в отношении некоторых отдельных представителей группы, чьи литературно-эстетические мнения не совпадали с основными тенденциями всей группы в целом, особенно в начальные годы ее существования (1801—1807).

При ближайшем рассмотрении выясняется, что поэты Вольного общества вели настойчивую и планомерную борьбу «на два фронта» — одновременно и против «ветхого» классицизма

---

[1] Ibid., стр. 159.
[2] Ibid., стр. 160.
[3] Точка зрения Л. Н. Майкова — см. «Сочинения К. Н. Батюшкова», т. I, 1887, стр. 37 первой пагинации. — Это мнение пользуется кредитом у исследователей и в наше время; так, напр., Д. Д. Благой называет Вольное общество «главным штабом антишишковистов», а членов Общества — «решительными противниками Шишкова и безусловными сторонниками языковой теории Карамзина» (см. К. Н. Батюшков Сочинения, 1934, стр. 22 и 632).

шишковистов (но не архаистических тенденций вообще), и против «слащавой» чувствительности, эстетизма и камерного стиля стихотворцев карамзинского цеха. При этом, если борьба с классиками у поэтов Вольного общества носила характер о т т а л к и в а н и я от их принципов, то борьба с Карамзиным и его школой принимала формы принципиальной о п п о з и ц и и. При этом та и другая переводились в плоскость борьбы идейной.

VII

Вопрос о происхождении, специфике и границах так называемого русского сентиментализма не выяснен до настоящего времени. Самый термин «русский сентиментализм», которым так свободно оперировала история литературы, — совершенно условен и ни в какой мере не покрывает собою сложной системы переплетающихся линий литературного новаторства в эпоху 1790—1800-х годов, указывая всего лишь на один из ее вторичных, результативных, признаков — «чувствительность».

Сентиментализм был занесен в русскую литературу с Запада, где культ природы, естественности и «нежных чувствований», широко охвативший почти все европейские литературы начиная примерно с 1780-х гг., был связан с процессом разрушения социально-экономического благополучия господствующего класса. На первых порах культ этот явился реакцией против тяжеловесной культуры классицизма. Подымавшаяся во второй половине XVIII столетия буржуазия восприняла и развила это первоначально дворянское течение, заострив его социальный смысл в плоскости идей эгалитаризма, основанных на теории естественного права. Главная роль в деле выработки буржуазно-сентиментального стиля принадлежала Руссо, противопоставившему безидейному культу приукрашенной природы, нежной слащавости и слезливости свою проповедь естественной свободы и критику социального неравенства.

Идеи Руссо были восприняты в той или иной мере и в России почти всеми, за малыми исключениями, писателями, которых историко-литературная традиция обозначала общим наименованием «сентименталисты». Сюда попадают и Радищев, и его последователи из Вольного общества, и Карамзин со своей школой. Между тем отношение к Руссо у Радищева и у ради-

шевцев, и у Карамзина и карамзинистов — было неодинаковое. Два крупнейших литературных памятника эпохи — «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) и «Письма русского путешественника» (1792) с достаточной ясностью свидетельствуют о несовпадении точек зрения их авторов на Руссо, этого, по словам Вяземского, «красноречивого и повелительного оракула века своего, бывшего и Самсоном, потрясающим столпы общественного здания, и чуть ли не пастушком, который созывает всех итти за ним в новую Аркадию пасти овечек и восхищаться восхождением и закатом солнца».

Здесь Вяземский совершенно правильно подчеркнул двойственность роли, которую сыграл Руссо вообще, в русской литературе в частности. «Не думая, не гадая», писал Вяземский, «Руссо создал по себе многих кровожадных метафизиков французской революции и многих Шаликовых с посошком в руке и полевыми цветами на шляпе, непорочно питающихся одним медом и молоком».[1] Именно это несовпадение точек зрения на Руссо позволяет раскрыть истинный смысл антагонизма радищевцев и карамзинистов, под знаком которого на рубеже XVIII—XIX веков в России развертывался начальный процесс становления мелкобуржуазной литературы, выражавшей тенденции не только буржуазно-либерального порядка (Пнин, Д. И. Языков), но и радикально-демократического (В. В. Попугаев, И. М. Борн).

В сознании большинства своих современников Карамзин пользовался довольно устойчивой репутацией либерального писателя. Только в конце десятых годов репутации этой был нанесен первый серьезный ущерб (критика «Истории государства российского» в кружках деятелей тайных обществ, эпиграммы Пушкина). Шишков, полемизировавший с Карамзиным по вопросу о языке и стиле, еще брал под подозрение политическую благонамеренность своего противника, обвиняя его в пропаганде безбожия, в рассевании «якобинской заразы». Здесь не место доказывать, сколь необоснованны были подозрения Шишкова (или, спустя несколько лет, П. И. Голенищева-Кутузова, написавшего на Карамзина донос). Правда, в ранние годы своей литературной деятельности Карамзин отдал некоторую дань модному увлечению либеральной фразеологией, —

[1] Старая записная книжка — «Полное собрание сочинений кн. П. А. Вяземского», т. VIII, 1883, стр. 204.

ему, будущему автору «Записки о древней и новой России», принадлежит крылатая фраза: «Я в душе республиканец и таким умру!» Подобного рода декламация, а также пресловутый космополитизм — окрашивали иные страницы «Писем русского путешественника» в тона, пусть неясного и расплывчатого, но все же эмоционального «вольнолюбия». При этом старались не замечать, что в тех же «Письмах» Карамзин выступал с самым презрительным осуждением революционных событий и с защитой старого порядка».[1]

Карамзин называл Руссо «величайшим из писателей осьмогонадесять века»; он, а вслед за ним и все его литературные спутники, многое взяли из литературно-эстетической теории Руссо (хотя и с известными ограничениями). Но карамзинистам остались совершенно чужды социально-политические идеи автора «Contrat Social»; они находили у Руссо одну лишь «сладкую чувствительность», идеализацию природы, чувства, вражду к рационализму. Карамзин не сумел подыскать для характеристики Руссо иных слов, как «нежный живописец чувствительности». Социально-политический смысл «чувствительных» сочинений Руссо, как и вообще всей просветительной литературы XVIII века, Карамзиным раскрыт не был. Больше того: взяв от Руссо идею «чувства» как чисто-эстетическую категорию, Карамзин поставил ее на службу своей собственной идеологии, идеологии крепостника и политического реакционера. И не даром в своей литературной практике Карамзин ориетировался не столько на Руссо, сколько на близких ему «по духу» Гесснера, Галлера, Козегартена и др., под пером которых якобинские идеи Руссо преобратились в свою прямую противоположность.

Карамзин очень быстро освободился от вредных «иллюзий молодости», от космополитических настроений и либеральной декламации:

... время, опыт разрушают
Воздушный замок юных лет;

---

[1] В. В. Сиповский в своей книге «Н. М. Карамзин — автор Писем русского путешественника» (1899, стр. 165) приводит любопытные исправления, внесенные Карамзиным во второе издание «Писем» (1797 г.). Например, вместо: «бунтовал тамошний народ» он писал: «бунтовала тамошняя чернь», вместо: «уличный шум» — «шум пьяных бунтовщиков». Смысл этих поправок ясен: они сводились к дискредитации дела революции. В тех же «Письмах» Карамзин писал: «Всякое гражданское общество, веками утвержденное, есть святыня для добрых граждан, и в самом несовершеннейшем надобно удивляться чудесной гармонии, благоустройству, порядку... Всякие же насильственные потрясения гибельны... Мудрые знают опасность всякой перемены и живут тихо».

Красы волшебства исчезают...
Теперь иной я вижу свет, —
И вижу ясно, что с Платоном
Республик нам не учредить —

писал он в «Послании к И. И. Дмитриеву» (1794). А в 1801 году, в момент всеобщего либерального подъема, он счел нужным напомнить об «ужасной революции, которая останется пятном восьмогонадесять века, слишком рано названного философским». «Но девятыйнадесять век», призывал Карамзин, «должен быть счастливее, уверив народы в необходимости благодетельного, твердого, но отеческого правления».

Карамзин был типичнейшим дворянским сентименталистом, сглаживавшим все противоречия социальной действительности, усердно идеализировавшим крепостнические отношения. В полемике с шишковистами он очень хорошо понял политическую сторону спора и вскоре же из тактических соображений сдал по существу все свои позиции, отказавшись от борьбы с литературными противниками. Избрание Карамзина в почетные члены «Беседы любителей русского слова», — этого литературного центра реакционеров 1810-х годов, — является отнюдь не случайным фактом его биографии.

Философские, социально-политические и эстетические мнения радищевцев (имея в виду основное ядро группы — Пнина, Попугаева, Борна, Шубникова и др.) слагались в значительной мере под влиянием идей французской материалистической литературы XVIII века, — и в их творчестве идеи эти нашли достаточно полное и четкое выражение. Однако материализм и рационализм Гольбаха и Гельвеция, политические теории энциклопедистов, критика социального неравенства Мабли и Рейналя, учение о законности Монтескье, Филанджиери и Беккарии — все это, составлявшее их идеологический багаж, было преломлено в их литературной практике сквозь руссоизм с его «философией чувства», идеализацией «естественного состояния» и моралью, основанной на глубокой вере в нравственное совершенство человеческой природы. У радищевцев имя Руссо пользовалось исключительно большим уважением, но прежде всего как имя политического писателя, революционного идеолога, а не «нежного живописца чувствительности», каким он был для дворянской сентиментальной школы Карамзина.

Разумеется, революционность радищевцев нужно понимать

ограниченно, учитывая всю совокупность условий русской общественной действительности конца XVIII — начала XIX вв., когда занесенная к нам с Запада идеология революционной буржуазии принимала специфически-«русские», подчас более чем противоречивые, формы и, как правило, теряя при этом в своей агрессивности, переключалась по большей части в плоскость литературной защиты принципов буржуазного либерализма.

VIII

Среди поэтов Вольного общества Востоков, быть может, наименее «гражданский». Он и вообще был наименее «правоверным» радищевцем и занимал в кружке по существу обособленное положение, поскольку там преобладали интересы не литературные, а социально-политические и философские, насыщенные идеями просветительной литературы XVIII века в ее французском и итальянском вариантах. [1] Востокову были глубоко чужды мелкобуржуазный «якобинизм» и материалистические увлечения Радищева и его идейных наследников, а из теорий Руссо он также не сумел сделать достаточно четких выводов. Объяснение этому следует искать в ориентации Востокова на немецкую культуру.

В одном из ранних своих стихотворений (ода «Парнасс или гора изящности», 1801 года) Востоков перечислил «из множества поэтов, встречавшихся сновидцу на Парнассе, тех, коих лица были ему тогда познакомее»:

Клопшток, Мильтон в короне звездной
Сияли по странам его. [2]
Там Геснер, Виланд, Клейст любезной —
Поэты сердца моего.
Там Лафонтен, питомец граций,
Анакреон, Насон, Гораций,
Виргилий, Тасс, Вольтер, Расин.
О, радость! Зрелись и из россов
Великий тамо Ломоносов,
Державин, Дмитрев, Карамзин...

---

[1] См. мою статью «История Вольного общества» в сборнике «Поэты-Радищевцы — «Библиотека поэта», 1935.

[2] Гомера.

Подбор имен достаточно пестрый и в значительной мере традиционный. Не говоря уже о таких ходячих штампах, как «Гораций» и «Ломоносов» (самые рифмы: Гораций — граций и Ломоносов — россов были глубоко-традиционны, их можно найти у любого поэта конца XVIII — начала XIX веков), подбор имен немецких писателей, открывающих перечень в качестве «поэтов сердца» Востокова, нельзя назвать оригинальным. Те же имена, и в том же примерно сочетании, встречаются у Карамзина (см., напр., его стихотворение «Поэзия», 1787 г.). Но у Востокова в данном случае ссылка на Клопштока, Гесснера, Виланда и Клейста была не только данью традиции: она служила также выражением его литературной ориентации.[1]

Немецкое влияние в русской поэзии конца XVIII — начала XIX веков было в общем незначительным. Из поэтов старшего поколения более других испытал его Карамзин; что же касается литературной молодежи восьмисотых годов, то оно заметно проявлялось лишь в Дружеском литературном обществе, откуда вышел Жуковский,[2] и в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств, где проводниками его, кроме Востокова, были Каменев и отчасти Бенитцкий, Борн и В. Красовский.

В противоположность влиянию французскому, немецкое влияние в русской литературе всегда отличалось господством интересов отвлеченных — философских, религиозных и эстети-

---

[1] Что касается Карамзина, то лестное упоминание о нем в оде противоречит как будто действительному отношению к нему Востокова. Во всяком случае, если в 1794 г. Востоков со своими товарищами по Академии художеств зачитывался Карамзиным, то уже несколько лет спустя они подсмеивались над «чувствительными петиметраниками», тронутыми «жалкой историей» бедной Лизы. Ближайший приятель Востокова И. А. Иванов в 1799 г. писал ему о Карамзине в весьма многозначительном тоне: «Мне кажется, он был некогда таковым, каким он по сочинениям своим прежде тебе казался, жил так, как в книжках пишут, пока не вступил в большой свет. Ему в доказательство можно поставить послание его к Дмитриеву: он там говорит, что мы в юности располагаем план будущей жизни так и так, по книжному, но, узнавши людей, с сожалением увидим, что так между ими не можно жить, — ты может быть сию пиесу наизусть знаешь. Она, мне кажется, положила предел Карамзиновой невинной жизни. С сих пор он, видя, что оная между людьми совсем не у места, и находя себя имеющим право пользоваться мирскими благами так, как все пользуются, вырывая друг у дружки, стал жить как у м н о й ч е л о в е к» («Переписка А. Х. Востокова», 1873, стр. IX—X). Напомню, что речь в письме Иванова идет именно о том стихотворении Карамзина, в котором он громогласно раскаивался в своих юношеских либеральных заблуждениях.

[2] В Дружеском литературном обществе «получали все, что в изящной словесности выходило в Германии, переводили повести и драматические сочинения Коцебу, пересаживали, как умели, на русскую почву цветы поэзии Виланда, Шиллера, Гете» (Александр Тургенев, Отрывок из записной книжки путешественника — «Современник» 1837, т. V, стр. 304).

ческих — над общественно-политическими и экономическими. Процесс общеевропейского буржуазного развития в феодальной Германии конца XVIII—начала XIX веков в силу особых исторических условий принимал довольно своеобразные формы. Сравнительно с Англией и Францией, Германия была в экономическом и в политическом отношениях страной отсталой, по преимуществу аграрной, со всеми пережитками крепостнического строя. К концу XVIII века Германия уже вступила отчасти на путь буржуазного развития, но, сравнительно с буржуазией английской и французской, молодая немецкая буржуазия была неизмеримо более слабой и рептильной. Она начисто отказалась от методов агрессивной борьбы за установление буржуазно-демократического строя. В соответствии с этим и немецкая буржуазная литература политически была весьма пассивна. Если во Франции революционная буржуазия чаще всего выступала под знаменем воинствующего материализма или якобинской доктрины Руссо, то социально-политические интересы немецких буржуазных идеологов, питавшиеся и определявшиеся революционной борьбой французской буржуазии против «старого порядка», как правило, сублимировались и выражались в отвлеченной сфере идеалистической философии, религии, морали и эстетики. Этот процесс сублимации был отмечен Марксом («Так как немецкие экономические отношения находились на низкой ступени развития, то немецкий бюргер мог воспринять буржуазную идеологию только в ее абстрактной форме») и прекрасно освещен в одной из последних работ А. В. Луначарского: «Социальная активность, не выражающаяся в действии», пишет Луначарский, имея в виду немецких буржуазных идеологов XVIII века, «преломляется в фантазию, в художественные образы, которые передаются в музыке, книгах и картинах, в замечательные узоры всяких идейных положений. Это тоже творчество буржуазной культуры, этим тоже кладется начало борьбы со старым порядком, со старыми идеями, но эта борьба ведется только словом, идейным оружием. Немецким мыслителям той поры присуще недоверие к непосредственной активности, к практическому делу, как таковому. Они склонны понимать самую суть мира, понимать самое существо человека идеалистически, — работа фантазии, напряженной мысли для них особенно дорога, именно ею они жили... Но мало того, идеологи немецкой бур-

жуазии не могли вообще свободно развернуться даже и в той области, деятельность в которой была им доступна, — даже их художественные творения заражены духом известной отсталости, остаются в плену того порядка, который существовал в Германии и сильно разнился от порядка, существовавшего в других западноевропейских странах». [1]

Этот особый характер буржуазного развития Германии определил, между прочим, и роль, которую сыграл в немецкой литературе конца XVIII века Руссо. Если французская передовая буржуазия нашла в Руссо наиболее красноречивого и принципиального защитника своих интересов, то в Германии идеи Руссо, хотя и встретили горячий отклик у представителей буржуазной литературной молодежи эпохи Sturm und Drang'a, но не нашли сколько-нибудь заметного отражения в области социально-политических отношений, послужив лишь к утверждению культа «сильной личности» (Kraftmensch), явившегося, в свою очередь, реакцией на филистерский дух, отличавший «общественное поведение» рептильного бюргерства предшествовавшей эпохи.

В Германии идеи Руссо наиболее глубокое отражение нашли в творчестве поэтов так называемой Гёттингенской школы, знаменем которой был высокопочитаемый Востоковым Клопшток. — В истории немецкой поэзии Клопшток открыл одну из самых блестящих ее страниц, носящую название «периода бурных стремлений». Он первый из немецких поэтов начал борьбу с классицизмом Готшеда и его школы, явился проводником в немецкой поэзии идей Руссо, Мерсье и английских сентиментальных поэтов, предпринял коренную реформу немецкого стиха и проложил пути штюрмерам 1770—1780-х годов, подготовившим появление Гёте и Шиллера.

Востоков был хорошо знаком с творчеством Клопштока и поэтов Гёттингенской школы (Бойе, Крамер, Фосс, Гельти, Миллер, Ган, братья Штольберги, отчасти Бюргер, Клаудиус Герстенберг и др.); был знаком он и с другим крупным литературным объединением Германии 1780-х годов, также связанным с Клопштоком — с так называемой Галльской, или Прусской, школой поэтов (Рамлер, Эвальд фон-Клейст, Глейм, Якоби, Гётц, Уц, Ланге, Пира). Поэты Галльской школы —

[1] Гете и его время — «Литературное наследство», № 4—6, 1932, стр. 6.

анакреонтики и эпикурейцы — стояли на более архаических позициях, нежели гёттингенцы, но и они испытывали заметное влияние руссоизма и английской сентиментальной поэзии.

В России, во время выступления Востокова на литературном поприще, все эти немецкие поэты были сравнительно мало известны. Востоков знакомился с их творчеством, повидимому, по первоисточникам. Исключением был, пожалуй, один Клопшток, имя которого часто встречается на страницах русских журналов начиная еще с 1780-х годов. В 1785—1787 годах в Москве был издан прозаический перевод «Мессиады» Клопштока, принадлежащий перу приятеля Радищева, розенкрейцера А. М. Кутузова. Карамзин в своем стихотворении «Поэзия» (1787) посвятил Клопштоку форменный панегирик:

певец избранный Клопшток
Вознесся выше всех, и там, на небесах,
Был тайнам научен, и той великой тайне,
Как бог стал человек. Потом воспел он нам
Начало и конец Мессииных страданий,
Спасение людей. Он богом вдохновлен...
Еще великий муж собою красит мир,
Еще великий дух земли сей не оставил...
Но, нет! он в небесах уже давно живет!
Здесь тень мы зрим сего священного поэта!

В «Московском Журнале» 1792 года был помещен перевод немецкой статьи о Клопштоке, где о нем писали: «Изображение Клопштоковой Музы превосходит силы наши. Мессиада сияет в собственном свете подобно лучезарному солнцу. Во все веки и во всех зонах мира нашего пребудет сия божественная поэма единственною и несравненною».[1] Имя Клопштока пользовалось большим пиэтетом среди русских масонов (именно как автора религиозно-мистической «Мессиады»). Поклонником его был и Радищев.

Но Клопшток был не только религиозным поэтом, виднейшим представителем немецкой «Seraphische Dichtung». Он был кроме того автором драматической трилогии об Арминии и патриотических од, проникнутых пафосом национально-освободительной борьбы, а также гимнов к Свободе, в которых прославлялось «торжество права разума над правом меча».

[1] «Московский Журнал» 1792, ч. VI, стр. 96.

Арминий Клопштока — вождь-тираноборец, восклицающий: «Кровь тиранов за святую свободу!» (лозунг этот имел шумный успех у молодых поэтов эпохи Sturm und Drang'а, особенно в кружке гёттингенцев, где «сидели в шляпах, говорили о свободе, о Германии, о добродетели» (Фосс). Позже Клопшток восторженно приветствовал Великую французскую революцию, как «благороднейший из подвигов, когда-либо заносившихся в летописи всемирной истории» (он отшатнулся от нее, впрочем, в годы якобинского террора). Он выступил подлинным бардом революции в одах, посвященных созыву Генеральных штатов и появлению Декларации прав человека и гражданина, — и такие факты его биографии, как присвоение ему Конвентом звания гражданина французской республики или разрыв его с Гете после того, как тот стал веймарским министром, — характеризуют его в этой роли достаточно отчетливо. [1] Эта, революционная, сторона творчества Клопштока, который, по словам Меринга, среди немецких классиков «по степени своего буржуазного сознания уступает разве только Лессингу и Шиллеру», — никак не была воспринята его русскими поклонниками, в их числе и Востоковым, к которому в полной мере относится приведенная выше характеристика половинчатых и робких идеологов немецкой буржуазии.

IX

Социальное содержание поэзии Востокова невелико. Ему осталась вполне чужда критика социально-политических устоев самодержавно-крепостнического строя, элементы которой легко различимы в литературной и публицистической практике остальных участников кружка радищевцев. Однако говорить в отношении Востокова о полной атрофии социального чувства было бы несправедливо. Однажды, в своей замечательной «Оде достойным», он возвысился даже до выражения подлинной тираномахической идеи.

Мы уже видели, что в Академии Художеств, где учился Востоков, был силен дух оппозиции павловскому режиму. Убийство

[1] Энтузиазм Клопштока в полной мере разделяли многие из молодых поэтов его окружения: Шубарт — автор оды «Немецкой свободе», Фосс—переводчик на немецкий язык «Марсельезы», Ф.-Л. Штольберг, приветствовавший революцию в оде «К свободе».

Павла I и воцарение Александра были приняты Востоковым с восторгом: «Марта 12-го рано по утру, проснувшись, слышу о смерти Павловой. Радость — присяга. (Ода достойным)» — записал он в своих лапидарных мемуарах.[1]

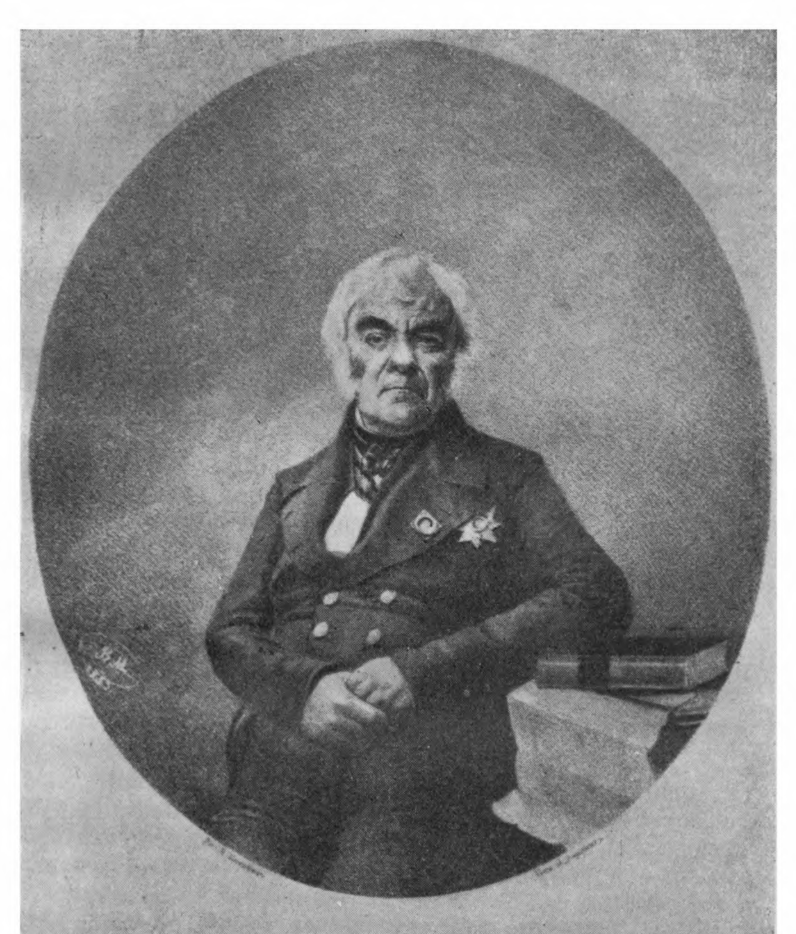
«Ода достойным», которой откликнулся Востоков на дворцовую революцию 1801 года — политическое, программное стихотворение, насыщенное «вольной» лексикой, бывшей при Павле под запретом («граждане», «отечество», «общее благо» и т. д.), — и не даром этой одой открывалась первая книжка альманаха радищевцев «Свиток Муз». Пером Востокова радищевцы заявили о своем отношении к свершившемуся государственному перевороту и определили свою позицию в условиях нового царствования. Политический смысл оды достаточно обнажен; Востоков по существу оправдывает цареубийц:

Нет, кто, видев как страждет отечество,
Жаркой в сердце не чувствовал ревности
И в виновном остался бездействии,
Тот не стоит моих похвал.

Но кто жертвует жизнью, имением,
Чтоб избавить сограждан от бедствия
И доставить им участь счасливую,
Пой, святая, тому свой гимн!

Здесь Востоков выступает как будто прямым идейным наследником тираноборца Радищева — автора оды «Вольность» («Се право мщенное природы на плаху возвело царя...»). Однако конкретное содержание поэзии Востокова в целом не позволяет сделать столь прямолинейный вывод. Влияние немецкой идеалистической философии, в сочетании с условиями русской общественной действительности, наложило неизгладимый отпечаток на социально-политические мнения Востокова в смысле освобождения их от элементов «якобинизма», который отличает литературную практику таких его соратников по Вольному обществу, как Попугаев и Борн. В плане выяснения философских воззрений Востокова этот отпечаток умеренности позволяет говорить о том «примирении материализма с идеализмом», о том «компромиссе между тем и другим», которые Ленин находил в философии Канта. Что же касается социально-политического credo Востокова, то он, безусловно

[1] «Заметки А. Х. Востокова о его жизни», 1901, стр. 18.

Александръ Востоковъ

сочувствуя доктрине Руссо и Мабли, не сделал из нее даже тех ограниченных выводов, какие делались друзьями его юности, и мирился на компромиссной форме просвещенного абсолютизма.

В той же «Оде достойным» Востоков возлагал преувеличенные надежды на Александра I, в котором, по его представлениям, «мужество, благоразумие, твердость духа и честные правила» «совмещались с милосердием»:

О, коль те в нем находятся качества,
Он составит народное счастие;
Поздних правнуков благословение
Будет в вечность за ним итти!

Также и в оде «Тленность» Востоков рисует в тонах «поучения» идеал «истинного царя»:

Царь должен быть знаком с своими должностями,
Повелевать страстями,
И быть законам раб;
Великим называть могли его тогда б.
Тогда б не лесть одна венчала
Его обманчивым венцом,
Но истина б сама его именовала
Отечества отцом.
Такого видели в великом мы Петре
И во второй Екатерине;
Таким желают зреть и Александра ныне
Российски патриоты все...[1]

Чувство социального оптимизма вообще было сильно развито у Востокова. Он часто и охотно писал о «златом веке Астреи», увлекался химерическим проектом «вечного мира», разработанным аббатом де Сен-Пьером и в России известным в популяризации Руссо. Прекраснодушная вера в конечное торжество «блага» и «справедливости» характерна для всех стихотворений Востокова, в которых он в той или иной форме касается вопросов социально-политического порядка. Такова, например, его ода «Фантазия», рисующая идиллическую картину будущего, когда «искоренятся все пороки» и люди «познают истинное счастие»:

Что зрю? — Сон скиптрам и мечам!
Орел, терзавший Промефея,

[1] Цитирую первопечатный текст «Свитка Муз», кн. I, 1802 г.

Отогнан — се грядет Астрея!..
О, преблаженный смертных род!
Любовью, миром наслаждайся,
Дарами естества питайся,
Сбирай с земли сторичный плод.
. . . .
С тобой [1] люблю я в мыслях сладких
Собрать, устроить, просветить
Народы — тигров к крови падких
В смиренных агнцев превратить.
С тобой я извергов караю,
И добродетель награждаю,
Достойным скиптры раздаю,
А угнетенным всем свободу,
И человеческому роду
С Сен-Пьером вечный мир даю...

Для характеристики оптимистических настроений Востокова, проникнутых к тому же глубоким чувством пиэтизма, показательно также его раннее переводное (из Дорâ) стихотворение «Видение мусульманина», [2] в котором Востоков «отступил от французского оригинала в рассуждении излагаемой там философии»: [3]

Когда во всем на сей земле
Мудрец несовершенство видит,
Он должен утешаться тем,
Что семя совершенства спеет
В его душе, — что зло пройдет...
Будь добр, и будешь ты блажен!
Будь добр, правдив и правосуден,
И страждущему соградай;
Прими в покров твой нищих, сирых;
Невинных, слабых защити!
Клянись быть другом человека,
Будь только ненавистник злых.
Когда попрал ты предрассудки,
Терпимость мненьям дай людским
И уважай все их обряды...

Не подлежит сомнению, что Востоков в какой-то мере разделял деистические убеждения своих соратников по Вольному обществу (единственным атеистом среди радищевцев мож-

---

[1] То-есть с фантазией.
[2] «Опыты лирические», ч. I, 1805, стр. 86; в настоящее издание оно не вошло.
[3] Примечание Востокова, ibid., стр. 104.

но назвать Пнина, да и то с оговорками). При этом следует отметить, что Востоков прибегает к так называемому «космологическому доказательству», согласно которому в длинной цепи причин и действий должна быть первопричина — божество. Бог Востокова есть «душа и центр» «духовного мира», «источник истины, источник красоты», которым «раждаются, цветут, падут народы». В типично деистическом стихотворении Востокова «Бог в нравственном мире» (1807) говорится о том, как «иногда могли прослыть богами благотворители, наставники людей»; здесь Моисей поставлен в один ряд с Брамой, Таутом, Нумой и Конфуцием. Любопытно, что при первом издании этого стихотворения Востоков счел нужным сделать специальное примечание «для тех читателей, коих благочестие могло бы оскорбиться тем, что здесь поставлен Моисей на ряду с языческими законодателями», а при втором издании — вообще исключил из текста двусмысленный стих. Но деизм у Востокова обнаруживается в его чисто «идеалистическом» варианте, как у большинства немецких мыслителей XVIII века, и ни в малейшей мере не связан с материалистической философией, как у некоторых ранних идеологов французской революционной буржуазии, в практике которых деизм, по словам Маркса, являлся «не более, как удобной и мягкой формой разрыва с религией».

Классовое сознание медленно поднимавшейся немецкой буржуазии часто облекалось в религиозную форму, точно так же, как на сто лет раньше в Англии. Но если у Мильтона, которому подражал Клопшток в «Мессиаде», библейская тема была поставлена на службу реальным интересам буржуазной революции, если — по словам Меринга — «армия воинствующих ангелов в «Потерянном рае» представляла собою не что иное, как армию набожных драгунов Кромвеля в поэтической маскировке», если и сам Клопшток находил в «Мессиаде» место для грозных обличений по адресу «преступных монархов», то на русской почве момент этот совершенно нейтрализовался: русские масоны и сентименталисты усвоили религиозные идеи Клопштока и английских поэтов XVIII века (Юнга, Томсона и др.) исключительно в плоскости борьбы с материализмом и утверждения мистической доктрины.

Равно чуждый и мистическим увлечениям масонов, и ортодоксальной церковной религиозности, Востоков тем не менее

в своих размышлениях о грядущей судьбе человечества неизменно апеллировал ко «всеблагому божеству»:

Мы там в странах святых вселимся,
Где с бедством, с нуждой разлучимся,
Где нет тиранов, ни рабов...
Окажем к слабым снисхожденье,
К порочным жалость, к злым презренье,
А к добрым жаркую любовь.
Мой друг! ни пред каким кумиром
Не станем ползать мы змеей!
Но в мире уживемся с миром
В спокойной хижине своей.
Когда же гневными судьбами
Польется чаша зол над нами,
Сносить с терпеньем будем то:
Из сердца изженем роптанье
И взложим твердо упованье
На всеблагое божество.

(«Зима, ода к другу», 1799).

К сожалению, уцелело очень мало данных, которые могли бы свидетельствовать о философских и политических настроениях молодого Востокова. Тем больший интерес представляют отрывочные заметки, набросанные Востоковым при чтении «Мыслей» Паскаля и сочинений Вольтера (заметки эти помечены 24 июня 1809 года). — «Теперь можно читать и судить беспристрастно обе стороны, противные одна другой», записал Востоков. «Может быть, в некоторых отношениях обе правы и обе виноваты, как бывает во всех человеческих спорах, ибо каждый смотрит на вещи с особенной точки зрения. Порицать можно и защитников и противников христианства в нечистосердечии, ибо всякий из них думал больше о составлении себе партии, нежели о беспристрастном открытии истины. Правда, что рвение первых было и останется похвальнейшим, клонясь к назиданию и обузданию человеков. Но соблюдали ли они в оном когда меру, а без того есть порок и заблуждение, что довольно доказано слепотствующим фанатизмом веры. Последние же фанатизмом безверия не менее наделали, а, может быть, еще наделают зла в просвещающейся Европе, ежли заблаговременно не поставится им оплот истинным ли просвещением, новым ли каким суеверием, или же стечением других обстоятельств (а именно: насильственным погружением в первобыт-

ное невежество через войну продолжительную или чрез переселение народов); последние два оплота предполагать вероятнее: истинное просвещение, будучи всегда уделом избранных только людей, никогда не сделается общенародным, для оного потребно столько же счастливое расположение головы, сколько счастливое расположение сердца. Паскаль и Вольтер не были еще истинно просвещенные умы, один затмевался мечтами самоотречения, другой — мечтами эгоизма. Между сими двумя крайностями средина есть истинное просвещение, истинная наука, путь здравомыслия и добродетели». [1]

Просвещение в понимании Востокова было единственно-верной гарантией к достижению «златого века Астреи». Подробно обосновал он эту мысль в «Речи о просвещении человеческого рода», прочитанной в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств 15 июля 1802 года. В основном замечания Востокова сводились к утверждению, что только «равная степень просвещения» всех народов, населяющих земной шар, может служить залогом всеобщего «блага», которое должно «поглотить наконец все зло и сделать землю раем»: «Для благосостояния всех и каждого надобно сего желать», говорил Востоков, имея в виду утопический проект аббата де Сен-Пьера об учреждении единой Европейской республики. «Однако же, и через это еще не будет выполнено намерение вышнего промысла, правящего ходом просвещения. Не хочет он, чтобы один народ или одна часть света исключительно дарами его наслаждалась, между тем как бо́льшая половина людей страдает еще под злом и в невежестве пресмыкается. Нет, он требует равновесия как в физическом, так и в моральном мире! И для того-то не прежде земля осенится вечным миром, не прежде добродетель и правосудие с вольностью и равенством утвердят на ней постоянное свое жилище, пока не получат все народы до единого равную степень просвещения. На сей конец провидение посылает иногда те революции, которые колеблют, расстраивают здания обществ и часто рушат великолепное, огромное — чтобы из камней оного настроить множество простых посредственных домов, которые в свою очередь увеличиваются и украшаются».

---

[1] «Заметки А. Х. Востокова о его жизни», 1901, стр. 38—39.

Главную роль в деле «уравнения просвещения и счастия народов» Востоков, очевидно не без влияния идей Рейналя, отводил «коммерции, или взаимному народов сношению, если только не основано оно на одном прибытке, ибо в таком случае непросвещенные ничего не получат от просвещенных кроме новых пороков, нового порабощения». Мысль свою Востоков подкрепляет выразительными примерами из древней и новой истории, в частности из истории колониальных завоеваний испанцев и португальцев, которые всегда «искали обманывать, грабить, смерти предавать сильных, а слабых чинить рабами и не токмо не просветили их, но погасили и те немногие искры света, кои начинали было являться в простодушных питомцах природы». Из всего этого Востоков делает следующий вывод: «коммерция бесполезна и даже вредна просвещению рода человеческого, когда не управляет ею дух человеколюбия (людимость, людскость, Humanité). В заключение Востоков утверждал право всех народов на национальное, политическое и культурное, самоопределение. «Следствие всего этого будет такое», кончал он, «что все четыре или пять частей света равно просветятся и все они будут то же представлять, что теперь видим в одной Европе и что прежде видели в одной Греции — желательное златое время для космополита, для всякого друга человечества».[1]

Идея самоопределения малых наций, равно как и поднятый аббатом де Сен-Пьером вопрос об установлении вечного мира и создании всемирной республики имели на Западе глубокореволюционное значение и стояли в центре внимания идеологов Великой французской революции. Космополитическая идея единства человеческого рода, понимаемого как конечная цель прогресса, была присуща многим мыслителям и писателям эпохи просвещения. Но вожди передовой французской буржуазии

[1] «Журнал министерства народного просвещения» 1890, март, стр. 72—74. Подчеркнуто везде Востоковым. — Не исключена возможность, что на Востокова оказали влияние труды Фихте, придерживавшегося естественно-правовой теории общественного договора, защищавшего идею мирного прогресса и видевшего назначение человечества в первую очередь в развитии «просвещения», причем на страже культурных интересов стоит — по Фихте — избранное «сословие ученых» (см. его лекции «о назначении ученого» 1794 г., «Основы естественного права по принципу наукоучения» 1796 г. и «Замкнутое торговое государство» 1800 г., где Фихте выступает уже с требованием социального переустройства мира на основе материального равенства). Впрочем, прямых доказательств тому, что Востоков был знаком с работами Фихте — не имеется

полагали, что гарантией к достижению этой цели может служить не только социальное и культурное, но и экономическое, имущественное равенство. Востоков, подобно многим немецким философам-идеалистам конца XVIII — начала XIX веков, усвоил эти идеи далеко не в полной мере. Глубокий квиетизм, наложивший неизгладимую печать умеренности на его конкретные социально-политические взгляды, способствовал постепенному «поправению» Востокова. В эпоху наполеоновских войн, когда резко обнаружились национальные противоречия, он из космополита стал патриотом и шовинистом (см. его «пиндарические» оды на «победы российского оружия» в 1812 — 1814 гг.), а в эпоху двадцатых годов, когда, в условиях аракчеевского режима, уже собиралась гроза 14-го декабря, он навсегда распростился с «мечтами юности», опровергнутыми «хладным опытом» (см. стихотворение «К друзьям»).

Но и в лучшее свое время Востоков оставался по существу типичным просветителем-либералом, красноречиво разглагольствующим о «пользе просвещения», возлагающим преувеличенные надежды на «просвещенного монарха» и не пытающимся уяснить конкретное содержание расплывчатых понятий: «человеколюбие» и «справедливость». [1]

Неизвестно, как решал Востоков проблему рабства вообще, русского крепостничества в частности, — никаких сведений на этот счет не сохранилось. Впрочем, глубокую причину социального зла он находил повидимому все же в экономическом неравенстве, но, как всякий умеренный либерал, проектировал устранение этого зла по формуле: сперва просвещение, потом свобода. В замечаниях на «Опыт о благоденствии народных обществ» В. В. Попугаева (1805) он писал: «Роскошь и бедность пагубными своими препираниями рождают пороки, развращение и плутовство, деспотизм и рабство. Уврачевание сих зол зависит от уравнения имуществ и от распространенного в людях благонравия, а сии не от чего иного могут проистекать, как от просвещения: следственно, просвещение родит спокойствие и обеспечение». [2]

По существу Востоков смыкался в данном случае с русскими

[1] Своеобразным обоснованием «философии умеренности» является проникнутое духом квиетизма стихотворение Востокова «Письмо о счастии» (1805), провозглашающее глубоко-мещанские по существу идеалы: «во-время», «впору» и «кстати».

[2] «Журнал министерства народного просвещения» 1890, март, стр. 86.

«просвещенными» крепостниками, утверждавшими, что крестьянство требует сперва просвещения, ибо иначе оно не сумеет воспользоваться дарованной ему свободой. Нечего и говорить, как далеко отстоял Востоков в решении этого вопроса от своих товарищей по Вольному обществу, даже от Пнина, который вслед за Радищевым выдвинул в «Опыте о просвещении относительно к России» (1804) радикальное требование: сперва освободить крестьян, а потом уже заняться их просвещением.[1]

Но даже и эта умеренная и расплывчатая программа не получила в литературной практике Востокова сколько-нибудь законченного выражения. Задачи создания боевой, публицистической по преимуществу, «гражданской» поэзии, выдвигавшиеся в кругу радищевцев, не стояли перед Востоковым. Он выдвигал на первый план морально-эстетические задачи искусства, в лучшем случае призывая художника «являть добро и зло в разительных контрастах, величие и низость смертных» и «воспламенять к добру душу зрителей» (см. стихотворение «История и баснь»).

Единственный образ, данный Востоковым в духе идей французского просвещения — это образ человека, как лучшего создания природы и как ее повелителя. В ряде стихотворений Востоков прославляет человека и его творческую деятельность; такова, например, пятая строфа «Фантазии», перекликающаяся с замечательной по своему пафосу и прямолинейности своих выводов одой Пнина «Человек»:

> Земной превыше атмосферы
> Взносись, царь мира, человек!
> Расширил ты познаний сферы,
> К началам всех вещей востек;
> Как луч, проник твой взор сквозь бездны,
> Ты круги облетаешь звездны,
> Их испытуя вещество;
> Тобою взвешен мир, измерен,.

---

[1] Следует отметить, однако, что в спорах, разгоревшихся в Вольном обществе вокруг «Опыта о благоденствии народных обществ» Попугаева, Востоков занимал среднюю позицию и, возражая «благонамеренным» антагонистам «пылкого» Попугаева, писал: «Теперь само правительство, сам государь у нас занимается способами облегчения участи земледельцев. Я с моей стороны одобряю всю сию статью г-на Попугаева и нахожу, что автор, коснувшись сего предмета, должен был непременно употребить сильные и патетические выражения» (ibid., стр. 83).

Высок твой ум, рассудок верен,
Свое постиг ты естество...

Подлинным гимном творческой деятельности человека является и стихотворение «К строителям храма познаний», в котором Востоков прославил «бессмертные умы» Галилея, Ньютона, Лавуазье, Гальвани, Франклина, Лафатера и Канта:

Вы, коих дивный ум, художнически руки
Полезным на земли посвящены трудам,
Чтоб оный созидать великолепный храм,
Который начали отцы, достроят внуки! —
До половины днесь уже воздвигнут он:
Обширен, и богат, и светл со всех сторон;
И вы взираете веселыми очами
На то, что удалось к концу вам привести.
Основа твердая положена под вами,
Вершину здания осталося взнести.
О, сколь счастливы те, которы довершенный
И приукрашенный святить сей будут храм!
И мы, живущи днесь, и мы стократ блаженны,
Что столько удалось столпов поставить нам
В два века, столько в нем переработать камней...

X

Выше Востоков был охарактеризован как «неправоверный» радищевец. Это вполне справедливо, если вкладывать в слово «радищевец» тот смысл, какой мы вкладываем, имея в виду Пнина, Попугаева, Борна. Однако в ином смысле и Востокова можно назвать радищевцем, только радищевцем совсем особого толка.

Не восприняв в полной мере философских и социально-политических идей автора «Путешествия из Петербурга в Москву», Востоков — единственный, пожалуй, из всего состава Вольного общества — практически реализовал выдвинутые Радищевым пожелания относительно реформы русского стиха.

Всегда оставаясь в вопросах мировоззренческих правее остальных радищевцев, Востоков был «левее» их в вопросах собственно литературных. И не случайно, конечно, что изощренная работа Востокова над стихом, его экспериментальные

опыты — при их относительной безидейности — встречали возражения в среде поэтов Вольного общества. [1]

На рубеже XVIII — XIX веков в русской поэзии заметны стали тенденции разрушения поэтики классицизма. Некоторые итоги в этом плане подведены были в статье В. К. Кюхельбекера «Взгляд на нынешнее состояние русской словесности» (1817). — «Несмотря на усилия Радищева, Нарежного и некоторых других, на усилия, которым, быть может, со временем узнают цену», писал Кюхельбекер, «в нашей поэзии даже до начала XIX столетия господствовало учение, совершенно основанное на правилах французской литературы. Стихи без рифм не почитались стихами: одни только Лагарпом одобренные образцы имели у нас достоинство; не хотели верить, чтобы у немцев и англичан могли быть хорошие поэты. Тиранство мнения простиралось так далеко, что не смели принимать никакой другой меры, кроме ямбической.

«В 1802 году г. Востоков изданием своих «Опытов лирической поэзии» [2] — изумил, можно даже сказать, привел в смущение публику; в сей книге увидели многие оды Горациевы, переведенные мерою подлинных стихов латинских. Он показал образцы стихов Сафического, Алцейского, Елегического, и говорил с восторгом о произведениях германской словесности, дотоле неизвестных, или неуважаемых. [3]

«Но скоро, с чем нельзя не согласиться, явились два человека, которые стараются исполнить на деле то, что было начато Востоковым. Гнедич вводит у нас героические стихи древних: сия новизна делает Илиаду его достопамятною эпохой нашей словесности и будет торжеством хорошего вкуса над предубеждениями. С другой стороны, Жуковский не только переменяет внешнюю форму нашей поэзии, но даже дает ей совершенно другие свойства. Принявши образцами своими

---

[1] См. стр. 384 наст. издания. — В целом поэзия Востокова расценивалась в Вольном обществе достаточно высоко.

[2] Кюхельбекер ошибся: «Опыты лирические» были изданы в 1805—1806 гг.; несомненно он имел в виду стихотворения Востокова, появившиеся в альманахе «Свиток Муз» 1802—1803 гг.

[3] Подчеркнуто мною — *В. О.*

великих Гениев, в недавние времена прославивших Германию, он дал (выразимся словами одного из наших молодых поэтов) Германический дух русскому языку, ближайший к нашему национальному духу, как тот свободному и независимому». [1]

Таким образом Кюхельбекер отводил Востокову первое место в ряду реформаторов русского стиха и проводников «германического духа» в русской поэзии. В представлении Кюхельбекера Востоков подготовил выступление Жуковского, иными словами сыграл крупную роль в литературной эволюции начала XIX века. Представление это несколько преувеличено: и генезис, и направление работы Жуковского были иными, нежели у Востокова, значение которого, если рассматривать его в общем плане развития русской поэзии, было невелико. Но Жуковский несомненно в какой-то мере использовал опыт работы Востокова, и сопоставление их имен в статье Кюхельбекера было исторически закономерным.

Экспериментальные опыты Востокова в области реорганизации русского стиха, разрушения поэтики французского классицизма и системы силлабо-тонического стихосложения — шли, в основном, по двум направлениям: во-первых, по линии разработки и усвоения русскому стиху античных неравносложных размеров и, во-вторых, по линии возрождения и литературной обработки русской народной поэзии. Эти две, на первый взгляд столь противоположные, тенденции, на деле играли одну и ту же роль, поскольку обе сводились к обновлению стиха и лирических жанров, к выработке новых, более свободных, стиховых форм.

Востоков сам указал источники своей работы в этой области. В предисловии к первой части «Опытов лирических» он объявил, что автор «подвергает суду просвещенных критиков новые размеры, взятые, по примеру немцов, с латинского и греческого. Намерение его было испытать их на русском языке» [2].

---

[1] «Le Conservateur Impartial» 1817, № 77. Цитирую перевод этой статьи, напечатанный в «Вестнике Европы» 1817 г., ч. XCV, стр. 156—157. О принадлежности статьи Кюхельбекеру см. «Дневник В. К. Кюхельбекера», 1929, стр. 79.

[2] Подчеркнуто мною. — *В. О.* — В неизданном черновом наброске этого предисловия Востоков писал: «Что касается до показания древних размеров, в конце помещенного, оно <взято из Рамлера и других> извлечено из разных авторов и будет, конечно, не излишним для тех, коим незнакомы покажутся стихов размеры в 3-й и 4-й книге сих стихотворений. Сродни ли такие размеры языку русскому и удалось ли в них Автору — предоставлено решить публике»

Не подлежит сомнению, что Востоков имел в виду в данном случае Клопштока и его литературное окружение — поэтов Гёттингенской и Галльской школ. Хотя сам Клопшток, следуя своей националистической концепции, неоднократно высказывался против слепого подражания древним, противопоставляя античным формам стиха самостоятельно-выработанные им «свободные строфы», и стремился античную мифологию вытеснить древнегерманской, — он первый из крупных немецких поэтов широко и принципиально поставил вопрос о реорганизации стиха за счет освобождения от «стеснительных» рифм и «однообразных» ямбов и трохеев. Изобретая свои собственные размеры, Клопшток продолжал в то же время популяризацию античной метрики и более других способствовал усвоению немецкой поэзии дактилохореического гекзаметра и различных лирических размеров (ферекратов стих, элегический дистих, сафическая и горацианская строфы и т. д.). Кроме того Клопшток обосновал свои опыты в области метрики в ряде теоретических сочинений. [1] Работу его в этом направлении продолжали многие из поэтов эпохи «бурных стремлений», в частности Рамлер, Фосс, Ф. Штольберг и Бюргер.

Известно, что Востоков читал теоретические сочинения Клопштока и Рамлера. На клопштоково «Рассуждение о подражании на немецком языке греческим размерам» он ссылается в примечаниях к «Опытам лирическим»; там же встречаются ссылки на Рамлера. [2]

XI

Кюхельбекер в цитированной выше статье 1817 года поставил Востокова первым в ряду реформаторов русского стиха. Это, конечно, неверно. У Востокова и на русской почве были предшественники. Достаточно вспомнить роль, которую сыграл в

(Бумаги Востокова в архиве Академии Наук СССР. — Взятое в ломаные скобки зачеркнуто Востоковым). — Ср. также «мнение» Востокова 1802 года: «Желательно, чтобы русская поэзия обогатилась приятными размерами греков и римлян; язык наш духом своим ближе всех языков европейских к виргилиеву и горациеву языку» («Журнал министерства народного просвещения» 1890, март, стр. 65).

[1] См. В. М. Жирмунский, Введение в метрику, 1925, стр. 281.

[2] См. стр. 399 и 401 наст. издания. Вероятно у Рамлера заимствовал Востоков манеру снабжать стихи метрическими схемами и обширными примечаниями творчески-лабораторного характера (см. «Karl Wilhelm Ramlers Poëtische Werke», I—II, Berlin, 1800—1801).

этом плане еще Тредьяковский с его «Тилемахидою», представляющею собой хотя и неудачную, но тем не менее грандиозную попытку создания русского гекзаметра. Тредьяковский же, первый из русских поэтов, принципиально поставил вопрос о белом стихе в своем «Новом и кратком способе к сложению российских стихов» (первое издание 1732 года; вторая, переработанная, редакция 1752 года), а более четко — в предисловии к «Аргениде» (1751), в статье «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» (1755) и в предисловии к «Тилемахиде» (1766). Тредьяковский называл рифму «шумихой», «не существенным, стихам посторонним, украшением», «детинскою сопелкою», «отроческою игрушкою, недостойною мужеских стихов»; особенно же возражал он против рифм в героической поэме и в стиховой драме, рекомендуя белый стих как «пристойный» даже и для одической, «высокой» лирики. [1]

К 1750-м годам относятся метрические эксперименты Сумарокова, хотя полемически и заостренные против опытов Тредьяковского, но по существу игравшие одинаковую с ними роль. Сумароков пробовал писать разными античными размерами; встречаются у него горацианские и сафические строфы. — В дальнейшем линия эта была продолжена целым рядом русских поэтов второй половины XVIII века от Хераскова до Карамзина включительно. Историко-литературный смысл ее заключался в разрушении ломоносовской системы стихосложения.

Преодоление ломоносовской системы в практике поэтов XVIII века шло преимущественно на материале литературных имитаций фольклорных образцов и сводилось в основном к борьбе против рифмы, в которой приняли участие поэты самых различных групп и направлений. Карамзин широко пользовался белым стихом в своей поэтической практике и еще в 1788 году писал Дмитриеву: «Если вздумаешь воспеть великие подвиги воинства нашего, то, пожалуй, пой дактилями и хореями, греческими гексаметрами, а не ямбическими шестистопными стихами, которые для героических поэм не удобны и весьма утомительны. Будь нашим Гомером, а не Вольтером». [2]

---

[1] См. «Сочинения Тредьяковского», изд. А. Смирдина, т. I, 1849, стр. 164, 789; т. II, отд. 1, стр. XLVIII.

[2] «Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву», 1866, стр. 10; ср. выше, стр. 30 — письмо Дмитриева к Востокову.

Видный представитель державинского кружка Н. А. Львов опубликовал в 1793 году «Песни норвежского витязя Гаральда Храброго», взятые им из «Датской истории» Маллета и «переложенные на российский язык образом древнего стихотворства». Еще прежде того, в 1790 году, в предисловии к собранию русских песен, положенных на музыку Прачем, Львов выступил в защиту «многоразличных по роду и мере» стихов «русского стопосложения». Известно, что Львов около 1784 года «в некотором кругу друзей своих, рассуждая вообще о преимуществе тонического стихотворения пред силлабическим, утверждал, что и русская поэзия больше могла бы иметь гармонии, разнообразия и выразительных движений в тоническом вольном роде стихов, нежели в порабощении только одним хореям и ямбам; и что можно даже написать целую русскую эпопею в совершенном русском вкусе». [1] Реализацией этого утверждения явилась поэма Львова «Добрыня», опубликованная только в 1804 году.

В 1794 году против рифмы высказался карамзинист Подшивалов, [2] а в 1795 году появилась написанная «русским складом» поэма Карамзина «Илья Муромец». В 1798 году горячим защитником белого стиха выступил архаист С. Бобров, автор безрифменной поэмы «Таврида» (2-е издание 1804 года, под заглавием: «Херсонида»), высоко ценившейся Востоковым. [3] В предисловии к поэме Бобров писал: «Рифма никогда еще не должна составлять существенной музыки в стихах»; по мнению Боброва, рифма «почти всегда убивает душу сочинения», ибо ради нее «всегда должно понизить или ослабить лучшую мысль и сильнейшую картину и вместо оживления, так сказать, умертвить оную». Таким образом борьба против рифмы оборачивалась борьбою за смысл в поэзии, и этот момент характерен не для одного Боброва.

Дальнейшими этапами этого течения могут служить: «Бахариана» Хераскова (издана в 1804 году), большинство песен которой написано «русским складом»; Оссиановы песни Гнедича (1804), также написанные «русскими стихами»; отдельные стихотворения Батюшкова («Послание к Филисе», 1804), Пнина («Послание к некоторым писателям», 1805) и др.

---

[1] «Русская поэзия», под ред. С. А. Венгерова, вып. IV, 1894, стр. 769.
[2] «Приятное и полезное препровождение времени» 1794, ч. I, стр. 97.
[3] См. ниже, стр. 64.

Насколько широки были границы этого течения, видно из того, что проблема реформации русского стихосложения привлекала внимание даже таких воинствующих староверов, как Евгений Болховитинов, который в 1808 году писал другому архаику, Д. И. Хвостову, что «тоническая поэзия, то есть Ямбы и Хореи», есть, по словам Львова в «Добрыне» — «иностранные рамки тесные». [1]

Но для всех названных здесь поэтов опыты в области метрики были в значительной мере случайными. Более или менее прочное теоретическое обоснование проблеме обновления русского стиха дал Радищев. — «Радищев, будучи нововводителем в душе, силился переменить и русское стихосложение», писал Пушкин. «Его изучения «Тилемахиды» замечательны. Он первый у нас писал древними лирическими размерами» («Мысли на дороге»).

Радищев действительно охотно писал белым стихом, разрабатывал русский «народный» стих («Бова», «Песнь историческая»), гекзаметр («Осьмнадцатое столетие»), сафическую строфу, дал образцы полиметрических стихов («Песни древние, петые на состязаниях в честь древним славянским божествам»). В своем «Памятнике дактилохореическому витязю» он подверг пересмотру осмеянные опыты Тредьяковского.

Особо важное значение имеют мысли Радищева о русском стихосложении, высказанные им в «Путешествии из Петербурга в Москву» (глава «Тверь»). Здесь он выступил с развернутой критикой ломоносовской системы: «Ломоносов, уразумев смешное в польском одеянии наших стихов, снял с них несродное им полукафтанье. Подав хорошие примеры новых стихов, надел на последователей своих узду великого примера, и никто доселе отшатнуться от него не дерзнул. По несчастию случилось, что Сумароков в то же время был — и был отменной — стихотворец. Он употреблял стихи по примеру Ломоносова, и ныне все вслед за ними не воображают, чтобы другие стихи быть могли, как ямбы, как такие, какими писали сии оба знаменитые мужи... Если бы Ломоносов переложил Иова или псалмопевца дактилями, или если бы Сумароков «Семиру» или «Дмитрия» написал хореями, то и Херасков вздумал бы, что можно писать другими стихами опричь ямбов и более бы

[1] «Библиографические Записки» 1859, № 8, стр. 248.

славы в осмилетнем своем приобрел труде, описав взятие Казани свойственным эпопее стихосложением. Не дивлюсь, что древний треух на Виргилия надет Ломоносовским покроем, но желал бы я, чтобы Омир между нами не в ямбах явился, но в стихах подобных его, гекзаметрах, и Костров, хотя не стихотворец, а переводчик, сделал бы эпоху в нашем стихосложении, ускорив шествие самой поэзии целым поколением... [1] Теперь дать пример нового стихосложения очень трудно, ибо примеры в добром и худом стихосложении глубокий пустили корень. Парнас окружен ямбами, и рифмы стоят везде на карауле. Кто бы ни задумал писать дактилями, тому тотчас Тредьяковского приставят дядькою, и прекраснейшее дитя долго казаться будет уродом». [2] — Ямбы Радищев допускал только в одах: «я и сам сочинял стихи ямбами, но то были оды» (и далее следуют цитаты из оды «Вольность»).

XII

Востоков в своем «Опыте о русском стихосложении» развил мысли Радищева, не называя его, однако, по имени (в силу цензурных условий). Ко времени появления «Опыта» русскими поэтами была уже проделана большая работа по освоению белого стиха и новых размеров, и Востоков подводил в этом плане некоторые итоги: «Довольно, однако, на первой случай и того, что из новейших поэтов наших Бобров осмелился в дидактических поэмах, по Аглинским образцам, свергнуть с себя узы Александрийского стиха и рифмы — и имел в том удачу; а Державин, Дмитриев, Карамзин и другие, в творениях лирических, приучают нас опять к белым стихам, к дактилям и ко всем другим размерам, какие только согласны с нашею тоническою просодиею». [3]

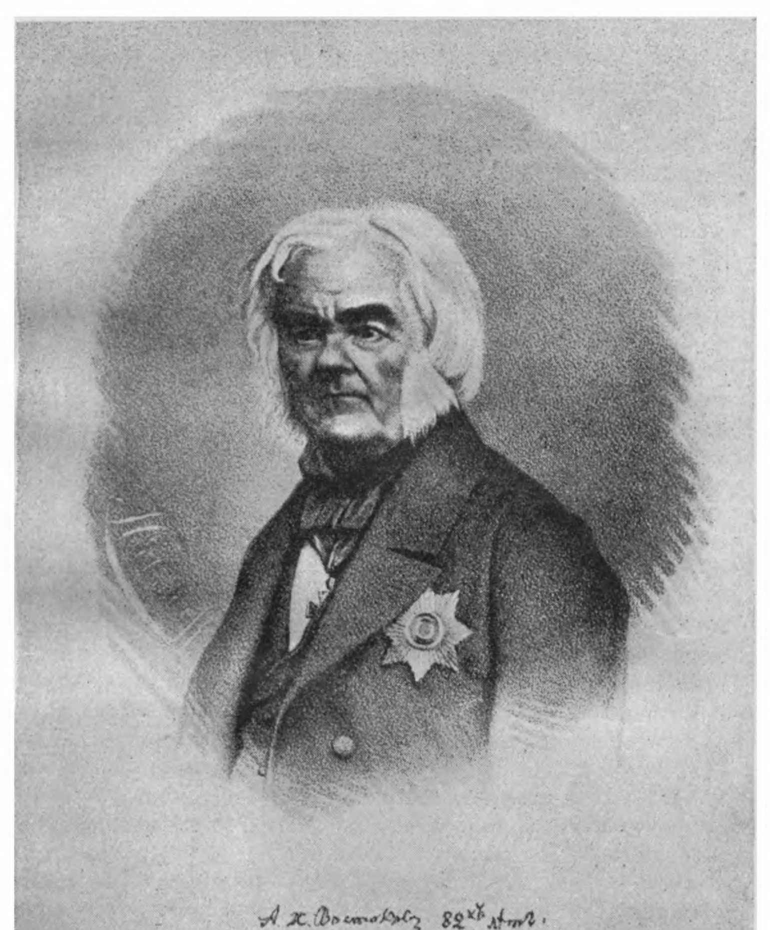
При рассмотрении процесса насаждения на русской почве античных размеров следует различать два момента. Во первых, речь шла о гекзаметре, который противопоставлялся «однообразному» и «напыщенному» шестистопному ямбу в качестве размера, наиболее отвечающего жанру героической эпопеи;

---

[1] Имеется в виду ямбический перевод «Илиады», сделанный Ермилом Костровым.

[2] «Полное собрание сочинений А. Н. Радищева», под ред. А. К. Бороздина, И. И. Лапшина и П. Е. Щеголева, т. I, 1907, стр. 190—192.

[3] «Опыт о русском стихосложении», 1817, стр. 30.

А. Х. Востоковъ 82хъ лѣтъ.
1863 года Апрѣля

с другой стороны, обсуждался вопрос о размерах, пригодных для лирических жанров.

Востоков не разрешил в своем творчестве проблемы стихового эпоса в том варианте, в каком ставилась она Радищевым, но всецело разделял его взгляд в теоретической плоскости.

В «Опыте о русском стихосложении» содержатся обвинения по адресу Ломоносова, «стеснившего свободный ход эпопеи единообразнейшими из всех стихов, Александрийскими с рифмами». Востоков почти дословно повторил Радищева, высказав сожаление, что «Ломоносов не избрал для Петриады своей вместо единообразного Александрийского свободнейший какой-нибудь размер, например анапестоямбический, или дактилохореический».[1]

В широко развернувшейся полемике о гекзаметре, относящейся к середине 1810-х годов, Востоков непосредственного участия не принимал: его творческая деятельность клонилась уже в ту пору к закату. Но еще в 1803 году, во второй книжке альманаха «Свиток Муз», был помещен принадлежащий Востокову перевод отрывка пятой песни клопштоковой «Мессиады», предлагавшийся как «опыт дактилохореического гекзаметра». Почин Востокова, на много лет предвосхитившего работу Гнедича, был поддержан позднее в «Беседе любителей русского слова», где усиленно дебатировался вопрос о метрической стороне стиховой эпопеи.[2] В 1813 году защитниками дактило-хореического стиха выступили Гнедич и Уваров,[3] а противником их — Капнист, хотя и соглашавшийся, что ямбы «надоели и утомили слух», но предлагавший в качестве героического стиха русский «народный» размер.[4]

Востоков, решивший этот вопрос для себя десятилетием раньше, подвел итоги полемики, присоединив к «Опыту о русском стихосложении», в отдельном его издании, специальный раздел (стр. 50—60), посвященный историческому очерку и теоретическому осмыслению гекзаметра. Здесь он настаивал

[1] Ibid., стр 27 и 24.

[2] В предисловии к «ироической» песне «Игорь Святославич» Н. Язвицкий указывал на «русские дактило-хореические древние наши стихи» как размер, наиболее отвечающий жанру стиховой эпопеи (см. «Чтения в Беседе любителей русского слова», кн. VI, 1812 г., стр. 33).

[3] Idid., кн. XIII, 1813, стр. 56—72.

[4] Ibid., кн. XVII, 1815, стр. 18—42; ср. там же, стр. 47—66 — «Ответ В. В. Капнисту» Уварова, ссылающегося, между прочим, на «г... Р...», то есть на Радищева.

на замене античного спондея не дактилем, а хореем, и обвинял Гнедича в недооценке хорея. Сплошные дактили, по мнению Востокова, были «еще утомительнее и однообразнее» александрийских стихов. В данном случае он следовал, вероятнее всего, примеру Клопштока, заменившего спондей именно хореем (не в пример пуристу Фоссу). — Пристрастие Востокова к хорею (защите которого и посвящен в основном «Опыт о русском стихосложении») сказалось, между прочим, и в том, что сафический стих он относил к рязряду дактилических (см., например, его «Видение в майскую ночь» и примечание на стр. 384 наст. издания), — также и в асклепиадовом стихе он охотно пользовался хореем вместо начального спондея (см., например, его перевод оды Горация «Крепче меди себе создал я памятник»).

Большую и плодотворную работу проделал Востоков также в области насаждения на русской почве логаэдических античных размеров. Здесь он шел по линии разработки особых композиций (античная строфа) и создания собственных полиметрических схем. К числу последних относится его перевод драйденовой кантаты «Пиршество Александра», являющийся, бесспорно, одним из наиболее выдающихся метрических экспериментов в русской поэзии начала XIX века.

Любопытно раннее (1802 года) мнение Востокова, высказанное им относительно «стихов разномерных». В рецензии на «Оду к истине» И. М. Борна он писал: «Такой образ стихотворства, конечно, может нравиться знатокам, а особливо, ежели разные меры со вкусом перемешаны: тогда оный всех ближе подходит к музыкальной симфонии. Но сомнительно, чтобы русские уши, привыкшие к единомерной мелодии ямбов и хореев, постигли сию тонкость гармонии; она может показаться им прозою. Мы согласны, что такое опасение не должно удерживать поэта, который не столько для своих современников, сколько для потомства пишет, и потому не настоим мы на сем пункте. Скажем только то, что неопределенная такая разномерность, позволительная в гимнах, дифирамбах и сим подобных стихотворениях, всего менее может терпима быть в стихах, делимых на строфы...» [1]

---

[1] «Журнал министерства народного просвещения» 1890, март, стр. 63—64. — Подчеркнуто мною. — *В. О.*

В своей творческой практике Востоков не слишком строго придерживался законов античной метрики. Он допускал отступления от схемы и постоянно подчеркивал это обстоятельство в примечаниях к своим стихам (в «Опытах лирических»). Вообще, путь Востокова лежал от подражаний античным образцам к самостоятельным, более свободным, формам, выработанным по аналогии с античными, — к так называемому «вольному» стиху, то есть стиху уже чисто-тоническому, строившемуся по принципу счета ударений, а не слогов. По существу работа Востокова в области освоения античных размеров сводилась к своего рода «руссификации» их, приноровлении их к «духу» и «свойствам» русского стихосложения. Он не был мелочным копиистом, снимавшим хотя и безупречные, но бесцельные слепки с античных образцов. В данном случае мы имеем дело именно с *пересадкой*, с *усвоением*, а не с переводом и не с подражанием в обычном понимании этого слова. Историко-литературное значение подобного рода работы может быть чрезвычайно важным. [1]

XIII

Второй линией, по которой в конце XVIII — начале XIX веков шло обновление русского стиха, была литературная имитация фольклорных образцов, в первую очередь народной песни. В плоскости этого течения лежит разработка хорея, как русского «народного» размера, при чем, как правило, в качестве «русского склада» утверждались безрифменные стихи дактилического окончания. Историю этого течения можно проследить на протяжении целого ряда десятилетий; оно захватило и державинский кружок (Львов, Капнист), и Карамзина с его школой, и Востокова, а вслед за ним Мерзлякова, Цыганова, Дельвига, отчасти Пушкина и даже Лермонтова («Песня о купце Калашникове»); полностью исчерпало оно себя в творчестве Кольцова. В эпоху Востокова развитию интереса к «народному» стиху много способствовали «открытия» «Слова о

---

[1] Ср. ниже, на стр. 341, примечание Востокова к переводам сербских песен: «Переводчик не счел за нужное рабски подражать... размеру, неупотребительному у нас и для русского стиха, может быть, несколько утомительному»; вместо дактилического стиха сербских песен Востоков избрал «русский размер о трех ударениях с хореическим окончанием», разработанный им по аналогии со стихом исторических песен из сборника Кирши Данилова.

полку Игореве» (1795, изд. в 1800 году) и сборника Кирши Данилова (1804).

Здесь не место выяснять идейные корни этого течения, но имеет смысл указать, что в известной мере оно было связано с возрождением интересов к национальной старине, к фольклору в частности, проявившимся во второй половине XVIII века в Западной Европе — в Англии (песни Оссиана — Макферсона, старинные баллады Перси) и с особенной силой в Германии эпохи «бурных стремлений», где обращение к национальной старине явилось реакцией против засилья французской культуры и, в конечном счете, было вызвано ходом событий социальной и политической истории. Известную роль сыграло при этом и широкое распространение идей Руссо, провозглашавшегося им культа природы и «первобытности».

В конце семидесятых годов в защиту «народной» словесности в Германии выступил Гердер со своим знаменитым сборником народных песен «Stimmen der Völker» (предшественниками его были Лессинг и Клопшток, «открывший» кельтскую «Эдду»). Как и освоение античного стиха, обращение к «народной» словесности послужило освобождению немецкой поэзии от стилистических шаблонов и нормативной поэтики французского классицизма. Идеи Гердера о «народности» и «первобытной поэзии» были усвоены и развиты поэтами Гёттингенской школы.

Эти тенденции различимы и на русской почве. Востокову в деле теоретического обоснования русского «народного» стиха безусловно принадлежит наиболее крупная роль. Практическим осуществлением разработанной им теории является поэма «Певислад и Зора» и ряд мелких стихотворений.

Пушкин в уже цитированных замечаниях о русском стихосложении («Мысли на дороге») писал: «Много говорили о настоящем русском стихе. А. Х. Востоков определил его с большею ученостию [и] сметливостию. Вероятно, будущий наш эпический поэт изберет его и сделает народным».

Замечание Пушкина относится к тому времени, когда вопрос о «настоящем русском стихе» утратил уже первоначальную остроту, когда итоги длительных споров по поводу него были уже подведены Востоковым в «Опыте о русском стихосложении». Прогноз Пушкина, как известно, не оправдался. «Народный» стих, равно как и имитация античных размеров,

всегда оставался в пределах «младших» жанров, на боковых путях литературного развития, и не победил традиции равносложных размеров тонического стихосложения. Русский эпос эволюционировал в ином направлении.

В кругу литературных друзей и соратников Востокова народная словесность выдвигалась в качестве лексического резервуара и, как видно из нижеследующих замечаний Борна, служила целям борьбы с карамзинской школой. «Кроме едва [ли] простительного нерадения об отечественных древностях», писал Борн, «впадали некоторые в другую погрешность: выдавали древние сочинения с нарочитыми поправками. Сие по их мнению конечно значило свести с них ржавчину, но вместо того они покрыли их новомодным лаком, уничтожа первобытный вид их и цену... Мы должны разбирать, объяснять и истолковывать, сколько возможно, дошедшие до нас драгоценные остатки прежних веков: от того выигрывает язык.[1] Признаюсь неложно, что простота и беспечность некоторых старинных народных песен мне более нравится, нежели тщательная отделка многих новейших, богатых рифмами, а не чувствиями.[2] Нет нужды приводить примеров. Пусть тот, кто любопытен и с пользою желает упражняться в своей словесности, сам делает сравнение. Он по крайней мере будет читать русские книги».[3] — По вопросу о народной словесности поэты Вольного общества смыкались с архаистами. Ср. с тем, что писал Борн, слова Шишкова о «русской песне»: «Сии простые, но истинные, в самой природе почерпнутые мысли и выражения суть те красоты, которыми поражают нас древние писатели и которые только теми умами постигаются, коих вкус не испорчен жеманными вымыслами и пухлыми пестротами».[4]

В «Опыте о русском стихосложении» Востоков впервые определил былинный стих как систему чисто-тоническую, основанную на счете ударений: «Число ударений», — писал он, «неотъемлемая основа, на коей учреждается гармония стихов русских».[5] Сумароков, Карамзин, Херасков и другие по-

---

[1] Подчеркнуто мною. — *В. О.*
[2] Подчеркнуто мною. — *В. О.*
[3] «Краткое руководство к российской словесности», 1808, стр. 140—141.
[4] Разговоры о словесности, II. О Русском стихотворении — «Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова», ч. III, 1824, стр. 116.
[5] «Опыт о русском стихосложении», 1817, стр. 134.

эты, писавшие «русским складом», употребляли в своих подражаниях по преимуществу четырехстопный хорей с дактилическим окончанием (несколько более их приблизил «народный» стих к чисто-тоническому Н. Львов в «Добрыне»). По мнению Востокова, это был «песенный» размер, который «слишком короток и единозвучен для больших повествовательных сочинений».[1] Востоков указал, что его предшественники в области литературной обработки «народного стиха» не освоили всего разнообразия в расположении ударений, встречающихся в этом стихе и в качестве образца чисто-тонического размера представил свой перевод из Шиллера — «Изречения Конфуция» (см. также и другие его стихотворения, например «Российские реки»).

В русском «народном» стихе Востоков различал стих двухударный, пригодный для лирических произведений, и трехударный, «сказочный», который и должен «употребляться в русских народных сказках или повествовательных песнях». Согласно теории Востокова, в русском «народном» стихе различимы три преобладающих ударения, отделяющихся друг от друга различным числом неударных слогов, при чем последнее ударение, как правило, падает на третий слог с конца (дактилическое окончание), а, как исключение, — на четвертый (гипердактилическое окончание).

«Каков ни есть русский сказочный стих, но русское ухо искони довольствовалось простою его гармониею, которую любит оно еще и теперь, когда уже познакомилось со стопами и рифмами. По сей-то причине заслуживает сей народный размер, сия собственность русской музы, внимательного нашего рассмотрения», писал Востоков в «Опыте».[2] Задавая вопрос: «заслуживает ли русский размер употреблен быть в новейшей поэзии?», Востоков дает на него положительный ответ, ссылаясь при этом на «благосклонный прием разных произведений новейшей литературы, писанных русскими стихами». Бóльшую роль в русской поэзии, по мнению Востокова, сыграть должен был стих «сказочный», а не «песенный», который, «будучи сам по себе разнообразнее песенных, был бы удобнее для повествовательных произведений — не для героических, конечно, а для Романических, во вкусе Ариоста, либо

[1] Ibid., стр. 162.
[2] Ibid., стр. 146—147.

Виланда.[1] Главная сему причина может быть та, что русские размеры вообще по своему дактилическому и трибрахическому строению слишком игривы для важных предметов; или же, что, доселе быв представляемы токмо простонародной поэзии, следовательно предметам низким и ограниченным, через то самое лишены стали в глазах наших и благородства и возвышения. Желательно, чтобы люди с талантом попытались истребить в нас сей предрассудок, если только можно, облагородствовав и возвысив русский размер стихами своими, или бы доказали, что стихосложение русское по несовершенству своему не заслуживает извлечено быть из праха, в каком оно доселе пресмыкалось». Этими словами Востоков заключил свой трактат. Сам он попыток подобного рода не предпринимал.

Разработанная Востоковым теория русского «народного» стиха была позднее уточнена в ряде специальных работ, но практическое значение ее, как уже сказано, было невелико. Призыв Востокова не был подхвачен современными ему поэтами, и пожалуй один лишь Пушкин, высоко расценивавший «Опыт о русском стихосложении», полагал, как видно это из его замечаний в «Мыслях на дороге», что именно «настоящему русскому стиху» суждено будет стать стихом «эпическим» и «народным», иными словами в пределах центральных жанров вытеснить традицию равносложных размеров. В собственной своей поэтической практике Пушкин попытался дать метрическое осуществление предложенной Востоковым формулы «народного» стиха и усвоил руссифицированный размер востоковских переводов сербских песен (в «Песнях западных славян», «Сказке о рыбаке и рыбке» и некоторых отрывочных набросках).[2]

XIV

В основе поэтической практики Востокова лежит тенденция к резкой индивидуализации стиха. При этом в понимании Востокова проблема индивидуализации сводилась прежде

---

[1] В 1813 году А. Ф. Воейков призывал Жуковского:

> Напиши поэму славную,
> В русском вкусе повесть древнюю.
> Будь ваш Виланд, Ариост, Баян!

(«Вестник Европы» 1813, ч. 68, стр. 28).

[2] Вопрос о преемственной связи пушкинских метрических опытов с востоковскими выяснен Б. В. Томашевским в работе «О стихе Песен западных славян» (см. его книгу «О стихе», 1929). Ср. В. М. Жирмунский, Введение в метрику, 1925, стр. 255.

всего к насыщению стиха идейно-смысловым содержанием. Наука, мораль, философия — вот материал его стихотворений. Метрические эксперименты Востокова должны быть поставлены в тесную связь с усвоенными им принципами выработки особого поэтического стиля, отмеченного печатью отличия, «самобытности». Он шел к усложненности стиха от усложненности стиля. Каждый формальный момент, будучи семантически окрашенным, был подчинен в стихе Востокова движению мысли; точнее говоря, Востоков стремился достичь полной адэкватности ритма, метра и прочих компонентов стиха — его смысловому содержанию. Именно в этом направлении работал Клопшток, в практике которого «изобретение» (по Клопштоку «сила выражения и новизна оборотов») выступало как организующий принцип поэтического мышления. Именно поэтому Клопшток отказался под конец от готовых античных форм — с тем, чтобы самостоятельно выработанная им форма целиком отвечала «самобытному» содержанию его поэзии.

В эстетике Востокова античность занимала безусловно центральное положение. Обращение к античным литературным формам, соотнесенным с определенным литературным стилем, служило для него прежде всего средством патетического «возвышения тона» и имело глубокий идейный смысл, поскольку на Западе античная концепция теории и практики искусства была одним из основных буржуазных художественных методов. Особое значение имела при этом античная мифология и история, о которых Маркс писал: «В классически строгих преданиях римской республики борцы за буржуазное общество нашли идеалы и искусственные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии» («Восемнадцатое брюмера Луи-Бонапарта»).

Отсюда ясным становится, какую крупную конструктивную роль играли в поэтической практике Востокова, при всей ограниченности его буржуазного мировоззрения, мифологические имена и понятия, а в еще большей степени имена «гражданских» героев и тиранов классической древности, вызывавшие вполне конкретные представления не только эстетического, но и социально-исторического и морального порядка. Когда на протяжении шести строк Востоков упоминал

о Сократе, «правдивом Аристиде», Регуле, «верном истине Тразее» и «тирановом льстеце Дамокле», — он до предела сгущал в символических образах идейно-смысловое содержание стихотворения, поскольку за каждым из этих имен стоял в сознании людей XVIII — начала XIX вв. вполне определенный и готовый круг ассоциаций, находивших свое продолжение в сфере явлений живой социально-политической современности.

При этом Востоков в «повествовательных опытах» предпринял попытку расширить свою мифологическую базу за счет разработки псевдо-славянской мифологии, созданной «по баснословным преданиям» преимущественно уже в XVIII веке, но претендовавшей на значение мифологии национальной и «народной». Обращение Востокова к славянской мифологии, к славяно-русскому фольклору — ложилось в плоскость обоснования идеи народности в том варианте, в каком предлагалась она в теории и литературной практике радищевцев и близких к ним писателей, выражавших тенденции буржуазно-демократического порядка. В сфере литературной идея народности, в понимании радищевцев, служила целям преодоления классицистической поэтики и, одновременно, целям борьбы с эстетизмом и слащавой сентиментальностью карамзинистов — за утверждение «самобытного», «национального» и «высокого» литературного стиля. Славянская мифология играла при этом весьма крупную роль: подобно мифологии античной, она также служила средством «возвышения тона».

Проблема Востокова-поэта — в основном проблема «поэзии мысли». В начале своей стихотворческой деятельности он разрабатывал преимущественно жанр монументальной монологической философской оды типа классической «Ode à la Fortune» Жан Батиста Руссо (переведенной им в 1805 году) и лирическо-философской медитации «большого плана», на самые общие темы исторического или морально-дидактического порядка. Для Востокова характерен идущий от французских просветителей рационалистически-отвлеченный метод мышления в оценке исторических явлений и трактовке космогонических концепций. Его привлекала идея общественного круговорота, предложенная Вико, разработанная Монтескье и особенно шотландцем А. Фергюссоном в его книге «Essai sur l'histoire de la Société civile» (1767; французское издание 1783

года), которую Востоков читал в 1800 году.[1] Согласно концепции Вико — Монтескье — Фергюссона, исторический процесс представляет круговорот одних и тех же явлений: всякая монархия с течением времени неизбежно превращается в деспотию, республика в монархию, и процесс этот неизменно повторяется.

В своих стихах Востоков охотно касается самых общих натурфилософских и космогонических вопросов; характерный пример — ода «Тленность»:

Рука Сатурнова с лица земли сметает
Людскую гордость, блеск и славу, яко прах.
Напрасно мнят они в воздвигнутых столпах
И в сводах каменных тьмулетней пирамиды
Сберечь свои дела от злой веков обиды:
Ко всем вещам, как плющ, привьется едкий тлен,
И все есть дóбыча времен!
Миры родятся, мрут — сей древен, тот юнеет...

В этой склонности к широким философским и историческим обобщениям, к высокому риторическому стилю гимна и оды, в склонности к «грандиозари» XVIII века — сказалось оппозиционное отношение Востокова к творческим принципам карамзинистов. Карамзин в программном предисловии ко второй книжке альманаха «Аониды» (1797) следующим образом изложил свою точку зрения на «предмет» и «методы» поэтического творчества: «Поэзия состоит не в надутом описании ужасных сцен натуры, но в живости мыслей и чувств... Молодому питомцу Муз лучше изображать в стихах первые впечатления любви, дружбы, нежных красот природы, нежели разрушение мира, всеобщий пожар натуры и прочее в сем роде. Не надобно думать, что одни великие предметы могут воспламенять стихотворца и служить доказательством дарований его: напротив, истинный поэт находит в самых обыкновенных вещах пиитическую сторону». Карамзин полагал, что поэт должен «ко всему привязывать остроумную мысль, нежное чувство; или обыкновенную мысль, обыкновенное чувство украшать выражением... иногда малое делать великим, иногда великое малым».

Востоков же никогда не делал «великое» «малым»; среди его стихов мы не найдем изящных поэтических безделушек, над

[1] См. выписки Востокова из этой книги в «Заметках А. Х. Востокова о его жизни», 1901, стр. 37—38. — Книгу Фергюссона читал в свое время Радищев, повторивший некоторые из ее положений в оде «Вольность» и в «Путешествии из Петербурга в Москву» — см. В. П. Семенников. Радищев, 1923, стр. 21—22. Выписки Востокова совпадают с мыслями Радищева.

ювелирной отделкой которых трудились карамзинисты. Даже в посланиях к друзьям Востоков оставался поэтом большой темы («Зима» — 1799, «Осень» — 1801, «Видение в майскую ночь», «К другу», «История и басня»). Немногие «антологические мелочи» Востокова также достаточно тяжеловесны по своей конструкции.

«Шероховатость слога», которую отмечали в своих отзывах о стихах Востокова его современники, его резко-индивидуализированный стих, усложненность синтаксиса (в котором различимы следы родной для Востокова немецкой языковой культуры) и сложный, подчас вычурный, лексический состав — все это резко противостояло карамзинистской «плавности» и «гладкости». Востоков нарушал принципы «точного» словоупотребления и словосочетания, выдвигавшиеся карамзинистами в качестве основных принципов поэтики; равно нарушал он и условные законы лексической иерархии, принятые в поэтике классицизма.

Язык Востокова — сложного состава; он очень пестр, насыщен архаизмами церковно-славянского происхождения, элементами «народного» слога и научной терминологией. Востоков стремился к максимальному расширению своей лексической базы за счет введения в стиховую речь новых слов. При этом новое слово Востокова, как правило, не было словом изобретенным, индивидуальным неологизмом в обычном понимании. Характерным для Востокова приемом является не «словотворчество», а лексические и семантические «сдвиги», когда слово, не бытовавшее в поэтическом языке, взятое из другого речевого ряда — вдвигается в узаконенный лексический ряд и ставится в необычную смысловую связь с «высокими» словами. Так, например, Востоков не усомнился сказать в переводном стихотворении:

И ананасу и грибу
Идет в дожде небесном *пойло.*

В данном случае «низкое», «грубое» слово п о й л о, резко нарушавшее принципы упорядоченности словаря и семантики, производило комическое впечатление и впоследствии было заменено вполне нейтральным словом п и т ь е. Другой пример — в стихотворении на «высокую» тему («Бог в нравственном мире»): «Помрет он с к о т с к и, так, как жил». Ту

же, примерно, роль играли в стихах Востокова научные термины, например: «э л е к т р и з а ц и я любви».

XV

Усложненность словаря и синтаксиса, частые инверсии, вообще затрудненность поэтического дыхания, на ряду с «философичностью» содержания — делали поэзию Востокова малодоступной, а, по словам Греча, «слишком необыкновенной и даже дикой» для широкого читателя 1800-х годов, воспитанного либо на ходовых, заштампованных образцах торжественной одической поэзии, либо на «приятных» для слуха, «гладких» мелочах карамзинистов. Востоков в практике своей работы нарушал все привычные каноны и традиции, шел вразрез с укоренившимися правилами поэтики и стихосложения. Как всякий новатор, он, естественно, не мог рассчитывать на особенно шумный успех. Он был поэтом-мастером и теоретиком, поэтом «для немногих», избранных ценителей, «поэтом для поэтов» — и не столько для своих современников, сколько для потомков.

Востоков перестал писать стихи в середине десятых годов, в условиях формирования «пушкинской» стиховой культуры, конечно не потому только, что обратился к научным занятиям. Он в ы п а л из литературы, поскольку работа его над стихом шла в совершенно ином направлении, нежели общий процесс литературной эволюции, протекавший, в основном, в плоскости выработки новых лирических и повествовательных жанров (элегия, послание и романс карамзинистов, баллада Жуковского, «романтическая поэма»). В творчестве Востокова проблема жанра в сущности никак не решалась: он работал преимущественно в пределах старой жанровой системы, — правда, смещая, деформируя ее. Работа Востокова не имела исторической перспективы, и это, разумеется, было его великой неудачей.

Но в то же время, именно в том, что Востоков работал на периферии литературы, была и его удача, поскольку, оттолкнувшись от Державина и минуя жанры элегии и послания, он сумел не стать эпигоном Карамзина и поэтов его школы, а задержался на своих особых, промежуточных и боковых, позициях. Творческий путь Востокова был бесперспективным и уединенным, но вполне самостоятельным и независимым путем.

Вл. Орлов

ВОСТОКОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

I

К ФАНТАЗИИ

Тебе, Олимпа дщерь священна,
Тебе, Фантазия, мой глас,
И звучна арфа посвященна!
На что крылатый мне Пегас?
Ты можешь здесь, в сени укромной,
Явить мне Пинда верх огромной,
Кастальский ток, жилище Муз!
Уже восторгом дух пылает,
Твоей амврозии алкает,
И рвется вон из плотских уз.

В зарях ли, иль гремящей тучей
От горних спустишься небес —
Или возлюбишь мрак дремучий,
И тень прохладную древес
Раскинешь над главой моею, —
Чтоб ключ крутящейся стезею,
Гремя по камням, вниз бежал;
Пустынным гулом повторяясь,
И листвий с шорохом мешаясь,
Твое присутство б возвещал;

И ветры б свирепеть престали,
К земле со скрыпом древо гнуть;
Одни Зефиры б лобызали
Младой весны цветущу грудь:
В твоем присутствии, богиня,
И Африканская пустыня
Творится садом Гесперид!
И дебри Финнов каменисты,
И северны поморья льдисты
Теряют свой унылый вид.

Грядущих в дальности сумра́чной
Столетий ряд, моим очам
Яви сквозь твой покров прозрачной!
Что зрю? — сон скиптрам и мечам!
Орел, терзавший Промефея,
Отогнан. Се грядет Астрея!...
О преблаженный смертных род!
Любовью, миром наслаждайся,
Дарами естества питайся,
Сбирай с земли сторичный плод.

Земной превыше атмосферы
Взносись, Царь мира, человек!
Расширил ты познаний сферы,
К началам всех вещей востек;
Как луч проник твой взор сквозь бездны,
Ты круги облетаешь звездны,
Их испытуя вещество;
Тобою взвешен мир, измерен;
Высок твой ум, рассудок верен,
Свое постиг ты естество!

Все плевелы искоренились,
В соседстве с пользой нет вреда;
С рассудком страсти примирились,
Легла их древняя вражда.
И люди счастие познали,
И люди — ангелами стали!
Но сбудется ль сие, иль нет?..
Вникать глубоко не желаю,
К другим предметам направляю
С тобой, Фантазия, полет.

С тобой я на Кавказ взбираюсь
И в жерло Этны нисхожу,
В шумящие моря пускаюсь
И в тишине пустынь брожу.
Исполненный благоговенья,
По необъятностям творенья
Я на крылах твоих парю!

Во океане звезд купаюсь —
Но вверх лечу ль, иль вниз спускаюсь,
Брегов и дна нигде не зрю.

С тобой люблю я, в мыслях сладких,
Собрать, устроить, просветить
Народы; тигров, к крови падких,
В смиренных агнцев превратить.
С тобой я извергов караю
И добродетель награждаю,
Достойным скиптры раздаю,
А угнетенным всем свободу,
И человеческому роду
С Сен-Пьером вечный мир даю!

Тебе стихии все послушны,
Послушны небеса и ад.
Там строишь замки ты воздушны.
А там садишь Армидин сад.
Махнешь, — и Граций узришь пляски;
Воскликнешь, — божества Парнасски
Сладчайшу песнь тебе гласят.
Фантазия многообразна,
Всегда нова, всегда прекрасна,
Ты тьму нам да́руешь отрад!

Коснися мне жезлом чудесным,
В забвенье сладко погрузи,
К святым селениям небесным
На крыльях ветра понеси.
Пусть сладость рая предвкушает,
Пусть в море счастья утопает
Мой дух, исполненный отрад!
Да отженется всяка скверна;
Прочь ненависть, прочь зависть черна,
Коварства, лести, злобы яд!

Вселившийся в стране блаженной,
Куда вам неприступен вход,
Совлекся я одежды бренной

Взнестись к Началу всех доброт.
И се... вознесся, — наслаждаюсь,
Озрелся вкруг и восхищаюсь,
Повсюду совершенство зря! —
Далеко вас и вашу землю
Оставил, — бурь ее не внемлю;
Забыла их душа моя!

Все то, что стройно и согласно,
Слиялось здесь в моих ушах;
Все то, что благо и прекрасно,
Я созерцаю в сих местах.
Все то, что душу возвышает
И с божеством ее сближает,
Чрез нервы все я внутрь беру;
Ах, льзя ль мне днесь землей прельщаться,
Тщете, неправде покланяться?
Пусть в сих восторгах я умру. —

Но что?.. ужели исчезает
Питавшая мой дух мечта?
От уха пенье утекает,
От взоров — райска красота!
Я с содроганием очнулся,
Кругом печально оглянулся,
И зрю лишь дикий, темный лес.
В ответ на вздох мой, ветр ревущий
И ключ, в гранитно дно биющий,
Шумят сквозь ветвие древес.

Почто, Фантазия всесильна!
Покров снимаешь с глаз моих? —
Печалей жатва столь обильна,
А роза-радость вянет вмиг!
Но должно ль от того терзаться
И плакать? — нет; мы будем знаться,
Посланница небес, с тобой!
Когда ко мне с улыбкой входишь,
Ты всякую печаль отводишь,
И в душу сладкий льешь покой.

И так отрадными мечтами
Почаще дух мой услаждай;
Живыми, нежными цветами
Дорогу к смерти усыпай,
И будь мой Ангел-благодетель!
Ты облекаешь добродетель
Небесных Граций в злат хитон,
И нас красой ее пленяя,
Велишь, Фантазия благая,
Любить святой ее закон.

ЗИМА

ОДА К ДРУГУ, В 1799 ГОДУ

Пришла печальна старость года,
Зима, по осени златой;
Осиротела вся природа,
Иванов, друг любезный мой!
Ах, скоро вечности пучина
Сего времян поглотит сына,
И сей уже не будет год.
Его заступит место новый,
И, свергнув зимние оковы,
Он узрит вновь весны приход.

Так наших дней зима наступит,
И чувств огонь погасит в нас;
Ослабит память, ум иступит,
И разольет по жилам мраз:
Доколе смерть нас не изымет
Из уз телесных, и подымет
Пред нами вечности покров.
Мы там в странах святых вселимся,
Где с бедством, с ну́ждой разлучимся,
Где нет тиранов, ни рабов.

Но прежде претечем покорно
Начертанный судьбами круг;
Потщимся с пользой, непозорно.
И жить и умереть, мой друг!
Прямую изберем дорогу,
Вождю надежнейшему, богу,
Предав себя в святый покров;
Окажем к слабым снисхожденье,

К порочным жалость, к злым презренье,
А к добрым пламенну любовь.

Теперь, *Иванов*, можем зваться
Весенними сынами мы;
Еще не скоро прикасаться
К нам хладу жизненной зимы:
И так прилежно ниву вспашем,
Чтоб в юношеском сердце нашем
Привязанность к добру росла;
Чтоб в жаркую годину лета,
Огнем благих страстей нагрета,
Плоды нам в осень принесла.

Теперь вкруг нас Амуры вьются,
Из свежих мирт венки плетут;
Все удовольствия смеются,
И все цветы забав растут.
Сорвем попавшуюся розу,
Но осторожно, чтоб занозу
Нам от шипов не получить!
А то, мой друг, и прежде сроку
Узнаем зиму мы жестоку,
И для болезней будем жить

О нет! умеренность благая!
Тебе потщимся мы внимать.
Твои законы соблюдая,
Болезней можем мы не знать;
И скуки, дщери пресыщенья,
Не убоимся приближенья,
Твоим щитом ограждены:
Для нас здоровие небесно,
Сие твое дитя прелестно,
Продлит еще весенни дни.

К БОГИНЕ ДУШИ МОЕЙ

1800

Где существуешь ты, души моей богиня?
Твой образ в сердце у меня;
Везде ищу тебе подобных я красавиц,
Но тщетны поиски мои.
Ищу везде, — прошу тебя у всей Природы,
Божественная красота!
Из тишины ночной тебя я иззываю;
От трона утренней зари;
Из недра светлых вод, родивших Афродиту,
Когда их ветерок струит,
Когда вечерний Феб поверхность их целует,
И дальный брег в туманах спит. —
Не в мирных ли лугах гуляешь юной Нимфой,
Или во глубине пещер?
Не в горных ли странах свежеешь Ореадой,
Превыше грома и сует?
Явись, и осчастливь мой дух уединенный
Любовью ангельской, святой;
Неисчерпаемых, небесных наслаждений
Снеси мне розовый сосуд:
Томлюся и грущу, напиться оных жажду;
Приди, утешь меня, напой!
Как агнец на лугах опочивает злачных,
Так я на лоне у тебя;
Как пламя двух свещей, так наши обе души
Сольются радостно в одну:
Приди ж, и учини меня благополучным,
Богиня моея души!

ЦИРЦЕЯ

СЕДЬМАЯ КАНТАТА Ж. Б. РУССО

На сером камени, пустынном и высоком,
Вершина коего касалася небес,
Цирцея бледная в отчаяньи глубоком
Лила потоки горьких слез.
Оттуда по волнам глаза ее блуждали;
Казалось, что они Улисса там искали.
Еще мечтала зреть Героя своего:
Сия мечта в ней грудь стесненну облегчает;
Она зовет к себе его,
И глас ее стократ рыданье прерывает:
Виновник моего мученья!
Ах! возвратись в страну сию;
Не о любви тебя молю,
Приди, хотя из сожаленья,
Кончину ускорить мою!
Хоть сердце бедное мое сраженно
Есть жертва пагубной к тебе любви.
Хотя обмануто тобой, презренно,
Но пламень злой еще горит в крови.
И — ах! ужели нежность преступленье,
Чтобы такое заслужить презренье?
Нет, возвратись в страну сию,
Виновник моего мученья!
Уже не о любви молю:
Приди, хотя из сожаленья,
Кончину ускорить мою!

Так в жалобах она скорбь сердца изливает;
Но вскоре к своему искусству прибегает,
Чтоб возвратить назад любви своей предмет:

Все адски божества она к себе зовет:
Коцит и мрачный Стикс, Цербéра, Тизифону,
Злых Фурий, грозных Парк, Гекату непреклонну.
Кровавы жертвы уж трепещут на кострах,
И вмиг их молния преобращает в прах!
Тяжелые пары свет солнца затмевают;
Боязненно свой бег планеты прерывают;
Река со ужасом к вершинам вспять бежит;
И сам Плутон в своих убежищах дрожит.

Глас ея страшный
Двигнул весь ад;
Громы ужасны
Глухо гремят;
Облаки мрачны
Ясный день тмят;
Земля трепещет,
Страхом полна;
Яростно плещет
Бурна волна;
С ужасом мещет
Взор свой луна.

И тени адские, вняв яры заклинанья,
Из бездны сумрака, бледнея, поднялись.
Их протяженные, унылы завыванья
Далеко в воздухе со стоном раздались, —
И ветры с наглостью заклепы гор прорвали,
И с плачем трепетным и страшным тем смешали
Свой шум, и рев, и вой, и свист!
Усилья тщетные!... Любовница несчастна,
Ты над всесильною любовию безвластна!
Хоть землю можешь потрясти
И ад в тревогу привести,
Того не сделаешь ты яростью ужасной,
Чего твой взор прекрасной
Не мог произвести!

Так, независим Купидон:
Свои права он защищает;

Не терпит принужденья он,
По воле смертных наделяет;
Предписывая всем закон,
Законов сам ничьих не знает.
Где трон стоял зимы седой,
Туда Зефиров легкий рой
С прекрасной Флорой возвратится.
Эолу Алкион отдаст
Свою над морем кратку власть,
И паки ею насладится;
А отлетевшую любовь
К себе ты не залучишь вновь!

ОСЕННЕЕ УТРО

1800

Серы, волнисты, тучи дождливы
Медленно сеются врознь;
Сребрено ложе флеровых облак
Нежну покоит луну.

Мраки, редея, взору открыли
Спящу природу везде;
Изредка слышно карканье вранов,
Изредка гул в тишине.

Мало по малу хóлмы яснеют,
Мрак исчезает с полей.
Дремлющи села петел будящий
К утренним кличет трудам.

Думы, заботы, горесть и радость
В оных проснулись теперь:
Скрыпнули створы, слышен уж частый
Бой молотящих цепов.

К темной дубраве путь я направлю,
К осени вниду во храм;
Ветер бушующ с свистом проносит
Бурю сквозь ветви древес.

Мертвые травы, желтые листья
Тщетно кропимы дождем:
Хладну лишь землю он напаяя
Сячется тихо в нее.

Образ истленья, скучную осень
Здесь оставляет мой дух,
В сладком забвеньи, с утренним паром
Медленно к небу взносясь.

Плавает всюду, все обнимает,
Легких касается туч;
Мчится с восторгом выше и выше,
К дальним несется мирам.

Сколь бесконечно благо, премудро
Создал вселенную бог!
Неизмеримость звездами смотрит:
Видит повсюду себя!..

Небо прияло утренню ясность;
Но не увидим весь день
Солнца за кровом пасмурных облак:
Бледно цветит их края!

Древо, склонивши голые сучья,
Смотрит на листья свои,
Кои упали к корню и тлеют
Подле родившего их.

Но в одеяле мягкого снега
Землю они утучнив,
В соке живящем паки весною
К стеблям своим востекут;

Паки расцветши, свежестью новой
Чувства восхи́тят мои!
Все превращает вид свой в природе;
Не исчезает ничто.

Матерь Природа! сколь благодатна
Сколько ты к чадам щедра!

В осень сырую, в зиму сурову,
Благословляю тебя!

Если б ненастья, бури и стужу
Смертный не знал никогда,
Мог ли бы летом он наслаждаться.
Сердцем весною цвести?

ТЛЕННОСТЬ

Средь беспредельныя равнины океана
Гора высокая стоит.
Златыми тучами глава ее венчанна,
Пучина бурная у ног ее кипит.

Стихий надменный победитель,
Сей камень-исполин,
Другой Атлант-небодержитель,
Измену зря во всем, не зыблется един.
Вотще Нептун своим трезубцем
Его стремится сдвигнуть в хлябь.
Смеется он громам и тучам,
Эол, Нептун в борьбе с ним слаб.
Плечами небо подпирая,
Он стал на дне морском пятой
И, грудь кремнисту выставляя,
Зовет моря на бой.

И бурные волны
На вызов текут.
Досадою полны,
В него отвсюду неослабно бьют.
И свищущие Аквилоны
На шумных крылиях грозу к нему несут:
Но ветры, волны, громы
Его не потрясут!
И видя свой напрасен труд,
Перуны в тучах потухают,
Гром молкнет, ветры отлетают;
Валы бока его ребристы опеняют,

И с шумом вспять бегут. —
И веки протекли и, мимо шед, дивились,
Его несокрушимость зря.

Но дни его гордыни длились
Не вечно. — С ним Нептун всегдашню брань творя,
Притек в Плутоновы жилища темны,
Сильнейшего борца воздвигнуть, — огнь подземный, —
Против Гигантовых неодоленных сил.
И, возбужден, тесним из преисподних жил
Потоком хлынул огнь свирепый:
Ища отверстий, рвет заклепы,
И моря дно как ниву взрыл,
И внутренни в горе наполнивши вертепы,
Всю тяготу ее тряхнул, восколебал;
От дна кремнистого отторгши сильным махом,
Далеко разметал,
Осыпав жупелом и прахом.
И тот, который все стихии презирал,
Против тебя не устоял,
Дщерь адова, землетрясенье!

Еще в уме своем я зрю его паденье:
Содроглось все, когда колосс сей затрещал,
В широких ребрах расседаясь,
Скалами страшными на части распадаясь,
Уже вершинам волн разлогих равен стал.
Уже в немногих глыбах черных,
Которы из воды встают
И серный дым густой дают,
Остатки зрю его величья. — Всех презорных
Тиранов, силою гордящихся своей,
Подобный ждет конец, подобный мавзолей;
Доколь забвенья мрак их вечный не обляжет,
Проклятий смрад потомству скажет,
О том, кто так, как сей низринутый колосс,
Огромностью вдали пловущих удивляя,
Вблизи ж пловцу корабль о камни раздробляя,
Был непристанищный и гибельный утес.

*

Чем выше кто чело надменное вознес,
Тем ниже упадает.
Рука Сатурнова с лица земли сметает
Людскую гордость, блеск и славу, яко прах.
Напрасно мните вы в воздвигнутых столпах
И в сгромаждении тьмулетней пирамиды
Сберечь свои дела от злой веков обиды:
Ко всем вещам как плющ привьется едкий тлен,
И все есть дóбыча времен!
Миры родятся, мрут: — сей древен, тот юнеет;
И им единая с червями участь спеет.
Равно и нам!
А мы, — безумные! дав у́дило страстям,
Бежим ко пагубе по скользким их путям.
Зачем бы не итти путем златой средины,
На коем из даров Природы ни единый
Не служит нам во вред! —
Но редко кто, умен до испытанья бед,
Рассудка голосу послушен, осторожно
И с мерою вкушал, чтобы продлить, коль можно,
Срок жизни истинной, срок юных, здравых лет,
Способностей, ума, и наслаждений время,
Когда нас не тягчит забот прискорбных бремя,
Забавы, радости когда объемлют нас!
Не слышим, как за часом час
Украдкою от нас уходит;
Забавы, радости уводит:
А старость хладная и всех их уведет,
И смерть застанет нас среди одних забот.

*

Смерть!.. часто хищница сия, толико злая,
И гласу плачущей любови не внимая,
Берет под лезвее всережущей косы
Достоинства, и ум, и юность, и красы!
Во младости весеннем цвете
Я друга сердцу потерял.

Еще в своем двадцатом лете
Прекрасну душу он являл;
За милый нрав простой, за искренность сердечну
Всяк должен был его, узнавши, полюбить;
И, с ним поговорив, всяк склонен был открыть
Себя ему всего, во всем чистосердечно:
Такую мог Филон доверенность вселить! —
Вид привлекательный, взор огненный, любезный,
Склоняя пол к нему прелестный,
Обещевал в любви успех;
Веселость чистая была его стихия;
Он думал: посвящу я дни свои младые
Любви и дружеству; жить буду для утех.
Какой прекрасный план его воображенье
Чертило для себя
В сладчайшем упоеньи:
Природы простоту и сельску жизнь любя,
Он выбрал хижинку, при коей садик с нивой,
Чтоб в мирной тишине вести свой век счастливой.
Всего прекрасного Филон любитель был,
Так льзя ли, чтоб предмет во всем его достойной
Чувствительного не пленил?
И близ себя, в своей он хижине спокойной
Уже имел драгой и редкой сей предмет!
Теперь на свете кто блаженнее Филона?
Ему не надобен ни скипетр, ни корона, —
Он Элисейску жизнь ведет!

Увы, мечта! Филона нет!!

Филона нет! — болезнь жестока
Похитила его у нас.
Зачем неумолимость рока
Претила мне во оный час
При смерти друга находиться?
Зачем не мог я с ним впоследние проститься;
Зачем не мог я в душу лить
Ему при смерти утешенье, —
Не мог печальное увидеть погребенье,
И хладный труп его слезами оросить!..

К кончине ранней сей, увы! и неизбежной,
Я так же б милого приуготовить мог;
И из объятий дружбы нежной
Его бы душу принял бог.

*

Меня, богиня непреклонна,
Когда приидешь ты серпом своим пожать,
Хоть в том явися благосклонна:
Не дай мне в тягостном уныньи жизнь скончать!
Не дай, чтобы болезни люты
В мои последние минуты
Ослабили и плоть и дух;
До часу смерти рокового
Пусть буду неприятель злого,
А доброго усердный друг.
Когда ж я, бедный, совращуся
С прямого к истине пути;
В туманах, на стезю порока заблужуся, —
Тогда, о смерть! ко мне помощницей лети
И силою меня ко благу обрати!

ПИИТИЧЕСКОЕ СОЗЕРЦАНИЕ ПРИРОДЫ

(ПОДРАЖАНИЕ ФРАНЦУЗСКОМУ)

Огонь божественный, живящий,
Пиитов силою своей
В священный трепет приводящий!
Днесь в душу мне свой жар пролей:
Да вспыхнет оный со стремленьем,
Да излетит с таким же рвеньем,
Как из чреватых громом туч
Перуны грозны, прорываясь,
С усилием ветров сражаясь,
Струистый свой к нам мещут луч.

Пусть гласу хладных наставлений
Послушен будет робкий дух;
Но мой высокопарный гений
К сим тщетным увещаньям глух —
Над зевом страшных бездн несется!
То узря, слабый ужаснется:
Зане во прахе он ползет;
А мне, в жару святого рвенья,
Нельзя терпеть порабощенья,
Направлю выспрь орлин полет.

Празднолюбивый муж, проснися!
Ты в неге, в лености погряз;
Моим восторгом оживися,
Внуши мой вдохновенный глас!
На крыльях гения взнесенный,
Окинь очами круг вселенный,
И вижде порядок чудный сей:
Сии огни, шары блудящи,

Миры, друг друга содержащи
Взаимной силою своей.

Узри под светлосиним сводом
Прекрасного Царя планет,
Который неизменным ходом
Дню с ночию раздел кладет;
Зеленой ризой украшает
И златом жатв обогащает
Лицо лугов, полей, долин;
Супруг природы плодоносной,
На колеснице светоносной
Влечет сонм дней, недель, годин.

Се нощь покров свой расширяет,
На черных к нам крылах паря,
Лазурь небесну затмевает,
Объемлет сушу и моря.
Зрю звезд бесчисленных сверканье,
И метеоров облистанье
Почасту взор мой веселит;
В дремоту ж погрузяся мертву,
Земля паров нощную жертву
Из недр своих горе дымит.

А там теченьем неприметным
Выходит из-за гор луна.
По тучам катит бледноцветным
Колеса сребрены она
Своей жемчужной колесницы;
И меркнут звезды, блеск зарницы
На мрачном севере потух.
Луна во всей красе сияет...
Но в сени туч она вступает,
И паки мгла простерлась вкруг.

Но се уже заря, алея,
Из солнцевых исходит врат;
Хоть сладостная лень Морфея
Еще одержит пышный град.

Как утром Душенька младая,
От Лелева одра вставая,
Горит, стыдливостью полна,
Так нежная заря пылает,
Ковер цветистый расстилает
До самых полюсов она.

При взорах красныя денницы,
Струящих по эфиру свет,
Угрюма ночь, закрыв зеницы,
Во преисподняя течет.
Цветки возникли, оживились,
Лишь только светлой насладились
Улыбкою лица ея;
Сосудцев их полузакрытых,
Росою утренней налитых,
Блестят эмальные края.

И солнцем реки засверкали
В цветущей зелени брегов,
Листки дерев затрепетали
В объятьи тонких ветерков.
Поля оживлены стадами;
И в воздухе и над водами
Ликуют птичек голоса!..
Кто даст, кто даст мне кисть Апелла!
Но нет, — и та бы не умела
Сии представить чудеса!

Природа! сколько удивляешь
Меня в величии своем,
Когда громами ты вещаешь
И молнийным дождишь огнем!
В благоговеньи созерцаю.
В восторге выше бурь взлетаю,
Пою светил теченье, блеск,
Живописую черны тучи,
Глашу шум волн и ветр ревучий,
Стихий мятежных грохот, треск.

О вы, что песнями своими
Очаровали древний мир,
Бессмертных Муз сыны любимы!
Кто строил тоны ваших лир?
И сей небесный огнь священный,
С Олимпа вами похищенный,
Скажите, кто из вас исторг?
Природа. Вам она раскрылась,
И искра гения вспалилась,
И излился души восторг!

Се есть священное рожденье
Искусств приятных и драгих,
В которых смертным услажденье
От горестей житейских злых.
Так живописец нас пленяет,
Когда природе подражает
В ее изяществах для нас,
И стихотворец вдохновенный
Со звуком лютни сладкопевной
Спрягает свой высокий глас.

ТЕЛЕМА И МАКАР, ИЛИ ЖЕЛАНИЕ И БЛАЖЕНСТВО

СКАЗКА ВОЛЬТЕРОВА

Телема живостью и красотой блистает,
Нетерпелива лишь она;
Собою никогда довольна не бывает,
Всегда какой-нибудь мечтой ослеплена.

Любовник есть у ней прекрасный,
Но нравом с нею несогласный;
В глазах его, в чертах румяного лица —
Печать веселости, пленяющей сердца;
Его движеньями спокойствие владеет,
Его поступками — доверенность, приязнь;
К нему приблизиться не смеет
Снедающа печаль и смутная боязнь.
От прихотей безумных,
От развлечений шумных,
Равно он удален.
Ах, как его спокоен сон!
Ах, как приятно пробужденье!
Всечасно новое вкушает услажденье,
Зовется же *Макаром* он.

Нескромная его невеста,
Когда-то, очень не у места,
Пастушку страстную задумала играть.
Заахала некстати и замлела,
Быть обожаемой хотела,
И ну в холодности Макара упрекать; —
Что даже и ему нагнала скуку!
Он, сме́ючись, ее оставил и ушел
Неведомо куда; но через то навел

И пущую бедняжке муку:
Быть в неизвестности о милом, и разлуку
Переносить легко ль? — Пустилась вслед за ним
Искать неверного по всем краям земным.

Во-первых ко двору Телема прискакала,
И спрашивает там у царедворцев всех:
Не здесь ли мой Макар? — При имени Макара,
Телему бедную все подняли на смех.
Толпа насмешников вокруг ее обстала:
«Ха, ха! кого тебе, голубушка, скажи?
Приметы своего Макара опиши!»
Она насмешникам со вздохом отвечает:
Макар есть образец, пример для всех людей!
Он всяких лишних чужд затей;
Всегда он здраво рассуждает,
Во всем себя умно ведет,
От всех любовь приобретает,
И вечно без забот живет.

На это не с другого слова
Все в голос дали ей ответ:
«Здесь нет
Макара твоего драгого;
Кто слыхивал, чтоб при дворе
Искали Феникса такого!
Ему и жить бы где — так жить в монастыре».

Телема в горести скорейшими шагами
Оттуда далее пошла,
И на дороге монастырь нашла:
А что, не вправду ли за этими стенами
Скрывается любовник мой;
Здесь, сказывают, все простились со страстями:
Ну, если здесь живет моей души покой! —
Подумав так, она с надеждою вступила
В обитель тихую затворников сухих,
И о Макаре там спросила:
«Мы сами (говорил в ответ игумен их)
Макара ожидаем;

Но здесь давно уже его мы не видаем!»
Тогда один насупленный чернец
Вмешался в речь: «Престань ты по свету скитаться!
Нигде тебе его, поверь, не доискаться;
Я слышал, будто бы скончался твой беглец».
Телема гневом воспылала
От дерзкой речи той.
Отец честной!
(Она вскричала)
Ты ошибаешься; в живых любовник мой:
Он для меня рожден на свет, — во мне одной
Стихию лишь ему найти для жизни можно;
Я в том уверена неложно;
А кто вам иначе натолковал,
Бесстыдно тот солгал...
Конечно он у Философов,
У умников и острословов,
Которы в книгах так превознесли его
И часто так о нем твердили;
Они, как видно, заманили
К себе Макара моего! —
Но те на сделанный вопрос ей отвечали:
«Макар нам, право, незнаком,
И мы его своим пером
По слуху только описали,
В лицо его мы не видали». —
И пригорюнившись пошла она от них.

Не занялся ли мой жених
Делами сограждáн в Фемидиной палате? —
Вошла, но, посмотрев, послушав, вон бежать
Пустилась, — думая в себе: нет, нет, не кстати
Мне было здесь его искать!
Вовек не будет в Магистрате
Со скукой, с ябедой Макар мой заседать! —

Искала нежная Телема
Неверного сего и там,
Где Талия и Мельпомена,
Где Музыки и Пляски храм;

Но в суетах театра, бала
Макар не найден был отнюдь.
Она его не раз и в обществах искала,
Которы лучшими слывут.
Казалось, на него там много кто походит
На первой взгляд;
Но проницательну Телему не приводит
В обман блестящая наружность и наряд:
Хотя поступки их и речи изъявляют,
Что им хотелось бы принять Макаров вид,
Но все они ему напрасно подражают,
Никто себя с ним не сравнит.

Устала бедная скитаться по пустому.
Как быть?.. вернуться уж домой!
Тихонько к своему она подъехав дому,
С горюющей душой
Вступила в горенку свою, — и там — кого же
Увидела она? — ах, самого того,
По ком грустила так! Макара своего!
А он там на ее уединенном ложе
Присевши, поджидал,
Чтобы нечаянным явленьем
Обрадовать ее. — Живи! — он ей сказал,
Обнявши с умиленьем, —
Живи со мной отнынь
О, милая, спокойно!
И всю печаль откинь!
А чтоб тебе достойно
Век мною обладать,
Так за мечтами не гоняйся,
И никогда не домогайся
Того, чего я сам тебе невластен дать!

*

Теперь читатель пожелает,
Чтоб я растолковал значенье сих имен:
Кто Греческому обучен,
Тот знает;

К нему-то обратись, читатель дорогой;
Тебе он скажет, кто *Макар с Телемой*,
И истолкует он тебе под сей эмблемой,
К чему мы созданы судьбой. —
Макар! тебя, тебя мы все иметь желаем,
Тебя мы ищем все, находим и теряем.
Когда бы ты теперь и жил со мной в ладу,
То я не стал бы тем хвалиться:
С нескромной похвальбой не можешь ты ужиться.
Ты любишь быть не на виду,
А там, где можешь ты от зависти укрыться.

ЦАРСТВО ОЧАРОВАНИЙ

Меж тем как мрачна ночь в долинах распростерлась,
Я по ступеням скал взношусь на темя гор.
Юдоль воздушного пространства мне отверзлась,
В неизъяснимостях блуждает смутный взор:
Не зрю ль Царя духов чудесные чертоги?
Там свод из жемчугов, столпы из кристалей;
Но к ним туманные и зыбкие дороги
Возводят лишь одних духов и мощных Фей
Волшебством окриленны ноги.

Какой блистательный, великолепный вид!
Зрю пляски там и Сильфов и Сильфид,
Там облаки, разостланы ветрами,
Волнуются сребристыми коврами
От легкого прикосновенья их.
О, можно ль выразить всю прелесть плясок сих?
При сладком вздохе флейт эфирных,
При звуке нежных цитр, и арф гремящих, сильных,
Взаимно руки их сплелись;
Они как молнии взвились
В мистическом круженьи быстром,
При лунном свете чистом.

Протяжен вдруг настал, величествен их ход.
Подъявши взор и слух вперяя в звездный свод,
Гармонии текущих сфер внимают,
И шествие хорное к ним применяют. —
Но се, рассыпавшись, как резвы мотыльки,
С Зефиром взапуски стремятся на цветки,
Туда, сюда виляют,
Как лебеди плывут, как голубки порхают,

И, погружаяся в серебреной росе,
Милуются в своей божественной красе.
Держа волшебные жезлы в десницах,
Очарователи, в агатных колесницах,
Таинственных торжеств, гремя, въезжают в храм.
Несутся в тишине прекрасны Феи там;
Белоатласных одеяний
В покров они облачены,
Пиют источник волхований
Из рога полного луны.

На возвышенных грудях их
От вздохов движутся черноогнисты *зоны;*
Таинственно низвесив оны
С рамен, и поясом обвив вкруг чресл своих,
Спешат в глубокий нутр чертогов тех чудесных.
Священный ужас зрю на лицах их прелестных,
Дрожаща меж ресниц слеза у них видна,
Которую сребрит смеющаясь луна! —

Паки внезапно арфы играют,
Слаще и слаще флейты вздыхают,
Весело цитры бренчат.
Сильфы, Сильфиды, где ни взялися,
Паки в круженьи быстром взвилися,
Вихрями воздух крутят.
Раскрылися врата таинственных чертогов,
И бархатны ковры с серебреных порогов
Катятся с шумом вниз;
По оным в торжестве снеслись
Волшебников, волшебниц сонмы,
Духов несчетны миллионы...
Сей милый юноша, конечно, Оберон
С жезлом своим лилейным?
Все шествуют за ним с лицом благоговейным,
Читая письмена своих волшебных зон.
Сколь важен, сколь прелестен он!
Достойно Виланд лишь или Шекспир опишет
Царя волшебников бессмертну красоту!
Когда сам Оберон мне сил не вложит свыше,

Где слов для мыслей обрету? —
Он с кроткой улыбкой
На лилию гибкой
Свой стан опирал;
С живым выраженьем
Взор вдаль простирал,
Объят размышленьем —
И плавным движеньем
Свой шаг умерял.
Титания, в венце из алых роз нетленных,
Выходит вместе с ним;
И тихая любовь в ее очах священных;
Она гордится дорогим! — —

*

Под звуком горних струн они по тучам ходят.
Туманы в дальность их глубокую уводят;
И тихнет понемногу голос лир,
И исчезает легкокрилых Сильфов шорох;
Склоняю слух: еще несет ко мне Зефир
Дрожащи, тонки звуки дальних хоров;
Склоняю паки слух: немая тишина.
За темный горизонт скатилася луна.
Где Обероновы волшебные палаты?
С кристальными столпами храм?
Поля воздушные, волнистой мглой объяты,
Являют хаос лишь блуждающим очам.
Любезны призраки, куда, куда вы делись
От оживляющей Фантазии моей?
Луна сокрылася — и вы сокрылись с ней,
Парами тонкими мгновенно разлетелись.

6

Не ты ли мать Фантомов сих,
Луна, волшебств богиня!
Когда сребром лучей твоих
Осветится небес окружность темносиня,
Низведши кроткий взор на землю и моря,
В лишеньи солнца их улыбкой утешаешь
И, тысячи существ из зыбкой мглы творя,

С воображением моим играешь!
Благодарю тебя, о мой эфирный друг!
Питай меня всегда амврозией мечтаний,
Переноси мой чаще дух
В страну очарований,
В воздушны терема, где радости одни,
Куда бы злых забот и скуку не впускали.
Стократно счастлив тот, чьи дни
Суть продолжительны, волшебны, сладки сны, —
Он чужд снедающей печали.

ШИШАК

ИДИЛЛИЯ

(ПОДРАЖАНИЕ)

Марс в объятиях Киприды
Забывал кроваву брань.
Около прелестной выи
Ластилася мощна длань;
Грудь, твердейшую металла,
Взор Венерин растопил;
Сладкому огню Эрота
Жар сражений уступил.
Вкруг четы богоблаженной
Резвится любовей рой;
Марсов меч, копье дебело
Служит шалунам игрой;
Растаскали все оружье,
Веселясь добыче сей:
Нами Марс обезоружен,
В нашей власти бог смертей!
Вся забылася Природа
Посреди утех и игр,
Подле агниц беззащитных
Засыпал свирепый тигр.
Ястреб горлицам на ветке
Целоваться не мешал
И, казалось, самый воздух
Тонким пламенем дышал.

Но Марса вдруг опять зовет
Звук труб, орудий глас гремящий;
Летит победа, подает
Ему копье и щит блестящий,

На коем изваян герой,
Презревый сладкие забавы,
Томящу негу и покой
Для многотрудных лавров славы.
Свой долг на оном Марс прочел,
Отторгся от любви, вспрянул и полетел
Вооружить себя, — но в шишаке блестящем,
У ног богининых лежащем,
Ах, что военный бог узрел?

Гнездо двух нежных горлиц. —
Они под сенью крылий
Усыпили птенцов.
Друг друга милованье
И сладко воркованье —
Троякая любовь!
Какая власть посмеет
Тронуть рукою дерзкой
Ковчег святыни сей?...

Остановился Марс. Дивится, смотрит.
Смягчается при виде сей четы:
Уже его и слава не пленяет;
Он страстно пал в объятья красоты
И гласу труб зовущих не внимает.

Веленьем матери своей
Амуры всех оттоль прогнали
Литаврщиков и трубачей,
И все орудия попрали
Сих нарушителей утех;
На место ж грубых звуков тех
Златыя лиры и цевницы
Любезный мир превознесли.

*

Не Афродитины ли птицы
Тогда от браней свет спасли?

ПАРНАСС ИЛИ ГОРА ИЗЯЩНОСТИ

Огнекрылаты кони Феба
Спустились в западны моря.
С сафиром голубого неба
Слилася алая заря.
Прострясь холодными крылами,
Уснули ветры над валами;
Один в кустах Зефир не спит.
Кристальна зыбь чуть-чуть струится;
В нее лесистый брег глядится,
И с травок теплый дождь слезит.

Я в размышлении глубоком
Вступив на моря брег крутой,
Носился восхищенным оком
По рдяной влаге золотой.
Мой дух светлел как вод зерцало,
И сердце у меня играло,
Как яркая в струях заря.
Очаровательные сцены!
Минуты сладки и бесценны! —
В восторге духа вскликнул я.

Питомцы Муз, сюда теките!
Сюда, изящности сыны!
И души ваши насладите;
Вам виды здесь посвящены.
Пусть дух, мечтами обольщенный,
Пусть сластолюбец пресыщенный
Без чувств при виде красоты;
Досуг божественный! питаешь
В Пиитах жар.... и открываешь
Всегда им нову прелесть ты!

Блажен, в ком сердце не хладеет
Ко ощущенью сих красот;
Предохранять себя умеет
От скуки и разврата тот.
Коль дух в изящное вперяет,
Он истинную жизнь вкушает
И живо чувствует себя;
Он презрит злато, пышность, чести,
Не будет он поэтом лести,
Прямую красоту любя.

Он льет в согласны, звонки струны
Гармонию души своей.
Любим, гоним ли от фортуны,
Не раболепствует он ей;
Его Природа не оставит,
Отрады сладкие доставит:
О благе чад, послушных ей,
Пекущаяся матерь нежна
И им всегда, во всем споспешна
От детства до преклонных дней.

Природа! днесь перед тобою
И я обет святый творю,
Что лжевествующей трубою
Вовек похвал не вострублю
Кумирам золотым, бездушным,
И что потщусь всегда послушным
Тебе, чистейшая, пребыть;
Что добродетель, правду вечну,
Ум, доблесть, мир, любовь сердечну
И дружбу стану я хвалить.

И ах, когда бы я стопою
Беспреткновенной мог пройти
Стезю, начертанну тобою,
И мог отверстую найти
Дверь храма твоего святаго!
Всего бы, что красно и благо,
Упился жаждущий мой дух:

Я стал бы счастлив и спокоен,
Любви избра́нных душ достоин,
Всем Грациям, всем Музам друг!

Я так вещал, — и опустился
В тени дерев на косогор;
Мой дух в забвенье погрузился.
На влаге опочил мой взор.
Она еще едва мерцала,
В подобье тусклого зерцала,
И мгла синелася вдали
На гор хребте уединенном.
В безмолвном торжестве священном
Дубравы и поля легли.

Крылами мягко помавая,
Зефир прохладу в грудь мне лил;
С ветвей на ветви он порхая,
Тихонько листья шевелил:
Цветов ночных благоуханья
Вносил мне в нервы обонянья;
Мои все чувства нежил он.
А с ним, скользнув под сени темны
И мне смежив зеницы томны,
Объял все чувства сладкий сон.

Лишь вдался я ему, чудесным
Меня восхитил он крылом
И перенес к странам безвестным.
Я смутный кинул взор кругом:
Везде равнины; лишь к востоку
Увидел гору я высоку,
И к оной множество путей.
Из них одни вели лугами,
Другие блатами, буграми —
Сквозь дичь лесов, сквозь зной степей.

При оных мне путях стоящу
Предстала некая жена;
И я ее узрел, держащу

Обвитый крином скиптр. Она
В двуцветну ткань была одета,
На коей нежно зелень лета
Спряглась с небесной синетой.
Ступая ж поступью свободной,
Соединяла в благородной
Осанке важность с простотой.

Как нивами покрыты холмы
Волнуются от ветерков,
Так точно груди млекополны,
Которых скрыть не смел покров,
Дыханьем кротким волновались,
И реки млечны изливались
Из оных, всяку тварь поя. —
По прелестям ее священным
Блуждал я оком восхищенным
И в ней узнал Природу я.

Толико благолепна взору
Она явившись моему
И скиптром указав на гору,
Рекла: «Стремленью твоему
Ты видишь цель; по сим долинам,
Сквозь те леса, по тем стремнинам
Достигнешь на священный верх,
На верх возможного блаженства,
Изящности и совершенства,
Который лучше тронов всех».

Но возвести мне, о Природа!
(Дерзнул я обратить к ней речь)
На высоту сего восхода
Равно ли трудно всем востечь?
Или мне думать, что пристрастье
К иным ты кажешь; — вечно счастье
И вечно им успехи шлешь?
Что ты, лишь только их раждаешь,
Любимцами предъизбираешь
И все таланты им даешь?

Ах нет! как смертному возможно
Тебя в неправости винить!
Открой мне, не сужу ль я ложно,
Потщись сомненье разрешить!
На то богиня отвечала:
«Я всем живущим даровала
Органы свойственные им;
Органы те благонаправить
Или в бездействии оставить —
Даю на волю им самим.

В ком есть желанье, всяк способен
Возвысить дух свой, просветить
Свой разум. — Пашне он подобен,
Могущей все произрастить,
Когда приложит пахарь руку.
Терпением стяжай науку,
Которой ты себя обрек.
Счастливейший на свете гений,
Уснув в вертепе вредной лени,
Парнасса не достигнет ввек».

Рекла, — и с кростостью воззрела.
«Хочу, — примолвила она, —
Чтоб райского того предела
Была вся прелесть явлена
Твоим, о смертный, взорам бренным».
Я пал — и с духом восхищенным
Благодарить ее хотел.
Но божество внезапно скрылось,
Все вкруг меня преобратилось
И я — Парнасса верх узрел.

Там лавров, пальм и мирт зеленых
Кусты благоуханье льют;
В брегах цветущих, осененых
Ручьи кристальные текут.
Там вечно ясен свод небесный.
В лугах и в густоте древесной
Поэтов сонмы я встречал;

Сотворший Илиаду гений
Над вечным олтарем курений
Во славе тамо председал.

Клопшток, Мильтон, в короне звездной,
Сияли по странам его.
Там Геснер, Виланд, Клейст любезный —
Поэты сердца моего.
Там Лафонтен, питомец Граций,
Анакреон, Насон, Гораций,
Виргилий, Тасс, Вольтер, Расин.
О радость! зрелись и из Россов
Великий тамо Ломоносов,
Державин, Дмитрев, Карамзин.

В приятной дебри, меж холмами,
Отверстый отовсюду храм,
Огромно подпертый столпами,
Моим представился очам.
Во оном трон младого Феба,
И Муз, прекрасных дщерей Неба.
Во оном славные творцы,
Друзья людей, друзья природы,
Которых память чтят народы,
Которы были мудрецы, —

Прямые мудрецы, на деле,
Не только на словах одних, —
В эфирном мне являлись теле,
В беседах радостных, святых,
Красно, премудро совещали,
И взор любови обращали
На просвещенный ими мир.
Блаженством их венчались чела,
Божественность в очах горела,
Их голос — звон небесных лир

Средь дивного сего чертога,
В соборе девственных сестер,
Изящности я видел бога.

На арфу персты он простер.
Из струн звук сребрен извлекая,
И с оным глас свой сопрягая,
Воспел бессмертноюный бог.
Я взор не мог насытить зреньем
Его красот, — ни ухо пеньем
Насытить сладким я не мог.

Власы его златоволнисты
Лились по статным раменам,
И благогласный тенор чистый
Звенящим жизнь давал струнам:
Он пел — и все вокруг молчало,
И все вокруг вниманьем стало;
Из алых уст его текла
Премудрость, истина и сладость,
И неизменна чувствий младость
В речах его видна была.

То вопль Сизифов безотрадный,
То зов Сирен, то Зевсов гром
Ловил в той песни слух мой жадный.
Воскликнуть, пасть пред божеством
Готов я был во исступленьи,
И вздрогнул — сильное движенье
Меня отторгло вдруг от сна
На утренней траве росистой. —
То пели птички голосисты
Восшедшему светилу дня.

ОДА ДОСТОЙНЫМ

Дщерь всевышнего, чистая Истина!
Ты, которая страстью не связана,
Будь днесь Музой поэту нельстивому,
И Достойным хвалу воспой!

Дети счастия, саном украшенны!
Если вы под сияющей внешностью
Сокрываете слабую, низкую
Душу, — свой отвратите слух.

К лаврам чистым и вечно невянущим
Я готовя чело горделивое,
Только Истину чту поклонением;
А пред вами ль мне падать ниц?

Нет; — кто, видев как страждет отечество,
Жаркой в сердце не чувствовал ревности
И в виновном остался бездействии, —
Тот не стоит моих похвал.

Но кто жертвует жизнью, имением,
Чтоб избавить сограждан от бедствия
И доставить им участь счастливую, —
Пой, святая, тому свой гимн!

Если мужество, благоразумие,
Твердость духа и честные правила
Совместилися в нем с милосердием, —
От воистину есть Герой!

О, коль те в нем находятся качества,
Он составит народное счастие;
Поздних правнуков благословение
Будет в вечность за ним итти.

Многих мнимых Героев мы видели,
Многих общего блага ревнителей;
Все ли свято хранят обещание
Быть отцами, закон блюсти?

Но кто к славе бессмертной чувствителен,
Тот потщится, о Граждане, выполнить
Долг священный законов блюстителя,
И приимет хвалу веков.

И такому-то, Муза божественна,
О, такому лишь слово хваления,
В важном тоне, из уст благопесниных,
Рцы языком правдивым ты!

К ТЕОНУ

В ОСЕНЬ 1801 ГОДА

Гонимы сильным ветром, мчатся
От моря грозны облака;
И башни Петрограда тмятся,
    И поднялась река.

А я, в спокойной лежа сени,
Забвеньем сладостным объят,
Вихрь свищущ слышу, дождь осенний,
    Биющий в окна град.

О как влияние погоды
Над нами действует, мой друг!
Когда туманен лик природы,
    Мой унывает дух.

Но буря паки отвлекает
Меня теперь от грустных дум;
К великим сценам возбуждает,
    Свой усугубив шум.

Не зрю ль в восторге: *Зевс дождливый*,
Во влагу небо претворя,
С власов и мышц водоточивых
    Шумящи льет моря?

Меж тем к Олимпу руки вздела
От наводняемых холмов
Столповенчанная Цибела,
    Почтенна мать богов.

В глубоком сокрушеньи зрится,
В слезах и трепете она;
Ее священна колесница
    В водах погружена;

В нее впряженны львы ретивы
Студеный терпят дождь и град;
Глаза их блещут, всторглись гривы,
    Хвосты в бока разят.

Но дождь шумит, и ветры дуют
Из сильнодышущих устен;
Стихии борются, бунтуют,
    О ужас! — — о *Дойен!*

Изящного жрецы священны,
Художник, Музыкант, Поэт!
О, будьте мной благословенны!
    В вас дух богов живет.

Стократно в жизни сей печальной
Благодарить мы вас должны;
Вы мир физический, моральной
    Перерождать сильны.

Мой друг! да будет и пред нами
Раскрыта книга Естества:
Прочтем душевными очами
    В ней мысли божества.

Прочтем, и будем исполняться
Святым ученьем книги той,
Дабы не мог поколебаться
    Наш дух напастью злой.

Как бурных волн удар приемлет
Невы гранитный, твердый брег

(Их шум смятенный слух мой внемлет,
Обратный зрю их бег), —

Так праведник, гонимый роком,
В терпенье облачен стоит;
Средь бурь, в волнении жестоком,
Он тверд, как сей гранит.

Смотри, Теон, как все горюет!
Все чувствует зимы приход;
Зефир цветков уж не целует,
И вихрь сшиб с древа плод.

Смотри, как ветви обнаженны
Гнет ветер на древах, Теон!
Не слышится ль во пне стесненный
Гамадриадин стон? —

Лишь, кровля вранов, зеленеет
Уединенна сосна там;
Все блекнет, рушится, мертвеет
Готовым пасть снегам.

О, сетуйте леса, стонайте;
Морозом дхнет на вас зима!
О светлы воды! утекайте:
Вас льдом скует она!

Но минет власть ее, и снова
Придет к нам милая весна;
Совлекшись снежного покрова,
Воспрянет все от сна.

И обновление Природы
На ветках птички воспоют.
В брегах веселых Невски воды,
Сверкая, потекут.

Тогда с тобой, Теон любезный,
Пойдем мы на поле гулять!
Оставим скучный город, тесный,
Чтоб свежестью дышать.

Тогда примите, о Дриады,
Под тень древес Поэтов вы —
Воспеть весну, среди прохлады,
На берегах Невы!

ВИДЕНИЕ В МАЙСКУЮ НОЧЬ

К ФЛОРУ

Майска тиха ночь разливала сумрак.
Голос птиц умолк, ветерок прохладный
Веял, златом звезд испещрялось небо,
Рощи дремали.
Я один бродил, погруженный в мысли
О друзьях моих; вспоминал приятность
Всех счастливых дней, проведенных с ними;
Видел из образ.
Где ты, мой Клеант! (я, вздыхая, думал)
Чтоб со мной теперь разделять восторги?
Где вы все? — где Флор? где Арист? Филон мой
Где незабвенный?
Утром цвел!.. о Флор! недавно ли плачем
По Филоне мы? уж весна двукратно
Оживляла злак над его могилой,
Птички любились.
Я вздыхал, и взор устремив слезящий
На кусты, на дерн, вопрошал Природу:
Друг у нас зачем с превосходным сердцем
Отнят так рано?
Мне была в ответ — тишина священна!
Дале вшел я в лес, оперся на древо;
Листвий сладкий шум вовлекал усталы
Чувства в забвенье.
Вдруг из мрака бел мне явился призрак,
Весь в тумане: он приближался тихо,
Не был страшен мне, я узнал в нем милый
Образ Филона:
Благовиден, млад, он взирал как ангел;
Русы по плечам упадали кудри,

Нежность на устах, на челе спокойство
Изображались.
Он уста отверз, — как с журчащим током
Шепчет в дебрях гул, или арфу Барда
Тронет ветер, — так мне влиялся в ухо
Голос эфирный.
Он гласил: «Мой друг, веселись, не сетуй;
Я живу: излей и во Флора радость
О судьбе моей, а свою с терпеньем
Участь сносите.
Все возможно! зришь ли миры блестящи
Тамо; землю здесь? — что она пред ними,
То и жизнь твоя пред другими жизньми
В вечной Природе.
Ободрись же ты и надейся с Флором
Лучших жизней *там;* но не скорбью тщетной,
Благородством чувств и любовью к благу
Чти мою память!»
Он исчез. Филон! мой любезный, где ты?
Руки я к нему простирал в тумане;
Сердце билось — ах! Но повсюду были
Мрак и безмолвье.

К БОРЕЮ В МАИЕ

∪ — ∪ — ∪ — ∪∪ — ∪∪
∪ — ∪ — ∪ — ∪∪ — ∪∪
∪ — ∪ — ∪ — ∪ — ∪
— ∪∪ — ∪∪ — ∪ —

Борей! доколе будешь свирепствовать?
Дождь хладный с градом сыпать неустально,
И даже снег! — зима престала;
Злой истребитель! не тронь весну.

Нева давно уж урну оттаяла
От льдин: лелеет барки в объятиях,
И я давно олтарь Вулкана
Чтить перестал Гекатомбом дров.

Уже в эфире светлолазоревом
Поюща радость птиц раздавалася;
Лучами солнца растворенный,
Воздух амврозией нас питал.

В прохладе струек тонких, невидимых,
Купал он нежно пляшущих девушек,
И на брегах озелененных
Слышимо было мычанье стад.

Все развивалось, полнилось жизнию,
Сошли с Олимпа смехи и Грации;
Предтеча сладостной Венеры,
Резвый Амур напрягал свой лук.

Но ты напал от севера с бурями,
И дунул хладом. Вдруг помертвело все:

Младыя почки древ поникли,
В гнезда попрятались пташки все.

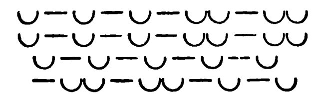
Ты махом крылий игры весенние
Вспугнул; снеговы космы главы твоей
Над Петрополем разлетелись,
Светлого Феба закрывши лик.

Но се — — страшися! он уж готовится
Карать тебя за дерзость. Лучи его
Прекрасный запад осияли,
Ты же, стыдом покровен, бежишь!

ПОХВАЛА ВАКХУ

ГОРАЦИЕВА II КНИГИ 19 ОДА: BACCHUM IN REMOTIS etc.

РАЗМЕРОМ ПОДЛИННИКА:

В стремнинах дальных (веру дадите мне!)
Я видел Вакха, песноучителя
Дриад и Нимф, и козлоногих
Сатиров, внемлющих ухом острым.

Эвое! смутным дух мой веселием
Объят. Волнуюсь; Вакхом исполнена,
Моя трепещет грудь... пощады,
Либер! пощады, грозящий тирсом!

Теперь я в силах петь о ликующей
Фиаде; петь, как млечные, винные
Ручьи в брегах струятся тучных,
Каплют меды из древесных дупел.

Венец супруги, в звезды поставленный,
Чертог Пенфеев в тяжких развалинах
Фракийскому за злость Ликургу
Смертную кару воспеть я в силах.

Ты держишь реки, море в послушности;
Тобой внушенна, в дебрях Вистонии
Свои власы дерзает Нимфа
Связывать туго змией, как лентой.

Когда Гиганты горды воздвигнулись,
Тогда, защитник отчего царствия,
Вонзил ты львины когти в Рета,
Лютым его отразил ударом.

Хотя дотоле всякому мнилося,
Что ты рожден лишь к играм и пиршествам.
Но ты явился, сколько к мирным,
Столько и к бранным делам способен,

Златым украсясь рогом, нисходишь ли
Во ад — внезапно Кербер смиряется;
Ползет к тебе, хвостом ластяся,
Ногу тремя языками лижет.

СВЕТЛАНА И МСТИСЛАВ

БОГАТЫРСКАЯ ПОВЕСТЬ В ЧЕТЫРЕХ ПЕСНЯХ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Светлана в Киеве счастливом
Красой и младостью цвела
И изо всех красавиц дивом
При Княжеском дворе была.
Но более еще сияла
Душевной прелестью она;
С приятством кротость съединяла,
Была невинна и умна.

Князей, Богатырей и *Гридней*
Всегда текла толпа за ней,
Светлана Лады миловидней!
Баяны напевали ей.
И кто б, воззрев, не покорился
Ее божественным очам!
В любвидостойную влюбился
Великий Князь Владимир сам.

Люби меня, девица красна! —
Владимир-солнце ей твердит:
Волненье, муки сердца страстна
Приятный взор твой утолит;
Люби меня! Во ткани златы
Твою одену красоту,
Дам волости тебе богаты,
И всем Княгиням предпочту!

Склонись! — Но тщетно он слагает
Пред нею Княжескую власть;

Он тщетно молит, угрожает:
Она его отвергла страсть!
Какая ж бы, он мнит, причина
Сея холодности была? —
Но ах, когда б он знал, что сына
Ему Светлана предпочла!

К отцу из своего удела
Тмутороканский прибыл Князь.
Светлана юношу узрела, —
Заискрелась и разлилась
Любовь в груди девицы красной.
От всех она ее таит;
Но ей изменит вздох всечасной
И разгорание ланит.

Вступал ли в стремена златые
На играх рыцарских Мстислав;
Метал ли копья из десныя
В высоку цель; — иль, щит подъяв,
Скакал чрез поприще широко,
Одолеваючи Князей, —
За ним ее летало око,
И сердце трепетало в ней.

Уже ты, бедная, мечтаешь
О нем во сне и на яву,
И злых людей не примечаешь:
Разносят о тебе молву!
Но Киевского слух владыки
Молва сия как гром разит;
Немедля сына Князь Великий
В чертог к себе призвать велит.

«На то ль ты, отрок дерзновенный!
Удельный град оставил свой
(Вещал Владимир раздраженный),
Чтоб отчий нарушать покой? —

Уже девиц ты обольщаешь,
Злосчастный! —— сеешь здесь раздор!
О, ты мне сердце отравляешь;
Оставь немедленно мой двор!»

Отец мой! — с должным преклоненьем
Млад витязь изумленно рек —
Скажи, каким я преступленьем
Вдруг гнев твой на себя навлек?
«Каким! — личиною обмана
Свои ты хочешь козни скрыть:
Не влюблена ль в тебя Светлана?
Не ты ль дерзнул ее прельстить?»

— Что слышу! я любим Светланой!
Ах, вподлинну ль, родитель мой,
Столь счастлив я? — Стократ желанной
Я мог ли вести ждать такой!..
Явлю во всем повиновенье,
Во всем, — лишь мне Светлану дай.
Готов итти я в заточенье,
Но с ней меня не разлучай! —

Кто гнев Владимира опишет,
Борьбу страстей жестоких в нем!
Он ревностью, досадой дышет,
Врага он в сыне зрит своем.
«Не будь ко мне жестокосердым, —
Прекрасный продолжал Мстислав,
Почтительно, но гласом твердым,
К ногам родительским припав. —

«Мой Князь, тебя я почитаю,
Отец мой, я тебя люблю,
Но я Светлану обожаю
И никому не уступлю!»
С сим словом встал и распростился
С умолкшим в ярости отцом,
От коего он известился
Теперь лишь только сам о том.

Но сам еще не доверяет
Тому, что девой он любим;
Спешит, минуты не теряет —
И, восхищен известьем сим,
И купно опасаясь гнева
Отцовского, — спешит туда,
Где вожделенна сердцу дева,
Светлана где живет млада.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Под тихим кровом ночи темной
Мстислав прокрался к тем местам.
Но как в чертог уединенной
Предстать Светланиным очам?
И ночью ж? — Но всесильну злату
И просьбам дом отворен стал;
Введен рабыней, вшел внезапу
И изумившейся вещал:

Нельзя мне долее таиться,
Давно плененному тобой!
Я слышал, — но могу ли льститься —
Что непротивен я драгой!
Могу ль сему поверить счастью?
Ответствуй мне, мой рок сверши!
Грядущий час грозит напастью
Тебе и мне — ах! поспеши!

С любовью стыд в ней равносильны
Но первая превозмогла;
Возведши робко взор умильный,
«Люблю тебя» произнесла.
Сей взор Мстислава восхищает,
Бальзам в него слова те льют;
Он руку нежную лобзает
И вздохом зыблемую грудь.

Но дороги для них мгновенья,
И скоро во младых сердцах

Наместо сладка упоенья
Вселился справедливый страх.
Мстислав решается. Драгая!—
Светлане он сказал своей, —
Пойдем, — нас ждет страна иная,
Оставим град опасный сей!

Мой остров пажитями красен,
Обширен мой престольный град,
Обилен, весел, безопасен,
Там ждет нас Леля, бог отрад;
И жизнь свою отдам я прежде,
Чем милую! —— Она на то:
Даюсь тебе, моей надежде!
Жених мой ты, или никто!

Потом срядилась для дороги
Светлана скрытно ото всех;
Оставила свои чертоги
Со вздохом, — может быть на век:
Но с нею шел любовник милый,
О чем еще ей горевать;
Какие Чернобожьи силы
Противу Лады могут стать!

Свою дружину собирает
Мстислав, Тмутороканский Князь;
С собою путь им назначает,
С любезной на коня садясь.
Сколь привлекательным находит
Она его в сей страшный час!
С младаго рыцаря не сводит
Своих любующихся глаз.

И между тем их борзы кони
По усыпленным стогнам мчат.
Страшася каждый миг погони,
Любовники спешат, спешат.

Уже из Киева удачно
Предместьем выбрались глухим;
Вкруг их безмолвно все и мрачно
По дебрям и горам крутым.

Спокойным села сном забылись,
На все простерла ночь покров;
Во мраке туч от взоров крылись
И звезды, теремы богов.
Лишь вод Днепровых тихий ропот
Носился путникам во след,
И эхо только конский топот
От гор горам передает.

ПЕСНЬ ТРЕТИЯ

О Ладо, красоты богиня!
Любовников в пути храни:
Чиста их склонность и невинна,
Достойны счастия они. —
Раздоры, бедствия раждает
И мучит нас твой горький *Дид*,
Но Леля радость восставляет,
Сердца связует и мирит.

Владимир по уходе сына
Остался вне себя; не знал
На что решиться: зла кручина
Рвала в нем сердце. Он пылал
Жаленья, гордости, любови,
Неистовства, стыда огнем.
Вдруг дышет мщеньем, жаждет крови;
Вдруг действует природа в нем.

Природа к сыну преклоняла,
Который так достоин был
Отца во всем; — напоминала,
Что он такую полюбил,
Которую никто не может

Увидеть, не влюбясь; но вдруг
Опять свирепа ревность гложет,
Опять делят в нем страсти дух.

Какой конец борьба получит,
Какая страсть одержит верх?
И не родит ли новы тучи
Сей неожиданный побег!
Восстал Владимир, — но оставим
Великокняжеский терём
И за Светланою направим
Полет свой ясным соколом.

Сквозь дичь, сквозь мрак, на крыльях Лели
С дружиной верною своей
Светлана и Мстислав летели.
Они уже среди полей
Переяславских; но Зимцерла
Еще по небесам ковров
Своих червленых не простерла,
И не был ночи снят покров.

С полей же тех был виден славный
Надгробный памятник Славян,
Еще до Кия, в веки давны
Насыпан кругл, высок курган.
Густою окружаясь рощей,
Над нею гордо возносил
Хребет свой, зеленью поросший,
И путника к себе манил.

Но страхом заперло дорогу
К нему сквозь лес дремуч и дик.
За тем, что там имел берлогу
Разбойник *Вепрь железный клык*.
Он по три дни и по три ночи
Все рыскал, — не́ спал, не дремал;
Но снова богатырски очи
На столько ж суток он смыкал.

Мстислав без страху в лес пустился,
И около кургана там
С дружиною расположился,
Дать отдых усталы́м коням.
В свои объятья взяв, ссажает
С коня Светлану юный Князь;
Зеленый дерн их ожидает. —
И вся по роще разошлась
Для стражи Князева дружина.

Отрадной мыслию полна
Душа Владимирова сына:
«Она со мной! моя она!»
Стыдлива, юная девица
С любезным женихом своим
На травку мягкую садится,
Беседуя приятно с ним.

Наговориться, наглядеться
Не может милая чета;
Что речь, что взгляд — то вздох их сердца;
И часто сходятся уста,
Рука жмет часто руку нежно,
Огонь блистает во очах;
Клянутся друг ко другу вечно
Живейшу страсть питать в сердцах.

Но вдруг восторг их прерывает
Ужасный топот, шум и крик.
И — некто чорен выезжает
Из-за кургана в тот же миг.
Сидит на аргамаке чалом,
При бе́дре светлый меч висит,
Шелом с опущенным забралом,
Копье в десной, а в шуйце щит.

Он к двум сидящим прискакавши,
Невнятно, глухо провещал:
«Ба! я прервал утехи ваши,
На счастие же я попал!..

Послушай! чур со мной делиться!
Сей час мне девицу отдай;
Или — решись со мною биться
И тяжесть сей руки узнай!

Что смотришь? нет тебе подмоги;
Твоя дружина пала вся;
И сам ты здесь подкосишь ноги!
Сдавайся, — *Вепрь разбойник* я!»
Тмутороканский Князь, в безмерной
Досаде от помехи сей,
Воскликнул гневно: «Дерзновенный,
Пришел за смертью ты своей!»

Со смехом чорный отвечает:
«Хотелось бы увидеть мне —
Язык твой много обещает! —
Таков ли храбр ты на коне,
Как на траве с младой девицей?»
Мстислав, досадою горя,
Схватил копье; — скок нá конь, мчится,
Летит на грозного *Вепря*.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Что сталось, нежная, с тобою!
Что чувствовала ты в тот миг,
Когда к кровопролитну бою
Возлюбленный твой тек жених!
Ты тщетно робкий взор вперяла,
Чтоб пó виду врага узнать:
Лицо решеткою забрала,
Весь стан закрыт железом лат.

Уж остры копья притупили,
В листовые щиты вонзив;
И светлы сабли обнажили,
Поспешно с седел соскочив.
Сошлись для страшного сраженья.

Кольчуги, шлемы их звучат;
От тяжкого мечей паденья
С доспехов иверни летят.

Мстислав противнику полшлема,
Мечом ударив, отделил
И шиб с главы, но в то же время
Его меч вражий улучил. —
Он побледнел, — поник, — из раны
Кровь жарким брызнула ручьем!
Раздался жалкий вопль Светланы
При нестерпимом виде том.

Но вид еще иной открылся:
Расколот шлем, лишен подпруг,
С черноодетого скатился...
Лицо его наруже вдруг. —
Светлана вскликнула: Владимир!
«Отец мой!» вскликнул юный Князь...
— «Так; помиримся, сын любимый!
Огнь ревности моей погас».

. Вещал, — и, нежно беспокоясь,
И с ужасом откинув меч,
С себя срывает белый пояс,
Чтобы скорее кровь пресечь,
Текущу из сыновней раны;
При чем без зависти он зрит
Пособье плачущей Светланы,
И попеченье с ней делит.

От тяжка шлема разрешает
Светлана юноше главу;
Поддерживая, лобызает —
Он опустился на траву.
Владимир рек: «Обуревала
Меня неукротима страсть;
Но се природа восприяла
Свою над отчим сердцем власть.

А ты, невинная причина
Того, что я, забыв родство,
На кровного стремился сына,
Ввергал во гроб себя, его —
Светлана! будь ему женою.
Тебе Мстислав, я знаю, мил,
И обладание тобою
Своею кровью он купил!» —

Откуда ж вдруг взялся Владимир,
И как бегущих он настиг?
И в грозное облекся имя:
Разбойник Вепрь железный клык? —
О сем потщися нам поведать,
Баяне вещий древних лет!..
«Не мог ли вмиг Владимир сведать,
Что в Киеве Светланы нет!

Разосланы гонцы. Открылся
Бегущих след. Немедля, сам
Владимир на коня садился,
Сверкнувшим в нем тогда мыслям.
Чего Царю свершить не можно,
Как если на сердце он взял?»
Конечно так. Но думать должно.
Разбойник Вепрь тогда дремал.

К стопам Владимировым пали
Светлана и младой Мстислав
И в онеменьи пребывали, —
Но Царь, их ласково подняв,
Сказал: «Возлюбленные чада,
Забудьте все напасти вы;
Меня связует с вами Лада
Узлом родительской любви!

А ты мне в силе мышцы равен,
Храбрейший из сынов моих!
И бой для нас обоих славен...»

На то Светланин рек жених:
Он славен, — я не чту позором,
Что побежден рукой отца;
Но ты бы мог единым взором,
Единым манием лица
Меня сразить: зачем ты крылся?

«Мой сын, любовь равняет всех;
Отцовской властью я стыдился
Над солюбовником взять верх.
Мечтами страсти ослепленный,
Я думал храбростью одной
Стяжать красы ее бесценны —
И кровью залил пламень свой!

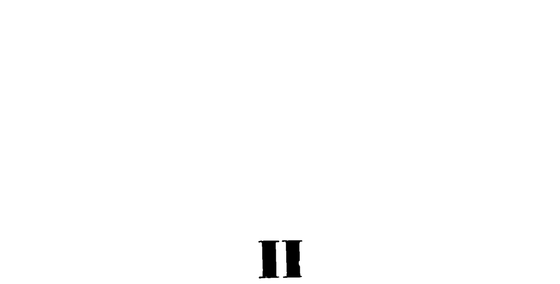
Но искре б не затлеться прежней,
О дщерь моя! не изъявляй
Мне благодарности столь нежной;
Мстислава одного ласкай!
Пойдем, помыслим об отъезде
Теперь заранeй в Киев град.
Вблизи отсель, с моими вместе,
Все спутники твои стоят».

Тогда явилась колесница,
Везома парою коней.
С девицей юноша садится,
А между их Владимир в ней.
В глубоки мысли погруженный,
Что над собой победу взял,
В душе, борьбою утомленной,
Казалось, он триумф держал.

Триумфу оному златая
Была добыча: связь сердец;
Признательность, любовь святая
Несли над ним торжеств венец.
Но приобретеньем Светланы
И отчей благостью Мстислав

Утешен, не болел от раны,
Был взором светл и телом здрав.

Наставшу утру возвратился
Мстислав с Светланой в Киев град
В семь дней от ран он исцелился.
В осьмой был свадебный обряд.
И брачну песнь гремят Баяны,
Цветет отрадой Княжий дом,
За скатерти садятся браны,
И *турий рог* пошел кругом.

II

ИСТОРИЯ И БАСНЬ

Ф. Ф. РЕПНИНУ

Репнин, мой друг, владетель кисти,
Лиющей душу в мертвый холст!
Ты так как я, питомец Феба!
Подай же руку: вместе мы
Пойдем изящного стезею.
Тебе я тамо покажу
Достойные тебя предметы,
Которые огонь родят
В твоей груди, художник юный!

Два храма видишь ты на оной высоте.
Один, Коринфскою украшен колонадой;
Повсюду блещет там и злато и лазурь,
В прелестных статуях Парийский дышет мрамор.
Храм *Басни* то; а сей, на правой стороне,
Есть храм *Истории*, и прост и важен:
В обширном куполе, которым он накрыт,
И в междустолпиях разлит священный сумрак.
Мы оба храма посетим,
И оба божества мы жертвою почтим.
Но прежде в сей войдем, который столь прекрасен.

В широких белых ризах,
Седой, почтенный жрец,
С покровом на главе, сверх коего венец
Из полевых цветков, зеленых мирт и лавров,
Облокотясь на златострунну арфу,
В преддверьи, с важным нас приветствием встречает.
Сей старец есть Гомер, — Гомер, богов певец.
— «Сподоби нам войти в святилище богини;
Зане причастны мы мистериям ее».—

Священный к нам осклабя зрак,
Дверь храма старец отверзает:
Восторг и трепет свят весь дух мой обнимает!
Я вижу прелести... Но нет, не описать
Мне их словами, — ты, о живописец,
Изобразишь ли их художеством своим?...

Какие виды,
И превращенья!
Там брань мятежна,
Борьба, ристанье,
Здесь светлы лики
И пляски Нимф!
Неисчерпаемый красот, богатств источник! —
Бери скорее кисть, палитру и пиши!
Пиши
Богоглаголивой Додонской мрачности рощи,
И Пифиин треножник злат,
И восхитительну долину Темпе,
И Гесперидский сад.
И пир богов пиши в чертогах Крониона,
Огромных, созданных Ифестом.
Чтобы вкруг сладких яств отрадно возлегали
Блаженны жители Олимпа
И простирали бы к трапезе вожделенной
Десницы, на отца взирая;
Во осенении ж кудрей амвросиальных
Чело державного Зевеса
Блистало б благостью. А Ира величава
В златой бы зрелась диадиме,
С эгидой и с копьем владычица Паллада,
С колчаном, с лирой светл Аполлон.
И ты, о мать утех, сладчайшая богиня,
Имуща оный чудный пояс,
И ты бы зрелась там с собором юных Граций
И со смеющимся Эротом.
О вид божественный! о дивная изящность!
Там песни Муз пленяют ухо;
Богиня младости льет в чаши сладкий нектар,
И милый Ганимед разносит!

Но мы с надоблачных вершин Олимпа сходим
В Троянские поля,
Где рать Ахейская одержит град Приамов,
Где Ксанфос трупы мчит, где Гектор и Ахилл
Свирепствуют. Оттоль с премудрым Одиссеем
По царству странствуем Нептунову, и зрим
Циклопов, Сциллу, Ад, Цирцею, Навзикаю,
И множество иных чудес.

Готов ли ты? — теперь пойдем к другому храму
Сумрáчным переходом сим,
Который лишь одна лампада освещает;
Здесь строга Критика имеет свой престол
И лже и истине границу полагает.

Ты был поэтом, — будь философом теперь!
На сих висящих дсках добро и зло читая,
Предметы избирать из них себе умей.
Великих и святых изобрази людей,
Которых победить не может участь злая.
Искусной кистию своей
Яви добро и зло в разительных контрастах:
В страдальцах истины прекрасная душа
Сквозь всякую б черту наружу проницала;
Сократ беседует с друзьями, смерть пия;
Правдивый Аристид свое изгнанье пишет;
Идет обратно Регул в плен,
И верен истине Тразеа умирает.
А в недрах роскоши, среди богатств, честей,
Тиранов льстец Дамокл, упоеваясь счастьем,
Возвел кичливый взор, но, видя над собой
Меч остр, на волоске висящий, цепенеет.

Сколь благомыслящим утешно созерцать
Толь поучительны, толь сильные картины!
С Плутархом в них, мой друг, с Тацитом нам являй
Величие и низость смертных
И душу зрителей к добру воспламеняй.

К А. Г. ВОЛКОВУ

В ДЕКАБРЕ 1802 ГОДА

— ∪ — ∪∪ —, — ∪∪ — ∪∪
— ∪ — ∪∪ —, — ∪∪ — ∪∪
— ∪ — ∪∪ — ∪
— ∪ — ∪∪ — ∪ —

Волков, милый певец! что ты молчишь теперь?
Ты своею давно анакреонскою
Лирой нас не пленяешь
И Парнасских не рвешь цветов!
Что ты, друг мой, молчишь, точно как летние
Птички зимней порой? или под бременем
Тяжкой скуки страдаешь,
Спутан сетью забот лихих?
Сбрось их, юноша, с плеч! жить независимо
Должен тот, кто любим чистыми Музами:
Должен жить-наслаждаться,
И нетщетно в груди питать
Огнь, влиянный в него небом на то, чтобы
Жар свой в ближних сердца, свет свой в умы их лил.
Волков! о, посети же
Круг приятный друзей твоих.
С ними можешь забыть все, что крушит тебя;
Можешь перебирать резвыми перстами
Лиру, сладкие песни
Петь, любовь и весну хвалить!
Пусть Декабрь оковал воды, в снега зарыл
Луг, на коем цвели розы и ландыши —
Чаши налиты пуншем;
Щеки девушек лучше роз!

К СТРОИТЕЛЯМ ХРАМА ПОЗНАНИЙ

Вы, коих дивный ум, художнически руки
Полезным на земли посвящены трудам,
Чтоб оный созидать великолепный храм,
Который начали отцы, достроят внуки! —
До половины днесь уже воздвигнут он:
Обширен, и богат, и светл со всех сторон;
И вы взираете веселыми очами
На то, что удалось к концу вам привести.
Основа твердая положена под вами,
Вершину здания осталося взнести.
О, сколь счастливы те, которы довершенный
И преукрашенный святить сей будут храм!
И мы, живущи днесь, и мы стократ блаженны,
Что столько удалось столпов поставить нам
В два века, столько в нем переработать камней,
Всему удобную, простую форму дать:
О, наши статуи украсят храм познаний,
Потомки будут нам честь должну воздавать!
Как придут жертвовать в нем истине нетленной
И из источников науки нектар пить,
Рекут они об нас: «се предки незабвенны,
Которы тщилися сей храм соорудить;
Се Галилей, Невтон, Лавуазье, Гальвани,
Франклúн, Лафáтер, Кант — бессмертные умы,
Без коих не было б священных здесь собраний,
Без коих долго бы еще трудились мы».
И так, строители, в труде не унывайте
Для человечества! — Уже награды вам
Довольно в вас самих, но большей уповайте;
Готовьтесь к звездным вы бессмертия венцам!

ПОЛИНЬКА

Пусть другие хвалят Киев град,
Или матушку Москву белокаменну,
Или Тулу, или Астрахань,
Или Низовски края хлебородные;
Не прельстит меня ни тихий Дон,
Ниже Волга, сто градов напаяюща;
Всех приятнее Нева река:
На берегах ее живет моя Полинька,
И струи ее лазоревы
Часто Полиньке моей служат зеркалом;
Днем ли черпает прохладу в них,
Или утром красоте омовение —
Встав с зарей, она к окну идет
Между розами вдохнуть свежесть утреннюю;
Днем из терема отцовского
В легком платьице спешит в зелен сад гулять;
Тихим вечером любуется
Вдоль по каменным мосткам. Но охотнее,
В тишине тенистой рощицы,
На цветущих островах ходит Полинька,
То с любезными подругами,
То задумчиво одна одинешенька;
В светлорусых волосах ее,
Перехваченных венком, легкий резвится
Ветерочек, навевает их
На прекрасные плеча, на высоку грудь;
Прохлаждает щечки алые,
И дерзает — — о, когда б ветерком я был! —
Но на травку села Полинька,
Устремила, вздохнув, на Неву свой взор.
Ах, по ком вздыхаешь, милая!

Отчего сия слеза в воду канула? —
Не о суженом ли думаешь,
Не гадаешь ли уже о златом кольце?...
Если б мне судьба позволила
Сцеловать с твоих ланит слезы девичьи
И, прижав мое ретивое
Сердце к сердцу твоему, перенять твой вздох!

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЬ

1803

Май благодатный
В сонме Зефиров
С неба летит;
Полною урной
Сыплет цветочки,
Луг зеленит;
Всех исполняет
Чувством любви!

Выйдем питаться
Воздухом чистым;
Что нам сидеть
В мертвых стенах сих?
Душно здесь, пыльно —
Выйдем, друзья!
Пусть нам покажет
Бабочка путь.

Там, где широко
Стелется поле
В синюю даль,
Вол круторогий
Пажить вкушает
В стаде телиц,
Прыткие кони
Скачут и ржут.

Вижу — от юга
Тянутся тучей
Лебеди к нам;
Ласточка в светлом

Небе кружится,
Мчится к гнезду.
Пахарь оставил
Мирный свой кров.

Он уж над пашней
В поле трудится;
Либо в саду
Гряды копает,
Чистит прививки,
По́лет траву;
Либо за птичьим
Смотрит двором.

Девушки сельски
Гонят овечек
Беленьких в луг.
Все оживилось,
Все заиграло,
Птички поют.
Радость объемлет
Душу мою!

Свесившись с холма.
Смотрятся ивы
В зеркало вод.
Гибкие ветви
На́ берег злачный
Кинули тень.
Как здесь прохладой
Сладко дышать!

Слушать под тенью
Чирканье птичек!..
Ах! если б вдруг — —
Птички, потише!
Слышится шорох...
Лизанька, ты?
Тени, раскиньтесь!
Лиза со мной!

УСЛАЖДЕНИЕ ЗИМНЕГО ВЕЧЕРА

1803

Изолью ли на бумагу
То, что чувствует мой дух!
Я блажен неизъяснимо,
О мой милый друг!

Здесь под вечерок беспечно
Я раскинувшись сидел,
Ясным оком и довольным
Пред себя глядел.

Вкруг меня природа вянет,
А во мне цветет она:
Для других зима настанет,
Для меня весна!

Грудь моя свободно дышет,
Чувством здравия горю...
И небесное явленье
Пред собою зрю:

Белым платьем стан окинув,
Легкой поступью пришла,
И овал лица прекрасный
Видеть мне дала.

О, гармония какая
В редкий сей *ансамбль* влита!
Сладкая улыбка кроет
Розовы уста,

Из которых я услышал:
Здравствуй, милый мой пиит!
Знать ты с Музою в беседе,
Что твой весел вид. —

О Филлида! я в восторге,
Я теперь совсем Пиит,
Ибо Грация и Муза
Предо мной стоит!

УТРО

ЭКЛОГА

Миртилл и Дафнис

Дафн[ис]

Откуда с посошком, Миртилл,
Бежишь так рано пред зарею?

Мирт[илл]

Меня ты, Дафнис, приманил
Звенящих струн твоих игрою;
Я нé спал. С час уже, как сон от глаз моих
Был свеян ветерком прохладным:
Молчало все, и лес был тих;
Я слушал долго ухом жадным,
Кто первый звук издаст! — и вот
Наш Дафнис прежде птиц поет.

Дафн[ис]

Садись, мой милый, здесь. Послушай; мне внушает
Природа Маию гимн.
Недолго было ждать: в лесочках начинает
Пернатых хор брать верх над пением моим.
Исшед из сени шалаша,
Стою с желанием на праге,
Да окупается теперь моя душа,
Любезный месяц роз, в твоей эфирной влаге!

Смотрю вокруг: уже предшественница дня
Чертою пурпура цветит обзор небесный

И, тучемрачну ночь перед собой гоня,
Ее во адовы женет заклепы тесны.

Се, среброногое на дальных гор хребты
Вступило утро, лик оскабля свой златый.
Но дол и лес еще в тумане сон вкушают,
И, нежной почкою одеяны, цветы
Зефирам прелестей своих не обнажают. —

Росою между тем медвяной омовенны,
Сколь трепетно они златого солнца ждут!
Ах, ждут,
Чтоб поцелуй его живительный, священный
Раскрыл в них полную благоуханьем грудь.

И се свершается. Оно взошло; с окружных
Предметов мрачная завеса им снята.
Простерлась в высотах воздушных
Смеющаяся синета.

В оттенках зелени приятной
И в полном цвете лес и луг;
И недро Теллы благодатной
Орющих ощутило плуг.

Усеялось стадами поле,
И роща пастухов зовет,
Где птичка радуется воле
И красную весну поет.

М и р т [и л л]

Прекрасно. Песнь твоя сладка как мед; в ней сила
Огнистых вин, в ней ток прохладных ручейков.
Не Муза ли тебя Пимплейская учила,
Или сама любовь? —
Любовь, я слышал, есть всегдашняя подруга
Зефирам и цветам, и без любви весна
Была б не так красна.
Вчера мне на пригорке луга

Случилось сесть, и там мой старший брат сидел
С Аглаею. Он ей об этом песню пел;
Я помню лишь конец, — спою, коли угодно.

Д а ф н [и с]

Послушаю охотно.

М и р т [и л л]

«Ах, у кого друг милой есть,
«Тот может петь весну!
«Есть с кем весенни дни провесть,
«С кем чувствовать ему;
«Не на́ ветер веночек сплесть,
«В лугах не одному
«Под тень на мягку травку сесть:
«Ведь у него друг милой есть!
«Он может петь любовь и радостну весну».

Д а ф н [и с]

И ты прекрасно спел. Конечно,
Весна любовию цветет,
И воспевать ее один лишь может тот,
В ком чувствие сердечно
Разверсто для красот. —
И пусть все милое проходит скоротечно:
Когда понасладимся им
Хоть миг, не будем ли равны богам самим?
Блаженство бесконечно
Мы в миг один вместим!
Вон и́дет резвый полк красавиц в лес гулять,
Влиянье Маия принимать.
И мы туда, Миртилл! — Смотри: уже паляши
Свои к нам солнце шлет лучи с небовысот;
Томятся жаждою волы бродящи,
И белый агнчий сонм прохладных ищет вод.

3 ГОРАЦИЕВЫ ОДЫ

1

К АПОЛЛОНУ, ИЛИ ЖЕЛАНИЯ ПОЭТА

(Кн. 1, Ода XXXI. Quid dedicatum poscit Apollinem)

О чем в Апо́ллоновом храме
Усердно молится Поэт,
При воскуренном фамиаме
Коль вина на олтарь лиет? —
Не для него в Сардинских спеет
Благословенных нивах рожь,
Ниже Калабрским богатеет
Руном он мягким овчих кож;
Не просит он сокровищ злата
И зубья Индского слона,
И чтоб угодьями богата
Земля ему была дана.
Нет, пусть другим Фалернских гроздий
Возделыванье вверит рок.
Купцы и корабельны гости
Бесценный оных выпьют сок, —
На Сирски выменяв товары,
Из полных выпьют чаш златых
(Внегда фортунины удары
Щадят боголюбимцев сих,
И понт неверный их лелеет,
Летящих на корысть и смерть).
Мне маслина одна довлеет
И овощь легкая во снедь.
О Феб! дай смышленну и здраву
Мое стяжанье мне вкусить,
Не уронить ввек добру славу,
А паче лиру не забыть.

2

К ЛИЦИНИЮ, О СРЕДСТВЕННОСТИ

(Кн. 2, Ода X. Rectius vives etc.)

Равно бессчастны, о Лициний,
Кто тщится плыть против вершины,
И кто, страшася слишком волн,
Близ берега свой держит челн.

Ходяй срединою златою,
Не дружен смерди с чернотою,
Ниже завистный мещет взгляд
На велелепие палат.

Для древ высоких ветер страшен;
Главам превознесенных башен
Паденье злейшее грозит,
И в темя гор перун разит.

Но в бедствии не унывает,
А в счастии готов бывает
К пременам рока бодрый дух:
Вратится вечно счастья круг;

К нам зимы, весны дышут с неба!
Всегда ль в священной длани Феба
Звенит в погибель грозный лук? —
И арфы нежной слышен звук.

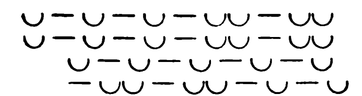
Будь тверд в напасти, безбоязнен;
Но также, если ветр приязнен
Вздул туго парусы твои,
Благоразумно их сбери.

3

К МЕЦЕНАТУ, О СПОКОЙСТВИИ ДУХА

(Кн. 3, Оды XXIX окончание, от стиха: prudens futuri etc.)

РАЗМЕРОМ ПОДЛИННИКА:

Премудро скрыли боги грядущее
От наших взоров темною нощию,
Смеясь, что мы свои заботы
Вдаль простираем. Что днесь пред нами,

О том помыслим! прочее, столько же
Как Тибр, измене всякой подвержено:
Река, впадающая в море
Тихо в иной день, брегам покорно;

В иной день волны пенисты, мутные
Стремяща; камни, корни срывающа;
Под стоном гор, дубрав окрестных,
Домы, стада уносяща в море.

Тот прямо счастлив, Царь над судьбой своей,
Кто с днем протекшим может сказать себе:
«Сегодня жил я! пусть заутра
Юпитер черные тучи кажет,

Или чистейшу ясность лазурную, —
Но не изгладит то, что свершилося;
Ниже отымет те минуты,
Кои провел я теперь толь сладко».

Фортуна любит мены жестокие;
Играет нами злобно, и почести
Неверны раздая, ласкает
Ныне меня, а потом другого.

А я бесскорбен: хочет ли инуда
Лететь, охотно все возвращаю ей;
Своею доблестью оденусь,
Правду свою обыму и бедность.

Когда от бурных вихрей шатаются
Со скрыпом мачты, — мне не вымаливать
Себе драгих стяжаний целость;
Мне малодушно не класть обеты,

Чтоб алчным морем не были пожраны
Мои товары дальнопривозные.
За то проеду безопасно
В самые бури на утлом струге!

ОТКРОВЕНИЕ МУЗЫ

Отвезлась горняя богов обитель,
Отверзлась оку моему,
И пренебесного сиянья
Поток рассеял тьму,

Простершись лествицей ко мне огнистой,
По коей спешно нистекла
Глубокомысленная Муза,
И тако мне рекла:

Воздвигнись, ревностный служитель Феба!
Сию гитару приими
Из рук моих, и вдохновенный
На ней пеан греми;

Зане услышано твое моленье
Во сонме светодарных сил:
Прозрели дух твой, неба алчущ,
И Зевс благоволил,

Да не затворится Олимп блаженный
Видению твоих очес,
И да всегда с тобой пребуду,
Посланница небес.

Не бо возможет мной руководимый
О камень зла ноги преткнуть;
Эфирными ему цветами
Устелют *Оры* путь.

Хотя же строгая судьба отъемлет
От уст твоих витийства дар,
Создав тебя косноязычным;
Но чувств сердечных жар

Тем с большей силою да воскресает
В размере сладостных стихов:
Язык тебе не додан смертных,
Но дан язык богов!

ЛИСТОПАД И ЦВЕТЕНЬ

1804

Здравствуй, златое на западе солнце,
После осеннего, скучного дня!
Вдруг, разогнавши завистные тучи,
Бросило светлый ты взор на меня!
Я вспоминаю весенни
Дни золотые;
Тешусь, живу вспоминаньем
Радостей прошлых.
Так! *настоящее* есть
Неосязаемый пункт.
Вечная благость смертным дала
В *будущем* жить и в *минувшем*.
Двух им послала спутниц,
Прекрасных Фантазии дщерей,
Надежду и Память.

Одна перед нами во мгле нерешимой
Высоко держит светильник;
Путь усыпает цветами;
И нудит гордый рассудок
На помочах легких
Итти за собой. —
Но часто и встречные вихри
От нас отрывают ее:
Едва остается нам виден
Пылающий факел ее,
Как звездка вдали.

Сестра же ее неотлучно
За нами следит.

Как даровитая осень,
В венце из колосьев,
У сердца держит снопы.
Прилежно цветы и плоды собирает,
А плевел и терние топчет ногой!

Здравствуй же, солнце златое,
В дни Листопада!
Ты представляй мне живее
Радостный Цветень!

САФО

О Хариты! ныне ко мне склонитесь,
Афродитин радостный трон оставив;
Вы к Фаону милому понесите
Сафины вздохи!

Музы! вас прошу я, Сирен Пермесских!
Дайте Сафе вашего пенья сладость! —
Ты, уныла лира! служи мне ныне
Отзывом сердца!

Омраченну грозною тучей небу,
Дуб нагорный столько ударам вихря
Не подвержен, сколько мое — биемо
Страстию сердце.

Где девались красные дни, когда я
Зрела друга милого, мной плененна?
Ах! теперь не только любви лишает,
Даже воззренья.

Я подруге верила, и любила,
А она мне лютой изменой платит;
Льстит в глаза, но сердцу наносит рану
Неисцелиму.

Но пускай Фаону в ее объятьях
Будет рай! — не все ли сердца под властью
Держишь ты, мой милый! вкушай блаженство,
Чуждое Сафе.

Мне любить тебя, а тебе быть милым
Жребий дан: однажды, еще быв отрок,
Ты в венке из роз по водам кристальным
Лодочку правил.

Вдруг Киприда с берегу в виде смертной
Просит, чтоб ее превезли на тот брег;
Ты ей место дал, и повез с ней Граций,
Игр и Амуров.

Взором ты своим приманил Амуров,
На уста к тебе прилетели смехи,
Окружив, Хариты тебя приятно
Поцеловали.

Красоту тогда ты приял в награду:
Мальчик милый, молвила Афродита,
Умащен амврозией, будь отныне
Всех пригожее!

Слыша то, Эрот воздохнул ревниво;
Я случилась там; он стрельнул мне в сердце:
Красоту Фаона превзойдет, рек он,
Сафина нежность!

Ах, а ты жестокий меня покинул
В злой тоске; скажи мне, чего желаешь?
Чем любовь тебе доказать? пуститься ль
В дикие степи?

В волны морь?.. Пойду и на край вселенной;
Я на все готова тебе в угодность.
Для тебя дерзну Цитереин пояс
С неба похитить;

Чтоб сплестися нам неразрывной цепью,
Сердце с сердцем сжать, и уста с устами.
Ах! по всем моим протекает жилам
Пламя любови!

Горе мне! Несчастная, льстишься втуне;
Ты не сыщешь счастья, ищи покоя,
Здесь он ждет тебя, усыпитель скорбей,
Камень Левкадский.

КАЛЛИОПЕ

Горац[ия] 3 кн. ода IV. Descende coelo etc.

Сойди с небес, царица Каллиопа!
Бессмертным пением свирель наполни,
  Или издай свой глас приятный,
  Или ударь во струны Фебовы.

Чу! слышите ли? или я обманут
Мечтаньем сладким: глас ее и шорох
  В священной мню внимать дубраве,
  В журчаньи вод, Зефиров в веяньи.

Еще я отрок был. На Апулийских
Горах я, утомясь, вздремал однажды
  От игр и беганья; в то время
  Меня приосенили голуби,

Священны птицы. И из сел окружных,
Из Ахеронции и из Форента
  Народ, во множестве собравшись,
  Дивился чудному видению,

Что сонного ни ползкий гад не тронул,
Ни хищный зверь, — и что кругом закладен
  Святыми лавров, мирт ветвями,
  Не без богов отважный отрок спит.

Я ваш, о Музы! ваш я, где бы ни был,
На высотах Сабинских, иль в прохладном
  Пренесте; Тибура ль пригорок,
  Иль Баий взморие влечет меня!

Любителя Парнасских вод и хоров
Ни битва не сгубила во Филиппах,
Ниже паденье древа злого,
Ниже в Сиканских Палинур волнах.

Ведомый вами, я могу пуститься
В пучину Бо́сфора пловцом отважным,
И по степям Ассирским, жарким,
Неутомимо пешешествовать.

Британцев видеть, к странникам суровых,
И пьющих конску кровь Конканов зверских,
И невредим сквозь остры стрелы
Гелонян, и сквозь Скифский Понт тещи!

Когда великий Кесарь, после трудных
Походов, по градам расставит воев,
Он к вам в пещеру Аонийску
На сладкий отдых удаляется.

Благоотрадные! совет ваш кроток
И добр всегда. Еще мы помним буйных
Титанов, коих сонм надменный
Низложен, стерт палящей молнией

Из длани Зевса, предержащей землю,
Кротящей бурное в пределах море,
Имущей вся, и ад во власти;
Людьми, богами право правящей!

Хотя и зельный страх вселяла Зевсу
Сих облых юношей растуща сила,
Как их два брата подвизались
Поставить Пелион над Оссою:

Но что Тифей, и броненосный Мимас,
И что Порфирион с грозящим зраком,
И Рет, и Энкелад кичливый,
Метатель древ с корнями вырванных,

Против Палладиной эгиды звучной
Могли содеять? Там, к сраженью жадный,
Стоял Вулкан, там матерь Ира,
И тул всегда на раменах носяй,

Власы же разрешаяй боголепны
Во омовении росой Кастальской,
Лесов Ликийских покровитель,
Апóллон, Кинфа бог и Делоса.

О Мудрость! без тебя не в пользу сила;
С тобою же она когда в союзе,
Ей сами боги помогают,
Но посрамят самонадеянье.

Свидетельствуют то Гигант сторукий
И оный оглашенный искуситель
Дианин, Орион, — сраженный
Стрелами девы целомудренной.

Еще своих земля чудовищ кроет
И сетует, что их небесна молнья
Низвергла в Оркус, — и не выел
Доднесь надложенную Этну огнь.

Ниже оставит Титиеву печень
Служитель мщения клевать пернатый,
И в триех стах лежит оковах
Прелюбодейство Пирифоево.

ХРИЗАНФУ

1805

Чем прекраснее цветочек,
Тем скорее вянет он.
Ах, на час, на мал часочек
Нежный Сильф в него влюблен!
Как увянет,
Он престанет
В нем искать утехам трон.

Счастлив, ежели посеян
Он на лучший кряж земли,
Кротким ветерком обвеян,
Не зазнает ранней тли;
Хладу, зною,
Над собою
Не уведал николи.

И из недр своих прекрасных
Изливая райский дух,
Не столпит одних лишь праздных
Трутней, гусениц и мух:
В век свой краткий
Будет сладкий
Медотворным пчелкам друг.

Ныне ты, Хризанф мой милый,
Розою любви цветешь:
Огненной исполнен силы,
За версту сладчайши льешь
Ароматы, —
Силе траты
Будто ввек не наживешь!

Ныне радость златокрыла
По твоим парит следам.
Роскошь с Вакхом учредила
Пир ликующим гостям;
Одр ночлега
Стелет нега
Утомленным резвостям.

Ах, да будет сон их долог,
Упоительны мечты!
Утро сквозь тафтяный полог
Пусть в объятьях красоты
Их застанет;
Полдень взглянет
На измятые цветы!

Пользуйся, часов любимец!
Жизнию; — но не забудь,
Что небесный сей гостинец
Без примесу не дают
Смертным боги,
И что строгий
Сочетали с оным труд.

Если в жертву не положишь
Пред Минервой благ своих
Должну часть, — смотри! ты можешь
Вскоре всех лишиться их;
Но отыди
В сень Эгиды,
И не бойся Гарпий злых!

ПИСЬМО О СЧАСТИИ

К И. А. ИВАНОВУ

Во время, впору, кстати —
Вот счастия девиз. —
Иванов, что есть счастье?
Иметь покров в ненастье,
Тепло во время стужи,
Прохладну тень от зною;
Голодному хлеб-соль,
А сытому — надежду
На *завтрашнее* благо;
Сегодня ж — уверенье,
Что совесть в нем чиста,
Что он приятен людям,
Друзьям своим любезен,
Младой подруге мил;
Что он, не зная рабства,
Не обинуясь, может
Работать, отдыхать,
Копить и расточать,
Во время, впору, кстати.

Но кто научит нас
Все делать *впору, кстати?*
Никто иной как сердце,
Как собственное сердце;
Оно должно вести
Нас бережно и ловко,
Как хитрых балансеров,
По оной тонкой нити,
Которая зовется:
Во время, впору, кстати.

Протянута над бездной
Сия чудесна нить;
Над темной бездной скуки,
Душевной пустоты,
Где примет нас зевота,
Положат спать болезни,
И отвращенье в льдяных
Объятиях морит.

Но как нам уберечься,
Чтобы туда не пасть?
Спроси у Философов;
Один тебе твердит:
«Не слушайся ты сердца,
А слушайся ума;
Сего имей вождем!»
Другой велит напротив.
А мой совет таков:
Ум с сердцем согласи,
Но более второму
Всегда послушен будь,
За тем, что в нем природа
Свой внедрила инстинкт,
Закон *поры* и *стати*.

Конечно, ум есть жезл,
К которому должны
Привязывать мы сердце,
Как виноградну лозу
К тычинке, — чтобы вверх
Росла, не в прахе б стлалась;
Но может ведь лоза
Прожить и без тычинки,
Хотя и дико, криво,
И плод нести, хоть горький!
Тычинка ж без лозы
Дреколье лишь сухое.

НА СМЕРТЬ ВОРОБЬЯ

(ПОДРАЖАНИЕ КАТУЛЛУ)

Тужите Амуры и Грации,
И все, что ни есть красовитого!
У Дашиньки умер воробушек!
Ее утешенье, — которого
Как душу любила и холила!
А он — золотой был; он Дашу знал.
Ну точно как дитинька маминьку.
Бывало не сходит с коленей он
У милой хозяюшки, прыгая,
Шалун! то туда, то сюда по ним,
Кивая головкой и чикая.
Тепере воробушек в тех местах,
Отколе никто не бывал назад.
Уж этот наш старый Сатурн лихой.
Что все поедает прекрасное!
Такого лишить нас воробушка!
О, жалость! о, бедной воробушек!
Ты сделал, что глазки у Дашиньки
Краснехоньки стали от плаканья!

ПИР АЛЕКСАНДРА, ИЛИ МОГУЩЕСТВО МУЗЫКИ

ДРАЙДЕНОВА КАНТАТА, НА ДЕНЬ ЦЕЦИЛИИ, ИЗОБРЕТАТЕЛЬНИЦЫ ОРГАНОВ

I

В тот царский, громкий день, когда Филиппов сын
Низверг Персеполь в прах,
Во славе видим был Ирой богоподобный,
Судеб, народов властелин,
Седящ на троне, пиршества в лучах;
Вокруг его священный страх.
Стесненный сонм вождей облег степени трона,
Все в розовых и миртовых венках
(Сей льготы требуют победоносцев чела).
По сторону Царя
Таиса милая сидела,
В расцветшей сладости, как нежная заря,
И тысячью приятств владела.

О блаженная чета!
Ироя одного достойна красота!

Хор

О блаженная чета!
Ироя одного,
Его, его сия достойна красота!

II

Выходит на среду певец,
Всего гремяща хора вождь.
Еще перстом слегка перебирает струны;

Вдруг воскриляются симфонии перуны,
И грудь восторгом дмят.

От Зевса начал песнь певец,
Оставльшего свое небесное селенье
(Толико мощно есть любви влеченье!).
Пламенордяного приемь дракона вид,
Отец богов свое парение стремит
К Олимпиаде благолепной.
Приник на лебедину грудь.
Сугубо обвивает
Ее прекрасный стан,
С любовию впечатлевает
Подобие свое, — второго по себе
Царя вселенной.

Весь в упоении сонм от дивной песни.
Се бог! мы бога зрим! мятежный шум вояник,
И паки: се наш бог! раздался громкий зык.
Царь же склоняет
Гордо слух.
Чтит себя богом,
Главой помавает
И мнит, что мир поколебал.

Хор

Гордым ухом
Царь внимает,
Чтит себя богом,
Главой помавает
И мнит, что мир поколебал.

III

Но песнопевец гимн заводит Вакху,
Вечномладому, вечнопрекрасному Вакху.

Веселий бог исходит в триумфе,
Трубы и бубны, возвысьте глас!

Имеяй в ланитах
Смеющийся пурпур,
Гремите валторны! идет! идет!
Юный и прекрасный Вакх
Дал нам чашу круговую!
Наше наследие в Вакховой чаше;
Пить из нее утешение наше:
Что же и краше,
Что же и слаще
Сей нам утехи по ратных трудах!

Хор

Наше наследие в Вакховой чаше;
Пить из нее утешение наше:
Что же и краше,
Что же и слаще
Сей нам утехи по ратных трудах!

IV

Возликовал тут мыслию Ирой;
Ряды побед своих воображает
И в памяти опять трикраты побеждает
Врага, которого сразил на трех боях.
Певец искусный примечает,
Как ярость в нем растет, ретивый дух кипит
И очи мещут огнь, — переменяет
Вдруг песней тон, неистовство кротит.

Теперь игрой унывной
Льет в сердце нежну жалость.

Монарха Персов он поет;
Велик и добр, но ах, гоним судьбою,
Пал, пал, пал, пал,
С вершины самой пал,
Тонул в крови позорно.
Оставлен в крайности от всех, кого любил,
Во прахе он лежал простерт,

Доколе взор его без друга, без отрады,
Померк.

Ирой сидит, склонив печально
Главу па перси, в мысль приводит
Фортуны быстрый оборот;
Извлекся тут усильный вздох,
Затмился взор туманом слез.

Хор

Поникши скорбно, в мысль приводит
Фортуны быстрый оборот.
Извлекся тем усильный вздох —
И полны очи слез.

V

Художник тонко улыбнулся,
Он видит, что любовь под сим покровом дремлет
Чтоб возбудить ее, меняет тон;
Лишь шаг от жалости к любви.

Троньтесь, гусли эолийски!
Нас лелейте в сладку роскошь!

Брось, о витязь, бранну тягость.
Слава не пузырь ли мыльный?
Все растет, не наполняясь,
Все борьба и разрушенье.
Трудно мира покоренье!
О, прими ж за то награду!

Близ тебя сидит Таиса:
В ней прими награду неба.

Единогласный слышен плеск!
Хвала, хвала любви! музыке честь и слава!

Тут царь, свое уже скрывая тщетно пламя,
На прелести, которыми пленен,

Вздохнув, взирает,
И паки смотрит, и паки вздыхает:
Сугубо ж обуян любовью и вином,
Победитель к Таисе на грудь упал побежден.

Хор

Тщетно пламя скрыть желает,
Коим тает;
К той, которою пленен,
Страстны взоры посылает
И вздыхает;
И любовью и вином
Неудержно быв влеком,
К ней на лоно упадает.

VI

Грянь, грянь, златыя арфы строй!
Шуми звучней, раздайся гласом бури!
Расторгни дремоту его,
Взбуди, всколебни его ударом грома!

Чу! чу! его огромил
Ужасный пробуд.
Восстает, как из недр могилы,
Недвижный простирая взор.

Мщения! мщения! мщенья давай! — все громко вопят.
Виждь, как Фурия к нам приближается,
Виждь, увита змеей,
Крутится, шипит,
Искры огня из очей летят!

Что за бледные тени
Грозно в руках потрясают факел?
Духи сраженных боев
На ратном поле от вражья меча,
Лишенны чести погребальной,
Вы жалуетесь нам на свой плачевный рок.

Мщенья, мщенья дай
Храброму войску, Царь!
Смотри, как факел в руках раздувают обиженны тени!
Манят пожар на гордый Персеполь!
На домы Сатрапов, на храмы ложных богов!
Воспрядали с неистовым криком вожди,
И Царь сам бедоносные факлы схватил.
Таиса предводит,
Подстрекает пожар;
Для новой Елены
Горит Илион.

Хор

И Царь сам бедоносные факлы схватил.
С ним Таиса предводит,
Подстрекает пожар;
И для новой Елены
Горит Илион.

VII

Так учреждал,
Когда мехи еще не дышали,
Уста же органов были немы,
Древний Еллин вздохи своих свирелей
С хором струн,
Киченье рода, и гнев, и жалость, и сладку любовь.

С небес же к нам нисшед, Цецилия,
Изобрела многогласный строй;
Любимице святой Фантазии,
Ей тесны прежние художества пределы:
Распространяет пышно песнь хвалебну,
Воспламененна духом свыше,
В звуки и в трели, в тысящегласный хор.
Дай преимущество, о Тимотей,
Перед собою ей!
Но нет; венец делите оба!

Тот смертных воскрилил до неба,
Та бога к нам свела гармонией своей.

Большой хор

Блаженная Цецилия
Изобрела органов строй.
Внимавша лики ангельски,
Нашла предел земной музыки тесным,
И духом горним пламенея,
Распространила пышно песнь хвалебну
В звуки и в трели, в тысящегласный хор.

Дай преимущество, о Тимотей,
Перед собою ей!
Но нет; венец делите оба!
Тот смертных воскрилил до неба.
Та бога к нам свела гармонией своей.

НАДГРОБНАЯ

МИХАИЛУ ИВАНОВИЧУ КОЗЛОВСКОМУ

Здесь Козловского гроб, ваятеля. Юный художник!
С чувством облобызай славного Мастера лик.
И из урны к себе вызывай Козловского гений,
Или же оный лови в произведеньях его:
В сладких ли мыслях над бабочкой юная Психе мечтает,
Или, Эротов брат, нежный горит Гименей
В мягкой работе резца; дает ли резец сей Ираклу
Править Фракийским конем, челюсти львины терзать:
Росский ли явлен Иракл, Царей защитник — Суворов, —
Стань пред образы те, в них-то Козловский живет!

ПРОГЛОЧЕННЫЙ ЛЕЛЯ

(из антологии)

Леля, мастер превращаться
Некогда над алой розой
Мотыльком летал.
Я тогда не долго думал,
Но подкрался, и лихого
Хвать божка, поймал.
Не уйдет теперь проказник,
Молвил я, и бросил в рюмку:
Потони в вине!
Но не рад я стал победе:
Только лишь я рюмку выпил,
Весь горю в огне.

ТРИ ЦАРСТВА ПРИРОДЫ

ПОДРАЖЕНИЕ ЛЕССИНГУ)

За рюмкой вспало мне на ум,
Зачем Природа вся в трех царствах.
Удел животных есть: любить
И пить. — Орел, дельфин и муха,
И червь, и крот, и человек —
По своему всяк пьет и любит.
И так: кто любит и кто пьет,
Поставлен в первом царстве тот.

За сим, не так уж хорошо,
Второе царство прозябений;
Любить не может — только пить.
Всему, от кедра до иссопа,
И ананасу и грибу,
Питье идет в дожде небесном.
И так: не любит кто, а пьет,
В другом поставлен царстве тот.

А третье, прочих двух бедней,
Есть ископаемое царство.
Алмаз и щебень, все равно —
Не чувствуют любви и жажды.
И так: что каменно растет,
Не любит никогда, не пьет,
Все то мы в третьем царстве числим
И впрямь, коль про себя помыслим:
Лишить любви, лишить вина, —
Что будет человек? — стена!

ПРИ ИЗВЕСТИИ О СМЕРТИ ШИЛЛЕРА
1805

Куда сокрылся ты, божественный
С твоим огнем животворным!
Оставил ли оный кому?
Чьи ныне смелые персты тронут
Твою Орфическую лиру,
Услаждение ушес и радость сердца?
И кто обует твой котурн,
Сущую обувь Аттических Муз,
Мельпомены и Талии,
Иначе зовомых:
Сильная, поучительная *Истина*
Небесная, пленяющая *Красота!*

Ах! с самого неба
К чадам земли ты послан был,
Да не падут они духом,
Утешителем быть и крепким вождем
И сладким пророком изящности!
И ты свершил свое послание:
Ни краткость дней твоих, ни гоненье Тиранов,
Не воспятили тебе, о Гений,
Щедро излить из разженного небом сердца
То,
Чего многие веки
Ждали,
Чего многим векам
Не дано чувствовать.

Блаженна Германия, родившая тебя,
И язык Тевтонов,

Его же ты объизящестововал, и увековечил, —
Ты, и предтечи твои, Виланд и Гете,
Славный Триумвират!

Когда Клопшток,
Серафимскими владеяй крилами,
Скрывался в парении горнем,
Тогда Виланд, путем дольним ликуя,
Тевтонскую Музу по цветам Эллады
Ко храму Граций повел.
Гете собственные ей показал цветы,
Прекрасные и благоуханные;
Явился Шиллер,
Факел неся Прометеев,
И в каждый цветок
Душу влиял.
Творения Шиллера
Будут цвести в веках,
Как в аере любезное солнце.

Но где он сам?
Сей ум исполинский
Истаял ли от рокового дыхания смерти,
Как холм снегу
От вешних Зефиров?
Сие огневместилище чувств (увы нам бедным!)
Червями снедаемо;
Сей сосуд амврозии
Сокрушен и попран тлением!

Но чувства где теперь?
Куда пролиялась амврозия?

Не поверю, не поверю,
Чтоб божественное было преходяще:
Ты здравствуешь, Шиллер!
Так, — здравствуй, здравствуй на небесах,
Где простираются к тебе объятия днесь
Любви ненарушимой,

И дивномысленную открывают беседу
С вожделенным пришельцем
Оные Духи славы,
Всякую тамо отложши зависть,
Эсхил и Эврипид с Софоклом,
Корнель с Расином,
И Шекспир.

ОДА ВРЕМЕНИ

1805

Мудрейший из богов, на коего всегда
Надежда смертного незыблема, тверда!
Тебе во сретенье все помыслы готовят,
Тебя объятия и взоры ловят,
Как только вечности через высокий праг
Занес ты первый шаг!

Все ждут, чтоб ты им *быть* и *жить* благословил.
Младенец требует к развитью жизни сил;
Цветущий юноша рад ею наслаждаться;
Муж опытный — плодом обогащаться;
А старцу бы почить по трудностях пути, —
Тебе предел найти.

О время! истине божественной отец!
О! вечного добра и сеятель и жнец,
Трудись над жатвою твоею, над вселенной,
Но к нам в сопутстве дщери вожделенной
Приди! врагов ее — неправосудье, ложь,
Развей и уничтожь!

Противустать тебе какое может зло?
Хотя бы тяжестью Кавказа нас гнело:
Ты приспеваешь к нам, судьбою уреченно,
И — сердце наше стало облегченно,
И там, где мрак в очах, сжимал где душу лед, —
Элизиум цветет! — —

Но если, сын небес, от оных ты приял
Росой забвения наполненный фиал,

Истнить все суеты, все скорби и печали:
О, чтоб тому ж забвенью не подпали
И добрых доблести, и мудрых сладка речь —
Сии потщись сберечь!

Да озарят они еще и поздний век:
Свою изящность в них да ýзрит человек;
Учась Катоновым и Брутовым примером,
Играя с Ариостом и Гомером,
Да будет между тем он кротко сам влиян
Гармоний в океан!

Туда все существа, о Время, ты ведешь;
И богомысленный вселенныя чертеж
Свершается чрез то: от зла добро родится,
Из бедствий нам блаженство учредится.
И так: по розам ли, по тернию ль твой путь —
Благословенно будь!

ТРЕТЬЯ ГРАЦИЯ

(ПОДРАЖЕНИЕ ГЕГДЕРУ)

Из божественного сонма,
Вечных где веселий круг,
Удалилася тихонько
Младшая из Граций двух.

Шасть к ней юноша навстречу —
Сын страданий, крепкий *Труд*.
В ней невинностию сердце,
Верностью в нем бьется грудь.

И любовь их съединила.
«Друг мой, я утомлена,
Дай свою мне длань надежну» —
Говорит ему она.

Вот рука моя, — он молвил, —
Чтоб тебе подпорой быть.
Пусть же брак нас увенчает,
Будем друг друга любить!

И за сим в сенистых кущах
Поселилася чета,
Где, прекрасная *Изящность*,
Родилося им дитя.

Полная небесных чувствий,
Матери была в ней кровь;
От отца она имела
К тишине, к трудам любовь.

Им воспитана прилежно,
Ею нежно вскормлена,
Стала жителям небесным
И земным мила она.

Но когда приспело время
Деву замуж выдавать, —
Кто возьмет ее из вышних?
Кто из чад земли сорвать

Оный райский цвет посмеет? —
Между небом и землей
Носится она, — и вечно
Ей осталось быть одной,

Ибо матери бессмертье
В смертности отца живет!
Но тогда Зевес всесильный
Призрил бедную с высот.

Нашу, — он вещал, — обитель
Ей достоит украшать.
От небес происходящу
Должно ли небес лишать!

Сниди, милая *Невинность*
С старшею твоей сестрой,
С *Добродетелью* прекрасной,
Сниди к деве сей младой,

И, возведши, посадите
Оную в наш светлый лик.
Добродетель и Невинность
Слову повинулись вмиг.

Ко Изящности любезной
В пустыню они пришед,

Обняли, — она из взоров
Их бессмертие пиет.

От лобзаний их явилась
В ней Венерина краса.
И с тех пор блаженны видят
Трех уж Граций небеса.

ГИМН УСЛАЖДЕНИЮ

(из Лафонтеновой: Amours de Psyché)

О Душинькино порожденье,
Которого она Амуру родила!
Божественное *Услажденье*,
Без коего б и жизнь не жизнью нам была!
Всех тянет твой магнит, всему дает движенье.
Мы для тебя несем опасности, труды:
И полководец и простой воитель,
Последний раб и мощный повелитель,
Все пореваются для сей единой мзды.
Когда б и нам, питомцам Аполлона,
Себя хвалы мольбой приятной не пленять,
И льстивого сего для слуху звона
За весь наш труд себе в награду не вменять,
Зачем бы нам и сочинять?
Что пышно славою у нас именовали,
Сей Олимпийских игр венец,
Чем победителей увенчевали,
Не услажденье ль то? — не ты ль, кумир сердец!
И в самой неге чувств приманка не твоя ли?
На что ж и Флорины рассыпаны дары?
И златозарен Феб восточный,
И вечер стелет узорочны
Ему из легких туч по небесам ковры?
Начтож Помона снеди сочны
И Бахус славные дает пиры?
Тебе пременен вид богатыя Природы,
Зелены пажити и сребреные воды,
Где ходишь с кроткою задумчивостью ты.
Твои же чада суть художества изящны,
Их звуки сладкие, их формы и цветы.

А милых девушек забуду ль красоты!..
Они твои священницы всегдашни.
О ты, которому в Элладе фимиам
Курился радостный под ясным небосклоном,
Которому учились там
И с Эпикуром и с Платоном,
О услаждение, приди, приди и к нам.
Не презри с нами жить: не будешь здесь без дела.
Есть игры, есть любовь у нас,
Есть музыке и книгам час;
Мы шумны города и тихи любим села,
И словом, все чем жизнь весела
В разнообразностях своих оттенена;
И меланхолию, — в иной час и она
Есть услаждение прямое.
Так осчастливь же нас присутствием своим,
Психеино дитя драгое;
А чтоб насытились вполне блаженством сим,
Продли нам веку вдвое, втрое;
Сто лет уж ровно оточти...
Чтоб сыту быть тобой, нам мало тридцати.

ЭПИТАЛАМ КЛЕАНТУ И ДЕЛИИ

Любезным Клеанту и Делии
Я брачную песнь воспою,
И Пинда бессмертными лаврами
Любовный их мирт обовью!

Отверзи мне небес врата,
О бог кипяша винограда!
Бежит нощная темнота
От твоего пресветла взгляда.
Ударом Тирса раздели
Над нами туч стада сгущенны —
Се зрит уже Поэт, тобою просвещенный,
Как все Небесные собором нистекли
В чертог сей, таинствам Гимена посвященный.

Любовь их предводит крылатая,
И кроткая *Дружба* без крыл.
Та только порхает вкруг юности.
А этой и стар будешь мил.

Любовь и дружба за собой
Ведут богов в сей дом любезной,
Утех и Граций хор златой,
С земной Венерой и небесной.
Домозаконие и *Мир*,
И *Правда* жить хотят меж нами.
Благословят они вас дщерьми и сынами,
Клеант и Делия! и доброгласье лир
Составят здесь сердец согласными струнами.

Но ныне Гименову праздпеству
Виновница будет *Любовь*.

Всех прежде, о Муза, почти ее;
Всех лучший ей дар приготовь!

Приятно видеть и цветка
С цветком любовно сочетанье;
Приятно видеть голубка
С голубкой нежное лобзанье:
Приятнейший под солнцем вид —
Двух любящихся душ взаимность!
Еще с любовию стыдливая невинность
В борьбе, — но тщетно все; победу уступить
Ей скоро сладкая велит необходимость.

Любви мы прославим могущество.
Ой Дидо, и Ладо, и Лель!
Сраженье любви и триумф ее,
Желаний любезнейших цель.

Зачем порожними стоят
Бокалы? — наполняйте, други!
По-молодецки выпивать!
Не бойтесь в голове закруги!
Еще пусть пробка в потолок
Ударит с стольких же Шампанского бутылок,
Нас всех здесь сколько есть; уже искреющ, пылок,
Сего Нектара нас упоевает ток
И разливается по быстрине всех жилок.

За здравие пьем новобрачных мы!
Ой Дидо, и Ладо, и Лель!
Они осеняются розами,
А нас увенчает пусть хмель!

И здесь недремно проведем
Остаток ночи в пляске, в хоре,
Доколе первым Феб лучом
Не отразится в нашем взоре —
Тогда отъидем все ко сну,
Того же пожелав Гимену, — не дотоле
Шуметь, плясать и петь, да будет в нашей воле,
И кликом прерывать нощную тишину.
Да царствует любовь на розовом престоле!

О! жизнию всеисполняюща,
Стократно прославлена будь!
Любовь! кем и солнцы все движутся,
Кем дышет и смертного грудь.

Тебе дано возобновлять
Чрез неоскудно, щедро семя
Тот цвет, что алчут истреблять
И Марс, и Фурии, и Время! —
Всех в мире тел, всех обществ связь!
О, если бы всегда твоею кроткой властью
Был счастлив человек! вовеки б буйной страстью
Не искажал тебя, — и тою в ров стремясь,
Не клеветал, что ты виной его несчастью!

О! жизнию всеисполняюща,
И прав и нетемен твой путь!
Чтоб сделать нас истинно добрыми,
Ты в нашу вселяешься грудь!

Но только мы воспринимать
Не все тебя равно способны.
И меду горьким должно стать,
В сосуд влиянну неподобный!
Возрадуйся! ты здесь нашла
Два сердца, чувствовать умеющие нежно:
Лишь с добродетелью блаженство ищут смежно,
И молят, чтобы ты их к оному вела!
О! да исполнится моленье их прилежно!

Чтоб сердце Клеанта и Делии,
Твою восприяв благодать,
Как ро́су небес, — добродетельми
И счастьем могло расцветать.

Так! — кто умел измлада быть
Родству, приязни, дружбе верным;
Кто столь способен был любить,
Супругом будет тот примерным.
Достойно радуйтесь теперь,
Родители супруги юной!

Вы не могли снабдить блестящею фортуной,
Снабдили лучшим вы приданым милу дщерь:
Быть кротконравною женою, трудолюбной.

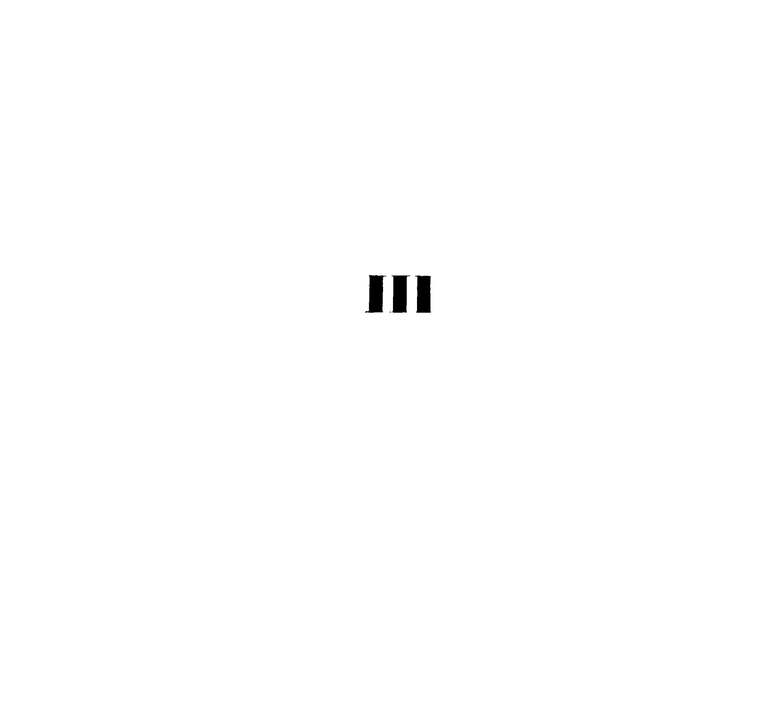
Да снидет же в сердце четы сея
Небесной любви благодать,
Чтоб в оном цветы добродетелей
И счастья плоды разраждать.

Избыток злата и сребра
Блаженства нам не доставляет.
К нам не тогда судьба добра,
Когда нас в неге усыпляет.
Пусть будешь ты Фортуне чужд, —
К труду приложишь ум и руки,
И все приобретешь, не чувствовать бы муки
Ни от уныния, подруги тесных нужд,
Ниже от связанной богатством хладной скуки.

Сопутствуй Клеанту и Делии,
Небесной любви благодать,
Чтоб легким путем к добродетели
И к счастию их провождать!

Вмещу ли в песенных чертах,
Какая сладкая отрада
Встречает мужа по трудах!
В дому жена и милы чада...
Но «стой» мне Муза говорит,
«Блюдись, пророче дерзновенный,
Грядущи петь судьбы, от смертных сокровенны,
Которы только взор богов не темно зрит!»
Умолкну, — изреку обеты лишь усердны:

Все то, что я пел вам, сбылося бы!
Ой Дидо, и Ладо, и Лель!
Все боги, сюда привлеченные,
Вовек не летели б отсель!
Вовек, вовек не летели б отсель
Любовь, удовольствие, счастие,
И Дидо, и Ладо, и Лель!

III

ГИМН НЕГОДОВАНИЮ

(С ГРЕЧЕСКОГО)

Крилатое Негодованье!
Строгоочита Правды дщерь!
Жизнь смертных на весы кладуща
Ты адамантовой своей уздою
Их бег порывистый умерь!

Не терпишь ты гордыни вредной
И зависть черную женешь,
А счастию, — отцу гордыни,
Таинственным твоим, вечно бегущим,
Превратность колесом даешь!

Невидимо следя за нами,
Смирительница гордых вый,
Склонив свои зеницы к персям,
Не престаешь неложным мерять лактем
Удел комуждо роковый.

Но и смягчись к проступкам смертных,
Судяще жизнь их правотой.
Крилатое Негодованье!
Тебя поем, тебя мы ублажаем
С подругою твоей святой,

Со Правосудьем грозномстящим!
Его же приближенье к нам
На крыльях, шумно распростертых —
Смирит и гордость, и негодованье:
Ему послушен Тартар сам!

БОГ В НРАВСТВЕННОМ МИРЕ

Да воспоет иной, с Клопштоком и Мильтоном,
Миров и ангелов творца;
Или ко всецарю, в мольбе, псаломским тоном,
Свое и наше воскрилит сердца:
Природы в чудесах его изображает,
Величием его наш разум поражает.

Я в мире нравственном содетеля пою.
Не нужно отлетать мне в сферы неизвестны.
Земля, на коей мы дышим, — феатр нетесный,
Где узрю, господи, премудрость я твою!
В деяньях, в помыслах искать тебя я буду.
И в заблуждениях людских.
Ты сам невидимо присутствуешь повсюду;
Все к исполнению намерений твоих!

Тобой раждаются, цветут, падут народы.
Что пало, вновь взойдет, и плод даст, что цвело.
Из свитка вечности ты развиваешь годы,
Несущи благо нам и зло.
Зло? — но оно таким для нас, для малозрящих!
Противно детям так целебно питие,
Чем против воли их, в болезнях им грозящих,
Блюдут родители их нежно бытие.

Из нечетов лишь чет, из хаосов порядок.
Сии ты всем вещам законы начертал!
Ты хочешь, чтоб покой был утружденным сладок,
И да не пожнет тот, кто нивы не вспахал.
В трудах и бедствиях лишь доблесть познается,
И мудрость лишь одним неленостным дается.

Но если видится нам злобы торжество,
Неправосудие коль правду угнетает,
Лукавство простоте коль сети соплетает,
Коль жертва сильного слабейше существо, —
Злодеев счастию завидовать не будем!
Земные благи все оставим в их руках:
Недостает сим жалким людям
Первейшего из благ:
Спокойствия души и сердца неукорна.

Блажен, владеющий сокровищем таким!
Он если бы и пал плачевной жертвой злым,
Ему и смерть триумф, — им жизнь гнусна, позорна.
Их души под бичем твоим.
Незримые твои удары настигают
Повсюду их. Вотще от оных убегают,
Жегомой совестью душе ища прохлад
В стяжаньях, в роскошах и в шуме ложной славы:
Им всяко место, всякий час им ад,
Коль путь оставлен ими правый.
Но тот, кто столько зол, что совесть заглушил,
Наказан самою бесчувственностью будет.
Помрет он скотски, так как жил,
И заслуженного в сем мире не избудет
Ни злой, ни добрый человек.

Откуда мы пришли, куда пойдем, — не знаем;
Но не без бога наш земной проходит век.
Не глас ли божий мы в самих себе внимаем,
Глас одобрений и упрек?
Не богом ли самим в нас светит разум здравый,
Сквозь мрак безумия, с которым он в борьбе!
Сквозь беснование разврата добры нравы
Идут из века в век, не по его ль судьбе?
На всех твоя судьба, о боже, оправдится;
Без воли твоея ничто не совершится,
А воля есть твоя — порядок всех вещей.

И ежели доднесь убийственных мечей
И огнедышуших бойниц не покидаем;

Средь мира даже тысящью смертей,
Распутством, завистью враждой себя снедаем —
В том не иное зрю, как благотворный ветр,
Который бурями стихии очищает,
Застаиваться им мешает.
Он минет — и земля из освеженных недр
Нам жизни новые произведет с избытком,
И новый разольет нектар в эфире жидком.

Железо лютыя войны
Раздрет недро тишины,
И улучшается народов целых жребий.
Бич Божий — Аттила и грозный Тамерлан
Не на век претворят края цветущи в степи;
Коммод какой-нибудь, неистовый Тиран,
На человечество наложит тесны цепи
На малый токмо час. — Оно все узы рвет,
И с новой силою к добру свой имет ход.

Как мир физический живет *движеньем*,
Моральный мир живет *к добру влеченьем;*
И в боге обое соединенны суть.
Он движитель систем планетных,
Малейших и больших — равно нам неприметных;
И он же всем к добру, ко счастью кажет путь;
Вернейшим счастия залогом
Свой истый огнь — любовь вложивый в нашу грудь.
Не по сему ли ты наименован *богом*
Издревле от языков всех,
Которы Естества смотрели чудный *бег*,
Там солнце и луну, там звезды, метеоры,
Здесь многоплодные поля, леса и горы: —
Младенческие их недальновидны взоры
В одних явлениях живоподобных тех
Тебя искали,
И поклоненье им со страхом воздавали.
Но мы, питомцы опытных времен,
Превыше ставшие природных феномен,
Которы мыслию берем в свое подданство

Стихии, время и пространство, —
Познали, что сей мир толикого добра
Вместилище, сей мир, толико благолепный, —
Есть преходящая и грубая кора,
Под коею живет духовный мир бессмертный;
А оного душа и центр есть ты,
Источник истины, источник красоты!
Велик в явлениях физической природы,
Ее же действием и ходом правишь сам,
Но более велик в явлениях свободы,
Тобой дарованной моральным существам!
Дар драгоценнейший! дабы они равнялись
С тобой: своим бы лишь рассудком управлялись
В избрании себе путей;
Рабами ль быть, или — царями быть страстей.
В судьбе души своей всевластны,
Почтенны и тогда, когда чрез то несчастны, —
То заблужденный шаг *свободы* был,
Она ж всегда святее принужденья,
Инстинкт звериный чужд порока, заблужденья,
Зато лишен и тех парящих к богу крил,
Которы суть удел свободных, умных сил.
Как орлии птенцы расправят
Растущи перья мышц своих,
С веселием гнездо оставят,
Где воспиталося слепое детство их, —
Так точно человек, познав себя *духовным*,
Уже не прилеплен к земле;
Мерзя всем тленным и греховным,
Подымет ангельски криле, —
И в лоно бога возлетает.
И черплет в полноту души оттоль *любовь*,
Которую потом на ближних изливает
Посредством дел своих и слов.

Любовию он строит грады,
Триумф и славу общежития,
Ведет людей к законам правды,
Их *человечество* им чувствовать дая.

Любовью силен он над поздними веками;
И за священные дары ея
Достойно иногда могли прослыть *богами*
Благотворители, наставники людей.

Таков божественный был древле Моисей, —
Законодатели, святители, пророки,
Которых чистая душа и ум высокий —
Изображения суть бога самого.
Достойнейшие те возвестники его!

Венец на сей земле всех божиих творений
Есть человечества неутомимый гений,
Ему же покорен весь свет.
Трудам и розыскам его пределов нет;
Упорнейшие он преграды разрушает,
Себя и мир усовершает...
Зачем? — изящное и доброе любя,
Он в мире и в себе желает зреть *тебя!*
О если бы — кого зрит в мире вездесущим,
Того он зрел всегда в душе своей живущим
И шествовал того путем, —
Счастлив бы человек был в мире сем!
Его в объятия свои зовет Природа
И наслаждения чистейшие сулит,
Всяк возраст жизненный и всяко время года
Разнообразно веселит.
Забота бледная подчас его тревожит,
Болезнь и бедствие хотят его препнуть, —
Но трудность в нем охоту множит
Ко храму счастья досягнуть.
Любовь к отечеству и должность гражданина,
Любовь семейная, отца, супруга, сына —
Раждают много слез, но сколько ж и отрад!
А с бедным иногда и плакать кто не рад! —
И все те сладости любовь нам доставляет;
Любовь, которая симвóл твой составляет
Всесохраняющий отец!..
Да принесут тебе все люди дань сердец!

Как утренний туман, исчезнет
Мрак умственный, душевный хлад,
И солнце милости воскреснет,
Чтобы проникнуть в самый ад.

Тогда твоя любовь землей возобладает.
Всех, всех обрадует златой ее восход.
Ожесточеннейший в лучах ее растает,
Как в теплом солнце вешний лед.

ТРИ СЛОВА

(ИЗ ШИЛЛЕРА)

Три слова важные скажу я вам,
Которы искони весь свет твердит и слышит;
Нам не учиться сим словам,
Сама Природа их у нас на сердце пишет.
И пре́зрел сам себя, несчастен стал вовек,
Когда сим трем словам не верит человек:

Что создан он приять *свободу*, дар небесный.
Что для него всегда порядок и закон
С свободой истинной совместны,
И только рабствуя страстям, несчастен он.

Что *добродетель* есть не звук ничтожный,
И исполнять ее не выше наших сил:
К ней в храм, к божественной, путь смертному возможный
Хотя б на каждом он шагу скользил;
И мудрость книжника над чем недоумеет,
То исполнять дитя умеет
Нередко в простоте своей!

И что есть *бог*, есть воля всесвятая
Над волей грешников, над бурею страстей;
Высоко, над вселенной всей,
Есть ум всезряй, всепромышляяй,
Ни времени, ниже пространству пригвожден;
Есть в круге вечных перемен
Дух, неизменен пребываяй!

Мужайтесь, веруя сим трем словам!
Друг другу оные немолчно предавайте.

О них все возвещает вам,
И в собственной своей душе их почерпайте.
Свое достоинство не потеряет ввек,
Доколь хранит сии три слова человек.

СТИХИ В АЛЬБОМ

На низменных брегах песок, волнами рытый,
Бывает иногда и сух, но не надолго;
Успеет только луч на оный солнце кинуть,
И се уже опять грядуще с шумом море
По нем свои валы холодны расстилает.

Так точно человек небесну черплет радость
Тогда лишь, как волнам забот отлив бывает.
Но мы волнам оплот поставим твердость духа,
И Философией душевный брег возвысим,
Чтобы не наводнял его прилив печалей
И чтоб покоилась на нем небесна радость.

К ЗИМЕ

В НОЯБРЕ 1808 ГОДА

Приди к нам, матушка зима,
И приведи с собой морозы!
Не столько их нам страшны грозы,
Сколь сырость, нерешимость, тьма,
В которых гнездится чума!
А от твоих лобзаний розы
У нас взыграют на щеках,
Из глаз жемчужны выжмешь слезы,
Положишь иней на висках,
И мы — как в сребреных венках.

Ах! долго ли нам грязнуть в тине
И мороситься под дождем?
Ноябрь у нас уж в половине:
Тебя теперь мы, зиму, ждем.
Приди, сбери в морщины строги
Умяклое лицо земли
И на святой Руси дороги
Пушистым снегом устели,
Чтоб наши радовались ноги.

Неву и Бельта воды бурны,
В которых, нынешней порой,
Не виден неба свод лазурный,
И Феб на кои взгляд понурный
Бросает, лучше ты покрой
Своей алмазною корой!

И дай нам странствовать по суху
Над пенной хлябию реки;

Подставив под ноги коньки,
Крылатому подобно духу,
Не уступать в бегу коням,
Катиться легким вслед саням.

Саням, усаженным четами
Младых красавиц в соболях,
Под пурпуровыми фатами.
Они на новых сих полях
Явятся новыми цветами,
Чтоб царство украшать зимы;
И с ними не озябнем мы!

Дохни, Борей, на нас сурово
И влажный осуши эфир.
С тобою Русакам здорово.
А ты, обманчивый Зефир,
Что веешь к нам с Варяжска моря!
Ты нам теперь причиной горя:
Ведь дождь и слякоть от тебя;
Поди ж и дуй своим Поэтам,
Которы, и зимой и летом
Тебе похвальну песнь трубя,
Бесстыдно лгут пред целым светом.

Теплу и стуже время есть.
И то нам и другое в честь.
Не Итальянцы мы, не Греки,
Которым наших зим не снесть,
У коих не живут и снеги.
Они пусть хвалят злак лугов,
Журчащих ручейков прохладу,
И жизнь невинных пастухов,
И собиранье винограду:
Не чужды нам забавы их,
Но знают ли они отраду
Трескучих зимушек лихих?

Как под снегами зреет озимь,
Так внутрення в нас жизнь кипит.

И члены ко трудам крепит.
Доколе бодрость в нас не спит,
Мы рук и ног не отморозим.
И Русских удалых сынов
Так не обидела Природа,
Чтоб им и помощь и покров
Не дать от колких мразов Норда.
В лесах надолго станет дров.
И есть полезны там соседи:
Лисицы, волки и медведи —
Для теплых шуб обильный лов!
С куниц и с соболей пужливых
Драгие мехи совлекут.
Дубравы целые ссекут
Для топли изб гостелюбивых.

И если не ущедрил Вакх
Студеный край наш виноградом,
Довольны Русским мы *Усладом*
При добрых брагах и медах!

НАДЕЖДА

(ИЗ ГЕТЕ)

Молюсь споспешнице Надежде:
Присутствуй при трудах моих!
Не дай мне утомиться прежде,
Пока я не окончу их!

Так! верю я, что оправдится
Твой утешительный глагол:
Терпенье лишь — труд наградится;
Безветвенный отсадок гол
Даст некогда плоды и листьем осенится.

К ГАРПОКРАТУ

ОДА НЕМОГО

Священный бог молчанья,
Которому, увы! невольно я служу.
Несчастлив я и счастлив,
Что на устах моих твою печать держу:
Несчастлив, коль безмолвен
В беседе с добрым я и с умным. Ни излить
Пред ним советно мысли,
Ни время с ним могу приятно разделить!
Язык имея связан,
Истолкователя сердечных чувств и нужд,
Я должен, сжавши сердце,
Полезных многих дел и радостей быть чужд,
Которыми владеет
Последний из людей, когда он получил
Божественный дар слова,
Сего слугу ума и движителя сил.
Но мне, его лишенну,
Роптать ли и других завидовать судьбе?
Нет, я не мене счастлив,
Что скрыться иногда могу в самом себе,
С тобою, бог молчанья!
Когда злословием бываю оглушен,
И диким пустословьем,
О радость! отвечать я им не принужден.
Могу лишь помаваньем
Главы иль знаками отделаться от них,
Ни в спорах бесполезных,
Ниже часы губя в учтивостях пустых.
И от пороков многих,
Молчанья строгий бог, меня ты оградил;

Я по неволе скромен,
Смирен и терпелив. Во мне ты притупил
Сей, обоюду острый,
Опасный меч, — язык. Ах! может быть во зло
Он был бы мне и ближним?
Твое хранение меня от бед спасло.
Из сети искушенья
Не ты ли, отрока, меня еще извлек
И в сень уединенья
Принес и чистых Муз служению обрек?
Священный бог молчанья,
Которому, увы! невольно я служу,
Несчастлив я и счастлив,
Что на устах моих твою печать держу!

ПОЛИМ И СИЯНА

НОВГОРОДСКАЯ БАСНЬ

[I]

Где славный Волхов изливает
Из врат Ильменя свой поток,
Туда вседневно пригоняет
Коров невинный пастушок,
И всю окрестность он пленяет
    Игранием в рожок.

Русалки приходили слушать
Из чащи древ и тростника;
Не смели звуков тех нарушить
Ни ветр, ни роща, ни река;
Сам дикий Леший вздернул уши
    К искусству игрока.

Но в простоте своей не ведал,
Не примечал младой Полим,
Какие чудеса он делал
Рожком пленительным своим;
Дичился всех людей и бегал,
    Живя в полях один.

Однажды Волхова к теченью
Коров своих поить привел,
И с верным псом своим под тенью
Полим на злачном бреге сел;
Предавшись сладку размышленью,
    Сам на воду смотрел.

И слушал пенье птиц согласно,
Концерт всеобщий Естества:
Гул, гам и стрекотанье разно;
Тут в ветерке шумит трава,
Плесканье тут однообразно
Струй — слышится едва.

По долгом, сладостном молчаньи
К устам рожок свой поднося,
Пастух во звучном воздыханьи
И в трелях — чувством излился.
Склонила с тишиной вниманье
К нему Природа вся.

Тут все живее расцветало,
И к вечеру склоненный день
Ярчае солнце освещало;
Древес в воде играла тень;
Сребром тек Волхов; как зерцало
Лежал вдали Ильмень. — —

Вдруг в синеве бело мелькает
Пловуща лебедь по струям.
Она ко брегу притекает,
Где был Полим; садится там
И с крыльев жемчуг отряхает
К Полимовым стопам.

Успел он только обратиться
К виденью странному сему,
Не лаять и не шевелиться
Псу тотчас машет своему, —
Как вместо лебеди девица
Явилась вдруг ему.

Нагая, с долгими власами,
Которые, лиясь до пят,
Над нежными ее красами
Покровом сетчатым висят.
С вечерними же небесами
Ее равнялся взгляд,

Где звезды Ладины горели.
Усмешкою цвели уста;
Ланиты — как стыдом алели,
И рук и персей полнота...
Полимовы глаза не смели
Все озирать места.

Но в большее пришел смущенье
Когда из нежных уст ея,
Как соловьино сладкопенье
Послышалася речь сия:
«Зачем такое удивленье,
Что здесь явилась я?

Не ты ли сам еще чудесней?
И ты не знал, пастух младой,
Что боги всей страны окрестной
Пленяются твоей игрой!
Твоих любительницу песней
Ты видишь пред собой,

Певицу также не бесславну
Из сущих под водами дев.
Коль хочешь слышать ты Сияну,
Начни свой давешний напев;
Я голосом к нему пристану,
Здесь близ тебя воссев».

И, не дождавшися ответа,
Она садится близ его.
Но он не взвидел бела света,
Стал глух, бесчувствен для всего.
Кроме для одного предмета
Чудесного сего.

Красот сияньем пораженный,
Смотреть на них дерзал едва;
Сидел как бы обвороженный;
Коснели во устах слова...
Однако скоро, ободренный
Присутством божества.

Он мог уж наконец очами
Восторга на нее взирать,
Потом дрожащими руками
Схватив рожок, он стал играть,
А Нимфа под напев словами
Ему сопровождать·

«Лицо весенния природы,
В вечерней ты лежишь красе!
Под кротким веяньем *Догоды*
Блистает мягкий луг в росе;
Глядится небо в светлы воды;
Вдыхают радость все.

Земля и высоты́ воздушны,
Вод многоплодных глубина —
Все зову твоему послушны,
Животворящая весна!
И в глыбы, и в кремни бездушны
Проникнуть ты сильна!

Ты оттеняешь лик природы
В нежнейшей вечера красе.
Цветок, под веяньем *Догоды*,
Трепещет в сладостной росе;
Целует небо светлы воды;
Любовь вдыхают все!»

И сим прекрасныя Сияны
Прервалось пенье. Но пастух,
Престав играть, еще свой жадный
Ко гласу преклоняет слух,
И звук его ловя отрадный,
Чуть переводит дух.

Потом, забыв рожок и стадо,
Пред нею он с любовью пал.
Казалося, что сердце радо
Вон вылететь: так, так вздыхал.
Но брошу кисть. О Леля! Ладо!
Он вами счастлив стал!..

С тех пор, лишь только к морю склонит
Лицо свое румяный день,
В пучине рдяной солнце тонет,
Луга покроет длинна тень, —
Полим на берег стадо гонит,
Где из ветвей плетень

Простерли сросшиеся ивы
Над тихой пазухой реки.
Там стелются струи игривы,
Лобзая мягкие пески.
Садился там Полим счастливый
На травку и цветки.

Из струй Сияна выникала,
Послышав рога нежный звук,
И тихий вечер провождала
С любезным пастухом сам-друг
Но при прощаньи ускользала
Вмиг у него из рук —

И в воду, пенными буграми
Мгновенно влагу разделив,
И только зыбкими кругами
Оставивши на ней разлив.
Стоял, с простертыми руками
В пучину взор вперив,

И чуть не сам туда ж бросался
Пастух за Нимфою своей,
Потом лениво удалялся
Со стадом, позже всех, с полей,
На паству ж утром возвращался
Прилежно, всех раней.

II

«Вожделенного свиданья
Наступает час.
С сердцем, трепетным от ожиданья,
Здесь сижу, смотрю на вас,

О таинственные зыби!
Принесите мне...
Чу! я слышу плеск; — нет, это рыбы
Разыгрались в быстрине! —

Вечер ризою тумана
Приодел луга.
Ах, приди ж сюда, приди, Сияна,
Осчастливить пастуха!

Уж и так часы разлуки
Веком для меня.
Мне под бременем жестокой скуки
Не́ мил свет златого дня.

Вечера я дожидаюсь,
Мрак его любя:
Я при нем с тобою лишь видаюсь,
Он мне возвратит тебя.

Возвращал уже трикраты,
Так! Уж столько крат
Счастья райского цветы пожаты
Нами в лоне здесь отрад.

Ах, почто же медлишь ныне,
Милая моя!
Но — сие названье дать богине
Смею ль бедный смертный я! —

Может быть, я недостоин
Прелестей твоих!
Но отныне буду ли спокоен:
Я познал однажды их!

И как мотылек несчастный,
Должен в них сгореть.
Пусть меня палит сей огнь прекрасный;
В нем приятно умереть!

Ах! но тщетно ожидаю:
Ночь уже близка!
Нет тебя. Я тщетно истощаю
Звуки своего рожка.

Мне ответствует молчанье,
И отзыв глухой;
И коровушек моих мычанье:
Просятся они домой». —

Венули бурные ветры с непогодой.
Зашумел от них сыр бор,
И свирепый их напор
Возбудил, воздвиг дремавши воды;

Почернела, вспенилась река.
Мрачные над нею облака
Скрыли зрак вечернего лазуря;
И ярящаяся буря
Слышится уже издалека, —
И уж близко: хлынул водопадом
Дождь из облак. Под дробящим градом
Полегла в полях трава;
Вихрем ломит и валит древа.
И Полим, спеша со стадом
От грозы такой, — едва,
Весь измокши
И продрогши,
Страшною застигнут тьмой,
Путь нашел домой. —

Утром буря утишилась,
И стекла с полей вода.
В красном солнце обсушилась
Травка, — и уже стада
Выгоняются на паству;
А влюбленный наш Полим
Поспешал к местам драгим,
Где сплетали ивы часту
Сень над берегом крутым.

С трепетом притек, — но те ли
Видит там предметы он?
С ветвий листья облетели,
Ах! и пни из корня вон
Вырваны, лежат средь тины,
А кудрявы их вершины,
Преданы ударам волн,
Стелются поверх пучины.

Все разорено, увы!
Той зеленой муравы,
Тех цветочков нет и следу,
На которых перед сим
С милой отдыхал Полим,
Тайную ведя беседу.

Вид нерадостный такой
Сердце юноши тоской,
Ясны очи слез наполнил.
Он, закрыв лицо рукой,
Тяжко воздохнул и молвил
«Знак, что я всего лишен!
Отнят и приют сей злачный,
Наш чертог, Сияна! брачный
Отнят, — бурей разорен.

Но ужель тебя со мною
Может это разлучить?..
Я здесь нову сень устрою
Где б вечернею порою
Нам на травке опочить».

Так еще надеждой льстился
Пастушок, и обратился
Вдоль по берегу искать,
Где бы счастью пристань дать.
Там из гибких лоз сплетает
Он себе другую сень.
В сих трудах проходит день,
И уж вечер наступает.

Ожиданием томим,
На брегу сидит Полим,
Нежно на рожке играет.
То разительна, громка,
То тиха и сладкогласна
Песнь его, — но все напрасна:
На призывный звук рожка
Не разверзется река.

*

Семь дней мучительных проходит
Во ожиданьях; вот уж день
Осьмой. Полим на пастве бродит
Задумчив, бледен, худ — как стень!
Ни в чем забавы не находит.
Сенистый тот плетень,

Который посвящал он Ладе,
Сводил, устроивал дугой
День целой, не радя о стаде,
Мечтая только о драгой, —
Теперь он разметал в досаде
Своею же рукой.

«Труд бесполезный, будь разрушен!
Пусть терн здесь и волчец растет.
Моей богине ты не нужен,
Она сей презрела намет!
Мне вид твой нестерпимо скучен!
Мне весь противен свет!

Что ж медлю я, несчастный! скину
Я с сердца тягость, — потоплю
В волнах сих всю мою кручину;
Там к той, которую люблю,
Живой ли, мертвый ли, достигну:
Пусть видит, что терплю!

Жаленьем тронется, взирая,
Как я в последний раз вздохну
У ног ее, там умирая». —
И с словом сим на крутизну
Взбежал и, руки простирая,
Стремглав — во глубину.

III

Уже он хлябью оплеснулся,
Уж влажну смерть ноздрями пил, —
Под ним спиной вдруг подвернулся
Огромный сом иль крокодил;
Подъятый им, Полим прочхнулся,
Померкший взор открыл

И чувствует сквозь изумленья,
Что рыба не хребте несла
Его, и супротив теченья
С ним быстро мчалась, как стрела.
На самую среду Ильменя
Она его влекла.

Где с небом зыбь необозрима,
Нет ни людей, ни челнока, —
Недоуменьем одержима,
Туда принесши седока,
Ссажает рыба там Полима
На берег островка,

На коем сквозь тростник высокой
Лужочек низменный он зрит,
Весь желтоцветною осокой
И мягким лотосом покрыт,
Где бела лебедь, одиноко,
Над яицом сидит.

Лишь к брегу с шумом прикатился
Зубастый, златоперый сом,

Спиной он черной закрутился.
Полима поразил хвостом,
А сам вдруг в старца превратился,
Венчанна тростником

Полим, ударом оглушенный,
В себе почул премену вдруг.
Протягшись выей отонченной
И обрастая перьем вкруг,
Приемлет птичий стан сплющенный,
И крылья вместо рук.

И черным клювом лебединым
Стал милый, юношеский лик.
Не пременился лишь единым
Он чувством. Произнесши клик
Печальный, он пред старцем дивным
С покорностью приник.

То *Волхов* был, отец Сияны.
«Пребудь — он грозным гласом рек —
В сем образе, и в покаяньи
Влачи еще свой тесный век!

Что дочь моя любовь познала
Ко смертному, за то она
Подобной участи подпала:
Томиться здесь осуждена

В том лебедином превращеньи,
В каком являлась из-под вод, —
Ей девять лун здесь, в заточеньи,
Высиживать зачатый плод!

А ты при ней сиди дотоле,
Последней песнью утешай,
И собеседуй в скучной доле;
Потом — виновну жизнь скончай!»

С сим словом в бездну погружался
Свирепый бог, еще воззрев
На дочь: в очах изображался
Луч сожаления сквозь гнев. —
С лебедкой лебедь там остался
И, жалобно запев,

Сострадает ей любовник нежный,
Она ответствует ему. —
Простерши крылья белоснежны,
Прижалась к другу своему.
Возобновляют ласки прежни,
И в свете никому

Уж не завидуют — блаженны!
И забывают лютый рок;
Они друг с другом сопряженны:
И суд родительский не строг! — —
Так дни текли обвороженны;
И наступает срок,

Срок — и желанный и ужасный! —
Сияне материю быть...
С ним должен лебедь сладкогласный
Полим ее, свой век отжить!
И вот уж он приметно гаснет,
И вот — без чувств лежит...

Но неизменную нашедши
Любовь и верность выше зла,
Сама к ним из небесной вечи
Прелестна Лада нистекла,
И с жизнью образ человечий
Полиму отдала.

Из-под лебедки ж вынимала
Дитя, — прекрасного птенца.

Разгневанного примиряла
С Полимом тестя, и отца
С Сияной: радость пролияла
В довольные сердца.

С супругой наравне и с сыном
Бессмертие стяжал Полим.
Он с ними в виде лебединым
На тихом был Ильмене зрим.
И набожным поселянином
За *Белабога* чтим.

НЕРАЗРЕШИМЫЙ УЗЕЛ

(ИЗ СОЧИНЕНИЙ ЯКОВА БАЛЬДЕ, ЛАТИНСКОГО СТИХОТВОРЦА 17-ГО СТОЛЕТИЯ)

В ИЮЛЕ 1812 ГОДА

Славнее победить
Не острием меча, но силою душевной.
Что смертного рука могла соорудить,
То смертного ж рукой быть может сокрушенно.

Где толща Вавилонских стен?
Где Троя, Мéмфис — грады славны?
Распались, обратились в тлен.
Помпеев, Брутов Рим державный
Под новым Римом погребен...

Что строят смертные, подобно им все смертно.
Падет, — иль случаем слепым,
Иль честолюбия рукой железной стерто,
Или подкопано коварством злым.

Вотще ж и ты, со многим тщаньем,
Фригиец, ободрен оракула вещаньем,
Трудился узел сплесть неразрешимый ввек!
Се — дерзкий юноша притек.
Недолго думал он, как разрешить зарочный
Сей узел: он его мечом своим рассек!

Но мог ли б он и сей расторгнуть узел прочный,
Который, граждане, я предлагаю вам?
Ударьте по рукам!
Сплетитеся рука с рукою
И верой, правдою святою
Клянитесь друг за друга стать!

Пусть Македонянин приидет расторгать
Сей узел наш неразрешимый!
Единодушием связуемый, держимый,
И в мире и в войне пребудет крепок он.
Не из ремней, ниже из вервия сурова,
Из нежных прядей сплетен;
Они суть: совесть, честь, храненье данна слова
Для благородных душ священнейший закон!

ИЗРЕЧЕНИЯ КОНФУЦИЯ

(ИЗ ШИЛЛЕРА)

РУССКИМ СКАЗОЧНЫМ РАЗМЕРОМ

I

Пространству мера троякая:
В долготу бесконечно простирается,
В ширину беспредельно разливается,
В глубину оно бездонно опускается.

Подражай сей мере в делах твоих.
Достигнуть ли хочешь исполнения,
Беспрестанно вперед, вперед стремись;
Хочешь видеть все мира явления,
Расширяй над ними ум свой, — и обымешь их;
Хочешь постигнуть существо вещей,
Проницай в глубину, — и исследуешь.
Постоянством только цель достигается,
Полнота лишь доводит до ясности,
И в кладязе глубоком живет истина.

II

Трояко течение времени:
Наступает медлительно грядущее,
Как стрела пролетает настоящее
И стоит неподвижно прошедшее.

Не ускоришь никаким нетерпением
Ленивый шаг грядущего;
Не остановишь ни страхом, ни сомнением

Быстрый полет настоящего;
Когда же станет прошедшее,
Ни раскаяньем уже, ни заклятием
Его с места не подвигнешь, не прогонишь ты

Если хочешь счастливым и мудрым быть,
Соглашай, о смертный! дела свои
С трояким течением времени:
С медлительногрядущим советуйся,
Но ему не вверяй исполнения;
Ни быстропроходящему другом будь,
Ни вечноостающемуся недругом.

РОССИЙСКИЕ РЕКИ

В 1813 ГОДУ

«Беспечально теки, Волга матушка,
Через всю святую Русь до синя моря;
Что не пил, не мутил тебя лютый враг,
Не багрил своею кровью поганою,
Ни ногой он не топтал берегов твоих,
И в глаза не видал твоих чистых струй!
Он хотел тебя шлемами вычерпать,
Расплескать он хотел тебя веслами;
Но мы за тебя оттерпелися
И дорого мы взяли за постой с него:
Не по камням, не по бревнам мы течем теперь,
Все по ядрам его и по орудиям;
Он богатствами дно наше вымостил,
Он оставил нам все животы свои!» —
Так вещали перед Волгою матушкой
Свобожденные реки Российские;
В их сонме любимы ее дочери:
Ока, с Москвой негодующей,
И с чадами своими сердитый Днепр,
Он с Вязьмой, с Вопью, с Березиной,
И Двина терпеливая с чадами,
С кровавой Полотой и с Улою.
Как возговорит им Волга матушка:
«Исполать вам, реки святой Руси!
Не придет уж лютый враг нашу воду пить;
Вы Славян поите, лелеете!»

IV

ПЕСНЬ ЛУНЕ

Приветствую тебя, о Цинтия младая!
Исходишь из ночных печальных туч
И, взор умильный осклабляя,
Лиешь свой ясный, тихий луч
На гор хребты, в поля безмолвны,
На дремлющий в тумане лес,
И сыплешь на катящиеся волны
Сребро свое с небес.

Какое зрелище, светил нощных царица,
Являешь ты моим восторженным очам:
Плывет твоя жемчужна колесница
По сизым облачным зыбям.
И ночь от ней бежит — земля в своей дремоте
Мечтает быти снова дню;
Но ты, о кроткая, претишь дневной заботе
И любишь сладку тишину! —
Теперь и ветерок с Сильфидой
Шептаться в роще перестал:
Волшебный зрак твой сребровидной
Его очаровал.
И нифмы сих потоков чистых,
Твой образ девственный любя,
Во осененьи древ ветвистых
Являют на струях себя;
Нерѐид сонм средь морь изник в кругах струистых,
И роги раковин Тритон вознес, трубя.
А здесь на ветке воспевает
Сребророгортанный соловей,
И восхищенье изражает
Он трелию своей.
Фиалка кроткая, ночная,

От сладких недр свой в жертву дух
Тебе, богиня, воссылая,
Росистый окурила луг.
Лишь филин, сын угрюмой ночи,
Твой ясный ненавидит свет;
Он с трепетом сжав мутны очи
В дупло свое ползет.
Луна, не истине ль подобна ты святой!
А птица темная — неправде, ибо той
Противно просвещенье,
Любезен лишь душевный мрак;
Ей истины небесной зрак
Наводит ослепленье.
Но ах, за тучу скрылась ты:
Как дева скромная похвал себе стыдишься? —
Нет! в новом блеске красоты
Явилась ты опять: в кристалл ручья глядишься
С веселием ручей в себе твой образ зрит;
Он струйкам не велит игривым колыхаться,
И стелется стеклом, недвижимо лежит,
Чтоб доле зрелищем волшебным наслаждаться.
Ах, никогда ты столь прелестна
Мне не казалась, нежна луна!
В блеске перловом убранства небесна,
Столь восхитительна, столько ясна!
Или, украсившись для пастуха любезна,
Течешь ты посетить его средь тонка сна?..

На Латмосе многолесистом
Твой милый спит Эндимион,
И бурны ветры наглым свистом
Его прервать не смеют сон.
Амуры одр покойный
Постлали средь цветов,
Над оным в полдень знойный
Сплели зеленый кров,
Затем, чтоб жар полдневный
Не жег его ланит;
Эндимион блаженный,
Храним любовью, спит.

Он спит, сей юноша прелестный,
Любимец чистой красоты;
Он спит — веселия небесны
Ему во снах являешь ты.
Все радостью и счастьем дышет,
Смеется все его вокруг;
Он голос дев Парнасских слышит
И струн Апóллоновых звук.
Видит пляску Граций нежных
Он на бархатных лугах,
В элисейских, безмятежных,
Восхитительных полях;
Он амврозию вкушает,
Нектар благовонный пьет;
Жизнь божественну мечтает
И спит, не чувствуя забот.
Спеши, Прекрасная, его умножить счастье,
В объятиях любви покоем насладись:
Бессмертны боги все любви покорны власти,
Носить оков ее приятных не страшись!

На блещущем престоле возлегая,
Глубокой ты внимаешь тишине
И, свет волшебный разливая,
Смеешься кротко мне!

Волнистые вдруг тучи нагоняет
Зефир, твой от меня скрывая взор;
Но вот опять он резво увлекает
Легкоплывущих облак флёр...

Ах, не надолго! — ты уже свершить готова
Небесный путь; с тобой расстаться должен я!
Се в недрах облака густого
Сокрылась, обелив одни его края...

И нощь свой черный скиптр уже приемлет паки,
Чтобы покрыть природу мглой;
Блуждают призраки вокруг ее толпой
И тихий сон свои повсюду стелет маки.

Всё — всё в молчаньи!
И соловей уж не поет;
Лишь источника журчанье
Сквозь кустарник в слух мне бьёт.
Ах прощай, светило ночи,
Цинтия, поэтов друг!
Зреть тебя стремятся очи,
Петь тебя стремится дух.

Светила днéвного златая колесница
Когда во океан вечерний погрузится,
Угаснут сумерки, и все обымет мгла, —
Тогда ты посети дубравы и луга;
Будь мне подругою в святом уединеньи,
Забот моих туман лучом своим рассей
И вместе с оным мне в смущенну душу лей
Бальзам успокоенья!

ПОХВАЛА БАСНОСЛОВИЮ

ПОДРАЖЕНИЕ ВОЛЬТЕРУ

Счастливых вымыслов краса всегда младая,
Которая, не увядая,
Являет памятник изящного ума!
Лучами своего бессмертного сиянья
О, Древность, озари меня!
Ты силою очарованья
Умеешь все одушевлять
И все цветами украшать.

Не беспорочная ли дева есть священный
Сей лавр, из коего венцы нам слава вьет!
А здесь янтарны слезы льет
В кору соснову жрец Кибелин заключенный!
Сей ранний Гиацинт, исполненный красот,
Есть милой отрок тот,
Любовью Фебовой прославленный красавец.
На розах Флориных блестящий сей румянец
Зефир напечатлел,
И от Помониных лобзаний плод созрел.
Леса и недро вод, и горы, и долины
Метаморфозами обильны:
Я звероловца познаю
Младого в легком сем олене Актеона;
Склоняю слух мой к соловью:
Рожденная от Пандиона,
Мне Филомела часть плачевную свою
Вещает в трелях сих и в переливах тона.
Спустилось солнце в понт: с Фетидой опочить.
Венеры ль светлая покажется планета, —
В объятиях ее прекрасный Адонид.

А там над полюсом с Персеем Андромеда;
Средь вечных зим огонь любовный их горит.
Ирои влюбленны все небо населяют.
Какое зрелище они мне представляют.
Какой волшебной вид!
Сколь феология мила мне Гезиода!
Началом всех вещей он полагал Эрота;
По мнению его, любовь всему отец,
Всему источник и творец;
Сквозь огнь и воздух пролетает,
Несется по водам
И хаос вещества всесильно расточает...
Но с постным видом скажет нам
Несносный Пустосвят: «Вы чтете студ и срам,
Сих книг диавольских зело опасно чтенье!
Дивлюся, како их совсем не истребят
И како не наложат запрещенье
На всех читающих: они-то к нам разврат,
Они язычество и богохульство вводят...»
Не от невежества ль и злости происходят
Такие речи, Пустосвят!
Ты умственных забав отнюдь не ощущаешь
В душе стесненной и пустой,
И сладкой нам мечтой питаться запрещаешь
Желая нас сравнить с собой...
Но не бывать тому, хлопочешь ты напрасно
Тебе ли то затмить, что искони прекрасно?
Сотрешь ли гения бессмертного печать?
Любить Омира будем страстно
И музам Эллинским внимать,
А от твоих речей дремать.

БЛАГОДЕЯНИЕ

ИЗ ГЕЛЛЕРТА

Похвально помогать убогим,
Для них единственно сокровища копить;
И не безбожно ль то, что, наделенный многим,
Ни крошки ближнему не хочет уделить!
Ханжихина не так; сей набожной вдове
Вдруг пропасть золота досталася в наследство:
«Теперь-то даровал господь своей рабе
Возможность облегчать нуждающихся бедство».
Так говорит она — и, к счастью, бог послал
Ей случай в тот же миг явить благодеянье:
Перед ее окном предстал
Убогой старичок... он просит подаянья,
А сам в лохмотьях весь, и сгорблен на клюку.
Ах, господи Христе, какое состоянье!
Ну как же не помочь такому бедняку!
На то ведь и дано богатство ей от неба.
Чувствительна вдова о нищем слезы льет,
И, вынувши ему из сундука, дает
Большой кусок — гнилого хлеба.

ИБРАИМ

(с немецкого)

Когда Фернанд благочестивый,
Еще в неистовстве святом,
Не гнал род Мавров нечестивый,
Тогда Гусмановым копьём
Омар младой повержен витязь.

В стране врагов страшась отмщенья
(Убитый знатен был, богат),
Бежал Гусман, и в утомленьи
Перед собой увидел сад,
Высоким тыном огражденный.

Когда через сию ограду
С трудом Гишпанец перелез,
Узрел хозяина он саду,
Который там в тени древес
Вечернюю вкушал прохладу.

Он о покрове умоляет
Весь в поте — Эмир Ибраим
Его приемлет и сажает,
И спелы овощи пред ним
Со взором дружелюбным ставит.

«Ты гость мой — старец рек почтенный —
И будешь у меня укрыт;
Странноприимства долг священный
Тебе защиту дать велит» —
И гостя лаской ободряет.

Но вдруг на время в дом свой вызван
Великодушный старец был;
И так, чтоб не был кем он признан,
Старик поспешно заключил
Его в садовую беседку.

В мучительнейшем ожиданьи
Гусман в ней три часа сидел,
Пока при лунном он сияньи
Опять идущего узрел
Хозяина, который плакал.

«Жестокий — рек он в сокрушеньи —
Убил ты сына моего!
Увы, хотя и сладко мщенье;
Но слаще во сто крат того
Быть верну в данном мною слове!

Перед садовыми вратами
Стоит мой лучший конь готов —
Беги, ты окружен врагами,
В Толедо, град твоих отцов!
Да будет бог тебе защитник!»

О, зри Героя в нем, читатель,
Благотворящего врагам;
Хотя б, кумиров почитатель,
Молился ложным он богам,
Но он есть друг творца вселенной.

СЕДЬМАЯ ОДА САФЫ

(ПО ФРАНЦУЗСКОМУ ПЕРЕВОДУ)

Сафо советует Афиде увенчать ее цветами подобно жертвам, коих готовят к закланию. Она хвалит также красоту ее.

Утеха сердца моего!
Младыми розами приди венчать, о Афис!
Красивое чело свое и кудри легки
Златых, небережно раскинутых волос!
Какая милая стыдливость оживляет
Лицо твое!.. Спеши нежнейшими перстами
Фиалок и лилей нарвать себе; ты знаешь,
Что жертва юная угоднее богам,
Когда украсится чело ее цветами.
Сей скромный дерн нам жертвенником будет
Ах! сладостные чувства,
С него меня восхитят к небесам!
Увейся сей цветочной цепью,
Склонись на грудь мою, — и взоры
Свои ты обрати ко мне!
О, как мне нравится сих нежных щек румянец!
О, как приманчивы прелестные уста!
Лицо твое цветков свежее:
Сколь блеск их ни разящ, сколь краски их ни живы,
Поверь, приятнее, блистательней оно!

[К МЕЛЬПОМЕНЕ]

Крепче меди себе создал я памятник;
Взял над царскими верх он пирамидами,
Дождь не смоет его, вихрем не сломится,
Цельный выдержит он годы бесчисленны,
Не почует следов быстрого времени.
Так; я весь не умру — бóльшая часть меня
Избежит похорóн: между потомками
Буду славой расти, ввек обновляяся,
Зрят безмолвный пока ход в Капитолию
Дев Весталей, во след Первосвященнику.
Там, где Авфид крутит волны шумящие,
В весях скудных водой Давнус где царствовал,
Будет слышно, что я—рода беззнатного.
Отрасль — первый дерзнул в Римском диáлекте
Эолийской сложить меры поэзию.
Сим гордиться позволь мне по достоинству,
Муза! сим увенчай лавром главу мою.

ВОСТОРГ ЖЕЛАНИЙ

В 1802 ГОДУ

Предметы сердца моего,
Спокойствие, досуг бесценный!
Когда-то обыму я вас?
Когда дадут мне люди время
Душе моей сказаться дома
И отдохнуть от всех забот?

Когда опять я не с чужими
Найду себя — златую лиру,
Венчанну розами, настрою
И воспою природу, бога,
И мир, и дружбу, и любовь?

Ах, долго я служил тщете;
Пустым обязанностям в жертву
Младые годы приносил!

Нет, нет! — теперь уж иго свергну.
Надмеру долго угнетало
Оно мой дух, который алчет
Свободы! — о, восстану я!
Направлю бег мой к истой цели,
И презрю низких тварей цель.

Так; презрю всё! — но кто меня
Обуздывает? — кто дерзает
Восторгу отсекать крыле?..
Не ты ль, судьба неумолима!

Не ты ли?.. Ах, и так мне снова
Тщеты несносной быть рабом!!

Спокойствие, досуг бесценный!
Когда-то обыму я вас?
Когда дадут мне люди время
Душе моей сказаться дома
И отдохнуть от всех забот?

К СОЛНЦУ

1802. АВГ[УСТА] 28-ГО, ВО ВРЕМЯ БОЛЕЗНИ

Светило жизни, здравствуй!
    Я ждал тебя;
Пролей мне в сердце томно
    Отрады луч!
Весь день холодны ветры
    Во мраке туч
Тебя от нас скрывали
    И лили дождь —
Уныла осень алчет
    Еще вкусить
Твое благое пламя,
    Душа планет!
Венчанный класом Август,
    Серпом блестя,
Простер манящи длани
    Свои к тебе.
Он вопиет: помедли,
    Рассей туман,
Обрадуй зрелость года
    Еще собой! —
И я, светило жизни,
    Прошу тебя:
Помедли в теплотворном
    Сиянии!
Болю душой и телом,
    Целитель будь;
Согрей лучом отрады
    Скорбящу грудь.

К ДРУГУ

В СЕНТЯБРЕ 1802 ГОДА

Осення ночь одела мглою
Петрополь — шум дневной утих;
Все спит — лишь мне болезнь не хочет дать покою,
И гонит сон от глаз моих!

Не написать ли на досуге
К тебе письмо, любезный мой!
Что может слаще быть, как помышлять о друге,
Который хоть вдали, но близок к нам душой!..
Сия приятна мысль теперь меня объемлет;
Держу перо в руке, а сам я вне себя;
В восторге кажется твой голос ухо внемлет
И видит взор тебя.
В забвении ловлю сей голос жадным ухом
И призраком твоим свой томный тешу взор.
Не занесен ли ты из-за Валдайских гор
Ко мне каким-нибудь благим волшебным духом,
Который помогать любви и дружбе скор!
Или твоя душа, оставив члены тела
Усталые в Москве, в объятьях крепка сна,
Теперь, когда везде витает тишина,
Беседовать со мной в Петрополь прилетела,
В сии, обоим нам любезные, места...
Пребудь же долее, о званный гость, со мною!
Здесь долее пребудь, дражайшая мечта!
Я сердце все тебе стесненное открою
И облегчу его — в нем та же чистота,
Оно тебя еще достойно,
Но что-то уж не так теперь оно спокойно:
Когда б природы красота

Несытых чувств моих подчас не занимала,
Не знаю, что б со мною стало!...
— — — — — — — — — — — — — — — — — —
— — — — — — — — — — — — — — — — — —
— — — — — — — — «Любить?..
А ежели по сю пору предмета
Еще я не нашел себе, то как мне быть?»
«Ищи» — Но где? ужель в шуму большого света,
Где всяк притворство чтит за долг,
Где всем поступкам ложный толк,
Где любящее сердце стонет,
Зря всюду лед, и ах! само в ничтожство тонет?
Нет, лучше посижу я здесь, и потерплю;
Авось либо судьба, сия всемочна фея,
Подчас и обо мне жалея,
Вдруг подарит мне ту, которую люблю,
Которую боготворю в воображеньи...
Ах, часто в райском сновиденьи
Ее перед собой стоящую я зрел,
В ее стыдливые объятия летел
И как соловьюшек весной для милой пел
Святую песнь любви, в сладчайшем восхищеньи

Мечтаю; но оставь ме́ня, мой друг, мечтать:
Кто в *сумерках* блажен, тот *белу дню* не рад.

РАДКЛИФСКАЯ НОЧЬ

Заря вечерня угасает,
Агатну урну Ночь склоняет,
Росу и мраки льет.
При слабом свете звезд дрожащих,
Мечтаний, призраков парящих
Толпу с собой ведет.

Те радуют и забавляют,
А те дивят и изумляют
Меня в чудесных снах.
Другие ж в платье погребальном,
И в виде мертвом и печальном,
Наводят чувствам страх.

Царица тихих размышлений,
Богиня тьмы и привидений,
О Ночь, боязни мать!
Приятен мне покров твой темный,
Я вздохи, завыванья томны
Ветров люблю внимать!

Когда в густейшие туманы
Оденешься и ураганы
Ты катишь по скалам, —
Волна клокочет подо мною,
Дробится бурею глухою,
И нравится ушам.

Мила ты и в спокойных сценах,
Когда в летучих феноменах
Сверкает твой фосфор,

И легки молньи не опасны,
И северны сиянья ясны
    Мой занимают взор.

О, сколь ты в те часы любезна,
Как зыблется пучина звездна
    Огнем несчетных волн!
Луга, тропинки мне являешь,
Во мраке рощу обнажаешь,
    В парах стоящий холм.

Тогда в кругу предметов разных,
Безъименных, страннообразных,
    Теряюсь взором я;
Давая волю кисти смелой,
Волшебное им пишет тело
    Фантазия моя!

Под кровом мрака заблуждаюсь,
В пустынях... на гору взбираюсь,
    Сажуся и внемлю:
Унылый ветер то вздыхает,
Он завыванием пронзает
    Всю внутренность мою.

Сколь меланхолия небесна
Тогда душе моей любезна!
    Лью сладких слез поток...
Так! — духи вкруг меня порхают,
Вздохну ль — мне также отвечают
    Чрез трогательный вздох.

О, чада теней и молчанья,
Бесчисленны очарованья!
    Вас кто не предпочтет
Существенным картинам бедным,
Которых взором охлажденным
    Узрю, как рассветет?

ПЕВИСЛАД И ЗОРА

ДРЕВНЯЯ ПОВЕСТЬ В ПЯТИ ИДИЛЛИЯХ

I

Собирайтесь, люди Киевски,
Перед холм священный Боричев
Поклонитися богам своим
И почтить святую силу их
Благочестным приношением,
Пированием и тризнищем! —
Так взывал Баянов громкий хор,
С холма поле озираючи,
В звонки гусли ударяючи.
А гадатели и ведьмы там
В покровениях таинственных,
И священные жрецы богов
Окрест храмов суетятся все,
Носят жертвенны орудия,
Сулеи и чары сребрены
И кадилы драгоценные,
Точат светлые ножи свои
На порогах белокаменных,
Сготовляючись к Велику дню.

Певислад один, Грудыев сын,
Оставляет многогласный хор.
Он, который из Баянов всех,
Как соловьюшик из птиц лесных,
Приумолк и занят мыслями,
Отнял персты от дрожащих струн;
Взял, понес под мышкой гусельцы,
Шагом медленным сквозь всю толпу
Пробираясь — от Предхрамия

В рощу заднюю — туда идет,
Где поставлен образ Ладин был.
Там, под древом сенолиственным,
Оперши́сь на гусли звонкие
И взирая на кумир святой,
Благовидный молит юноша́
С тихим вздохом:
Ладо красная!
Долго власти я не знал твоей,
На свободе думал век прожить
Без зазнобы в ретиво́м сердце.
Ах! жестоко отомстила ты
Победительными прелестьми
Черноглазой, милой девицы.
Где теперь мое спокойствие?
Где веселость? не до песен мне,
Не до пиршеств и до славных дел;
Только то и на уме теперь,
Как бы свидеться с душой моей,
С черноглазой, милой девицей,
Без которой я с тоски умру.

Но какое неразумие!
В неизвестную влюбился я...
Где найти ее, и кто она?
Кто любви моей сосватает?..

О, всесильна Матерь Лелина!
О твоем священном имени
Я пойду ко граду Киеву
Поискать моей возлюбленной;
А не сыщется и в Киеве —
Предо мною вся святая Русь:
Я пойду от моря до моря,
И препнет ли что в пути меня? —
Через все боготекущие
Реки вплавь, в леса и на горы
Занесусь — и успокоюся
На груди моей возлюбленной,
Либо... в матери — сырой земле!

Пьвиславъ и Зора

повесть

въ пяти [illegible]

I

Великій день

Собирайтесь, люди Кіевскія,
Передъ холмъ священный Боричевъ,
Поклонитися богамі своимъ,
И почтите святую силу ихъ
Благочестивымъ приношеніемъ,
Пированіемъ и празднествомъ!
[illegible] Бояновъ громкій хоръ,
[illegible] чоботы обувши,
Въ звонки гусли ударяючи
[illegible] и [illegible] тамъ
Въ покровеніяхъ таинственныхъ,
И священные жрецы боговъ
Окрестъ храмовъ суетятся [illegible]
Носятъ жертвенны [illegible],
[illegible] и [illegible],
И [illegible],
[illegible] хоры свои
На порогахъ [illegible],
Готовящихся ко Великудни*)

[illegible] сынъ, [illegible],
Оставляетъ многогласный хоръ,
Онъ, который [illegible] Бояновъ [illegible],

*) Великимъ днемъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] такъ назывался у [illegible] главный годовой праздникъ.

Если, Ладо, ты Белбогу дщерь, —
Умились, услышь мольбу мою,
Покажи мне *деву суженую!*
Ах! и сделай чтоб она ко мне
Нежным сердцем преклонилася.

Между тем Баянов громкая
Песнь лилася с высоты холма:
Собирайтесь, люди Киевски,
Перед холм священный Боричев
Поклонитися богам своим!
Звуком труб и гусель вторилось:
Поклонитеся богам своим!
Собирались люди Киевски
Все пред холм священный Боричев,
От Подола, от Погория
И от всех пределов Киевских.
Все в понявы благоцветные
Наряжались красны девицы;
Заплетали косы лентами,
Украшали грудь цветочками
И лазоревы венки плели,
Чтобы праздновать *Великий день*.
Раздались по стогнам Киева
Восклицания ликующих,
Раздалися гласы празднества,
И мольбы, и славословие —
Всякой просит о своем богов.
Пастырь *Велесу* овна несет,
Чтобы стадо было в целости.
О погоде земледелатель
Молит сильного *Царя ветров*
И плода начатки каждого
Полагает он с усердием
Пред *Купала* благотворного
(Сей бо древле во един нáрод
Созвал дики племена в степях,
Научил их земледелию,
Дал смягченным их сердцам вкусить
Мир, и сладость общежития).

Многу честь приял и светлый *Знич*
И *Триглава* со *Святовичем.*
Хорса, хмелем увенчанного,
Вся *Поляница удалая*
Ублажает над корчагами
Сладка меду, пива пьяного
И над кубком зелена вина.
Идут к Ладе все любовники,
А замужние к *Дидилии.*
Всякой просит о своем богов.

II

Изо всех девиц и красных жен,
Кои к празднику стекалися,
Красота блистала Зорина.
Дочь Тысяцкого Станимира,
Зора, только что пятнадцатой
За собою год оставила
И не ведала иных еще
Удовольствий, кроме детских игр.

Накануне *Дня великого*
Зора с юными подругами
В лес по ягоды гулять пошла
И, наполнивши корзиночку
Земляникой и малиною,
Вышла из лесу на ровной луг
Весь в цветах и в мягкой зелени.
О подружки — говорит она —
Посмотрите, как приятно здесь!
Не нарвать ли нам цветов себе...
Мы покроем сладку ягоду
Всю душистыми цветочками
И сплетем еще венки себе!
Все подружки похвалили то
И корзинки вмиг поставили
На траву, и с удовольствием
Сами в травку побросалися.
Расцветают середи цветов

Там играющие девушки —
Лебедь, *Ива*, и *Малушинька*,
И *Грудива*, телом стройная...
Но не Лада всецветущая
Между *Милицами* райскими —
Ты стоишь между подругами,
Свет Станимировна Зорушка!

Долго девушки там пробыли,
Проклажаяся под тению,
Дружно, весело беседуя;
А как день склонился к вечеру,
Собрались они домой итти;
Но Станимирова дочь тогда,
Сговорясь с любезной *Лебедью*,
Удержала их и молвила:
Ой вы, дочери отецкие!
Я еще скажу вам дельное:
Непригоже нам домой итти,
Не омывшись во святом Днепре;
Да и надобно же к завтрему
Приочиститься нам, девушкам;
До реки отсель близехонько.
Дельно! — *Ива* ей ответствует —
Но чтоб не было опасности,
Чтобы люди не увидели...
Тут *Малушинька* прервала речь,
Изяславна милоокая,
Всех резвее и моложе всех:
Нет опасности, поверьте мне, —
Здесь вблизи на берегу крутом
Роща, *Чуру* посвященная —
Место свято искони времен.
Мне показывала матушка
Образ *Чуров* тамо — камень бел.
Из-под камня бьет родник во Днепр,
Там мы, девушки, умоемся.
С словом сим она вперед бежит,
Прочих манит за собою же.
Все пустились за Малушею:

Прежде *Лебедь* и *Грудива*-свет
С развеваемой одеждою,
А потом и *Ива* с Зорою —
Как случилося, особыми
Все бегут они тропинками.

Зора в лес когда густой вошла,
Потеряла прочих из виду,
Только слышала шагов их шум
И журчание Днепра вдали.
Тишина сия и мрак святой
На нее наводят думушку.
Робкой ланию идет она;
Остановится и слушает,
Ступит шаг и озирается;
Часто твéрдит имя *Чурово* —
От напастей ограждение.
Между тем всё идучи вперед,
Не встречает никого в лесу;
И уж лес густой редеется
И сквозь ветви засинелся Днепр.
Зора с берегу сойти спешит,
Чтоб подруг найти и с ними бы
После зною тамо дневного
Бело тело освежить свое.
Но, сходя крутой тропинкою
Между чащею кустарника,
Смотрит в сторону и видит там —
Что? не волка ли? — нет — юношу.
Он на мягкой мураве дремал,
А пред ним лежали гусельцы,
На златом ремне висевшие
Через статное плечо его.

III

Столь нечаянное зрелище
В диво Тысяцкого дочери.
Отойти ли ей, приблизиться ль...
Потихоньку приближается

Не без робости и трепету
И, наклоншись, смотрит пристально.
Вдруг беда — невесть от шороху,
Иль от мошек, или сам собой
Он проснулся — растворил глаза
На любезную красавицу,
Устремившуюсь внезапно вспять.

«Ах куда — воскликнул нежно он
К оробевшей — ты куда спешишь!
Заплати мне, красна девица,
Что нарушила мой сладкой сон,
Заплати мне дорогой ценой!
Ты мне ягоды вкусить своей
Дай сама за то из белых рук!»
Виноватая, в смущении,
Закрасневшись и потупив взор,
Подала ему малины горсть.
Он не столько-то малине рад,
Сколько ручке белой, кругленькой,
Поднесенной ко устам его.
Вмиг вся ягода снята была,
Но уста — прильнули к рученьке!

Тут возводит красна девица
Нерешимо глазки черные:
«Что не пустишь, доброй молодец,
Ты руки моей?» — в невинности
Произносит милым голосом.
«Знать, дала тебе малины я
Недовольно; на, возьми еще».
Но не думал расставаться он
Так-то скоро с белой рученькой;
А от уст своих отняв ее,
Ко груди прижал добычу ту;
Сам же, с девы не сводя очей,
Жадно вслушиваясь в речь ее,
Отвечает: «О, прекрасная!
Что мне в ягоде? не слаще ли
Прикасаться до руки твоей!».

Впала девица в раздумье тут;
Устремляет око ясное,
В коем лиха никакого нет.
Озирает с удовольствием
Удивительного юношу;
Наконец ему с улыбкою
Говорит: «Когда же пустишь ты?» —
«Вмиг, любезная! еще к устам
Приложу... и вот послушен я.
Ах устал ли б я держать сию
Белу рученьку в моих руках,
Нежно к сердцу прижимать ее,
И к устам, — но прогневить тебя
Я горчайшею бедой сочту.
Или я уж прогневил тебя?....»
Зора пребыла безмолвною,
Возрастало в ней смятение;
Но глаза ее стыдливые
Тонким жаром наполняются,
Будто высказать стараются:
Ты ничем не прогневил меня!
«Сколь я винен (продолжает он),
Что с тобою так невежлив был!
С каждым взором ты мне кажешься
Обожения достойнее;
Отметаю дерзость прежнюю
И страшусь, чтобы за оную
Не был презрен я, несчастнейший!
Но накажешь ли за то меня
Оком гнева и немилости?
Или можно мне надеяться,
Что прощаешь мне — уверь меня
Хоть малейшею в том ласкою;
Дай опять мне руку нежную
И приветливым утешь словцом».
Тут она: «Чего ты требуешь —
С удивлением промолвила
В большем отчасу смятении —
Что простить тебе, не ведаю;
В чем утешить?.. вот рука моя,

Ты не враг мне, не виню тебя;
Я себя виню, что спящего
Разбудила; отпусти ж теперь:
Вижу, девушке с мущиною
Страшно быть — прощай!» И с словом сим
Улыбнулась, резво вырвалась
И поспешно удалилася.
Молодой Баян остался там
В несказанном восхищении;
Провождал глазами девушку
И охотно б вслед пошел за ней,
Если б многих сквозь кустарник он
Не услышал голоса подруг.
Но опять потом утихло все:
Знать ушла она с подружками.
Он стоял как будто сам не свой,
Приуныл и пригорюнился;
Взяв же гусли, стал наигрывать:

О, прекрасная, кто ты?
Ах, зачем не спросил я?
Ах, зачем не спроведал!
Скрылась, скрылась как молнья.
Если только не с неба
Ты, одна из бессмертных,
В сей явилася роще!
Стан и поступь богини!
Взором в сердце проникла,
Взором ясным, невинным!
Если ты из бессмертных,
О! явися мне паки;
Я растаю в весельи!
Без тебя я погибну
В тяжкой, тяжкой кручине.

Он не мог уж продолжать в тоске,
Гусли выпали из рук его,
Прислоняется он к дереву,
Закрывает рукавом лицо.
Все казалося исчезнувшим

Вкруг его — лишь он с тоской своей
Сиротеет в поднебесной — —

Но, скрепившись, укорял себя,
Что так слаб, и богатырское
Ободряет сердце к мужеству.
Прикасается опять к гуслям,
Хочет вызвать звуки бранные —
Звуки пиршества-веселия
Чтоб рассеять думу крепкую.
Нет, напрасно — непокорные
Ропщут струны; издают одно
Только томное, унывное.
Так в печали возвращается
Он на Киев поздним вечером.

И на утро̀ Певислад-Баян
Перед мощным божеством любви
Изливать свою кручину стал.
Лада глас его услышала.

IV

Лада глас его услышала,
Ибо в дочери Станимира
Родила она желание,
Чтоб пойти и в первой раз еще
Посетить ее златой олтарь.
Идучи с отцом и с матерью,
Говорила Зора матери:
Все богам усердно молятся,
Всякой просит их о чем-нибудь.
Мне о чем и у кого просить,
Научи меня, родимая!
Разве батюшке и матушке
Долголетия и счастия
Испросить пойду у Дажбога — —
Отвечала Зоре мать ее
С нежной ласкою родительской:
Ах ты дочь моя любезная,

Ненаглядно наше солнышко!
Нам тебя б увидеть в счастии —
Вот одно у нас желание.
Об себе, а не об нас проси;
Ныне, девушка, невеста ты,
А невесты — Ладе молятся.
Тут прекрасно око дочери
Прослезилось и невольный вздох
Под сорочкой тонкольняною
Лебединую приподнял грудь.
(Уж пришли они пред самой холм
Где певцов стояло сонмище!).
Ладе — повторила девушка—
Так, любезные родители, —
Но пора ли мне молиться ей;
Правда, ныне мне пятнадцатой
Минул год, и все мне то ж твердят:
Знайся с Ладой, красна девица!
Ах! — и скрыла во объятиях
Нежной матери слезу свою...
Мать прижала с умилением
К сердцу дочь свою любезную,
Отерла слезу платочком ей,
Осушила поцелуями.
Красна девица ж, оправившись,
Продолжала: «Нет того во мне,
Чтоб противиться богам святым.
Буди воля их на мне, младой.
Но нога моя коснется днесь
В первой раз пределов Ладиных,
В первой раз перед богинею
Я предстать должна! — Страшусь, увы!
Как притти туда, не знаю я:
Не бывала, не видала я.
Дайте, Батюшка и Матушка,
Вашей дочери совет благой.

Попечительная Мать тогда
Так советовала дочери:
«Как придешь перед богиню ты,

Поклонися ей в сыру-землю,
И жрецу ее священному
Поклонися чинно пó пояс.
Сняв с головушки цветной венок,
Расплети свою русу-косу,
Отстриги от оной три кудря
И пожертвуй Ладе оными,
А потом венок свой также к ней
Положи на золотой олтарь
И моли с благоговением:
Дай мне мужа, Ладо красная!
И умом и видом доброго:
Чтобы мне, младой, был ровнюшка,
Чтоб союз наш неразрывен был
И богат златыми радостьми,
Как душистый сей венок богат
Разновидными цветочками.
А чтоб злой не посещал нас *Дид*,
Приими *Богиня белая*,
В чисту жертву примирительну
Приношение власов моих.
Изречешь когда слова сии,
Попроси, чтобы, как водится,
Жрец священный совершил обряд,
И о суженом, о ряженом,
Погадал тебе бы правду всю».

Внявши мудрости советов сих,
Собралася красна девица,
Чтоб итти ко храму Ладину.
Повели ее отец и мать,
Всю завесив золотой фатой.

Как соловка новогнездная
В первой раз еще, на веточке
С другом сидючи, услышала
Сладкопение любви его
И восторгов дробь, и свист и щолк,
Рано ж пойманная птичником
И уж в тесной клетке пóрхая,

Вечерком еще туда ушко
Тихо склонит, где оставила
Соловья — не принесет ли ей
Ветерок из тех кустарников
Дивный тон, однажды слышанный,
Но вперившийся в душе ее
И раздвигший сердце к сладостям, —
Так несмелой взор девический,
Быв завешен золотой фатой,
Все невольно обращается
В ту сторонушку, откуда звук
Громких струн и голоса текут.
Все чего-то ищет взор ее.

Под покровом ей мерещится
Образ юноши вчерашнего,
И глубоко нежный глас его
Отзывается в ушах ее.
Сердце Зоры сладким трепетом
Вдруг прониклось, и внезапный жар
Оцветил лицо прекрасное;
Ей привиделось, что юноша
К ней подходит — между тем она
Слышит мать свою, кому-то вдруг
Говорящую с приветствием:
«Бьем челом Баяну вещему!
Не богинин ли священник ты?
Се (покров златой с девицы сняв)
Се приводим к Ладе дочь свою».
Что открылось! о восторг святой!
Певислад увидел милую
И она его увидела.

V

Он еще стоял пред Ладою,
Торжеством не занимаяся,
Углублен в мечтаньях сладостных,
Как приходом сим нечаянным
Прервались его мечтания.

Ладо! Царь-богиня! — вскликнул он —
Буди славно ты прославлена! —
Что просил я, то исполнилось!..
Обратившись же к приведшим. рек:
Сей девице вы родители,
Храбрый муж, Станимир Тысяцкий,
И Цветима Гостомысловна;
Если так, я познаю теперь
В сей девице несравненную
Зору. славимую в Киеве.
Неизвестен быв о имени
И об отчестве красавицы.
Я увидел красоту ее.
Боги, правящие смертными,
Прилучили мне вчера с ней быть;
И не тщетно, но с намереньем,
Ибо грудь мою зажгли они
Нежным пламенем сих чорных глаз,
И теперь ее ведут сюда
Принести мне облегчение.
О когда бы сердце Зорино
Улелеялось любовию,
Я бы счастливее князя был!
Я бы Зориным родителям
Бил челом, чтобы они меня
Ныне зятем нарекли своим!

Сердце девы на лице ее
Против воли обнаружилось,
Дало знать отцу и матери
Что любезен ей Баян младой;
Но тогда премудрый Тысяцкий
Строго взор на жениха возвел
И сказал ему: «Не выдам я
Дочь за мужа неизвестного;
Опозорит нас бесславный зять
Рцы мне, кто ты добрый молодец?
Чей ты сын?» — Я Певислад-Баян. —
«Певислад Баян!» — воскликнули
С удивлением отец и мать. —

«О, Грудыев пресловутый сын,
С Князем Ольгом на войне *Буй-тур*
Соловей в приятном пении!
О, венец Баянов Киевских!
Ты достоин нашей дочери»!

Слыша речи благосклонные,
Низко кланялся им юноша;
Нежно взглядывал на девушку
И спросил он тихим голосом
Тестя будущего с тещею:
Ныне в день богов торжественный
Вы поволите ль сгóвору быть,
О родители почтенные!
Улыбаяся, в ответ ему
Рек Станимир: «Быть пó твóему.
Призови, жених, друзей своих,
Чтобы мы могли теперь же здесь
Перед Ладой заключить сговор;
Заключив же, пировать пиры».
Певислад послушал с радостью
Слову молвленному в доброй час
И потек стопами скорыми
Созывать своих: Вы гой есте
Кто Баяну Певисладу друг!
Приходите на сговор к нему.
Всевлад, *Зыкош*, *Белоног*, *Стоян*
Мой названый брат *Хвалимович*!
Гой немедленно сюда ко мне
Просим милости, любезные!

Между тем девица красная
Вопрошающим родителям
Без утайки все поведала,
Как вчера на берегу Днепра
Певислада обрела она,
Как он с нею разговаривал,
Как он ягоды выпрашивал.
Как потом она с подружками,
Удалившись за куст, слушала

Рокотанье гусель сладостных,
Заунывное и нежное,
Так что слушала да плакала.
Как оттуда идучи назад,
Не могла она забыть его
Взгляда, речи, песни жалобной,
Как мечтала с той поры о нем
И во сне и на яву она.

Но жених младой со зваными
Тут явился. — Поклоняются
Божеству любви и жертвуют.
По свершении же требы всей
Заключен сговор был свадебный.

И в приданое за дочерью
Дал Станимир добру молодцу
Поле ржи, ячменю столько же,
Тучных семь юниц с телятами,
Кобылицу с жеребятами;
Десять гривен красна золота,
Серебра же в трое ль, в четверо ль
А Цветима Гостомысловна
Милой дочери в приданое
Семь концов дала златой парчи,
Шелку всякого и бархату,
Много пряжи, и тканья, и шуб
Куньих, бельих, горностаевых;
Также мамку и воспитанных
С нею в доме сенных девушек,
Прилежащих к рукоделиям.
О нужнейшем не забыла мать,
О домашней разной утвари:
Все сие сговорено было
За девицею в приданое.

И Станимировна милая
С другом сердца в роще Ладиной
По желанию взаимному
Обручилась о *Великом дне*.

АМИМОНА

ПЯТАЯ КАНТАТА ЖАН БАТИСТА РУССО

В стране Аргивской, там, где моря волны рьяны
Оплескивают брег песчаный,
Юнейшая из Данаид,
Воздевши руки вверх, стояла Амимона.
От Фавна дерзкого красавица бежит
И слезно молит Посийдона,
Да от насильства он невинность охранит.

«Посе́йдон! бурных вод смиритель,
Поспешну помощь мне яви;
Будь чести, жизни будь спаситель
От зверския любви!
Увы! ужели раздается
Вотще по воздуху мой стон?
Или искать мне остается
Спасенья в бездне ярых волн!
Услышь, Посе́йдон, повелитель!
Поспешну помощь мне яви!
Будь чести, жизни будь спаситель
От зверския любви!»

Так дщерь Данаева возносит глас плачевный
И видит вдруг она, что сильный бог морей,
Своим последием блестящим окруженный,
Рассеять страх ее грядет во славе к ней;
И Амфитрите он однажды так явился,
Когда за ним текли Амур и Гименей.
Его узревый Фавн от брега удалился,
А бог, имеющий в руке трезубец злат,

При виде девы сам любовию объят,
Вещать к ней тако обратился:

«Никто, прекрасная княжна,
Вредить тебе да не посмеет;
Кто нежным быть в любви умеет,
К тому и ты явись склонна.
Ах, счастлив, счастлив тот без меры
Кто нравен сердцу твоему!
В объятиях самой Венеры
Приревновал бы Марс к нему.
Никто вредить да не посмеет
Тебе, прекрасная княжна!
Кто с нежностью любить умеет,
К тому, к тому лишь будь склонна!»

О как легко богам склонить девицу юну!
Все в пользу страстному Нептуну
Служило в оный час: величием блистал
В кругу Тритонов, Нимф, во славе светозарной
Притом же помощью ее он обязал.
Но это ль помощь? о Амур, Амур коварной!
Игра твоя и тут видна;
Помощника сего она
Должна бы более всех Фавнов опасаться...
Уже Фетидино чело румянит стыд,
Она отводит взор; Дорида же спешит
Во влажные свои вертепы погружаться,
Увещевая Нереид
Подобных случаев разумно удаляться:

Вы будьте, о Нимфы,
Всегда осторожны!
Приманчивы речи
Любовников ложны;
Когда мы опасность
Предвидеть не можем,
Ее нам избегнуть
Труднее всего.
Любовников дерзких

Избавиться можно,
Противных и грубых
Отвадить легко.
Тот больше опасен
Кто льстив и прекрасен,
Страшитесь, о Нимфы,
Всех боле того!

ПРЯСЛИЦА

(ФЕОКРИТОВА 28-Я ИДИЛЛИЯ)

Прялица, дружная с мягкой волной! светлоокой Афины
Дар! тобою владеть есть дело жен домовитых.
Ныне с нами ступай в цветущу твердыню Немея,
Где воздвигнут Кипридин храм средь тростий зеленых;
Ибо туда у Зевса мы просим попутного ветра,
Да посещу с веселием гостеприимца драгого —
Никия, коего любят сладкоречивы Хариты,
И да тебя, точеную лепо из кости слоновой,
Примет Никиева от меня супруга в подарок;
Много отныне пряжи с нею да произведешь ты, —
Праздничных риз мужских и женских, одежд морецветных.
Дважды бо в год волну приносят к стрижению овцы
Тевгениде младой, имущей прекрасные ноги.
Тевгенида любит труды и все, что степенно.
Я бы воистину в дом, обитают где праздность и леность,
Не дал тебя, о прялица, в нашей отчизне рожденна!
Там родилася ты, где Эфирянин Архиас древле
Создал град, *Тринакриев торг*, селение граждан,
Любящих добрую славу. — Ныне к мужу, искусну
В приготовлении всяких врачебных составов полезных.
Внидешь в дом, поживешь у Ионян в приятном Милете.
Жены града того Тевгенидину прялицу будут
Поминать, подарок ее песнотворного гостя;
Скажут они, смотря на тебя: в каком уваженьи
Сей столь малый подарок! друзья дорожат и безделкой!

К ВЕНЕРЕ

O Venus regina Cnidi Paphique etc.

Оставь блестящий храм Книдийской
И рощи Пафоса, спустись, Венера, к нам!
Мы с Клоей ждем тебя; олтарь и фимиам
Готов уже; приди, простой наш домик низкой
Преобрати во храм!

Не позабудь при том Амура взять с собою
И пояс Грациям стыдливым развяжи;
Пусть смехи, игры к нам веселою толпою
С Эрмием притекут, и с младостью драгою,
Которы без тебя, как будто без души.

АХЕЛОЙ, ВАКХ И ВЕРТУМН

(ПОДРАЖАНИЕ РАМЛЕРУ)

А х е л о й

Мной, Океановым сыном, ударившим в ска́лы, исто́чен
Шумный в поля водоток.
Вся Акарнания, тем напоенная, в дар принесла мне
Много цветов и плодов.

В а к х

Мной, Зевесовым сыном, из прутиев полуиссохших
Сладостный выращен грозд.
Оного соку испив, Фракийский пастырь в восторге
Доброго бога воспел.

А х е л о й

Среброчешуйные сонмы питаю, и раковин груды
Струй благотворных на дне!
Жажду зверя толю, напояю агнчее стадо,
Стадо мычащих волов.

В а к х

Я выжимаю плоды густолиственных лоз винограда —
Людям отраду принесть,
Удоволить богов, о праздниках, жертв возлияньми;
Ты же — будь пойлом скоту.

А х е л о й

Всех я жизнь содержу — кровей и ран к омовенью
Чист и врачебен теку,
Пей, селянин, мою воду и будь царя долговечней,
Коего Вакх отравит!

Вакх

Истинный я дарователь жизни, убийца же скорби —
Сущей отравы сердец.
Царь, насладившийся мною, себя почувствует богом,
Раб превратится в царя.

Ахелой

Предо мной обнажаются робкие девы, купая
Тело в прозрачной струе;
Видеть все красоты и все их девичьи игры,
Спрятан, лежу в тростнике.

Вакх

Девушки робкой к устам поднесу бокал искрометный:
Где ее робость тогда?
Между шуток и игр не увидит, что пылкий любовник
Пояс ее развязал.

Ахелой

Друг! сочетай мою воду с твоим толь сильным напитком.
О, вожделенный союз,
Ежели радует жизнь вино; — вода же спасает
Радость сию от вреда!

Вакх

На! подлей к твоей урне, мой бедный, зяблый содружник,
Мех сей с огнистым вином. — —
Тем бы продлить нам вкуса роскошь и здравия целость
С сению кроткого сна!

Вертумн

В вашем союзе, о спорники! мне позвольте быть третьим.
Выжму вам сих золотых
Яблоков нутр; но прежде в новом напитке
Сей растворите песок.

Тверд и блестящ как снег (из сладких выварен тростий
Нимфами Индуса он) —
Крепкий, оттуда ж добытый спирт, в сосуде кристальном
Здесь у меня заточен:
Капли две-три того прибавив, отведайте! — Знайте ж:
С сим превращенным вином
Я подольстился к Помоне, — в виде юноши прежде
Доступу к ней не имев, —
В виде старушки доброй легко привел на попойку,
Легче привел на любовь.

ПОХВАЛА МЕРКУРИЮ

[Горация] кн. 1 ода X. Mercuri Facunde, etc.

О, краснобай Меркурий, внук Атлантов!
Ты диких был людей образователь;
Устам их подал речь, телодвиженьям
Приятну ловкость.

Ты будешь мной воспет, богов посланник,
Чрепаховую изобретший лиру;
Ты всё, что взглянется тебе, меж шуток
Искусно крáдешь!

Тебе, дитяте, грозно рек Апóллон:
«Не скрылась же татьба волов».. Но видя.
Что и колчан пропал с рамен — от гнева
Прешел ко смеху.

Не чрез тебя ли мог Атридов гордых
Богатый обмануть Приам под Троей,
Сквозь вражий стан, сквозь все огни и стражи
Идущ к Ахиллу.

Благочествых ты ведешь усопших
В поля блаженны — легким сонмам теней
Претишь златым жезлом; любезен в Горних
И в Преисподних.

К ИУЛУ АНТОНИЮ, О ПИНДАРЕ

[Горация] кн. 4-ой оды II начало: Pindarum quisquis studet aemulari, etc.

Кто Пиндару во след дерзает,
Тот восковым себя вверяет
Дедаловым крылам —
И имя от него останется морям.

Как с гор река бежит, проливным
Дождем наводнена, — так дивным
Витийством быстр, широк,
Из Пиндаровых уст Поэзьи реет ток.

Не упразднит венец лавровый,
Отважно ль в Дифирамбах новы
Он словеса родит
И стих от всякого размера свободит.

Богов ли песнью величает,
Сынов ли их он ополчает
На достославный труд,
Кентавров и Химер ужасных да сотрут.

Тому ли кто в Элиде стяжет
Награду поприщ, — он окажет
Бессмертной песнью честь,
Которая столпов и статуй краше есть.

Или по юноше льет слезы,
Которого поблекли розы —
Его приятность, нрав,
Возносит ко звездам, из Оркоса изъяв.

Всегда Дирцейский лебедь равен,
Легок в пареньи, неослабен
Держаться в высотах, —
А я подоблюся пчеле, что на цветах

По лугу злачному гуляет,
Со многим тщаньем собирает
Из разных мед соков —
Тружусь над мелочным сложением стихов.

ОДА СЧАСТИЮ

Ж. Б. РУССО

Дающая успех развратнейшим злодеям,
Фортуна! долго ли ты будешь ослеплять
Сим ложным блеском нас, что вкруг тебя рассеян?
Доколе нам твоих кумиров почитать
Служением бесчестным и бесплодным?
И прихотей твоих наряд
Всегда ли будет добр и свят
Перед лицом народным?

И худшие твои дела мы обожаем,
Когда венчает их удача — всё тогда
Велико, славно в них; пороки называем
Мы добродетелью изящной, без стыда, —
Тебе бы лишь служили в угожденье;
И самый недостойный твой
Любимец есть для нас Герой:
В таком мы заблужденьи!

Но сколько-б титлами ни славились своими, —
Очами разума, вблизи их разобрав,
Сих доблественных мужей, увы! найдем какими?
Безумцы, гордецы, презрители всех прав,
Неистовы, коварны и жестоки —
Вот доблесть странная, где все
В едином собраны лице
Гнуснейшие пороки!

Премудрость истинных Героев совершает,
И зрит с высот своих, колико низки те,
Которых только длань Фортуны возвышает;

7. 50   30 декабря 1805.

Ода щастію.

Ж. Б. Руссо.

Дающая успѣхъ развратнѣйшимъ злодѣямъ,
Фортуна! долго ли ты будешь ослѣплять
Симъ ложнымъ блескомъ насъ что вкругъ тебе разсѣянъ?
Доколѣ намъ твоихъ кумировъ почитать
Служеніемъ безчестнымъ и безплоднымъ?
И прихотей твоихъ нарядъ
Всегда ли будетъ добръ и святъ
Передъ лицемъ народнымъ?

И худшія твои дѣла мы обожаемъ
Когда вѣнчаетъ ихъ удача — все тогда
Велико, славно въ нихъ; пороки называемъ
Мы добродѣтелью изящной, безъ стыда,
Тебѣ бы лишь служили въ угожденье:
И самый недостойный твой
Любимецъ естъ для насъ Герой
Въ такомъ мы заблужденьи!

698

Ниже завидует, что рок, по слепоте,
Дарит победы им несправедливы:
Они, при всех своих делах,
Нередко суть в ее очах
Разбойники счастливы.

Что? — в страхе всю когда Италию представлю,
Весь Рим в крови — добром я Силлу помяну!
И Македонского за то царя прославлю,
За что я Аттилу, как варвара, кляну?
Приму я храбрость ту за добродетель,
Что в грудь мне хладно меч вонзит?
И должен я того хвалить,
Кто общих бед содетель?

Какие видим мы черты в бытописаньях,
Завоеватели свирепые, о вас?
О дерзких замыслях, обширных начинаньях —
Законных здесь царей престол тиран потряс,
Опустошает ратник сел обилье,
Огнем стремится грады стерть —
Там стар и млад приемлют смерть,
Там жен и дев насилье.

О, неразумные! о, сколь мы слепо судим,
Когда уже сии нас подвиги дивят;
Ужели царь велик в уничиженье людям
И только ль славе он, вредом гремящей, рад,
Что грабежом себе, убийством стяжет?
Сей образ на земле богов,
Одним ли верженьем громов
Свою нам мочь окажет?

Но пусть бы не было без ратных дел возможно
И без трудов стяжать едину, прочну честь, —
Скажите, кто свои победы мог неложно
К искусству своему и к храбрости отнесть?
Кому случайность тут не помогала?
Неопытен, строптив Варрон
Навлек Эмилию урон,
Прославил Аннибала.

Кому же истое припишем мы геройство,
И слава, собственно, кому принадлежит?
Царю, в ком правота и мир суть сердца свойство,
Который подданных блаженством дорожит;
Льстецов тенетами неуловленной,
Прямой Отечества отец,
Приемлет Тита в образец
К щедроте ежедневной.

Пусть тот, кто в храбрости всю добродетель ставит,
Сократа мудрого вообразит царем,
Что вместо Клитова убийцы царством правит:
Примерный царь — не царь, но бог сиял бы в нем,
Который осчастливит милионы;
Но сколько бы, напротив, мал
На Сóкратовом месте стал
Завоеватель оный!

Престаньте ж, витязи, хвалиться тщетным видом
Лавровых сих венцов, на них же кровь и прах!
Тиран, сообщник хитр Антонию с Лепидом,
Вотще-б рассеевал по всей вселенной страх:
Он Августом отнюдь бы не нарекся,
Когда-б, в противность прежних дел,
О правде он не порадел
И в милость не облекся.

На опыте свою всю силу окажите,
О пресловутые, геройские главы!
Измену счастия, не изменясь, сдержите!
Пока оно вам льстит, дотоле мочны вы!
Но в малом чем запнет вас рок противен —
Личина сорвана долой,
Исчез блистательный герой
И слабый смертный виден.

Тому немногое усилие довлеет,
В завоеватели кто хочет быть включен;
Но тот, кто побеждать и самый рок умеет,
Заслуживает быть Великим наречен.
Ничто его достоинств не отъемлет;

Тивериевых шум побед
И Варуса постигший вред
Он без смятенья внемлет.

В несчастьи никогда дух бодрый не теряя,
А упоение благополучных дней
Всегда спасительной боязнью умеряя, —
Биемый вихрем бед, он глубже и сильней
Во добродетели укоренится.
Фортуна может нас забыть,
Но мудрый должен твердым быть:
Судьба переменится.

. . .

Вотще Енею зло Юнона умышляла:
Премудрость! ты ему покров необорим;
Его потомков ты в несчастьях укрепляла,
Доколе наконец победоносный Рим
Пунически сверг стены в прах — сторицей
Своих Героев смерть отмстил
И тамо лавры возрастил,
Где были кипарисы

БРАТУ И СЕСТРЕ, ОТМЕННО ПРИГОЖИМ, НО КРИВЫМ

(с латинского)

Правым глазом Ванюша, Надинька левым не может;
Впрочем пленяют они оба пригожством своим.
Ваня, голубчик! отдай-ка сестрице глаз свой здоровый:
Будет Венерой она, — будешь Амуром слепым!

ИЗЯЩНЕЙШИЕ ФЕНОМЕНЫ

(ИЗ ШИЛЛЕРА)

Видел ли ты красоту, которую борют страданья?
  Если нет — никогда ты *Красоты* не видал.
Видел ли ты на прекрасном лице написанну радость?
  Если нет — никогда *Радости* ты не видал.

К ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

ЭПИГРАММА ИЗ АНТОЛОГИИ

Милая скляночка, свет-долгошейка, с круглою душкой,
Ты, что столько крат тешила в жизни меня,
Бахусу, Музам всем и даже любови радела,
Шепчущей свахой мне, верной услужницей быв.
Добрая склян... ба! да что ты, дружок мой? я как грузен стал,
Ты тут стала легка — эдак ли дружно живут?

К КОРАБЛЮ

Горациева ода 1-ой кн. 14-ая: O navis, referent in mare te novi Fluctus? etc.

(размером подлинника)

Не опять ли, корабль, волны несут тебя
В море? Ах придержись якорем в пристани
Тихой. Разве не видишь:
Обе скамьи лишенны весл?

Ветром щогла твоя бурным надломлена,
Снасти стонут. Корма может ли пр́отиву
Стать, без крепких канатов,
Напирающей силе волн!

Ветрил нет у тебя целых, и нет уже —
Коих можно б призвать в нужде — богов твоих.
Тщетно родом гордишься,
Что из славных Понтийских сосн

Ты состроен. Вотще хвалишься именем:
Не защита пловцу л́епая живопись,
Коей ты изукрашен.
Берегись, чтоб опять не стать

Злых игралищем бурь. Сколько недавно мне
Стоил слез ты, корабль, сколько забот теперь!
Не вдавайся в неверну
Зыбь, где много блестящих сќал.

ИФИГЕНИЯ В ТАВРИДЕ

ТРАГЕДИЯ СОЧ. ГЕТЕ [1]

Действующие лица:

Ифигения
Тоас, Царь Тавридян
Орест
Пилад
Аркас

Действие в роще перед Дианиным храмом

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ифигения

Под сень твоих колеблемых ветвей,
О древня, густолиственна дубрава,
Как в тихое святилище богини,
Еще поныне с трепетом вхожу,
Как бы впервые — и не может
Обжиться и обвыкнуть здесь мой дух.
Уж столько лет меня в сокрытьи держит здесь
Святая воля, ей же покоряюсь; —
Но все еще я здесь как в первый год чужда.
От милых бо, увы! отделена я морем,

[1] Подлинник писан ямбическим пятистопным стихом древних Трагедий. Я старался в переводе соблюсти оный, позволяя себе однако в местах и шестистопные и четерехстопные стихи и другие вольности, как то: окончания стихов Дактилем вместо Ямба. Эти неисправности, ежели их так назвать угодно, можно будет при второй отделке исправить; теперь я более должен был думать о соблюдении смысла и красот подлинника, которые выразить — всякой знает, сколь трудно переводчику, а особливо с такого краткословного языка, каков Немецкий, на такой протяжнословный язык, каков наш Русской. При сих трудностях не почел я за нужное задавать себе еще лишнюю трудность, какою не был стеснен и Гете, т. е. александрийские стихи с рифмами.

И на брегу по целым дням стою,
Летя душой ко Греческой земле;
Ах! и на вздохи все в ответ мне чрез пучину
Глухошумящий токмо отзыв волн.
Как горестно тому, с родными кто в разлуке,
Витает одинок! ему тоска
И близких радостей не даст вкусить:
Он мыслию не здесь, а там,
В родительском жилище, где впервые
Взглянул на свет, в невинных где игра́х
Рождались связи сверстничества, дружбы.
С богами не судиться мне; но льзя ль
Об женской участи не пожалеть!
Муж властвует везде, в дому, на рати,
И в чуждых он странах помочь себѐ умеет,
Стяжает собственность, венчается победой
И честную приемлет смерть.
А женщин счастие как стеснено!
Уже суровому повиноваться мужу
И долг велит и сердце; что ж, когда
Враждебной брошено судьбой в чужие люди
Творенье слабое? Не вдвое ли бедняй!..
Так здесь меня Тоас великодушный
В священных, строгих узах рабства держит.
Стыжусь признаться, что тебе, богиня,
Служу я с внутреннею неохотой,
Тебе, Защитнице моей! Желала б я
Жизнь посвятить тебе мою непринужденно.
Надеялась всегда я непреложно,
Надеюсь и теперь, Диана! на тебя,
Что приняла меня, трепещущую жертву,
Великого царя оставленную дщерь,
На кроткое твое святое лоно.
Так, дщерь Зевесова! Как если привела
Со славой ты в отечество обратно
Богоподобного Агамемнона,
Его же ты надмеру наказала,
На жертву дочери потребовав, — и он
Дражайшее свое принес тебе на жертву!
Как если ныне ты за то ему

Супругу соблюла, и сына и Электру,
Сии первейшие сокровища; — то да́руй
Обратно и меня родным моим,
И коль от смерти ты избавила меня,
Избавь от здешней жизни, той же смерти.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

ИФИГЕНИЯ. АРКАС

Аркас

Меня послал с благим приветом царь
К Дианиной священнице. В сей день
Благодарение за новые победы
Таврида принести спешит своей богине.
Предпослан я сказать, что царь идет
И воинство за ним.

Ифигения

Готовы мы
Принять их благолепно, и воззрит
Богиня наша милостивым оком
На жертвы, ей угодны от Тоаса.

Аркас

О, если бы и взор достойно чтимой жрицы,
Твой взор, святая дева, я обрел
Довольнее и радостнее ныне,
Спасительный нам признак всем!
Еще душа твоя печалью неизвестной
Помрачена; и сколько лет ты здесь —
Еще доверчивых мы не слыхали слов,
В которых бы твое нам говорило сердце.
Я сколько крат ни приходил сюда,
Всегда в тебе сей взор, меня страшащий,
И крепко, как в веригах бы железных,
Закована в груди душа твоя.

Ифигения

Как должно изгнанной и сироте.

Аркас

Изгнанницей себя и сиротою
Ты почитаешь здесь?

Ифигения

Страна чужая
Нам может ли отчизну заменить?

Аркас

А ты отлучена отчизны?

Ифигения

Я об ней-то
Тоскую день и ночь. Еще отроковицу
В те годы, как привязанность сердечна
Усиливаться начинает в нас
К родителям и к кровным, — и когда
Младые отрасли стремились дружно
От корня старых древ подняться выспрь,
Тогда к несчастью вдруг меня постигло
За чуждую вину Проклятие...
От милых отняло и медною рукою
Прекраснейший союз расторгло. — Отцвела
Беспечной молодости лучша радость,
Надежды лестные в ничто обращены.
Сама лишь я себе как тень осталась;
И прежней живости ничем не воскресить.

Аркас

Когда ты столь себя несчастной называешь,
Позволь же мне еще назвать тебя
И несколько неблагодарной. —

Ифигения

Я
Всегда являла благодарность вам.

Аркас

Не искреннюю, не такую,
Которая благодеянью служит
Наградою — не тот веселый взор,
Которым гость хозяину являет
Довольну жизнь, радеющее сердце.
В то время как таинственной судьбой
Приведена была к сему ты храму,
Тоас тебя как богом данную
Благоговейно и усердно встретил.
Сей брег тебе одной приязнен был и мирен,
Дотоле всем пришельцам столь ужасный:
Из них кто заходил на оный, до тебя,
Тот пред Дианиным святым кумиром
По древнему поверию должён был
Пасть непременно жертвою кровавой.

Ифигения

Жить — есть не только, что дышать свободно.
Сколь бедная та жизнь, которую я здесь
В святилище — как тень над собственной могилой —
Влачу во скуке? То ли назову
Веселым и полезным бытием,
Когда нас каждый день празднотекущий, сонный
Приготовляет к темным оным дням,
Что празднуют на Летиных брегах
В самозабвении усопших скучны лики?
Жизнь бесполезная есть ранняя смерть;
Сию-то участь женщин я всех боле
Изведала.

Аркас

Что недовольна ты
Собой, — прощу тебе столь благородну гордость,
Колико мне не жаль тебя: она
Тебе мешает жизнью наслаждаться.
Ты разве ничего не сделала еще
С прибытья твоего сюда? А кто же
Цареву мрачну мысль рассеял, разъяснил?

Кто древний тот обычай лютый,
Чтоб кровию пришельцев обагрять
Дианин жертвенник — год от году умел
Воздерживать кротчайшим убежденьем?
И пленных, свободив от верной смерти,
Столь часто во отчизну отсылал?
Диана не сама ли вместо гневу
За опущение кровавых прежних жертв,
Молитву кроткую твою прещедро
Услышала? Не беспрестанно ль ныне
Сопутствует победа нашим воям
И даже предлетит? — Не каждый ли из нас
Довольнее стал жребием своим
С тех пор, как царь, столь долго бывший нам
Премудрый токмо вождь и храбрый, от тебя
И милосердью научается,
И подданным своим дарует льготу?
Ты это бесполезным называешь?..
Коль от тебя на тысячи людей
Лиется ба́льзам утешения;
Коль счастья нового источником ты стала
Народу, коему дана богами ты:
Коль брошенным сюда несчастным чужеземцам,
На бреге смерти негостеприимном,
Готовишь ты спасенье и возврат?

Ифигения

Содеянное кажется все малым
Тому, кто видит, сколько впереди
Еще осталось совершить ему.

Аркас

Но ты похвалишь ли того, кто не цени́т
Своих деяний?

Ифигения

Тот достоин порицанья,
Кто вес дает своим деяниям.

Аркас

И тот, кто истинных в себе достоинств
Из лишней гордости не хочет видеть,
Подобно как и тот, кто ложными гордится
Достоинствами. — О! поверь мне, не отринь
Моих советов искренних, усердных:
Коль царь сегодня вступит в речь с тобой,
Будь ласковей и облегчи ему,
Что он тебе намерен объявить.

Ифигения

Ты с каждым словом мне вселяешь новый страх,
Хоть чувствую, что мне добра желаешь;
С трудом уже я часто отклоняла
Царево предложение.

Аркас

Подумай
О следствиях, о пользе твоего
Поступка. Царь, с тех пор как сына он лишился,
Немногим верит уж из приближенных
И сим немногим меньше прежнего.
Он с недоверчивостью смотрит
На сына каждого вельможи,
Как на преемника престолу своему;
Боится, чтоб на старости не быть
Оставленным и беспомóщным; даже
Боится может быть и мятежа
От дерзновенных, — и кончины злой.
В витийстве хитром Скифы не горазды,
А паче царь, обыкший искони
Повелевать и действовать всевластно.
Он не умеет речь свою вести
С нарочным умыслом, искусно, издалеча.
Не затрудняй же оной ты ему
Строптивым, отрезающим ответом
И недоразумением притворным;
Но снисходительно пойми его сама

На половине речи — сократи
Ему дорогу объясненья.

Ифигения

Мне ускорить самой грозящу мне невзгоду?

Аркас

Супружество его тебе гроза?

Ифигения

Оно страшнее для меня всех гроз.

Аркас

Ты на любовь его ответствуй токмо
Доверенностью.

Ифигения

Пусть, но прежде
Отымет страх от сердца моего.

Аркас

Почто таишь пред ним свое происхожденье?

Ифигения

Священнице приличествует тайна.

Аркас

Ничто бы тайной быть не должно для царя;
И он хотя не требует, однако
Он чувствует и чувствует глубоко
В своей душе великой, что пред ним
Ты тщательно себя скрываешь.

Ифигения

Он за то
Не огорчен ли на меня?

Аркас

Почти.
Хотя он о тебе молчит; но я из разных
Промолвленных им слов заметил, что
В нем поселилося желанье непременно
Владеть тобой. Ах, не оставь его
На произвол движений собственных!
Дабы неудовольствие в нем выше
Не возросло — и следствия ужасны
Не принесло тебе, и ты бы поздно уж
Не каялась, что мой пренебрегла совет.

Ифигения

Как, разве помышляет царь о том,
О чем бы ни один благорожденный муж
Не должен думать, если честь ему
Мила и если он богов боится?
Насильственно он хочет влечь меня
От алтаря на одр свой? О! тогда
Всех призову богов, и первую Диану —
Ревнующее к правде божество;
Она меня, священницу, конечно,
И деву, дева же, охотно защитит.

Аркас

Спокойся! Не младая буйна кровь
В царе кипит, чтоб сталось от него
Такое сродное лишь юношеству дело.
Из слов его усматриваю я
Жестокое намеренье иное,
Которое он непременно
Исполнит, ибо тверд и непреклонен он.
Итак прошу тебя, явись к нему
Хотя доверчива и благодарна,
Когда не можешь быть склонна.

Ифигения

Скажи,
Скажи, что далее тебе известно?

Аркас

Узнай от самого царя. Я вижу, он
Сюда уже идет; ты чтишь его,
И сердце собственно тебе повелевает
С ним ласковой и искреннею быть.
Над мужем благородным много может
Жена одним умильным, добрым словом.

Ифигения (одна)

Хотя не знаю как последовать
Советам верного сего, — но буду
Охотно исполнять свой долг, чтоб за царево
Добро ко мне платить хоть добрым словом.
О, если бы притом я сильному могла
Сказать угодное, — и правду не обидеть!

ЖАЛОБЫ ДЕВУШКИ

(ИЗ ШИЛЛЕРА)

Небо пасмурно, дубровушка шумит,
Красна девица на бережку сидит,
Раздробляется у ног ее волна,
Но сидит и, слезно глядя в мрак, она
Жалобнёшенько возговорит:

«Сердце вещее, ты замерло! весь свет
Опустел — уже мне лестного в нем нет.
Мать пречистая! к себе меня возьми,
Я отведала блаженства на земли,
Я любила на веку своем».

Тут провещится ей голос от небес:
«Полно сетовать и плакать. Током слез
Друга милого тебе не оживить;
Но что может твое сердце усладить
После радостей потерянных,

Попроси, я ниспошлю тебе с небес!» —
«Ах! оставь мне гореванье. Током слез
Друга милого хотя не оживить:
Только жалобой мне сердце усладить
После радостей потерянных!»

МОЯ БОГИНЯ

Которой из богинь воздать всех больше честь?
Ни с кем не споря, я хочу ее принесть
Одной из них, всегда пременчивой и новой
Любимой дочери Зевеса, чудотворной
Фантазии. — Он ей,
Не как другим богам, все прихоти прощает.
Какие только сам себе не запрещает.
Отцову эта дочь утеху составляет.
И милы все ему причуды в ней:
В венке ли розовом — цветущими лугами
Пойдет она, держа лилейный скипетр свой,
Повелевает мотыльками
И ко цветкам прильнув пчелиными губами,
Медвяною питается росой.
Или — власы свои развеявши по ветру,
Имея мрачный дикий взор,
Блуждает по стремнинам гор, —
Тысящецветно
Переливаяся от света в тень.
Меняяся как ночь и день,
Как лик луны сребристый ущербляясь
И в разных, разных нам видáх являясь
Восхвалим древнего отца,
Высокого небес владыку,
Что услаждающу сердца
Отраду нам послал толику,
И сей нетленной красоте
Велел быть смертному супругой,
При радости и при беде
Ввек неотлучною подругой!
Ущедрил сим Олимпа царь

Род человеческий единый, —
Беднейшая вся проча тварь
На лоне матери Земли чадообильной
Ярмом угнетена
Потребности всесильной,
Живет для пищи и для сна,
Пасется, смутные имея наслажденья
И смутну скорбь, — рабы текущего мгновенья.
А нам он, радуйтесь! сию
Послал досужую и ловкую, свою
Изнеженную дщерь. — Теките к ней с любовью,
Как к милу другу своему,
Пусть будет госпожой в дому,
И чтоб от Мудрости, от старыя свекрови,
Любезну ангелу сему
Не видеть огорчений!
Но знаю я ея сестру,
Постарее и постепенней; —
С которой жить хочу, с которой и умру.
Я ею к благу понуждаюсь.
Мне с нею легче всякий труд,
Объемлюсь ею, утешаюсь, —
Надеждою ее зовут.

ВА́ФТРУДНЕР [1]

ОТРЫВОК ИЗ БАСНОСЛОВНЫХ ПРЕДАНИЙ СКАНДИНАВСКИХ, ИЗДАННЫХ ПОД НАЗВАНИЕМ ЭДДЫ

(ПО НЕМЕЦКОМУ ПЕРЕВОДУ ГРЕТЕРА[2] РУССКИМ СКАЗОЧНЫМ РАЗМЕРОМ [3])

[ЧАСТЬ ПЕРВАЯ]

О́дин

Что ты мне, *Фригга* [4], присоветуешь?
Задумал я ехать к Ва́фтруднеру.
Мне хочется с ним об заклад биться:
На оные древние таинства
Похвалиться, с исполином всеведущим!

Фригга

А советую я *отцу витязей*
Оставаться в небесных обителях:
Между всеми исполинами Вафтруднер
Не имеет себе равного в крепости!

О́дин

Я много где бывал, много видывал,
Со многими царями я мерялся:

---

[1] Описание одного из 42-х путешествий, которые обоготворенный Азиатец Один, по собственному его, в некоторой Исландской сказке уверению, предпринимал для побеждения тех хитростью и ученостью, кого не мог одолеть силою. Подобные сему ученые состязания были в обычае у Норманов, и Резениус уверяет, что в его время еще (он писал в 1665 г.) важивались остатки сего обычая по Копенгагенским школам.

[2] Из книги: Nordische Blumen, von F. D. Gräter.

[3] Тон скандинавской поэзии несколько сходен с простонародным русским, и потому решился русск[ий] переводчик употребить размер, а отчасти и слог, древних русских стихотворений, как согласнейший с простотою и — так сказать — диковатостью предмета.

[4] Фригга — жена Одинова, главная богиня у Норманов.

Хочу теперь в дому у него побывать,
С ним, с Вафтруднером, увидеться лицом к лицу.

Ф р и г г а

Поезжай! и возвращайся победителем!
А мы тебя, богини, встретим радостно.
А премудрость сама тебе будь рука;
Она тебе, нашему *отцу времен*,
Помоги переспорить исполинища!

Отправился Один для изведания
Премудрости исполиновой всеобъемлющей,
И, достигши он Вафтруднерова терема,
Смело входит во внутрь.
«Здравствуй, Вафтруднер!
Приехал я в твой дом, тебя посмотреть.
Узнать мне хочется, премудр ли ты?
Али ты исполин всеведущий»?

В а ф т р у д н е р

А кто у меня в моем дому
Посмел меня испытывать?
Не унести тебе отсюда головы своей,
Коли мудростью меня не поборешь ты!

О́ д и н

Зовут меня *Перехожиим странником*.
Теперь только с дороги. Жаждой мучуся.
По доброй прием, по угощение
В твой дом я зашел, исполинище!

В а ф т р у д н е р

Непригоже стоять гостю пред хозяином.
Садись ты, *перехожий*, ногам отдых дай.
За хлебом — солью увидим мы,
В ком больше ума-разума, — в госте ли,
Али в старом Ветии, в хозяине!

Óдин

Пришедши бедный к богатому,
Должен дело говорить, а не то молчать.
Худо глупому сойтись с разумным:
На свою он нахвастает голову.

Вафтруднер

Скажи ж, перехожий, разгадай ты мне:
Коли хочешь показать здесь разум твой:
А как тот конь называется,
Который людям привозит дни?

Óдин

Светлогрив тот конь называется,
Который привозит к нам ясные дни.
Изо всех ретивых коней лучший конь,
Вечно грива его светлая развевается.

Вафтруднер

Разгадай же ты, перехожий, мне:
А тот-то как конь прозывается,
Который привозит от востока ночь
На горние силы небесные?

Óдин

Темногрив тот конь прозывается,
Который привозит ночи нá небо,
На горние силы благодатные.
Со удила его влага капает
По утрам — и от того роса в полях.

Вафтруднер

Разгадай же ты, перехожий, мне:
Как та река прозывается,
Которая делит землю нáполы
Меж богами и родом исполинскиим?

Óдин

Враждой та река прозывается,
Которая делит землю нáполы
Меж богами и чадами времени!
Течет она сквозь столетия
Всегда полыми струями кипящая,
Никогда река льдом не покроется.

Вафтруднер

Разгадай же ты, перехожий, мне:
А как то поле прозывается,
На котором сражаться назначено
С богами благотворными *Сýртуру*. [1]

Óдин

Сеча злая то поле прозывается,
На котором с богами благотворными
Сражаться назначено *Суртуру*.
Отмеряно поля нá сто миль
В ширину и в длину, для побоища.

Вафтруднер

Премудр же ты и догадлив, гость!
Садись на лавке исполиновой,
Побеседуем с тобою, посчитаемся,
А биться нам о велик заклад,
О своей буйной головушке —
Кто кого переможет в премудрости!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Óдин

Скажи ж мне во первых, Вафтруднер!
Коли годен твой разум, коли знаешь ты:
Откуда взялась мать сыра земля,
И впервые над ней небо синее?

---

[1] Т. е. Черному, предводителю сынов огня (Муспельгеймцев) при разрушении сего мира и погибели богов.

Вафтруднер

Из *Имеровой* плоти земля создана,
Из костей его — горы каменны,
А из мозга его исполинского —
Высота, небо синее со облаки,
А из крови его — ледохладныя
Пучина, океан-море со островы.

Óдин

Скажи ж во вторых мне, о Вафтруднер!
Коли станет в тебе разума, коли знаешь ты:
Светел месяц откудова нá небе?
И красное отколь взялось солнышко?

Вафтруднер

Мундилфори[1] называется
Солнца красного отец и светла месяца.
Их дело по-вся-дни обтекать небеса,
Чтобы люди вели годинам счет.

Óдин

Скажи же мне в третьих, о Вафтруднер!
Коли ты слывешь разумным, коли знаешь ты:
Откудова белой день у нас
И с месяцем ноченька темная?

Вафтруднер

Деллингер[2] белому дню отец,
А ночь от *Нарфи*[3] породилася.
Новолуние и ущербы месяца
Создали боги благотворные,
Чтобы люди вели годинам счет.

---

[1] Движитель оси. Под сим вероятно разумели земную ось, около которой, по тогдашнему мнению, обращалось все небо.
[2] Мерцание или рассвет.
[3] Мрак.

О́дин

Скажи ж мне в четвертых, Вафтруднер!
Коли мудрым ты слывешь, коли знаешь ты:
Отчего *зима* и *лето* теплое
Ведутся у богов у премудрыих?

Вафтруднер

А отец зимы, то *Мороз-ветер*.
Отец лету — *Кроткое веянье*.
Их дело — править очередь вековечную,
Пока боги живут, пока свет стоит.

О́дин

Скажи же мне пятое, Вафтруднер!
Коли хитрым ты слывешь, коли знаешь ты:
Из *Азиян* кто всех старее?
Или кто из *Имерова* племени
Изначальным у вас почитается?

Вафтруднер

В те времена изначальные,
Как земля еще не была создана,
Родился *Старичище Горынище*,[1]
А отец его был — *Старосилище*[2],
А дед его был *Самостар*[3] исполин.

О́дин

Скажи мне шестое, о Вафтруднер!
Коли ты премудр, коли знаешь ты:
Откуда ж взялся *Самостар* исполин
Своему исполинскому племени?

Вафтруднер

Из *Эливагена* капли ядовитые
Канули, и сплылись они, скопилися

---

[1] В немецком переводе: Bergalt.
[2] Starkalt.
[3] Uralt.

Во едино тело исполинское.
Из Муспельгейма огневых искор
Насы́палось, — и, ими согретая,
Оживилась громада студеная.

Один

Скажи мне седьмое, Вафтруднер!
Коли ты разумен, коли знаешь ты:
Как же древний исполин детей породил,
А жены у него не было исполинины?

Вафтруднер

Под мышками у него детки выросли,
Сын да дочь, у исполина холодного,
Во отца лицом и обычаем.
А от них ему племя народилося.

Один

Скажи ж мне осьмое, Вафтруднер!
Что было, что случилося прежде всего
И какие ты запомнишь первобытны дела?
Ведь ты исполин всеведущий!

Вафтруднер

В те времена изначальные,
Как земля еще не была создана,
Родился *Старичище-Горынище*.
А то я запомню прежде всего.
Как садился он, Горынище, в лодочку.[1]

Один

Скажи мне девятое, Вафтруднер!
Откудова берется ветер тот,
Который над морями подымается,
А людям его не видать вовек?

---

[1] Когда Бёровы сыны убили исполина Имера, тогда, по сказанию Эдды, вытекла из ран его такая бездна крови, что все ледовитые исполины потонули в оной, кроме Б е р г е л ь м е р а (горного старца), спасшего жизнь свою на лодке с женою своею и со всем семейством.

Вафтруднер

Исполин сидит на краю небес,
Трупоядец — видом орел-птица.
Он-то, сказывают, крыльями размашется —
И от того веет ветер по лицу земли.

О́дин

Скажи ж мне десятое, Ватфруднер!
Всех богов начало ты ведаешь:
Ниорд происходит откудова
И как он попал в Азиатский сонм
У храма служить и у жертвенника?
А по роду им чужд, не от них рожден?

Вафтруднер

В *Ванагейме* властями премудрыми
Сотворен Ниорд, и оттудова
К богам он прислан заложником.
А при вечере мира, при конце веков
Возвратится он в свою сторону
Ко своим *Ванам* [1] премудрым.

О́дин

В одиннадцатых я знать хочу,
Скажи мне, Вафтруднер, — ты ведаешь
Каждого бога житье-бытье:
Что делают *Ейнгерии*, [2] чем потешаются
У отца витязей, у Одина,
Пока силы не погибнут небесные?

Вафтруднер

По-вся-дни тешатся битвами
И рубятся до смерти богатырския
Во Одинстуне все *Ейнгерии*.
После битвы собираются на пир к богам

---

[1] Ва́ны были особое, союзное богам, племя сверхъестественных существ, по скандинавскому баснословию.

[2] Герои, населяющие Одинов рай, в котором давалось только жительство воинам, убитым на сражении.

Они пива небесного кушати,
Серимнера вепря [1] рушати
И отрадно друг с другом беседовать.

Óдин

Во двенадцатых я знать хочу
От тебя, исполина всеведущего!
Тебе сведомо каждого бога житье-бытье:
О рунах [2] исполинов и всех богов
Поведай мне истину, Вафтруднер!

Вафтруднер

О *рунах* исполинов и всех богов
Я могу поведать истину:
Все земли я объездил. Видел девять миров,
От *Нифельгеля* преисподнего,
Где царствует *Гелла* [3] над умершими.

Óдин

Я много где бывал, много видывал,
Со многими царями я мерялся:
Скажи мне, что будет, что останется
От людей, в то время как все помрут,
Как та зима жестокая минется? [4]

Вафтруднер

Теплота и живучесть останутся.
Только будут они таиться в глубине земли
И росою утренней питатися.
От них зародится племя новое.

---

[1] Безмерной величины вепрь по имени Серимнер, коего мясо составляло ежедневную пищу Одиновых героев, и будучи съедено ими за один обед, на другой день опять возраждалось.

[2] Руны — письмена, но здесь они, кажется, означают гадание о вещах будущих.

[3] Гелла — богиня смерти, обладательница девяти преисподних миров.

[4] Перед светокончанием будет жесточайшая зима, называемая Фимбулветер, за которою последует всемирное кровопролитие, раздоры, братоненавидение, прелюбодейство и всякое зло, пока земля не провалится.

Óдин

Я много где бывал, много видывал,
Со многими царями я мерялся:
Откудова возьмется в те поры
Новое солнце нá небе,
Когда старое волком будет съедено?

Вафтруднер

А прежде, чем волком будет съедено,
Родится у солнышка мило детище, —
И когда все небесные преставятся,
То оно будет светить во отца место.

Óдин

Я много где бывал, много видывал
Со многими царями я мерялся,
Скажи, Вафтруднер, кому тогда
Из Азиян владеть в стране богов,
Когда потушится пламя *Суртурово?*

Вафтруднер

Видару [1] и *Валию* [2] господствовать
В священных богообителях,
Когда потушится пламя Суртурово.
Моде [3] и *Магне* [4] наследуют
Торов молот всеразгромляющий,
Когда *Тор*, [5] от бою утомясь, падет
Над трупом змея низложенного.

Óдин

Я много где бывал, много видывал,
Со многими царями я мерялся:

---

[1] Победителю
[2] Сильному
[3] Бодрость
[4] Крепость
} Они были сыновья Торовы, а Одиновы внучата.

[5] Тор — бог грома, сын Одинов, вооружен был молотом Мéльнером, т. е. сокрушительным. Он при светокончании будет сражаться с Мидгардским змеем и, хотя победит его, однако же и сам поражен будет смертию от ядовитого дыхания змеиного.

Скажи мне, какая будет *Одину* смерть,
Когда погибнут силы небесные?

Вафтруднер

А волк поглотит отца времен.
Только *Видар* должен отомстить за него.
Он сразится, Видар, с волком *Фенриром*.
Растерзает он волку холодную пасть.

О́дин

Я много где бывал, много видывал,
Со многими царями я мерялся:
Скажи мне, Вафтруднер, о чем говорил,
О чем шептал *Один* сыну на ухо,
Когда ему было на костер взойти?

Вафтруднер

Вот о том-то не знает ни один человек,
Что в те века первобытные
Ты[1] шептал сыну на ухо. — А моя уже
Гинет теперь головушка! Рассказал ведь я
О древних таинствах, о заре богов,
И со Одином померялся в премудрости!
Ты останешься всегда всех премудрее!

---

[1] Исполин при сем узнает, наконец, в страннике самого Одина.

ОТРЫВОК ИЗ ВИРГИЛИЕВЫХ ГЕОРГИК

НАЧАЛО III-ЕЙ КНИГИ О СКОТОВОДСТВЕ

(РАЗМЕРОМ ПОДЛИННИКА)

Се и Паледе песнь и тебе воспою, пресловутый
Пастырь у вод Амфриза! и вам, ручьи и дубравы
Мирной Аркадии. Прочее все — предмет уж не новый.
Кто не слыхал о жестоком Еврисфее? Кто Бузирида
Богообидных требищ не ведает? кем не затвержен
Юный Гилас, и остров Латонин, и Гипподамия,
И ристатель Пелопс, с плечом из кости слоновой?
Я проложу себе новый путь вознестися от праха,
Победителю — плеск и хвала летала в народе!
Первый хочу в отчизну свою — лишь только б дожить мне
Возвращения! — Муз привести с вершин Геликона.
Первый тебе принесу Идумейские, Мантуа! пальмы.
Храм хочу воздвигнуть из мрамора, там на прибрежьи
Злачном, виется где многоводный в излучинах долгих
Минций, и нежным брега свои тростником опушает.
Кесарь поставлен средь храма будет, да царствует в оном.
В честь ему хочу, победитель, одеян Тирийским
Пурпуром, сто колесниц, по ристалищу, четвероконных
К брегу пригнать, — и Греция вся ко мне б от Алфея
И от Немейских рощей стеклась препираться в проворстве
Ног, и в силе пястей, ремнем волуим обвитых.
Сам я, масличной ветвью главу имея венчанну,
Буду награды даяй. И се уже днесь предвкушаю
Радость — быть вождем торжественных к капищу ликов
И созирать утробы тельцов. Потом, как к феатру
Обратятся зрителей очи, с шумом завеса
Вздернется вверх пурпурова, где вытканы пленные Галлы,

Там на вратах изваяю из злата и кости слоновой
Гангаридский бой и оружия римского славу;
Тако ж, кипящий ратью, разлив широкого Нила
И в столпах взгроможденную медь носов корабельных;
Тут же Азийские грады представлю порабощенны,
И попранный страхом Нифат, и Парфян, стреляющих в бегстве,
Два трофея в различных концах у врагов покоренны
И двоякий триумф с обоих краев океана;
Там и из камени будут Парийского дышущи лица
Предков стоять, — исчадия Зевсовы, Трой и Ассáрак
С славным потомством, и стен Троянских зодчий — Апóллон.
Зависть же тщетно рвалась бы, при виде Фурий дрожаща
И при грозном Коците и, зря, как препутан змиями
На колесе Иксион мучительном, Сизиф со стоном
Двигает нá гору камень, паки катящийся долу. —
Между тем в посвященных Дриадам чащах гуляю
И по стремнистым местам, где ничья нога не ступала.
Волю твою, Меценат! да исполню. Ты воскрыляешь
Трудный подвиг свершить заповеданный мне Меценатом.
Без него не дерзал бы мой ум к начинаньям высоким
Двигнемся ж, узы расторгнув лености! Се призывает
Нас на Тайгете порскáющих глас, и лесистый Киферон
Лаем гончих исполн[ен], и коньми Эпидавр отопочен —
Так, что в лесах отглашается гул и гам повторенный
Скоро, однако, воспеть приготовлюсь жаркие битвы
Кесаря; имя его толикие б прожило годы,
Сколько минуло до Кесаря лет от рождения солнца Титона

Хочет ли кто, Олимпийской пленяясь наградою пальмы,
Коней на бег воспитать, волов ли рабочих для плуга —
Должен им добротных избрать матерей. У коровы
Вид бы угристый был, глава безобразна, а шея
Толстая, с многими складками, с низковисящим подзобком;
Долги, огромны бока, и ноги немалы, и уши
Между рог кривых мохнатые. Также не худо
Белые пежины ей на шерсти иметь; — отреваться

От ярма; подчас и рога уставлять для боданья;
Большее сходство б имела с быком, и ростом и складом,
Хвост же косматый влача, в ходу следы б заметала.
Время ее Гименеев закон потерпеть и Луцинин —
Кончится в девять лет, по пятому году наступит.
Вне сея поры ни к приплоду сильна, ни под иго.
Юностью резвой доколе стада, красуяся, скачут,
Сочетавай их, разреши любиться животным,
Чтоб устарелое племя всегда заменялося новым.
Лучшие, бедных смертных, дни не увидишь, как пройдут —
Остается болезнь и печальная старость, трудами
Изможденна, добыча неумолимыя смерти.
В стаде есть завсегда такие, которых потребно
Заменить из юных сильнейшими: сим не замедли,
Ты на запас обновляй стада ежегодным приплодом.
Также и в конском заводе потребен выбор не меньший:
Конь, которого ты в отца табуну назначаешь,
Должен в бéрежи быть и в холе с самого детства.
Бодрою поступью ходит жребец изящной породы,
Приседая на голенях гибких. Всех впереди он,
Предводитель всем, как погонят. Первый отважен
Рек быстрину преплывать и ступать по мостам незнакóмым,
Шуму ничтожного он не боится. Высоковыйный,
С тонкой главой, скудобрюхий, он тучную спину имеет;
Грудь облекли ретивýю холмами окладисты мышцы.
Уважается цвет гнедой и чалый. В презренье ж —
Белый и иссветла рыжий. Лишь звук послышит оружий,
Вздрогнут в нем члены, ушми запрядет, затопочет на месте.
Клубом дым из ноздрей бьет, пышущих жаром. Густая
Грива его закинута на бок. Кость же хребтова,
Раздвоенная вдоль, простерлась по бедрам. Он роет
Землю, нетерпеливый, звучит в нее твердым копытом;
Поллуксов конь таков был, Киллáр, и славимы в песнях
Кони, на коих Марс выезжал, и упряжь Ахилла.
Сам таков, разметавши гриву по вые кониной,
Видим был Сатурн, как, вспуган приходом супруги,
От утекал, наполняя утесы ржанием звонким.

Если ж недугами конь и преклонностью лет изнурится,
К яслям его отставляй, не щади бесполезного старца,
Хладен он в любви. Ему уж силы не служат,
Сколько ни бьется. Когда ж и дойдет до схватки: без проку!
Вспыхнет и тотчас погаснет, как зажженная в поле солома.
Бодрость коня посему и лета рассматривай сперва,
Прочие свойства потом, и породу. Конь побежденный
Знает ли стыд, — примечай Победивший, — рад ли триумфу;
Зри, как друг друга тщась обогнать, из отверзтой заграды
Данному знаку — вихрем помчатся на бег колесницы.
Бьется у юношей сердце, объято надеждой и страхом,
Нудят, наклоншись, взмахом бича, бразды послабляют.
С силой летит горящая ось. То ниже, то выше
Зрятся везомые, то у земли, то в воздухе зыблясь.
Нет престани, ни отдыху. Желтый песок, возмятенный,
Вьется тучей, и задние только на шаг от передних
Отстают, их спины своим увлажая дыханьем.
Столько-то льстит похвала! столь сильно желанье Победы!

[ЭПИТАФИЯ И. И. ТЕРЕБЕНЕВУ]

На сей земле стезей печали, заблужденья
Всегда за истиной, всегда за благом тек, —
Теперь нашел ли ты их радостны селенья,
Отец семейства, друг и добрый человек!

К ДРУЗЬЯМ

О чем я в юности мечтал,
Ведом надеждою отрадной,
Что наконец и опыт хладной
Иль опроверг, иль оправдал, —
Найдете здесь изображенным,
И возвратитесь вы со мной
К дням беззаботным и блаженным
Когда мы зрели мир иной.

Всегда ль умнее мы с летами?
Поверьте: мудрость любит жить
И меж весенними цветами;
И муза может нас дружить
С судьбой, столь часто к нам жестокой,
И может истины высокой,
Играючи, завесу вскрыть!

БОГЕМСКИЕ ПЕСНИ

1

ЧЕХИНЯ

Родила меня
Моя матушка,
Родила меня
В красный вешний день,
В красный вешний день
В зеленóм саду,
В зеленóм саду
Между розами,
Между розами
Полноцветными.
И сама она
Говорила так:
«Если б знала я,
Мое дитятко,
Что ты будешь Чех
Верный, доблестный, —
Обвила бы я
Тебя розами,
Тебя розами
Благовонными».
(Грянул гром тогда!)
«Если б знала я
Мало дитятко,
Что ты будешь Чех
Малодушный, злой, —
Обвила б тебя
Жестким тростием
И в колючий терн
Тебя бросила б!»

2

ЖАЛОБА

(вольный перевод)

Ты куда, куда так спешно,
Эльба светлая, течешь?
Ты кому, кому, столь нежно,
Милый соловей, поешь?

Кто здесь в рощице сенистой
Сердце взял твое во власть?
Перед кем ты голосистой
Трелью выражаешь страсть?

Ах, и я имел любезну
Деву, свет моих очей!
Но познал разлуку слезну
И не зрю счастливых дней.

В сладком сердца упоеньи
Раздавалась песнь моя,
Как весною в роще пенье
Раздается соловья.

И доколе не мутились
Лютой дни мои тоской,
Све́тло так они катились,
Как поток, о Эльба, твой!

Ах, куда ты столь поспешно,
Эльба светлая, течешь?
Ах, кому и ты столь нежно,
Милый соловей, поешь?

СЕРБСКИЕ ПЕСНИ

1

МАРКО КРАЛЕВИЧ В ТЕМНИЦЕ

На всем тебе хвала, милый боже!
Каков бывал, удалых вождь, Марко
И каков он теперь во темнице,
Во темнице Азацкой, в проклятой!
Темница — жилище необычно:
Во темнице вода по колено,
А по пояс кости человечьи.
Туда ходят змеи, скорпионы:
Приползут змеи высосать очи,
Залить ядом лицо скорпионы;
До колен отпадут резвы ноги,
До рамен молодцу белы руки.

Вопит Марко несчастный в темнице
Вопит жалобно, гласно взывает.
Смотрит Марко на площадь Азацку
Не увидит ли кого своих там:
Никого-таки своих не видит,
А увидел красную девицу,
Милу дочь краля земли Азацкой.
Он сестрой девицу называет,
Просит, молит ее бога ради:
«Будь сестрой мне, кралева девица.
Подойди к темничному окошку!»
Девица вняла его моленью,
Приняла его по богу братом,
Подошла к темничному окошку.
Он тогда ей говорил тихонько:

«Отнеси, о кралева девица,
Своему отцу кралю в Азаке,
От меня поклон с приветом добрым!
Я прошу его истинным богом
Меня выпустить из злой темницы
На веру и на честное слово
На поруку истинного бога;
Я съездил бы до Прилипа града,
Привез бы я выкупу немало,
Вьюков двадцать, — честью уверяю.
Если же он слову не поверит
Пусть, хотя в железа заковавши,
Меня выпустит из злой темницы:
Отпишу я к матери, к родимой
Во Прилип град: пришлет она выкуп.
А в темнице жить мне невозможно».
Те услышавши речи, девица
Ко отцу пошла в чертог Дивана,
Когда вышел краль держать Диван свой
Спрашивал девицу краль Азацкий:
«Что, скажи мне, дочь моя любезна,
Привело тебя сюда? Не стало ль
Шелку, бархату, белого полотна ли,
Золота ль, тонких ли сукон хороших,
Кроеных, иль еще некроеных?»
В ответ ему красная девица:
«О родитель мой, краль во Азаке!
Всего в теремах твоих довольно,
Не имею ни в чем недостатка.
Я несу тебе поклон с приветом
От узника, кралевича Марка.
Выпусти его из злой темницы
На веру и на честное слово,
На поруку истинного бога!
Ему съездить до Прилипа града
Привезти бы выкупу немало,
Вьюков двадцать — так он уверяет.
Если ж слову его не поверишь, —
Заковав хоть в тяжкие железа,
Выпусти его из злой темницы!

Он в Прилип град к матери отпишет,
За него б она прислала выкуп».
То услышав, краль земли Азацкой
Во ответ девице молвил гневно:
«Ты не дочь мне, бесстыдная сука!
Видно с ним ты, сука, подружилась!
Но клянусь я великою клятвой:
Не выпущу Марка из темницы;
Держать его в ней будут лет девять.
Пока змеи ему не высосут очи,
Не источат лицо скорпионы,
До колен отпадут ему ноги,
До рамен молодцу белы руки.
Когда все это вытерпит Марко,
Без выкупу его отпущу я:
Пущу его по улице нищим,
Чтоб кормился мирским подаяньем».
Получив такой ответ, девица
Пошла к Марку и отцовы речи
До слова ему пересказала.
Весть услышав ту, Марко кралевич
Вопит жалобно, гласно взывает
И опять говорит он девице:
«Будь сестрой мне, кралева девица
Принеси мне чернил и бумаги:
Я намерен писать в Прилип град.
Отпишу я матери родимой —
Города и земли продала бы,
Продала б, на церкви отдала бы
И сама о себе промышляла б;
А жене моей верной дам волю,
Выходила б замуж за другого;
А сестре моей милой прощанье,
Чтоб лихом меня не поминала,
Что пропал я, сгниют мои кости
Во Азацкой темнице, в проклятой».
Принесла ему чернил и бумаги,
И он граматку скорописную пишет.
Не туда, куда сказывал, пишет, —
Он за море пишет, в Солунь град.

К Дойчилу, к названому брату:
«О Дойчило, братец мой названый!
В тяжкие попал я, братец, муки,
В тяжки муки, в Арабские руки.
Я в неволе, я сижу в темнице,
Во темнице Азацкой, в проклятой;
Избавь меня, выручи, как знаешь!»
И он сизого сокола кличет:
«Сослужи мне службу, сизой сокол,
Слетай с граматкою во Солунь град,
К Дойчилу, ко названому брату,
Чтоб избавил меня из неволи».
Принял грамату сокол, и мигом
По поднебесью взвился до облак.
Прилетел ко граду Солуню
Утром рано, в святую неделю,
В те часы, как господа солунски
Все находилися в белой церкви
У заутрени и у обедни.
На белу церковь сокол спустился,
Голос дал и жалобно прокликнул.
Признает воевода Дойчило
Его голос знакомый, выходит
Немедленно из белыя церкви,
На серебреный стул свой садится;
К нему сизый сокол подлетает,
Из-под крыла грамату роняет.
Взял, прочел ту грамату Дойчило,
Рукой себя ударил по колену:
«Ах, брат мой, ах, Марко кралевич!
Тебя тяжкие муки постигли,
И от них избавление трудно!»
Потом начал он думушку думать,
Что начать ему! Одно придумал:
Чернит себе лицо черной краской,
Себя делает черным Арабом;
Коня доброго, Бурка, седлает,
Едет прямо ко граду Азаку.
Доскакав до Азацкого поля,
Разъярил он ретивого Бурка,

Добрый конь дает скоки крутые:
В ширину сягал аршин двенадцать,
Во длину хватил двадцать четыре,
В вышину три копья богатырских —
— — — — — — — — — — — —
— — — — — — — — — — — —

2

БРАТЬЯ ЯКШИЧИ

Месяц журил звезду денницу:
Где ты была, звезда денница?
Где ты была, где губила время
Три белых дня? — В ответ денница:
Пробыла я, провела я время
Над белокаменным Белградом,
Глядя на великое чудо,
Как делили óтчину братья,
Якшичи братья, Дмитрий с Богданом.
Отчину дружно они поделили,
Все города и земли без спору;
Пополам разделили Белград.
Спор у них вышел только за малость:
Конь вороной и сокол, чьи будут?
Себе, как старшему, требует Дмитрий
Сокола и коня вороного;
Не дает ему, не уступает
Богдан ни того, ни другого.
На-утро, чуть свет, — взял Дмитрий
Сокола и коня вороного,
Едет в горы на лов. Выезжая ж,
Призвал любу [1] свою, Ангелию:
«Моя верная жена, Ангелия!
Отрави мне брата Богдана;
Если ты его не отравишь,
Не жди меня к белу двору обратно».
То услышав, люба Ангелия,
Садилась невесела, кручинна;

[1] **Люба**, по-Сербски: жена, супруга. Мы позволили себе употребить и в Русском переводе сие поэтическое слово.

Размышляет так сама с собою:
Чего хочет та зловещая кокушка!
Чтоб я деверя моего отравила:
Перед богом мне будет грех великий,
Пред людьми укор и бесчестье;
Укорит в глаза старый и малый:
Это та несчастная, скажут,
Что деверя своего отравила!
А ежели его не отравлю я,
Не смею во двор ждать мужа!
Все обдумав, придумала одну мысль:
Идет она в глубокие подвалы,
Берет молитвенную чашу, [1]
Скованну из чистого злата,
Которая от отца ей досталась.
Вином ее червленым наливает
И приносит к деверю с поклоном,
Полу платья и руку целует:
«Прими от меня, милый деверь,
Тебе кланяюсь вином и чашей:
Подари коня и сокола мне!»
Жалко стало ее Богдану,
Подарил коня и сокола ей.

Дмитрий ездил целый день за охотой,
Ничего не поймал, не наездил.
Уже под вечер привел его случай
В горах ко озеру зелену.
На озере утица златокрыла.
Пустил серого сокола Дмитрий,
Чтоб утицу поймал златокрылу;
Но она не только не далася,
Сама серого сокола схватила
И правое крыло ему сломила.
Как увидел то Якшич Дмитрий,
Сбросил с плеч он цветное платье,

[1] У Сербов, когда сваты придут в дом невестин, отец ее выносит к ним новую чашу, из которой они пьют за здоровье. Потом, при обряде венчания, из той же чаши поят вином жениха и невесту. Эта чаша, называемая молитвенною, отдается новобрачной, которая хранит ее у себя, для памяти, по смерть.

Вплавь по озеру тихому пустился,
И на сушу сокола вынес.
Потом серого сокола спросил он:
«Каково тебе без крыла, серый сокол?»
Ему сокол писком отвечает:
«Без крыла моего таково мне,
Как брату одному без другого».
Тогда Дмитрий с раскаяньем вспомнил,
Что он отравить велел брата.
Сел скорее на коня вороного
И погнал, что есть мочи, к Белграду —
Не застанет ли в живых еще брата.
К Чекмек-мосту пригнав, понуждает
Коня — мост переехать скорее;
Сквозь мост коню ноги попали,
Конь выломал передние ноги.
Себе видя невзгоду такую,
Снял Дмитрий седло с вороного,
На булаву на пернату седло вздел,
Скорым шагом потек ко Белграду.
Пришел, прямо к жене обратился:
«Ангелия, моя верная люба!
Ты брата мне не отравила?»
Ангелия ему отвечает:
«Я брата тебе не отравила,
А еще тебя с братом помирила!

3

СМЕРТЬ ЛЮБОВНИКОВ

Девушка с юношей крепко любились.
Одной водой они умывались,
Одним полотенцом утирались.
И никто не знал о том все лето.
На другое лето все узнали;
Отец, мать им знаться запретили.
Девушку с юношей разлучили.
Добрый молодец звезде поручает
Сказать от него душе-девице:
Умри, драгая, поздно в субботу,
А я за тобою рано в воскресенье
Что сказали, оба исполняют:
Умерла девица поздно в субботу,
Умер добрый молодец рано в воскресенье.
Друг подле друга их схоронили,
Руки в земле им соединили,
В руки им дали по яблоку зелену.
Протекло за тем малое время —
Выросла над молодцом зеленая сосна,
Вырос над девушкой куст алой розы.
Вьется куст розовой около сосны,
Как вокруг пучка цветов ниточка шелку

4

СВАДЕБНЫЙ ПОЕЗД

Сестра звала на солнышко брата:
«Выйдем, братец, на солнышко ярко;
Солнца яркого теплом насладимся
И дивной красоты наглядимся,
Как едут разубраны сваты!
Счастлив дом, к которому пристанут!
В чьем-то доме их ожидают?
Чья-то мать их будет дарити?
Чей-то брат им вина подносити?
Чьей сестре-то меж ими быти?»
Брат сестре отвечал с улыбкой:
«Будь же, сестрица, веселенька!
В нашем доме их ожидают,
Наша мать их будет дарити,
Я им буду вина подносити,
Тебе невестой меж ими быти». [1]

---

[1] Выше помещенные песни [«Братья Якшичи», «Смерть любовников» и «Свадебный поезд»] взяты из собрания народных Сербских песен Вука Стефановича, кн. III. № 3, кн. I. № 137 и 313. — В Сербском подлиннике размер хореический пятистопный с пресечением на второй стопе: —◡—◡/—◡—◡—◡. Чтоб сохранить силу подлинника, переводчик не счел за нужное рабски подражать сему размеру, неупотребительному у нас и для Русского слуха, может быть, несколько утомительному. Он предпочел Русский размер о трех ударениях с хореическим окончанием

8

СТРОЕНИЕ СКАДРА [1]

Город строили три брата родные,
По отечеству Мрлявчевичи братья;
Один был брат Вукашин краль,
Другой Углеша воевода,
А третий Мрлявчевич Гойко;
Город строили Скадар на Бояне. [2]
Строят три года, мастеров триста,
И не могут скласть основанья,
А того меньше города построить.
Что в день они выведут строенья,
То все Вила [3] за ночь разрушит.
Уж когда наступил год четвертый,
Тогда с гор провещилась Вила:
«Ты не мучь себя, Вукашин краль,
И не трать казны понапрасну;
Не скласть тебе, кралю, основанья,
А того меньше города построить,
Пока не найдешь ты приличных
Два имени: Стóю и Стояна;
Чтоб были то брат и сестрица.
Когда их заложишь в основанье
Под башню, — тогда будет твердо,
И тогда ты выстроишь город».
Как услышал то Вукашин краль,

[1] Из Сербских народных песен. Кн. II, № 5.

[2] Скадар — Сербское название города Скодры или Скутари в Албании. Бояна — имя реки.

[3] Вила. Так называют Сербы баснословное существо, подобное нашей Русалке. Вилы живут на высоких горах и на прибрежных скалах. Их воображают молодыми, прекрасными, одетыми в тонкое, белое платье. Долгие их волосы распущены по плечам и по груди. Они не делают зла никому, разве только кто их оскорбит (наткнувшись на их хоровод, и т. под.); того они убивают стрелами.

Призывает он слугу Десимира:
«Десимир, мое чадо дорогое!
Ты был мне верным слугою,
Отныне зову тебя сыном:
Бери, сын мой, коней и колымагу,
Бери с собой сокровищ шесть вьюков,
Поезжай по белому свету
Искать два имени приличных,
Отыскивать Стою и Стояна,
Чтоб были брат и сестрица;
И похитишь ли их где, или купишь,
Привези их к Скадру на Бояну —
Заложить под башню в основанье:
Авось либо будет оно твердо,
Авось либо выстроим мы город!»
То услышав, Десимир поспешает,
Берет коней и колымагу,
Берет с собой сокровищ шесть вьюков,
И едет по белому свету
Искать два имени приличных,
Отыскивать Стою и Стояна.
Он целые три года ищет;
Не нашел приличных имен двух,
Не нашел он Стои и Стояна.
И вернулся к Скадру на Бояну.
Отдает кралю коней и колымагу,
Отдает ему сокровищ шесть вьюков:
«Вот, краль, твои сокровища обратно;
Не нашел я приличных имен двух,
Не нашел я Стои и Стояна».
Как услышал то Вукашин краль,
Он позвал опять зодчего Рада,
Тот работников своих трех сот,
И опять строят Скадар на Бояне.
Что построят, то Вила разрушит,
Не даст положить основанья,
А того меньше города построить.
Тут опять с гор провещалась Вила:
«Эй, не мучь себя, Вукашин краль!
Не трать казны понапрасну:

Тебе не скласть основанья,
А того меньше города построить;
Но вас трое братьев, и каждый
Имеет свою верную любу;
Чья выйдет утром на Бояну
И вынесет работникам завтрак,
Ту под башню в основанье заклaдите:
И будет твердо основанье,
И вы состроите город».
Как услышал то Вукашин краль,
Призвал он братьев родимых:
«Вы слышали ль, братья дорогие,
Что Вила с гор провещает:
Мы тратим казну понапрасну,
Не дает Вила скласть основанья,
А того меньше города построить;
И что она еще объявляет:
Нас трое братьев, и каждый
Имеет свою верную любу;
Чья выйдет утром на Бояну
И вынесет работникам завтрак,
Ту под башню нам закласть в основанье;
И будет основание твердо,
И мы тогда город состроим.
Дадим же слово верное друг другу
Не сказывать о том нашим любам,
А лучше оставим на удачу,
Чьей жене роковый будет выход!»
И дали в том слово друг другу.
Домой пришли вечером поздно,
И после господской трапезы
Всяк с женой опочить удалился.
Но послушайте великого чуда!
Вукашин краль слово нарушил;
Он первый открыл своей любе:
«Берегись, моя верная люба,
Выходить завтра утром на Бояну
Выносить работникам завтрак!
Пойдешь — свою голову погубишь!
Заклaдут тебя под башню в основанье».

И Углеша слово нарушил,
И он объявил своей любе:
«Смотри, в обман не вдавайся,
Не ходи завтра утром на Бояну
Выносить работникам завтрак:
Пойдешь, моя милая, погибнешь,
Закладут тебя под башню в основанье».
Млад Гойко слова не нарушил,
Ничего он не сказал своей милой.
На утро раным раненько
Встают братья, выходят на Бояну,
Туда, где строится город.
Вот пора уже нести завтрак.
Госпожи была очередь кралицы.
А она говорит своей невестке,
Невестке, Углешиной любе:
«Невестушка, мне неможется что-то,
Голова болит, итти я не в силах.
Снеси-ка ты работникам завтрак!»
Жена Углешина ей отвечает:
«Ах, невестушка, госпожа кралица,
У меня рука болит, не в мочь мне;
Попроси младшую невестку!»
Она просит младшую невестку:
«Невестушка, Гойковица, свет мой!
Голова болит, итти я не в силах.
Снеси-ка ты работникам завтрак».
Но Гойкова жена молодая
Представляет ей свои недосуги:
«Матушка, госпожа кралица,
Я охотно б тебе услужила;
Дитя глупое у меня не обмыто,
Да и белое не выстирано платье».
«Ничего!», говорила кралица,
«Ты снеси только работникам завтрак
А я твое выстираю платье,
Невестка дитя твое обмоет».
Нечем Гойковой жене отговориться.
Понесла она работникам завтрак.
Как пришла на реку, на Бояну —

Увидал ее Мрлявчевич Гойко.
Разгорелось в нем ретивое сердце;
Жаль ему верныя любы,
Жаль ему дитяти в колыбели:
Дитяти месяц только минул!
У молодца выступили слезы.
Приметив то, жена молодая
К нему кроткой поступью подходит
И тихою речью вещает:
«Что сталось тебе, милому другу?
О чем ты слезы роняешь?»
Отвечает ей Мрлявчевич Гойко:
«О горе мне, моя верная люба!
У меня было яблоко золотое;
Оно пало сегодня в Бояну:
О том плачу я, о том не утешусь!» —
«Не кручинься», говорит она мужу,
«Тебе бы только бог дал здоровье,
Собьешь себе яблоко и получше».
Тогда жалость им пуще овладела
И он в сторону сам отвернулся,
Чтоб больше не видеть своей милой.
А другие два брата подскочили,
Два деверя Гойковой молодицы;
Ее взяли за белые руки,
Повели на закладку основанья.
Они кликнули зодчего Рада;
Тот своих работников сзывает.
Но смеется тому молодица;
Она думает: шутку с нею шутят.
Поставили ее на закладку
И все триста работников разом
Прикатили каменьев и бревен,
Обложили ее до колена.
Еще-таки смеется молодица,
Еще думает, что все с нею шутят.
Но те свое дело продолжают:
Нанесли каменьев и бревен,
И до пояса ее обложили.
Гнетут ее каменья и бревна.

Тогда видит, что ей бедной готовят,
И завопила жалобным воплем.
Умоляет она деверьев милых:
«Не давайте, если бога боитесь,
Закладывать каменьем молодую!»
Умоляет, но все бесполезно;
Деверья на нее и не смотрят.
Уже ей не до стыда и зазора.
Обращается к мужу и просит:
«Не давай меня ты, милый друг мой,
Закладывать каменьем молодую!
Пошли к моей матушке старой;
У матушки довольно богатства:
Пусть купит тебе раба или рабыню,
Чтоб под башню заложить в основанье».
Умоляет, но все безуспешно.
Как увидела злосчастна молодица,
Что все ее просьбы напрасны,
Обращается она к зодчему Раду:
«Будь мне братом по богу, о зодчий!
Оставь для грудей моих оконце,
И высунь мои белые груди:
Принесут как если младенца,
Моего несчастного Иову,
Пососал бы дитя моей груди».
Исполнил то желание зодчий,
Оставил для грудей ее оконце,
И высунул ее белые груди, —
Принесут когда бедного Иову,
Пососал бы дитя ее груди.
Опять зодчего бедная просит:
«Будь мне братом по богу, о зодчий!
Оставь еще для глаз моих оконце,
Чтоб глядеть, как из дому будут
Приносить ко мне Иову младенца,
И прочь относить когда будут».
И то зодчий желанье исполнил:
Оставил для глаз ее оконце,
Чтоб глядела, как из дому будут
Приносить к ней Иову младенца,

И прочь относить когда будут.
И так ее в стену заградили.
Приносят дитя из колыбели,
Она грудью его кормит с неделю,
Чрез неделю голос потеряла.
Но младенца еще грудь ее питала;
Целой год его той грудью кормили
Как тогда было, так и осталось:
Молоко оттоль течет и поныне
Для чуда, и для исцеленья,
У которой жены молока нет. [1]

[1] Издатель Сербских песен, Вук Стефанович, замечает, что между землянками его носится молва, будто бы и поныне из того окошка, где продеты были сосцы, течет какая-то жидкость, сгущающаяся по стене в виде известки. Ее носят при себе, и, разведенную водою, пьют женщины, у коих нет молока, или у коих болят сосцы...

6

ЯНЯ МИЗИНИЦА[1]

Послушайте повести чудной!
Дочерей у матери девять,
Десятою беременна ходит;
Бога молит, чтоб мальчик родился.
А когда ее время приспело,
Родила мать десятую дочку.
Спрашивал кум на крестинах,
Какое дать крестнице имя?
С досадою мать отвечала:
«Яня имя ей, побери ее дьявол!»

Растет Яня тонка и высока,
Лицом бела и румяна.
И была уже на выданьи девица.

Пошла с ведрами по воду однажды:
Ей итти сквозь зеленую дубраву.
Из дубравы вдруг кликнула Вила:
«Ой, слышишь ли, прекрасная Яня!
Брось в траву-мураву свои ведра,
Ступай ко мне в зеленую дубраву:
Твоя мать нам тебя подарила
У кума на руках еще маленьку».

То услышала мизиница Яня,
В мураву свои бросила ведра

[1] В собрании Вука Стефановича кн. I, № 394. — По-Сербски м л ь е з и н и ц а—младшая дочь; м л ь е з и н а ц—младший сын. В старинном Русском также употреблялось в сем значении прилаг[ательное] м и з и н н ы й и сущ[ествительное] м и з и н е ц (см. Словарь Р[осийской] Академии), почему мы и осмелились употребить здесь сущ[ествительное] жен[ского рода] м и з и н и ц а.

И сама ушла в лес дремучий.
Бежит за нею мать престарела:
«Воротись домой, мизиница Яня!»
Но от Яни грозный ответ был:
«Удалися, мать, отпадшая от бога,
Когда ты меня сюда отдала в дар
У кума на руках еще малéньку!»

7

СЕСТРА ДЕВЯТИ БРАТЬЕВ[1]

У матери сынов милых девять,
Десятая мизиница дочка.
Возрастила их мать, воспитала,
До того, что уж молодцам жениться,
А девицу пора выдать замуж.
Женихов к ней сваталось много:
Один *Бан* жених, другой *Генерал* был.
А третий сосед из деревни.
Мать прочит ее за соседа,
Братья за море за Бана назначают.
Сестре они так говорили:
«Выйди, выйди, милая сестрица,
За того ли за заморского Бана!
Мы часто навещать тебя будем:
В году будем навещать каждый месяц,
А в месяце каждую неделю».
Сестра послушалась братьев,
Вышла за-морем далеко за Бана.
Но послушайте повести чудной!
Послал бог язву моровую:
Все девять перемерли братьев,
Мать одна беспомощна осталась.
Протекает времени три года;
Сестра за морем горько тужит:
Ах, господи, милостивый боже!
В чем пред братьями я провинилась,
Что они меня не навещают?
Корят меня лихие невестки:

---

[1] Кн. I, № 404.

«Видно ты родным братьям ненавистна,
Что они тебя не навещают».
Так-то утром и вечером тужит,
Тужит горько сестра на чужбине.
Смиловался над нею господь бог,
Своих ангелов двух посылает:
«Летите, мои ангелы, двое
На белую могилу Иована,
Иована, младшего брата.
Вдуньте дух ваш в мертвое тело,
От могилы коня ему сложите,
От земли колачей намесите,
От покрова нарежьте подарков,
К сестре в гости его снарядите».
Притекли два ангела божьи
На белую могилу Иована,
От могилы коня ему сложили,
Дух свой вдунули в мертвое тело,
От земли колачей намесили,
От покрова нарезали подарков,
К сестре в гости его снарядили.
Скоро едет мертвец, и в виду уж
Сестрин двор. Издали увидала
Сестра, выбегала навстречу,
От сильного чувства зарыдала.
Обнимает брата, целует.
Потом выговаривать стала:
«Не вы ли, братцы, обещали,
Когда замуж младу выдавали,
Навещать меня в году каждый месяц,
В месяце каждую неделю!
А вот три года ко мне не бывали».
Потом она спрашивала брата:
«От чего ты, братец, почернел весь,
Как будто бы был под землею?» —
«Ох, сестрица», мертвец отвечает,
«Нелегкую имел я работу,
Пока осмерых женил братьев,
Осмерым прислуживал невесткам;
А как все-то братья поженились,

Мы построили домов себе девять;
От того почернел я, сестрица!»
Трое суток у нее гостил он.
Снаряжается сестра в гости к братьям
И готовит дорогие подарки,
Чем братьев, чем невестушек дарити;
Братьям шелковы готовит рубахи,
Невестушкам кольца и перстни.
Но Иован ее упрашивал всемерно:
«Останься лучше, милая сестрица,
Дождись посещения братьев».
Нет, не хочет дома оставаться,
Готовит дорогие подарки.
Собрался Иован в путь обратный,
И сестра с ним отправляется вместе.
Уж от дома они недалеко.
На пути стоит белая церковь.
«Подожди здесь», брат сестре молвил,
«Я схожу только за белую церковь;
Обронил я там золот перстень,
Когда среднего мы брата женили.
Поищу там перстня, сестрица!»
С словом сим ушел и скрылся в могилу.
Дожидалась сестра его долго,
Не дождавшись, искать пошла брата.
Но у церкви видит новые могилы.
Тут-то вещее сердце ей сказало,
Что умер Иован ее бедный.
До дому оттоль поспешила.
Подходит ближе, и слышит:
Во дворе кукушечка кукует;
Не кукушечка то куковала,
Ее старая мать горевала.
Стучится дочь в ворота, громко кличет:
«Отвори мне, мать горемышна!»
Мать старушка с двора отвечает:
«Отойди прочь, язва моровая!
Девять детищ у меня ты уморила,
И меня сразить хочешь, старуху».
Но дочь ей в ответ говорила:

«Отвори мне, мать горемышна!
Стучится то не язва моровая,
А твоя мизиница дочка».
Тогда мать ворота отворила.
Закуковали, что кукушечки, обе.
Белыми руками обнялися,
И обе падают мертвы.

8

ДЕВИЦА И СОЛНЦЕ[1]

Девица спор вела с солнцем:
Я прекраснее тебя, ярко солнце,
Прекраснее, чем брат твой, светлый месяц,
Чем сестра твоя, звезда вечерня,
Которая по ясному небу,
Как пастырь овец, водит звезды.
Пожаловалось на небе солнце:
Что мне делать с проклятой девицей?
Небожители солнце утешали:
Ярко солнышко, не кручинься!
Мы сладим с проклятой девицей.
Ты лицо ей припеки, сделай смуглым;
Мы пошлем ей встречу худую:
Пошлем деверей все малолетных,
Злу свекровь, а свекра еще злее.
Поклонит она голову повинну.

[1] Кн. I, № 200.

9

ЖАЛОБНАЯ ПЕСНЯ БЛАГОРОДНОЙ АСАН-АГИНИЦЫ[1]

Что белеется у рощи у зеленыя?
Снег ли то или белые лебеди?
Кабы снег, он скоро растаял бы;
Кабы лебеди были, улетели бы прочь.
Не снег то, не белые лебеди,
А белется шатер Асан-Аги,
Где он лежит тяжко раненый.
Его мать и сестра посещали там;
Молода жена притти постыдилася.
Когда легче ему стало от тяжких ран.
Он послал сказать молодой жене:
«Не жди меня больше в дому моем,
Ни в дому, ни во всем роду-племени»!
Вняла жена таковы слова;
Стоит, цепенея от горести;
Вдруг конский топот заслышала:
Взметалась жена Асан-Аги,
Чтоб с башни из окна ей низринуться.
Бегут к ней две милые дочери:
«Постой, не мечися матушка,
То едет не отец Асан-Ага,
Едет дядя Пинторович Бег».
Успокоилась тогда Агиница,
Обнимает брата с горькой жалобой:
«Ах, братец, какое посрамленье мне!
Выгоняют меня от пятерых детей!»
Промолчал, ничего не промолвил Бег,

[1] Из первого издания Сербских песен: Мала простонародньа Славено-Сербска песнарица, у Виени. 1814, стр. 113.—Мы употребили здесь Русский сказочный размер с дактилическим окончанием.

Только, вынув из сумы из шелковыя,
Подает ей грамату разводную,
Чтоб в материн дом возвратилася,
За другого замуж выходила бы.

Когда прочла жена грамату,
С детьми она распрощалася.
Целует в чело сыновей двоих,
Дочерей в ланиты румяные,
А с маленьким сынком в колыбели, с тем
Не могла расстаться. Брат отвел ее
Насильно. Посадил на коня с собой,
И отвез сестру в дом родительский.

Мало время пробыла она на родине,
Мало время, всего и недели нет.
Жена добрая она, рода доброго,
Посватались к ней со всех сторон,
И сам Кадий великий Имошский.
Только стала она брата упрашивать:
«Коли любишь меня, братец, прошу тебя,
Не моги меня ни за кого отдать,
Чтоб сердце не расторглося злой тоской,
Когда увижу сирот своих».
Но брат не уважил мольбы ее,
За Имошского отдал ее Кадия.

Тут просила она брата пред свадьбою
К жениху послать письмо в таковых словах:
«Молодая желает тебе здравствовать
И умильно просит тебя граматой,
Как приедешь за нею с поезжанами,
Ты привез бы покрывало ей — завеситься
На дороге, мимо двора Аги,
Чтоб не видела она сирот своих».

Получивши Кадий ту грамату,
Собирает сватов в поезд свадебный,
К двору едет с ними к невестину.

Счастливо туда они прибыли
И отправились с невестой в обратный путь.

Когда ехали мимо двора Аги,
Из окна ее увидели две дочери,
Два сына вышли на встречу к ней:
«Зайди к нам, милая матушка»,
Говорили ей, «сядь с нами поужинать!»
Слыша речи те, Асан-Агиница
Старейшине сватов взмолилася:
«Будь по богу мне братом, старейшина!
Вели остановиться здесь поезду —
Мне подарочки раздать сиротам моим».
Коней остановили супротив двора.
Раздала детям подарки хорошие:
Сыновьям двоим сапожки, шиты золотом,
Дочерям по куску сукна некроена,
А маленькому сыну колыбельному
Посылает одеяльце шелковое.

Глядел удалый Асан-Ага,
Отозвал детей назад к себе:
«Подите ко мне, сироты мои,
Мать безжалостна к вам, с сердцем каменным!»
Когда то услышала Агиница,
Лицом белым о сыру землю ударилась,
И тогда же, от безмерныя жалости,
На детей взирая, предала свой дух.

[ОТРЫВОК]

Когда-то, милый друг, удастся нам опять
В спокойной хижинке, для мудрых столь любезной,
Пред светлым камельком двух, трех друзей собрать
В кружок доверенности тесной, —
И там, за налитым стаканом, толковать
О всякой всячине, приятной и полезной.

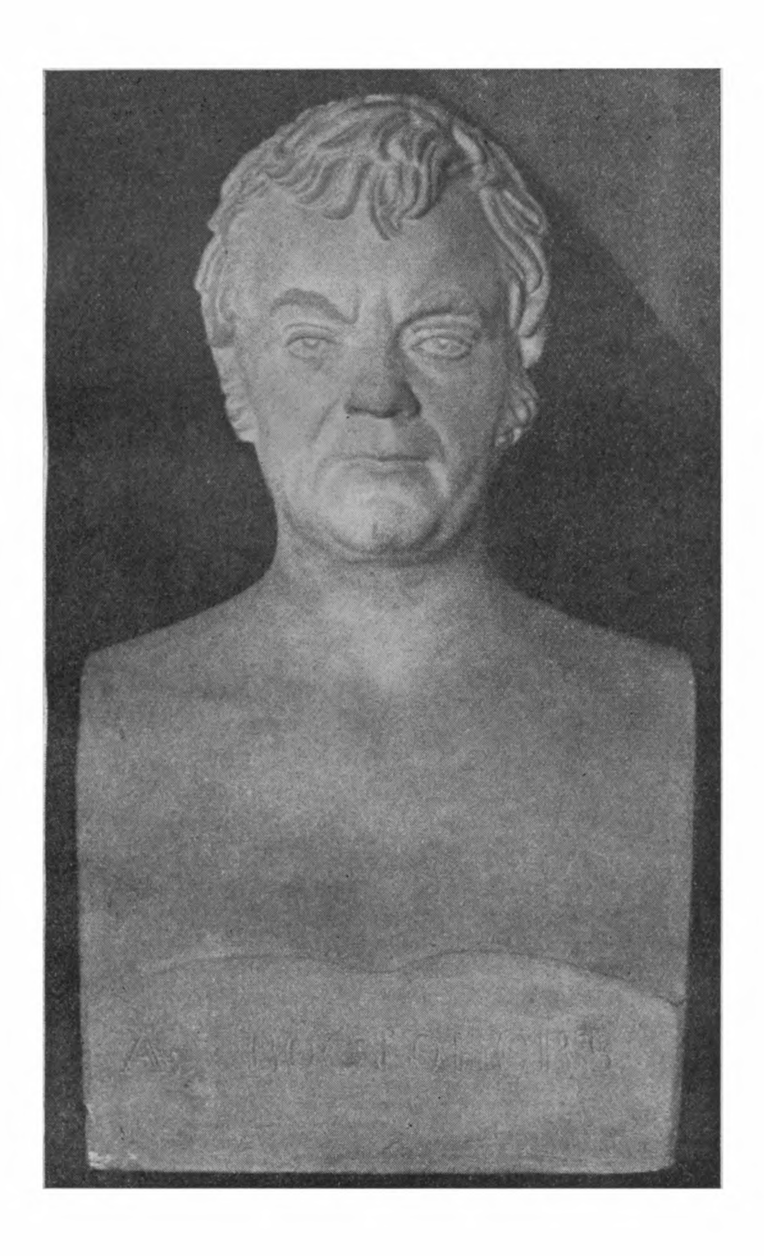
СВИДАНИЕ С МУЗОЮ

«Где ты так долго гостил, мой беглец?» — Ах! мало ли где я
Был, расставшись с тобой? Там, у восхода горы,
Я забрел в вертеп к *Грамматике*, к оной Сивилле,
Дух имущей пытлив: закабалила меня!
Корни слов послала копать, в стебельки, в лепесточки
Расщипать для нее нежны цветы языка.
В сей работе меня нашли проезжие, взяли
В город с собой — научить дельному, в люди пустить.
Вырвали тут из рук моих и лукошко с корнями,
Кои я накопал, ах! и священный твой дар,
Муза, сняли с меня за плечами висевшую лиру,
И побросали во прах все, чем я дорожил.
Тщетно я умолял их пустить меня на свободу,
Брошенной ими под куст лиры глазами искал.
С хладной насмешкой мне жестокие так говорили:
Лета мечтаний прошли, дельным займися теперь.
Труд и заботу возьми в сопутники к храму Фортуны,
С горем носи пополам знаки приязни ее!
Я вздыхал и нехотя шел с трудом и заботой;
Часто грустил по тебе, спутнице прежней моей.
«Кто же избавил тебя от их тиранства? и лиру
Отдал обратно тебе?» — Тронут моею мольбой,
Зевс послал Эрмия прогнать от меня бледнолицых
Слуг Фортуны — сует. Он кадуцеем своим
К ним прикоснулся — вздремали. Меня он свободного вывел
На тропу, где я лиру оставил свою.
Там еще она лежала, и ржавые струны
Проросли травой, сладостный тон в ней заглох.

Ты настроишь ли мне ее вновь, благодатная Муза?
«Попытаюсь; но нет, все уже лира не та.
Я подарю тебе другую, с пониженным тоном, —
Воспевать не мечты юности, и не любовь;
Воспевать деянья мужей и строгую мудрость». —
Ах! позволь мне еще юность воспеть и любовь.

ПРИМЕЧАНИЯ

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ

Архив Вольного общества — остатки архива Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, хранящиеся в Фундаментальной библиотеке ленинградского Государственного университета.

Бумаги Востокова — личный архив А. Х. Востокова, хранящийся в Архиве Академии Наук СССР (фонд 108).

ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (рукописное отделение).

ИРЛИ — Институт русской литературы Академии Наук СССР (рукописное отделение).

«Летопись» — «Летопись моя» А. Х. Востокова, опубликованная в книге «Заметки А. Х. Востокова о его жизни», 1901.

«Опыты лирические» — «Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах А. Востокова», чч. I и II, СПБ. 1805—1806.

«Стихотворения» — «Стихотворения Александра Востокова в трех книгах. Издание исправленное и умноженное», СПБ. 1821.

ПРИМЕЧАНИЯ

К ФАНТАЗИИ

Дата в «Летописи»: июнь 1798 г.

Известны три редакции этой оды: «Свиток Муз», кн. I (1802), стр. 12; «Опыты лирические», ч. I (1805), стр. 1, и «Стихотворения» (1821), стр. 1. — Вошло в «Пантеон русской поэзии», изд. П. Никольским (ч. II, 1814, стр. 163).

В первой редакции имеется еще одна — предпоследняя — строфа (перепечатанная в свою очередь в «Опытах лирических»):

Что есть жизнь смертных? — сон единый;
Блажен, кто сладко мог мечтать,
Кто, не вдаваясь в власть кручины,
Мог счастливым себя считать!
Блажен, кто мог, не унывая,
Надеждою свой дух питая,
Себя безделкой веселить,
Подобно отроку младому,
И без одежды, и без дому
Везде блаженство находить!

Анонимный критик «Вестника Европы» (вероятно М. Т. Каченовский), в рецензии на «Опыты лирические», следующим образом раскрывал «цель» оды: «В чем состоит план оды? Автор в восторге, видит блаженство земнородных. Читатель, обвороженный прекрасными стихами и живым чувством поэта, мечтает с ним вместе и предается сладкому забвению. При словах: «Но сбудется ль сие, иль нет?» — кажется, очарование исчезает... Двойной восторг в сей оде можно почесть разделением единства, которое должно быть сохранено во всяком сочинении, не исключая самой оды. Вдохновенный певец заставит читателя забыться, но один только раз. После хладнокровного рассуждения о разных предметах трудно уже в другой раз привести его в исступление, — а главное искусство поэта состоит в том, чтобы читатель неприметным образом разделял его чувства. Прелестный беспорядок, о котором говорит Боало в своей Пиитике, кажется, значит другое. Однакож, не упоминая о многих примерах, которыми оправдывается расположение сей оды, можно извинить его еще самым названием Фантазии; говоря о ней, исчисляя действия богини на душу, почти против воли переходишь от предмета к предмету, от восторга к восторгу» («Вестник Европы» 1806, ч. XXV, стр. 32.) — Кроме того критик отметил несколько «низких и неправильных» стихов: «Устроясь во взаимный лад», «И плакать? — нет, мы будем знаться», «Кто избегать умел кручины». В издании 1821 г. Востоков учел замечания критика относительно первого и третьего из приведенных стихов, оставив в неприкосновенности второй из них.

Ода «Фантазия» была расхвалена также в «Любителе словесности» 1806 г. (ч. I, стр. 72). Рецензент (вероятно Н. Ф. Остолопов) нашел в ней «самые изящные красоты поэзии». «Автор», пишет он, «в поэтическом исступлении возлетает к странам небесным, вкушает сладости рая, зрит всюду совершенство, воображает, что мир, просвещение и непорочность распространились по всему земному шару; но вдруг мечта исчезает». Процитировав 13-ю и 14-ю строфы, рецензент восклицает: «Какие утешительные мысли! какой слог приятный! — тут нет ни парнаса, ни пегаса, ни перстов багряной зари, однакож читатель восхищается и благодарит сочинителя за украшение нашей словесности».

С Сен-Пьером вечный мир даю!.. (стр. 83). — «Аббат де Сент Пьер, философ-мечтатель, добрый и чувствительный, известный проектами своими о всемирной республике и о вечном мире» (примечание Востокова в «Опытах лирических»).

Востоков имеет в виду «Projet de Henri le Grand pour rendre la paix perpétuelle, éclairci par M. l'abbé de Saint-Piere» (три тома, 1713—1717 гг.). В сочинении этом Сен-Пьер предлагает, с целью прекращения разорительных войн, организовать всемирную федерацию государств — на основе строгого соблюдения существующих договоров и нерушимости государственных границ (все несогласия между отдельными государствами должны были, по мысли Сен-Пьера, разрешаться верховным международным судом). На русский язык книга Сен-Пьера была переведена в сокращенной переработке Руссо: «Сокращение, сделанное Жан-Жаком Руссо,

Женевским гражданином, из проекта о вечном мире, сочиненного господином аббатом Де-Сент-Пьером». Переведено с французского [И. Ф. Богдановичем], 1771 г. Кроме того в 1803 г. В. Малиновским было издано (анонимно) «Рассуждение о мире и войне» (помеченное 1798 г.), представляющее собой в значительной части изложение мыслей Сен-Пьера. См. отзыв об этой книге (А. А. Писарева) в «Северном Вестнике» 1804 г., ч. II, стр. 311. Пацифистские настроения были распространены в кругу членов Вольного общества и нашли отражение в их литературной практике (см. сборник «Поэты-радищевцы», под ред. Вл. Орлова, «Библиотека поэта», 1935).

В своей «Речи о просвещении человеческого рода», читанной в Вольном обществе 15 июня 1802 г., Востоков высказывал надежду, что Европа «конечно, будет еще вести войны междуусобные, но все реже и реже, а между тем одним действием времени нечувствительно образуется та Европейская республика, о которой мечтал Сент-Пиер» (см. «Журнал министерства народного просвещения» 1890, март, стр. 72).

ЗИМА

Дата в «Летописи»: ноябрь 1799 г.

Известны три редакции этой оды: «Свиток Муз», ч. I, стр. 68; «Опыты лирические», ч. I, стр. 12, и «Стихотворения», стр. 8.

В первой редакции ода начиналась следующими двумя строфами:

От Ладоги на белых льдинах
Течет зима к нам по реке;
Глава сей старицы в сединах,
Железный скиптр в ее руке;
Куда его ни простирает,
Везде природа умирает.
Недвижим взор ее суров:
Трясет замерзлыми кудрями
И кроет снежными коврами
Увядший злак долин, лесов!

Течет и льдами рассекает
Поверхность шумных невских вод
И, торжествуя, продолжает
Свой медленный и важный ход.
Пришла — и льды остановились,
Над влагой пенистой стеснились,
И скрыли оную от глаз.
Вотще валы под льдами воют,
Сей кров столь твердый не пророют,
Что из воды же создал мраз.

После третьей строфы нашего издания в «Свитке Муз» шла еще одна:

Мой друг, ни пред каким кумиром
Не станем ползать мы змеей,

Но в мире уживемся с миром [1]
В спокойной хижине своей.
Когда же гневными судьбами
Польется чаша зол над нами,
Сносить с терпеньем будем то;
Из сердца изженем роптанье
И взложим твердо упованье
На всеблагое божество.

После шестой (последней) строфы нашего издания в «Свитке Муз» шли еще четыре:

Когда б симпатией сердечной
Подруга мила нам нашлась,
Которая б любовью нежной
Питала, утешала нас:
Служа подпорою в напасти,
Всегда б, и в счастьи и в несчастьи,
Нам верной спутницей была;
И словом: лишь для нас рожденна,
Судьбою нам определенна,
Для нас бы прелестьми цвела!

Я слышу сердца предвещанье,
Мне глас таинственный речет:
Твое не тщетно упованье,
Найдешь себе любви предмет!
Хоть мало будешь ждать, хоть долго,
Но верно сыщешь — и с восторгом
Прижмешь к трепещущей груди!
Так! пусть зовут сие мечтаньем,
Но не расстанусь с упованьем
Когда-нибудь *Ее* найти.

Тогда я буду наслаждаться
Возможным счастьем на земли,
Хотя б я должен с ней расстаться
В степях, и в поте, и в пыли;
Но двух любящих постоянство
Судьбины победит тиранство,

---

[1] К этому стиху в «Опытах лирических» имеется примечание Востокова: «Аллюзия на известный стих Карамзина: т о т в м и р е с м и р о м у ж и в е т с я. Здесь, может быть, кстати заметить, что первые из сих Лирических опытов сочинены прилежным читателем Московского журнала и Аглаи».

Приведенный Востоковым стих Карамзина взят из его «Послания к А. А. Плещееву» (1794), впервые напечатанного в альманахе «Аониды» 1796 г. (ч. I, стр. 17). — А л л ю з и я — термин классической поэтики; по объяснению Н. Ф. Остолопова, «Аллюзия состоит в том, когда, описывая одну вещь, намекают на другую, имеющую с оною некоторое сходство. Посему слово Аллюзия значит н а м е к а н и е, н а м е к» («Словарь древней и новой поэзии», ч. I, 1821, стр. 16). — «М о с к о в с к и й Ж у р н а л» (1791—1792, 2-ое изд. 1801—1803 гг.) и альманах «А г л а я» (кн. I—II, 1794—1795 гг). — издания Карамзина. — *Ред.*

Превыше рока нас взнесет —
И смерть, пришедши к нам украдкой,
И нас застав в дремоте сладкой,
В свои объятия возьмет.

Всего от божества благого,
Ива́нов! терпеливо ждать
Мы будем — бог не может злого
Своим твореньям желать!
Когда же промыслу святому
Угодно будет класть препону
Желаньям юношеским сим, —
В безмолвии пред ним приникну
И с теплой верою воскликну:
Велик господь! непостижим!

Эта редакция повторена в «Опытах лирических», за исключением строфы: «Я слышу сердца предвещанье» и с незначительными вариантами.

Ода посвящена Ивану Алексеевичу Иванову — одному из ближайших друзей Востокова, товарищу его по Академии Художеств. Сблизились они в августе 1794 г. (см. «Заметки А. Х. Востокова о его жизни» 1901, стр. 12 и др. по указателю) и оставались в самых тесных отношениях вплоть до смерти Иванова (в 1848 г.). Востоков посвятил Иванову, кроме «Зимы», еще три стихотворения: «К другу, в сентябре 1802 г.», «Письмо о счастии» (1805) и «Эпиталам Клеанту и Делии» (1806). — В мае 1799 г. Иванов уехал в Москву, где поступил учителем рисования к детям Н. А. Львова. Из Москвы он вел с Востоковым переписку, из которой сохранилось одно письмо Востокова (от 30 января 1801 г.) и несколько писем Иванова, напечатанных в извлечениях в «Переписке А. Х. Востокова», 1873, стр. VI—XII (подлинники хранятся в бумагах Востокова в архиве Академии Наук СССР).

К БОГИНЕ ДУШИ МОЕЙ

Дата в «Летописи»: январь 1801 г.

«Свиток Муз», кн. I, стр. 76; «Опыты лирические», ч. I, стр. 32 (с подзаголовком: «Элегия») и «Стихотворения», стр. 11.

В «Свитке Муз» конец стихотворения был иной; вместо шести последних стихов нашего издания там шли следующие:

Приди, и полными лилейными руками
　　В объятья сладки заключи,
И нежно к моему биющемуся сердцу
　　Девические перси жми, —
Прижми, и дай мне жизнь вкусить, богам завидну,
　　На лоне прелестей твоих.
От пламенных моих лобзаний пусть алеет
　　Упругих грудей белизна,
И члены в сладостном дрожании ощутят
　　Электризацию любви:

Пусть восхищенная душа моя с твоею
Сольется радостно в одну:
Упившись сладостью чистейших удовольствий,
Пусть вкупе мы потонем в них.
Приди! — я жду тебя с живейшим нетерпеньем,
Невеста сердца моего!
Хранима для меня ты вышним провиденьем,
Того надеюся и жду!
Предстань же, милая, моим ты алчным взорам,
Дай слышать ангельский твой глас;
Среди красавиц всех тебя я распознаю:
Твой образ в сердце у меня!
Приди ж и учини меня благополучным,
Богиня моея души!

В «Опытах лирических» Востоков внес в эти стихи ряд существенных изменений.

ЦИРЦЕЯ

Дата в «Летописи» — октябрь 1799 г.

«Свиток Муз», кн. I, стр. 56; «Опыты лирические», ч. I, стр. 78, и «Стихотворения», стр. 13. — Вошло в «Пантеон русской поэзии», изд. П. Никольским (ч. I, 1814, стр. 184) и «Словарь древней и новой поэзии» Н. Ф. Остолопова (ч. II, 1821, стр. 40).

В «Свитке Муз» конец стихотворения (начиная с 71 стиха нашего издания: «Где трон стоял зимы седой») читался иначе:

Унылы рощи и поля
Лежат не вечно под снегами;
Разверзши недра, вновь земля
Оденется травой, цветами;
И ясны Алкионски дни
По непогодам вновь наступят.
Хотя потом опять они
Ветрам владычество уступят;
Когда же улетит любовь,
Не возвратить ее нам вновь.

Текст «Опытов лирических» совпадает с принятой нами последней редакцией, за исключением последних стихов:

Но паки ею насладится;
Но никогда, никак, ничем
К себе опять не привлечем
Любовь, которая однажды удалится!

«Цирцея» Ж. Б. Руссо считалась образцовым лирическим произведением. Карамзин писал по поводу одной оды английского поэта Грея: «После Руссовой Ц и р ц е и мы не знаем ни одного лирического произведения, в котором бы столько было жара, драматической живости и смелых картин» (см. его статью «Оссиан», в «Пан-

теоне иностранной словесности», кн. 1, 1798, стр. 210). Анонимный перевод Цирцеи в прозе см. в книге «Переводы из творений Жан-Батиста Руссо и г. Томаса», 1774 г.; другой анонимный перевод (в стихах) был напечатан в 1796 г. («Муза», ч. II, стр. 133); в 1806 г. «Цирцею» перевел также Державин («Вестник Европы», ч. XXV, стр. 164), а в 1816 г. — будущий декабрист Н. С. Бобрищев-Пушкин («Каллиопа» — сборник Московского университетского благородного пансиона, кн. II, стр. 95).

В рецензии на «Опыты лирические» в «Вестнике Е ропы» 1806 г. (ч. XXV, стр. 32) было отмечено, что перевод Востокова «заслуживает особ нного внимания и одобрения».

Эолу Алкион отдаст... (стр. 91). — «Алкион — птица, о которой Мифология повествует следующее: Алкиона, Эолова дочь, потерявши на море любовника своего, прекрасного Цеикса, сына утренней Звезды, сетовала о том и крушилася столько, что боги из сожаления превратили ее в птицу, и она не перестает искать возлюбленного своего на водах. Алкион есть птичка маленькая и пение ее имеет в себе нечто унывное: когда она вьет гнездо и высиживает птенцов, тогда ветры из почтения к любви ее удерживают свое дыхание и море становится гладко, как стекло. Такие прекрасные дни называются Алкионскими» (примечание Востокова в «Опытах лирических»).

ОСЕННЕЕ УТРО

Дата в «Летописи»: октябрь 1800 г.

Впервые было напечатано без подписи в «Сокращенной библиотеке в пользу гг. воспитанников первого кадетского корпуса», ч. II, 1802, стр. 163, со следующие примечанием издателя П. С. Железникова: «Стихи молодого девятнадцатилетнего поэта». Вторично — в «Свитке Муз», ч. I, стр. 24. Вошло в «Опыты лирические», ч. I, стр. 25, и в «Стихотворения» стр. 17. — Перепечатки в «Собрании русских стихотворений», изд. Жуковским (ч. I, 1810, стр. 233), «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах» (ч. I, 1815, стр. 257) и «Пантеоне русской поэзии», изд. П. Никольским (ч. III, 1814, стр. 35).

Тексты «Сокращенной библиотеки», «Свитка Муз» (где были помещены только первые шесть строф) и «Опытов лирических» — совпадают, за малыми исключениями. Сравнительно с последней редакцией, имеются, следующие изменения:

Во второй строфе вторая полустрофа читалась:

Пенисты воды, с гор ниспадая,
Кажутся млечным столпом.

Вслед за этим шла выпущенная впоследствии строфа:

Эхо утесов, карканье вранов
Внемлющим вторит полям;
Впрочем, повсюду сон и безмолвье:
Изредка слышится гул.

В «Свитке Муз» вторая полустрофа четвертой строфы читалась

Горный дробит мне глух отголосок
 Ранний там стук топоров.

Восьмая строфа читалась иначе:

Море туманов дол облегает,
 Медленно к небу взносясь;
В сладком забвеньи дух мой стремится
 Вместе с туманами вверх.

Вместо одной десятой строфы в первоначальной редакции было две:

Скоро пред утром скроются звезды
 Все в вышине голубой;
Ночи светило в тучах потопит
 Сребропомерклый свой шар.

Небо прияло утренню ясность;
 Бледна, осення заря
Видит в уныньи тучу, готову
 На весь день солнце закрыть.

ТЛЕННОСТЬ

Дата в «Летописи»: апрель 1800 г.

«Свиток Муз», кн. I, стр. 127 (с подзаголовком: «поэма вольными стихами»); «Опыты лирические», ч. I, стр. 16, и «Стихотворения», стр. 20.

Приводим наиболее существенные варианты по первопечатному тексту «Свитка Муз». После 4-го стиха нашего издания («Пучина бурная у ног ее кипит») здесь идут еще семнадцать стихов:

Огромные куски гранита,
Которых древняя поверхность мхом покрыта,
С боков ее торчат, навесясь на валы:
Чудовищным сосцам подобны те скалы,
Из оных сильные бьют с ревом водопады,
И часто, каменны отторгнувши громады,
Влекут на дно морей с собой,
С ужасным шумом ниспадая,
Всю гору пеной обмывая,
Они рождают гром глухой.
Пловец чуть-чуть от страху дышит,
Он мнит во ужасе, что слышит
Циклопов в наковальню бой!
И кит приблизиться не смеет
К подножью тех грозящих скал;
К ним даже, кажется, робеет
Коснуться разъяренный вал!

Вместо стихов 35—65 нашего издания, в «Свитке Муз» читаем следующее:

Я зрел: на сей громаде дикой
Тысящелетний дуб стоял.
Тенистый он шатер великой
Вокруг ветвями простирал.
Глубоко тридцатью корнями
В кремнистой почве утверждён.
И день и ночь борясь с ветрами,
Их силы не страшился он.
Под ним покров свой находили
Станицы многи птиц морских,
В дуплах его, в ветвях густых
Без опасенья гнезда вили.
Рушитель Хрóнос сам, казалось, уважал
Сие гигантское исчадие природы,
И тщетно Посидон холмящиеся воды
Всегда на оное, гневяся, воздвигал.
За вечности рубеж столетия, паря,
В медлительном своем течении дивились
На древность той громады зря...
Но дни существованья длились
Не вечно для нее: воздвиглися моря
Пучина вод надулась и вскипела,
Густая с норда навалила мгла —
Тогда, казалось, обомлела
От ужасу уже и самая гора
И листвия дерев боязненно шептали,
И птицы с криком в них укрытия искали;
Единый только дуб, родитель всех других,
Стоял, с презрением смотря на робость их.

Но буря сделалась еще, еще страшнее.
Эол взревел сильнее,
И лютый Ураган,
Стремя повсюду смерть, взрыл к тучам океан.
Из сильных уст своих палящим ветром дуя
И мрачны облака багровые волнуя,
Он бури проливал из них.
Тела китов, его ударами убитых
Во глубинах морских,
И части кораблей разбитых
Он мещет по водам!
Могила влажная разинулась пловцам!
И буря страшно грохотала...
Перунами она и тут и там сверкала.
Являя гору всю в огне...
Но не мечтается ли мне?
Вдруг с блеском молнии ударил гром ужасный:
И, раздроблен в щепы, лежит

Тысящелетний дуб прекрасный!..
О, тленности прискорбный вид!
Не всех ли гордых такова судьбина?
Казалось, гору ту, при пораженьи сына,
Объемлет вящий страх:
И в каменных его сосцах
Иссякли водопады...

Еще боязненны туда кидаю взгляды.
Ах, что... что вижу я? Громада та трещит:
В широких ребрах расседаясь,
Скалами страшными на части распадаясь.
Она как будто бы от ужаса дрожит! —
Землятрясение! о, сильный сокрушитель!
Сей гордый исполин, сей моря победитель,
Который все стихии презирал,
Против тебя не устоял:
Он пал!..

Еще в уме своем я зрю его паденье:
Удвоил океан тогда свое волненье,
Удвоил вихрь свой свист, гром чаще слышен стал:
Навстречу к молниям подземный огнь взлетал,
Из недр растерзанных выскакивая горных.
Уже в немногих глыбах черных,
Которы из воды торчат
И серный дым густой родят,
Величественной той остатки зрю громады,
Что на себя влекла всех плавателей взгляды!
На столь плачевный вид со вздохом я смотрю.

Ах, не подобна ли гора сия царю,
Который силами, богатствами гордится,
Но славы истинной не тщится
Делами добрыми стяжать,
И бога правды не страшится
Неправдой раздражать!
Царь должен быть знаком с своими должностями,
Повелевать страстями,
И быть законам раб;
Великим называть могли его тогда б.
Тогда б не лесть одна венчала
Его обманчивым венцом,
Но истина б сама его именовала
Отечества отцом.
Такого видели в Великом мы Петре
И во второй Екатерине,
Таким желают зреть и Александра ныне
Российски патриоты все.

Без добродетелей и впрямь земной владыка
Есть та — среди пучин морских — гора велика,
Которой вышина и живописной вид
Вдали хотя пловца пленяет и дивит,
Но быстрых вод с нее порыв, скалы ужасны
Для судна мирного его вблизи опасны.
    Блажен кто, в жизни океан
    На корабле своем пустившись,
И на мель не попав, к скалам не приразившись,
    Без бурь до тех доходит стран,
    Где ждет его покой душевный!
    Все вещи в мире так же тленны
    Как сей разрушенный колосс...

Конец стихотворения (от предпоследнего стиха нашего издания) в «Свитке Муз» читался так:

    Тогда, о, смерть, ко мне лети
    И будь мне друг и благодетель:
Тогда потерянну, забвенну добродетель
В мой отходящий дух ты возврати!

Внемлю взывающих: все тленно, скоротечно!...
    Премудр и благ господь,
Что жить уставил нам не вечно:
Когда б мы здесь свою всегда влачили плоть,
Какие бы тогда мучения рождались
    Для нас ежеминутно вновь!
Вотще б в злощастиях мы покушались
    Из жил своих всю вылить кровь;
    Плоть пребыла бы невредима,
    А скорбь неисцелима.

    Престань роптать, слепая тварь,
    На тленность жизни сей конечной!
Источник бытия, вседвижитель, всецарь
От века все, что есть, для жизни создал вечной.
        Смирись, безмолвствуй, уповай
        И данное вкушай!

В «Лирических опытах» эта первоначальная редакция «Тленности» подверглась сравнительно незначительной переработке.

В «Любителе Словесности» 1806 г. (ч. I. стр. 74), в рецензии на «Опыты лирические», об этом стихотворении писали: «Кажется только, что пиеса слишком продолжительна. Воображение, распаленное картиною бури и падения горы, хладеет и наконец утомляется, когда автор начинает говорить о своем друге. Он описывает его прекрасно, делает полезнейшие нравоучения, но лучше было бы сказать это в другом месте или сделать особливую пиесу. Притом же следующие стихи:

    Когда ж я, бедный, совращуся
    С прямого к истине пути:

В туманах, на стезю порока заблужуся,
Тогда, о смерть, ко мне помощницей лети
И силою меня ко благу обрати, —

похожи несколько на сии стихи Томаса из оды его на время:

Si je devais unjour pour de viles richesses
Vendre ma liberté, descendre à des bassesses,
Si mon coeur, par mes sens devait être amolli,
O, temps! je te dirais, previens ma derniére heure,
Hate toi que je meure;
J'aime mieux n'être pas que de vivre avili».[1]

(Ср. переводы этой оды, выполненные И. П. Пниным и Н. А. Радищевым, — в сборнике «Поэты-радищевцы», под ред. Вл. Орлова — «Библиотека поэта», 1935, стр. 170 и 503). — Возможно, что, сокращая «Тленность» при переиздании ее в 1821 г., Востоков учитывал указания критика. Однако пожертвовал он, вопреки совету, «картиной бури и падения горы», оставив в неприкосновенности стихи, посвященные смерти Филона.

Его бы душу принял бог... (стр. 99).—«А[лександр] Д[митриевич] Ф[уфаев], в сей поэме оплакиваемый, скончался 1800 года [3 апреля], 22-х лет от роду. — В самое то время и Автору случилось лежать в беспамятстве смертельной горячки; роковая весть о смерти друга дошла до ушей его как бы сквозь сон. Но когда он стал поправляться, тогда ощутил великость своей траты. К сладкому чувству выздоравливанья примешалась тихая горесть, более и более — тогда же и другие обстоятельства другим образом сильно его трогали, — и плодом сих соединенных чувствований был Дифирамб Тленности» (примечание Востокова в «Опытах лирических»).

Фуфаев был товарищем Востокова по Академии Художеств; сблизились они в августе 1794 г. В «Летописи» Востокова за 1798—1800 гг. часто встречается имя «любезного Фуфаева» (см. «Заметки А. Х. Востокова», 1901, по указателю). Его памяти Востоков посвятил в 1802 г. стихотворение «Видение в майскую ночь» (стр. 128 наст. издания).

ПИИТИЧЕСКОЕ СОЗЕРЦАНИЕ ПРИРОДЫ

Дата в «Летописи»: июнь 1800 г.

«Свиток Муз», кн. I, стр. 95 (под заглавием: «Поэтический восторг при созерцании природы. Ода»); «Опыты лирические», ч. I, стр. 73, и «Стихотворения», стр. 28.—Разночтения незначительны.— Вошло в «Пантеон русской поэзии», изд. П. Никольским (ч. V, 1815, стр. 23).

Источник подражания указан самим Востоковым в примечаниях к «Опытам лирическим»: «Сия ода есть отчасти перевод, отчасти

[1] «Если бы я должен был однажды, ради презренных богатств, продать свою свободу, опуститься до низости; если бы мое сердце моими чувствами размягчилось, — о, время, я сказал бы тебе: приблизь мой последний час, поспеши принести мне смерть; я предпочитаю не жить, чем жить презренным». — *Ред.*

подражание французской оде: Ivresse poétique à l'aspect de la nature,[1] которая помещена в Abeille française».[2]

«L'Abeille française» — литературно-политическая газета, издававшаяся в 1790 г. в Париже Эдмондом Кордье (см. «Bibliographie historique et critique de la presse périodique française» par E. Hatin, 1866, p. 243. — В доступных нам книгохранилищах экземпляров этой газеты не имеется.

Критик «Любителя Словесности» 1806 г. (ч. I, стр. 76) писал: «Нам бы должно было поместить здесь всю эту пиесу, если бы захотели мы выписывать из нее все хорошее. Мы выпишем только следующие стихи, в которых изображается восхождение солнца [цитируются 8 и 9 строфы]. Какой прекрасной оборот в последних трех стихах! приметно, что Автор написал их не для реторической фигуры».

ТЕЛЕМА И МАКАР

Дата в «Летописи»: ноябрь 1799 г.

«Свиток Муз», кн. II (1803), стр. 25 (под заглавием: «Телема и Макар или желание и счастие, из Вольтера»); «Опыты лирические», ч. I, стр. 59, и «Стихотворения», стр. 34. — Вошло в «Собрание русских стихотворений», изд. Жуковским (ч. III, 1811, стр. 77), «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах» (ч. III, 1815, стр. 136), «Пантеон русской поэзии», изд. П. Никольским (ч. IV, 1815, стр. 212) и «Словарь древней и новой поэзии» Н. Ф. Остолопова (ч. III, 1821, стр. 163.)

В первых двух изданиях имеются довольно значительные варианты; приводим из них наиболее существенные — по тексту «Свитка Муз», отчасти совпадающему с текстом «Опытов лирических»:

Стихи 5—15:

Она весельчака пригожего любила,
Но нравом на него совсем не походила;
Во всех приманчивых лица его чертах —
Любезна искренность и благородна смелость.
Всегда яснеется невинная веселость
  В его ланитах и глазах;
  Любовь престол свой в них имеет,
Который светлою улыбкой озарен.
За то уже печаль при нем и быть не смеет.
И шумных даже он веселий удален.

Стихи 37—39:

Услышав от нее толь странное названье.
«Макар?.. Что за Макар?.. Какое то созданье?
  Где затеряла ты его?
Ха, ха! желалось бы послушать описанье
  Нам про Макара твоего!»

Стих 55-й («Оттуда далее пошла») в первых редакциях читался: «Оттуда к городу пошла», и в «Свитке Муз» был сопровожден сле-

---

[1] «Поэтическое опьянение при виде природы». — *Ред.*
[2] «Французская пчела». — *Ред.*

дующим примечанием: «Автор полагает, что место пребывания двора — вне города, применяя к тому, что Французский двор в его время пребывал обыкновенно в Версалии, а не в Париже, которому он по превосходству дает имя города».

Стихи 64—74:

Давно уже, молвил ей на то Игумен их,
Давно его к себе в обитель ожидаем;
Но за грехи свои еще не созерцаем
До днесь Макаровой божественной красы,
А в ожиданьи плоть свою мы изнуряем:
    Бранимся, молимся, зеваем
    И тратим по пусту часы.
Тут странствующей сей красотке
Сказал, перебирая четки,
Смиренным голосом один сухой чернец:
Сударыня! престань ты по свету скитаться...

Стихи 146—150:

    Ты, кажется, теперь находишься со мной.
    Но я не стану тем хвалиться;
    Кто превозносится тобой,
Тот скоро твоего сообщества лишится.
Лишь с тем ты любишь пребывать,
Кто благоденствие свое прилежно тщится
    От зависти скрывать.

«Телема и Макар» — перевод одноименной сказки Вольтера (1762). — В 1825 (или 1826) г. ее перевел на русский язык также Е. А. Боратынский.

В «Вестнике Европы» 1806 г. (ч. XXV, стр. 32) перевод Востокова был признан «заслуживающим особенного внимания и одобрения». Рецензент «Любителя Словесности» 1806 г. (ч. I, стр. 79) возражал против следующих стихов, имеющихся в редакции «Опытов лирических»:

Отныне, милая, живи со мной спокойно
И если хочешь ты достойно
Всегда особою моею обладать,
    То за мечтою не гоняйся...

«Мы заметили», пишет рецензент, «что непристойно было Макару называть себя особою, и притом в разговоре с своею любовницею. Хотя в подлиннике и сказано:

Et, si vous voulez posseder
Ma tendresse avec ma personne,[1]

но тут personne можно было бы перевесть как-нибудь иначе».— Востоков, как видим, в издании 1821 г. переработал эти стихи согласно данному указанию (см. стр. 107, стих: «Век мною обладать»).

---

[1] Если вы хотите владеть моей нежностью вместе со мною самим. — *Ред.*

Теперь читатель пожелает, чтоб я растолковал значенье сих имен... и сл. (стр. 107). — Телема по-гречески означает желание, а Макар — счастье.

ЦАРСТВО ОЧАРОВАНИЙ

Дата в «Летописи»: ноябрь 1800 г.

«Свиток Муз», кн. II, стр. 6; «Опыты лирические», ч. I, стр. 28, и «Стихотворения», стр. 41. Вошло в «Собрание русских стихотворений», изд. Жуковским (ч. I, 1810, стр. 95) и «Пантеон русской поэзии», изд. П. Никольским (ч. III, 1814, стр. 169).

Стихи 69—76 («Он с кроткой улыбкой» и т. д.) в «Свитке Муз» и «Опытах лирических» читались иначе:

Блистающ, приятен,
Осанист и статен,
Он юностью цвел;
Благим и умильным,
Божественно сильным
Он взором смотрел;
Триумфом одеян,
В путь, златом усеян,
Он с важностью шел.

Остальные разночтения незначительны.

Стихотворение это было читано в Вольном обществе 10 мая 1802 г.

От вздохов движутся черноогнисты *зоны*... (стр. 110) — в «Свитке Муз» Востоков снабдил этот стих следующим примечанием: «Зона по Гречески пояс».

Достойно Виланд лишь или Шекспир опишет... (стр. 110) — в «Свитке Муз» к этому стиху имелось следующее примечание: «Шекспир описал любовь Титании и Оберона в прекрасном произведении своей фантазии: Midsum[m]er night's dream [«Сон в летнюю ночь», 1600]». — Виланду принадлежит сказочная эпопея в стихах «Оберон» (1780), имевшая огромный общеевропейский успех и на русский язык переведенная в 1787 г. В. А. Левшиным: «Оберон, царь волшебников, поэма г-на Виланда в четырнадцати песнях. С немецких стихов прозою перевел сочинитель Русских сказок».

ШИШАК

Дата в «Летописи»: ноябрь 1798 г.

«Опыты лирические», ч. II (1806), стр. 36 (с подзаголовком: «Подражание Дорату») и «Стихотворения», стр. 47.

Дорат, которому подражал Востоков в данном стихотворении, — французский писатель Клод Жозеф Дорá (1734 — 1780) — один из видных представителей салонной, аффектированной и легкомысленной, поэзии XVIII века. Востоков перевел в 1800 г. также другое стихотворение Дорá — «Видение мусульманина», помещенное в «Опытах лирических», ч. I, стр. 86 (в наст. издание не вошло).

Гнездо двух нежных горлиц... (стр. 114). — Голуби (горлицы) служили в греческой мифологии одним из символов богини любви — Афродиты.

В русской поэзии сходный мотив находим у Дениса Давыдова (в стихотворении «Гусар» 1822 г.):

Ах, часто и гусар вздыхает
И в кивере его весной
Голубка гнездышко свивает.

ПАРНАСС ИЛИ ГОРА ИЗЯЩНОСТИ

Дата в «Летописи»: апрель 1801 г.

Впервые было напечатано в «Сокращенной Библиотеке в пользу гг. воспитанникам первого кадетского корпуса», ч. II, 1802, стр. 166 (без подписи) со следующим примечанием издателя (П. С. Железникова): «Произведение молодого поэта. Из сих первых его опытов кажется видно, что некогда заслужит он особенное внимание публики. Теперь в тишине и неизвестности беседует он с Музами и питает душу свою высокими мыслями и чувствами поэтов и философов». — Вошло в «Опыты лирические», ч. I, стр. 34, и «Стихотворения», стр. 50.

В «Опытах лирических» ода эта была напечатана в расширенной редакции. Вместо 16-й строфы нашего издания («В ком есть желанье, всяк способен») там идут шесть следующих строф:

Дух смертных пашне есть подобен:
Он может все произрастить,
Лишь только б пахарь был способен
Его возделать, угобзить.
Предметов разных впечатленье
И разных случаев стеченье,
При воспитаньи первых лет,
Нередко душу тлит, стесняет,
Иль в ней таланты развивает
И направленье ей дает.

Но человек не будет прямо
Во храм изящности введен,
Хотя б достиг к преддверью храма
Счастливым направленьем он.
Дальнейшее он воспитанье
И вящее образованье
Дать должен сердцу и уму,
Науку важную постигнуть,
Без коей никогда достигнуть
Нельзя в святилище ему.

Без коей все, тобою зримы,
Ведущи на Парнасс пути,
Опасны, трудно восходимы:

Лишь может тот один итти
Стезей, усыпанной цветами,
Между приятными кустами
В прохладе тихих, светлых рек.
Кто ту науку постигает:
Она все знанья заменяет,
Ее предмет есть *человек!*

Он сам, и дел мирских теченье.
Которы, все до одного,
Причину и происхожденье
Имеют в сердце у него.
Вперяй же очи изощренны
В изгибы сердца сокровенны,
Терпением вооружась;
И в естество вещей вникая,
Сличая их и различая,
Взаимну сыскивай в них связь.

Когда получишь разуменье
Во глубине сердец читать,
Их струны приводить в движенье.
Во все их сгибы проницать:
Тогда твой мощный дух обнимет
Все в мире вещи, — ум твой примет
Устройство лучшее и свет.
Чем больше мысль твоя трудится,
Тем правильнее становится
И тем яснее настает.

Итак, имеешь ли стремленье
На верх изящности взойти:
На нужное сие ученье
Себя вопервых посвяти!
Тогда представится дорога
Неутомительна, отлога,
В цветах и злаке пред тобой,
Тогда ты вступишь в храм священный,
И Слава возвестит вселенной
Поэта звучною трубой!

Первопечатный текст оды (в «Сокращенной Библиотеке» 1802 г.) совпадает с этой расширенной редакцией, за исключением отдельных незначительных разночтений. Кроме того в «Сокращенной Библиотеке» была пропущена и заменена тремя строками точек седьмая строфа («И ах, когда бы я стопою...»).

Сотворший Илиаду гений (стр. 120) — Гомер.

Державин, Дмитрев, Карамзин... (стр. 120) — «Из множества поэтов, встречавшихся сновидцу на Парнассе, наименовал он только тех, коих лица были ему тогда познакомее и (что

не менее важно) коих имена могли уставиться в десятистишии» (примечание Востокова в «Опытах лирических»).

Укажем, что из упомянутых Востоковым немецких поэтов с Виландом он был знаком уже в 1796 г. (см. «Заметки А. Х. Востокова», 1901, стр. 13), а из Клопштока перевел: оду «Сиона» («Свиток Муз», кн. I, 1802, стр. 32), начало V песни «Мессиады» («Свиток Муз», кн. II, 1803, стр. 106) и «Мысли при чтении молигвы господней» (написано в 1812 г., напечатано в «Стихотворениях» 1821 г., стр. 198). В настоящее издание переводы эти не вошли.

ОДА ДОСТОЙНЫМ

Дата в «Летописи»: март 1801 г.

«Свиток Муз», кн. I, стр. 5; «Опыты лирические», ч. I, стр. 44. и «Стихотворения», стр. 61.

В «Свитке Муз» и «Опытах лирических» вторая строфа читается так:

Вы же, чада богатства и знатности!
Если вместо достоинств и разума
Слабость, глупость и низкие чувствия
В вас, — то свой отвратите слух.

Кроме того два последних стиха в «Свитке Муз» и «Опытах лирических» имели другую редакцию:

В важном тоне, из устен рубиновых,
Чистым рцы языком златым!

«Ода достойным» написана по случаю происшедшего в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. убийства Павла I. В «Летописи» своей Востоков записал: «12-го рано по утру, проснувшись, слышу о смерти Павловой. Радость — присяга. Ода достойным» («Заметки А. Х. Востокова», 1901, стр. 18).

Политический смысл оды обнажен достаточно резко. Похвала «достойным», «избавляющим сограждан от бедствия», чтобы «доставить им участь счастливую», явно адресована руководителям дворцовой революции 11 марта 1801 г. (П. А. Палену, Л. Л. Бенигсену, Платону и Николаю Зубовым и др.). — Любопытно, что Востоков употребил в своей оде запрещенные Павлом I (в 1797 г.) «якобинские» слова: «граждане» и «отечество».

В Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств «Оде достойным» придавалось значение программного стихотворения: она открывала собою первую книжку «Свитка Муз» (см. подробнее на стр. 48 наст. издания).

К ТЕОНУ

Дата: осень 1801 г. — уточнению не поддается.

Впервые было напечатано в «Свитке Муз», кн. II, стр. 99 (под заглавием: «Осенний вечер, к Теону»). Вошло в «Опыты лирические», ч. I, стр. 46 (под заглавием: «Осень, ода к Теону в 1801-м году») и в «Стихотворения», стр. 63. — Перепечатано в «Собрании

русских стихотворений», изд. Жуковским (ч. I, 1810, стр. 159) и «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах» (ч. I, 1815, стр. 75).

Востоков читал это стихотворение в Вольном обществе 10 мая 1802 г.

Посвящено оно вероятно кому-нибудь из товарищей Востокова по Академии Художеств.

Не врю ль в восторге: Зевс дождливый... (стр. 124). — «Сей прекрасный Доенев эскиз, сочиненный для плафона, выгравирован в Академии художеств Г-м [Е.] Скотниковым. Доен, ученик славного Карла Ванлоо и учитель Давида, во многом равняется с тем и другим. Он упражнялся наиболее в роде плафонов. Упомянутый эскиз сочинен им в лучшие его лета в Париже, откуда Доен при начале революции выписан был в Россию для Петербургской Академии Художеств. Теперь он стар. Но и теперь можно удивляться в нем этой французской живости в словах и поступках, этому еще искреющему огню, который прежде жарким пламенем изливался» (примечание Востокова в «Опытах лирических»). В первой редакции этого примечания («Свиток Муз», кн. II) Востоков дал следующую характеристику Дойена: «Славный Дойен... ко всем потребным живописцу знаниям присоединяет в высочайшей степени вкус изящного и пламенное поэтическое воображение, без которого нельзя быть истинным Артистом».

По предложению Востокова, Дойен был избран в 1805 г. почетным членом Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. О личных их отношениях сведений не имеется.

ВИДЕНИЕ В МАЙСКУЮ НОЧЬ

Дата в «Летописи»: январь 1802 г.

Впервые напечатано было в «Свитке Муз», кн. II, стр. 64 (под заглавием: «Явление усопшего. Стихи к Флору»). Вошло в «Опыты лирические», ч. I, стр. 50, и в «Стихотворения», стр. 68. — Перепечатано в «Собрании русских стихотворений», изд. Жуковским (ч. II, 1810, стр. 64) и «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах» (ч. II, 1815, стр. 109).

Востоков читал это стихотворение в Вольном обществе 2 февраля 1802 г.

Вымышленные классические имена друзей Востокова, к которым обращено «Видение в майскую ночь», расшифровываются следующим образом: Флор — Фрол Филиппович Репнин, которому Востоков посвятил в 1804 г. специальное стихотворение «История и Баснь» (см. ниже стр. 393); Клеант — Иван Алексеевич Иванов (см. выше, стр. 369); Арист — вероятно Иван Иванович Теребенев (см. ниже, стр. 422); Филон, памяти которого посвящено «Видение», — Александр Дмитриевич Фуфаев (см. выше, стр. 376).

В «Опытах лирических» стихотворение это было напечатано с подзаголовком: «сафическим размером» и со следующим примечанием:

«Сафический размер, употребленный в сей оде, состоит, как

видит читатель, из трех сафических пятистопных стихов, в коих средняя стопа Дактиль, а прочие Хореи; и из Адонического двустопного стиха, Дактиля с Хореем. [1].

«В трех больших стихах после 5-го слога пресечение, с которым непременно должно оканчиваться слово. Напр[имер]:

— ∪	— ∪	—	∪ ∪	— ∪	— ∪
Где ты	мой Кле	ант,	я взды	хая	думал,
— ∪	— ∪	—	∪ ∪	— ∪	— ∪
Чтоб со	мной те	перь	разде	лять вос	торги,
— ∪	— ∪	—	∪ ∪	— ∪	— ∪
Где вы	все? где	Флор?	Где А	рист? Фи	лон мой
		—	∪ ∪	— ∪	
		где	неза	бвенный?	

«Гораций, который написал много од Сафическим размером, ввел в них таковое пресечение, чтоб некоторым образом усилить Каданс. Сама же Сафо, изобретшая сей размер, не употребляла в оном определенных пресечений. Вот для примеру ее стих:

— ∪	— ∪	— ∪∪	— ∪	— ∪
О, Ха	риты	ныне ко	мне скло	нитесь,
— ∪	— ∪	— ∪∪	— ∪	— ∪
Афро	дитин	радостный	трон о	ставив,
— ∪	— ∪	— ∪∪	— ∪	— ∪
Вы к Фа	ону	милому	поне	сите
		— ∪∪	— ∪	
		Сафины	вздохи. [2]	

«В последнем виде Сафической стих сам по себе мягче и, так сказать, нерадивее; а тем он способнее для нежной поэзии».

О метрических экспериментах Востокова см. во вступительной статье (стр. 57); в Вольном обществе они были встречены сдержанно. А. Е. Измайлов в отзыве на рукопись «Опытов лирических», представленных в цензуру Вольного общества, писал (6 мая 1805 г.): «Белые стихи, писанные латинскими и греческими размерами, хотя и нравятся мне, однакоже не столько, как пиэсы с рифмами, состоящие из одних ямбов. Может быть происходит сие действительно от того, что русские уши, как сказал где-то сам автор [см. стр. 66 наст. издания], не могут вдруг привыкнуть к гармонии греческих

---

[1] «Адонический — род стихов, бывший в употреблении у Греков и Римлян. Думают, что сие название происходит от Адониса, любимца Венеры, ибо такой размер наиболее употребляем был в плачевных песнях на смерть Адониса, которые воспеваемы были во время годовых праздников, в честь его установленных. Адонический стих состоит из двух стоп: первая дактиль, а вторая спондей, или иногда хорей» (Н. Ф Остолопов, Словарь древней и новой поэзии», ч. I, 1821, стр. 1). — *Ред.*

[2] Перевод самого Востокова, — см. стр. 171 наст. издания. — *Ред.*

и латинских стихов, но мне все кажется, что ежели бы например: «Фантазия», «Песнь Луне», «Зима», «Тленность» — написаны были греческими и латинскими размерами, то я бы не восхищался при чтении их столько, сколько сие со мною случалось, и чистосердечно сказать — я весьма бы желал, чтобы г-н Востоков писал более хореями и ямбами, нежели мерою Горация и Сафы. Впрочем, это одно только мое желание, а отнюдь не совет, ибо я оного подавать в сем случае не осмеливаюсь» (с рукописи — архив Вольного Общества). С мнением Измайлова согласились и другие члены «Комитета цензуры» — Д. И. Языков, Н. А. Радищев и И. М. Борн.

В отзыве о первой части «Опытов лирических», появившемся в «Любителе Словесности» 1806 г., критик (вероятно Н. Ф. Остолопов) заметил: «На русском языке можно писать всяким размером, подобно как на Греческом и Латинском. Г. Востоков сделал в этом удачной опыт, но сомнительно, чтобы слух наш, которому так нравятся ямбы, хореи и чистые дактили, мог скоро привыкнуть к таким размерам». Но уже по поводу второй части «Опытов» тот же критик писал: «Скажем, что разные размеры, употребляемые Г. Сочинителем, нисколько не украшают его стихов; даже и то можно прибавить, что еслибы некоторые пиесы его написаны были простыми обыкновенными размерами, к которым мы так привыкли, то без сомнения показались бы еще приятнее» («Любитель Словесности», ч. I, стр. 80, и ч. III, стр. 82).

Начало востоковского стихотворения «Видение в майскую ночь» любопытно сопоставить с «Сафическими строфами» А. Н. Радищева. Ср. первую строфу:

Ночь была прохладная, светло в небе
Звезды блещут, тихо источник льется,
Ветры нежны веют, шумят листами
Тополи белы.

(«Полное собрание сочинений А. Н. Радищева», под ред. А. К. Бороздина, И. И. Лапшина и П. Е. Щеголева, т. I, 1907, стр. 335).

К БОРЕЮ И МАИЕ

Дата указана в подзаголовке: «В 1-й день Маия 1802 года», имеющемся в «Свитке Муз», кн. II, стр. 83, и в «Опытах лирических», ч. I, стр. 52. — Вошло также и в «Стихотворения», стр. 71 (с некоторыми изменениями против прежних изданий).

Читано было в Вольном Обществе 3 мая 1802 г.

В «Опытах лирических» стихотворение это было напечатано со вторым подзаголовком: «Горацианским размером» и снабжено следующим примечанием:

«Горацианской размер по имени Горация назван потому, что чаще всего употребляется в его одах. Размер же сей собственно принадлежит Греческому стихотворцу Алцею.

«Строфа Горацианская, или Алцейская, в первых двух стихах имеет два Ямба, краткий слог, делающий пресечение, и два Дактиля, — в третьем стихе четыре Ямба с кратким слогом на конце, —

в четвертом два Дактиля и два Хорея. Но в сей пиесе сделана в том маленькая перемена: от четвертого стиха на конце один слог отнят:

∪ —	∪ —	∪	— ∪∪	— ∪∪
Борей	доко	ле	будешь сви	репствовать
∪ —	∪ —	∪	— ∪∪	— ∪∪
Дождь хла	дный с гра	дом	сыпать не	устально
∪ —	∪ —	∪ —	∪ —	∪
И да	же снег	зима	преста	ла
— ∪∪	— ∪∪	∪ —	—	
Злой истре	битель! не	тронь ве	сну.	

«Ник[олай] Ал[ександрович] Радищев, преложивши в стихи одно место из Оссиановых песней, употребил Горацианской размер, не наблюдая, однако, в первых двух стихах пресечения и отняв два слога на конце, так что последний стих состоит из двух Дактилей и одного Хорея:

∪ —	∪ — ∪	— ∪∪	— ∪∪
Се ночь!	я здесь се	дяща на	камени
∪ —	∪ — ∪	— ∪∪	— ∪∪
Шумит	здесь ветр но	сящийся	яростно
∪ —	∪ — ¦ ∪ —	∪ —	∪
Струя	с верши ¦ ны о	строй во	ет
— ∪∪	— ∪∪	— ∪	
Где мне от	бури у	крыться.	

«В помещенной же [на странице 132 наст. издания] Горациевой оде к Вакху употреблен полной Горацианской размер.

«Все сии пробы Дактилических и иных разностопных стихов не для того выставлены, чтоб требовать точного им подражания и хотеть на Русском языке именно Сафических, Алцейских, Асклепиадейских, Ферекратийских стихов. Нет; пусть бы это только побудило молодых наших поэтов заняться обработанием собственной нашей Просодии, не ограничиваясь в одних Ямбах и Хореях, но испытывая все пути, пользуясь всеми пособиями, которые предлагает нам Славенорусский язык, благомерный и звучный».

ПОХВАЛА ВАКХУ

Впервые напечатано в «Свитке Муз», кн. II, стр. 86 (с незначительными вариантами). Вошло в «Опыты лирические», ч. I, стр. 84, и в «Стихотворения», стр. 73.

Либер! пощады, грозящий тирсом! (стр. 132).— «Либер — одно из Вакховых прозвищ у древних Римлян; значит вольный» (примечание Востокова в «Опытах лирических»).

Видеть Вакха со всеми его атрибутами, как изображен он в оде Горация, считалось недобрым знаком.

Теперь я в силах петь о ликующей Фиаде... (стр. 132). — «Фиадами назывались Вакховы жрицы или Вакханки» (примечание Востокова — ibid.)

Гораций воспевает в этом и следующих стихах блаженный век царствования Вакха, когда реки текли молоком и вином.

Венец супруги, в звезды поставленный... (стр. 132). — «Драгоценный венец Ариадны, подаренный ей Венерою для брака ее с Вакхом на острове Наксе и по смерти ее помещенный в созвездия» (примечание Востокова — ibid.).

Сказание это Востоковым передано неверно. Встретив на посвященном ему острове Наксосе брошенную Тезеем дочь критского царя Ариадну, Вакх, в доказательство своей божественности, забросил ее повязку из девяти алмазов на небо (созвездие Ариадны).

Чертог Пенфеев в тяжких развалинах... (стр. 132). — Фиванский царь Пенфей отказался поклоняться Вакху. Разгневанный бог разрушил дворец Пенфея.

Фракийскому за злость Ликургу... (стр. 132).— Царь Эдонский Ликург запретил своим подданным пить вино и приказал истребить виноградники. Вакх вселил в Ликурга безумие, и тот, воображая, что рубит виноградные лозы, обрубил себе ноги.

Ты держишь реки, море в послушности... (стр. 132). — Вакх по пути в Индию перешел как по-суху реки Гидасп и Оронт.

Тобой внушенна в дебрях Вистонии... (стр. 132). — «Вистония, иначе Фракия, — страна, в которой особенно процветало богослужение Вакхово. У Горация в сей оде Вакханка названа Вистонидою» (примечание Востокова в «Опытах лирических»).

Свои власы дерзает Нимфа... и сл. (стр. 132). — Вакханки-вистониды завязывали волосы вместо лент укрощенными змеями.

Когда гиганты горды воздвигнулись и сл. (стр. 133). — Аполлон, Геркулес, Вулкан и Вакх однажды защищали Олимп от нашествия Гигантов. Вакх, преобразившийся в льва, победил гиганта Рета.

Златым украсясь рогом, нисходишь ли... и сл. (стр. 133). — Диадема Вакха была украшена позолоченными рожками — символом телесной силы. Вакх спускался в ад для того, чтобы освободить свою мать — Семелу.

СВЕТЛАНА И МСТИСЛАВ

Дата в «Летописи»: январь 1802 г.

Первую песнь Востоков читал 2 февраля 1802 г. в Вольном обществе, но напечатана повесть была лишь спустя четыре года — в «Опытах лирических», ч. II (1806), стр. 81 (с подзаголовком: «Древний романс в четырех песнях»). Вошла в «Стихотворения» (1821), стр. 75 (с незначительными изменениями и добавлением по-

следней строфы первой песни). — Перепечатки в «Собрании русских стихотворений», изд. Жуковским (ч. III, 1811, стр. 18), «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах» (ч. III, 1815, стр. 35) и «Пантеоне русской поэзии», изд. П. Никольским (ч. VI, 1815, стр. 250).

В «Опытах лирических» повести был предпослан следующий эпиграф:

То старина, то и деянье,
Синему морю на утешенье,
Быстрым рекам слава до моря,
А добрым людям на послушанье,
Веселым молодцам на погудочки,

взятый из сборника былин и исторических песен так называемого Владимирова цикла, записанных в шестидесятых годах XVIII столетия на Пермских горных заводах для П. А. Демидова и без достаточных оснований связанных с именем уральского казака Кирши Данилова: «Древние русские стихотворения, напечатанные с старинныя рукописи, находящейся у одного любителя русского слова», 1804 (издателем этого сборника был А. Ф. Якубович). Приведенные стихи находятся в отд. II, на стр. 24-й.

Сборник Кирши Данилова послужил одним из источников примечаний Востокова к «Светлане и Мстиславу» (см. ниже) и вообще возбудил у него интерес к научному изучению и литературной обработке памятников устного творчества. Известно, что в связи с появлением этого сборника Востоков приступил к составлению собственного собрания русских народных песен и пословиц и даже составил к изданию А. Ф. Якубовича указатель (см. «Филологические наблюдения А. Х. Востокова», 1865, ср. XII; ср. выше, стр. 25).

«Светлана и Мстислав» — одна из многочисленных в конце XVIII — начале XIX вв. попыток создания русского национального эпоса. «Богатырская повесть» Востокова занимает видное место в ряду исторических повествований в стихах и прозе, отразивших на себе сложное влияние западноевропейского эпоса (преимущественно «песен Оссиана», сфабрикованных шотландским поэтом Макферсоном), русской народной поэзии, созданной в XVIII в. псевдо-славянской мифологии, а также отчасти и «волшебно-рыцарского» романа в переделках и подражаниях XVIII в. Течение это было представлено произведениями: Карамзина («Илья Муромец»), Нарежного («Брега Альты», «Освобожденная Москва», «Рогвольд», «Словенские вечера»), Воейкова («Святослав»), Каменева («Громобой»), А. Радищева («Бова», «Песни, петые на состязаниях в честь древним славянским божествам»), Н. Радищева («Алеша Попович», «Чурило Пленкович»), Н. Львова («Добрыня»), Хераскова («Бахариана»), Державина («Добрыня»), Люценко («Церна, княжна Черниговская»), Арцыбашева («Рогнеда, или разорение Полоцка») Муравьева («Оскольд») и др. — Замыкает этот ряд «Руслан и Людмила» Пушкина.

Основным источником «Светланы и Мстислава» послужило, вероятно, «Слово о полку Игореве», изданное в 1800 г. под заглавием

«Ироическая песнь о походе на половцов удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия, с переложением на употребляемое ныне наречие». На это издание ссылается сам Востоков в своих примечаниях (см. ниже). Здесь упоминаются: «Боян вещий» (в примечании издателя «Ироической песни» гр. А. И. Мусина-Пушкина на стр. 2 имеется ссылка на народную песню о Бояне: «Во славном городе Киеве, у князя у Владимира»), «храбрый» князь Мстислав Владимирович Тмутараканский (описан, между прочим, его поединок с косожским князем Редедей), Велес, Перун, Тур и пр. Другим вероятным источником «Светланы и Мстислава» были популярные в ту пору «Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие, оставшиеся чрез пересказывание в памяти, приключения» (десять частей, 1780—1783), приписанные в начале XIX в. М. Д. Чулкову, а на самом деле принадлежащие перу В. А. Левшина. Здесь, в первом томе («Вступление») идет рассказ о князе Владимире Киевском, при чем особо подчеркнута его влюбчивость.

Что же касается псевдо-славянской мифологии, именами которой широко воспользовался Востоков в своей повести, — то создателями ее были М. Д. Чулков — автор «Краткого мифологического лексикона» (1757) и «Словаря русских суеверий» (1782; 2-е изд. — «Абевега русских суеверий» 1786; значение древних славянских божеств Чулков изъяснил также в списке их, помещенном в 38 и 39 «неделях» его журнала «И то и сё» 1769 г.; упоминаются они также в его «Стихах на Семик» 1769 г.) и М. В. Попов — автор «Описания древнего славянского языческого баснословия» (1768, 2-е изд. — «Досуги, или собрание сочинений и переводов Михайла Попова», ч. I, 1772), «Древностей славенских, или приключений славенских князей» (1770—1771, 2-е изд. 1778 и 3-е — 1794 г.) и «Вечерних часов, или древних сказок славян древлянских» (1787). Псевдо-славянской мифологией были насыщены также и «Русские сказки» В. А. Левшина (1780—1783).

Все славянские боги и богини, указанные Чулковым и Поповым, представляют собою перечень и систематизацию божеств, отмеченных летописью и древними писателями в исторических очерках различных славянских племен (см. замечания по этому поводу у И. Срезневского — «Святилища и обряды языческого богослужения древних славян», Харьков 1846; М. Соколова — «Старорусские боги и богини», Симбирск 1887 и Л. Леже — «Славянская мифология», Воронеж 1908). Чулков в своем «Кратком мифологическом лексиконе» широко воспользовался славяно-мифологическим материалом Ломоносова (см. его «Древнюю российскую историю»); имена многих богов были взяты им из «Синопсиса». Попов в «Описании древнего баснословия» ссылался на «Историографию» Мавроурбина, также на Геродота, Ломоносова, Тредьяковского и анонимный немецкий «Краткий баснословный словарь». Кроме того источниками для русских мифологистов послужили немецкие хроники XVI и XVII вв. и ученые диссертации западноевропейских славистов, как, например, Бангертово издание «Хроники Гельмольда»

(1702), «De idolis slavorum» братьев Френцелей (1719) и др. (см. по этому поводу статью И. Срезневского — «Чешские глоссы в Mater verborum», в «Сборнике отделения русского языка и словесности Академии Наук», т. XIX, № 2, 1878, стр. 82—152).

Вслед за Чулковым и Поповым над созданием и систематизацией славянского Олимпа работали А. С. Кайсаров — автор немецкой книги «Versuch einer Slavischen Mythologie», изданной в 1804 г. в Гёттингене (русский перевод: «Славянская мифология», 1807; 2-е изд. 1810) и член Вольного общества любителей словесности, наук и художеств Г. А. Глинка — автор книги «Древняя религия славян» (Митава, 1804). В анонимной рецензии на обе эти книги, помещенной в «Северном Вестнике» 1805 г. (ч. VII, стр. 159; ч. VIII, стр. 12 и 123) предпочтение было отдано «Опыту» Кайсарова, «составленному из исторических справок, выбранному из лучших книг и поддержанному свидетельством важных писателей». Книга же Глинки, по мнению рецензента, «основана на воздухе, потому что она родилась... из воображения сочинителя... в ней не видно и тени учености». — Последним звеном в этой цепи трудов русских мифологистов конца XVIII — начала XIX вв. была книжка П. М. Строева «Краткое обозрение мифологии славян российских» (М. 1815).

«Светлана и Мстислав», равно как и другая «славяно-мифологическая» поэма Востокова — «Певислад и Зора» (1803), была написана до выхода в свет книг Кайсарова и Глинки, но возможно, что материалом их Востоков воспользовался в своих примечаниях к поэмам во второй части «Опытов лирических» 1806 г. (ссылается он, как увидим ниже, на Попова, Чулкова и «другие новейшие сочинения о сем предмете»). Из примечаний Востокова видно также, что в иных случаях он самостоятельно руссифицировал античную мифологию.

«Повествовательный опыт» Востокова заслужил похвальный отзыв И. И. Дмитриева, который писал автору: «Это едва ли не новый род в нашей литературе. По крайней мере я доселе не читал на нашем языке стихотворных героических сказок» («Переписка А. Х. Востокова», 1873, стр. XXIII; письмо от 2 июня 1806 г.).

Князей, богатырей и гридней... (стр. 134). — «Гридни, правильнее: Гридины или Гридьба — так назывались придворные во времена первых князей. Гридня или Гридница — чертог или зала дворцовая» (примечание Востокова в «Опытах лирических» и «Стихотворениях»).

Баяны напевали ем... (стр. 134). — «Баяны — Русские Барды. Прежде, нежели из «Песни о походе Игоря», напечатанной в 1880-м году, стало нам известно об одном каком-то Баяне или Бояне, случилось мне прочесть имя Баяново во множественном числе, в книге под названием «Приятн[ое] и полезн[ое] препровождение времени» [ч. XX, 1798 г., стр. 378 сл.], именно же «Песнь киевских Баянов» — сочинение г-на [В. Т.] Нарежного. Не знаю, откуда сочинитель сей песни взял своих Баянов, из народных ли каких преданий, сказок или песень, или из рукописи, содержащей «Песнь о походе Игоря», ежели она ему до напеча-

тания была известна. Как бы то ни было, я согласен с г. Нарежным принимать имя Баянов во множественном числе, разумея под тем Поэтов, какие должны были находиться при дворе Государей древних. Что сии поэты именно назывались Баянами, о том конечно не говорит «Песнь о походе Игоря», упоминающая только об одном Баяне, как о собственном имени; но нельзя ли предполагать, что упомянутый песнотворец по превосходству назван общим именем Баяна, то есть: баснослова, витии, рассказчика. Имя сие с довольною вероятностью произвести можно от глагола баю (говорю), вместе со словами: басня, обаяние и проч.» (примечание Востокова в «Опытах лирических» и — сокращенно — в «Стихотворениях»).

Владимир-солнце ей твердит... (стр. 134). — «Киевляне прозвали Владимира солнышком, что видно из многих сказок и песен» (примечание Востокова в «Опытах лирических» и «Стихотворениях»).

Вступал ли в стремена златые... (стр. 135). — Этот стих Востоков взял из «Слова о полку Игореве», о котором говорит в вышеприведенном примечании (называя его «Песнь о походе Игоря»): «вступи Игорь князь в злат стремень» (стр. 8). — Вообще же описание турниров, происходивших при дворе Владимира киевского, заимствовано Востоковым вероятно из «рыцарских» романов в русских переделках XVIII в. (см. например: «Гуак, или непреоборимая верность» 1789, 2-е изд. 1793; «История о славном рыцаре златых ключей Петре Прованском и о прекрасной Магелоне» 1780, 2-е изд. 1796); в «Вечерних часах или древних сказках славян Древлянских» М. В. Попова также описан турнир при дворе князя Полянского (см. ч. I, стр. 129—148).

Мой остров пажитями красен... (стр. 138). «Остров Таман[ь], на котором, как ныне открылось, стоял город Тмутаракань, столица удельного княжества» (примечание Востокова в «Опытах лирических» и «Стихотворениях»).—О Тмутаракани Востоков мог узнать из «Исторического исследования о местоположении древнего российского Тмутараканского княжения», изданного в 1794 г. гр. А. И. Мусиным-Пушкиным. В этом образцовом для своего времени исследовании была подробно изложена история Тмутараканского княжества, доставшегося при разделении великим князем Владимиром уделов — князю Мстиславу, который предпринимал оттуда удачные набеги на земли косогов и ясов. — Тмутаракань упоминается также в «Пересмешнике или славянских сказках» М. Д. Чулкова (ч. I, 1766, стр. 52) и в «Славенских древностях» М. В. Попова (ч. II, 1770, стр. 112).

Там ждет нас Леля, бог отрад... (стр. 138). — «Леля — Славенский Амур. Подробнее обо всех богах Славенских, здесь и далее упоминаемых, можно прочесть в «Досугах» Попова и в «Абевеге русских суеверий» Чулкова, коим следовал Автор» (примечание Востокова в «Стихотворениях»). — В «Опытах лирических» к этой строке Востоков сделал иное примечание: «Один из моих приятелей, прилежной хронолог и антиквариус [имеется в виду, вероятно, Д. И. Языков. — *В. О.*], уверял меня, что в то время,

когда Мстислав Владимирович в летах был вступать с отцом своим о любовных делах в соперничество, Россия уже прияла святое крещение и, следственно, нельзя, чтоб Мстислав поминал богов Славенских: я мог бы на это сказать, что поэтам позволительны Анахронизмы, но кроме того ссылаюсь на «Песнь о походе Игоря», сочиненную (ежели то правда) спустя двести лет по введении христианства и, не смотря на то, поминающую богов: Велеса, Даждьбога, Стрибога и пр».

И между тем их борзы кони... и сл. (стр. 138) — сцены тайного свидания влюбленных, бегства их, отдыха в лесу, встречи с разбойником и, наконец, поединка — всё это ходовые элементы «рыцарского» романа XVIII в. В частности весьма широко был распространен мотив боевой встречи отца с сыном, не узнающих друг друга; он имеется в былинах об Илье Муромце, а также встречается в древних немецких, кельтских и персидских сказаниях (см. Л. Майков, О былинах Владимирова цикла, 1863, стр. 21).

И мучит нас твой горький Дид... (стр. 139). — «Дид или Дидо — сын Ладин и противный Леле бог. Сие заключают из старинного припева: Дидо калина, Леля малина; но припев сей можно толковать по разному. — Автор разумел под именем Лели любовь счастливую, сопровождаемую успехом и удовольствием, а под именем Дида — несчастную, мучительную любовь» (примечание Востокова в «Опытах лирических» и «Стихотворениях»).

Разбойник Вепрь — железной клык... (стр. 140). — Эпизод с разбойником мог быть заимствован Востоковым из «Вечерних часов, или древних сказок славян древлянских» М. В. Попова, где выступает разбойник Худояр (см. чч. II и V). Вообще же мотив о разбойнике, подстерегающем свою жертву на дороге, был чрезвычайно широко распространен и в народном эпосе (Соловей-Разбойник и др.), и в литературе «рыцарских» повестей и романов (см. например «Постоянная любовь Евдона и Берфы, где также упоминается и о славном разбойнике Борбоссе», 1787).

С доспехов иверни летят... (стр. 143). — Всю эту сцену поединка заимствовал у Востокова К. Н. Батюшков в своей повести «Предслава и Добрыня» (1810); здесь также упоминается редкое слово «иверни».

И турей рог пошел кругом... (стр. 146). — «Турей рог — бычачий рог, который употребляли на пиршествах вместо чаши (смотри «Древние русские стихотворения», изданные в Москве [в] 1804 [г.]). Такие роги, вместо чаш, и на Греческих барельефах видны. Русские же (как предание гласит) пили из оных мед. Приедет ли Богатырь какой к ласковому князю Владимиру, — сей тому подносит чару зелена вина и турей рог меду сладкого» (примечание Востокова в «Опытах лирических», переработанное в «Стихотворениях»).

ИСТОРИЯ И БАСНЬ

«Периодическое издание» 1804 г., стр. 22 (с подзаголовком: «К Ф.Ф.Р.»); «Опыты лирические», ч. II, стр. 5 (без всякого подзаголовка); «Стихотворения», стр. 97 (с незначительными изменениями).

Фрол Филиппович Репнин, которому посвящено это стихотворение, принадлежал к числу ближайших товарищей Востокова по Академии художеств; познакомились они в январе 1795 г. (см. «Заметки А. Х. Востокова», 1901, стр. 12 и др. по указателю). В 1804 г. Репнин уехал из Петербурга в провинцию и первое время вел с Востоковым переписку (письма Репнина сохранились в бумагах Востокова в архиве Академии Наук СССР; отрывок из одного письма 1805 г. см. в «Переписке А. Х. Востокова», 1873, стр. XIII). Поддерживал ли Востоков отношения с Репниным в дальнейшем, — неизвестно.

И ты, о мать утех, сладчайшая богиня, Имуща оный чудный пояс»... (стр. 150). — Имеется в виду богиня красоты и любви Афродита, владевшая золотым поясом, дарующим тому, кто его носит, красоту и очарование.

Богиня младости льет в чаши сладкий нектар... (стр. 150). — Имеется в виду богиня вечной юности — Геба, разливавшая нектар бессмертным обитателям Олимпа.

К А. Г. ВОЛКОВУ

«Периодическое издание» 1804 г., стр. 28 (озаглавлено: К А.Г.В.); «Опыты лирические», ч. II, стр. 10; «Стихотворения», стр. 103. Вошло в «Собрание русских стихотворений», изд. Жуковским (ч. I, 1810, стр. 200) и «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах» (ч. I, 1815, стр. 83).

В «Опытах лирических» муз» послание это было напечатано с подзаголовком: «Асклепиадейским размером» и снабжено следующим примечанием:

«Стихи, называемые Асклепиадейскими по имени изобретателя и Хориямбическими по сложению стоп, бывают четырех видов, из коих четвертый употреблен в сей оде. Рассмотрим прежде первые три вида.

«1-й Асклепиадейской размер состоит из одних Асклепиадовых стихов, по имени изобретателя названных. В них стопы Хорей, Хориямб и два Дактиля:

— ◡ — ◡◡ — — ◡◡ — ◡◡

«Для примера приведем Горациеву оду к Мельпомене: Exegi monumentum aere perennius, etc. в следующем переводе [см. стр. 253 наст. издания].

«2-й Асклепиадейской размер состоит из сочетания Гликонова стиха с Асклепиадовым:

— ◡ — ◡◡ — ◡◡ Гликонов
— ◡ — ◡◡ — — ◡◡ — ◡◡ Асклепиадов.

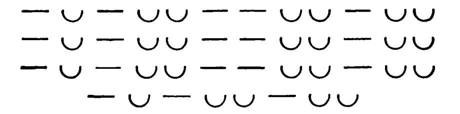
«Для примеру другая Горациева ода к Мельпомене: Quem tu Melpomene semel, etc., переведенная другом автора, Г-м В[олковым], к которому обращена [настоящая] пиеса:

Мельпомена бессмертная!
В час рожденья кому ты улыбалася,

Тот не славится доблестью,
На Истмийском бою, гордо с ристалища
Не течет победителем,
Ниже громко в Триумф, лавром увенчанный
По блистательным подвигам,
Укротивши царей грозы кичливые,
В Капитолию шествует;
Но при шуме ключей злачного Тибура,
В сенолиственных рощицах,
Вдохновенно поет песни Лезбийские. —
Рим державный почтил меня,
В лик священный певцов принял торжественно,
И ехидныя зависти
Уж не столько теперь жало язвит меня.
О, богиня! вливающа
В струны Лиры златой песни божественны,
Не властна ль и в безгласных рыб
По желанью вселить глас лебединый ты?
По твоей благосклонности,
Указуясь перстом мимоходящих, я,
Песнопевец лирической
И при жизни еще нравлюсь, всесильная! [1]

«Сии два вида Асклепиад[ейского] размеру употребляются в одах бесстрофных или неразделенных на куплеты, как по примерам видно.

«3-ий Асклепиадейский размер состоит из трех Асклепиадовых и одного Гликонова стиха, следственно из куплетов в четыре стиха:

«4-ой состоит из куплета же, в коем первые два стиха Асклепиадовы, третий Ферекратов стих [2], четвертой Гликонов: [3]

---

[1] Перевод А. Г. Волкова был напечатан в альманахе «Свиток Муз», кн. II, 1803, стр. 3. — *Ред.*

[2] «Ферекратов или Ферекратийский стих. В древней поэзии означается сим именем стих, состоящий из трех стоп: из Дактиля между двумя Спондеями. Должно полагать, что название сие дано по имени Ферекрата, изобретателя сего размера. Ферекратов стих может быть и на русском языке — с переменою Спондея на Хорей» (Н. Остолопов, Словарь древней и новой поэзии, ч. III, 1821, стр. 445). — *Ред.*

[3] «Гликонов стих употребляем был в Греческой и Латинской поэзии. Скалигер говорит, что Гликонов стих состоит из двух стоп и одного слога и что назывался он Еврипидовым стихом. Другие полагают Гликонов стих состоящим из трех стоп: из спондея и двух дактилей, или, что все равно, из спондея, хориямба и пиррихия. Новейшие подражатели замещают спондей хореем» (ibid., ч. I, стр. 221). — *Ред.*

Аскл[епиадов]	— ◡ Волков	— ◡◡ — милый певец!	— ◡◡ что ты мол	— ◡ чишь теперь
Аскл[епиадов]	— ◡ Ты сво	— ◡◡ — ею давно	— ◡◡ Анакре	— ◡◡ онскою
Ферекр[атов]	— ◡ Лирой	— ◡◡ нас не пле	— ◡ няешь	
Глик[онов]	— ◡ И Пар	— ◡◡ насских не	— ◡ — . рвешь цветков	

«Здесь Гликонов стих приемлет вместо Дактиля на конце стопы Амфимакр [то же, что амфибрахий. — *В. О.*].»

К инициалам: «А. Г. В.» в «Опытах лирических» Востоков сделал следующее примечание: «Ныне химии адъюнкт в С. П. бургской Академии наук, оказал себя некоторыми мелкими, по большей части Анакреонтическими, стихотворениями, кои напечатаны в «Свитке Муз» 1802 года».

Об Алексее Гавриловиче Волкове см. в сборнике «Поэты-радищевцы», под ред. Вл. Орлова, «Библиотека поэта», 1935, стр. 301—306. Востоков познакомился с ним в ноябре 1801 г. (см. «Заметки А. Х. Востокова», 1901, стр. 18 и др. по указателю).

К СТРОИТЕЛЯМ ХРАМА ПОЗНАНИЙ

«Периодическое издание» 1804 г., стр. 30; «Опыты лирические», ч. II, стр. 4; «Стихотворения», стр. 108 (с незначительными изменениями).

ПОЛИНЬКА

Дата в «Летописи»: март 1802 г.

«Периодическое издание 1804 г., стр. 32; «Опыты лирические», ч. II, стр. 16 (с подзаголовком: «Элегия»); «Стихотворения», стр. 110.

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЬ

Дата в «Летописи»: апрель 1803 г.

«Периодическое издание» 1804 г., стр. 19; «Опыты лирические», ч. II, стр. 1; «Стихотворения», стр. 112 (с изменениями). — Перепечатано в «Собрании русских стихотворений», изд. Жуковским (ч. I, 1810, стр. 31), «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах» (ч. I, 1815, стр. 104) и «Пантеоне русской поэзии», изд. П. Никольским (ч. VI, 1815, стр. 68).

УСЛАЖДЕНИЕ ЗИМНЕГО ВЕЧЕРА

Дата в «Летописи»: декабрь 1803 г.

«Периодическое Издание» 1804 г., стр. 7; «Опыты лирические», ч. II, стр. 20; «Стихотворения», стр. 115.

В редкий сей ансамбль влита... (стр. 158). — «Ансамбль (Encemble) — техническое слово, употребляемое художниками; значит: хорошо согласованная совокупность частей в изображении чего либо» (примечание Востокова в «Опытах лирических» и «Стихотворениях»).

УТРО

Автограф — в архиве Вольного общества.

«Опыты лирические», ч. II, стр. 23 (озаглавлено: «Весеннее утро»); «Стихотворения», стр. 117.

В Вольном обществе было рассмотрено в марте 1805 г.

Е е в о а д о в ы ж е н е т з а к л е п ы т е с н ы.... (стр. 161). — И. М. Борн, рассматривавший «Утро», писал в своем отзыве: «Любезный стихотворец позволит заметить, что он, по моему мнению, слишком часто употребляет славянские слова. Слог идиллий должен быть прост, почему следующий стих: «Ее (т. е. ночь) во адовы ж е н е т заклепы тесны» — в эклоге кажется высок. «П о л к красавиц», «с н е б о в ы с о т», «с р е б р о н о г о е» — кажутся быть новыми выражениями» (с рукописи, архив Вольного общества).

К АПОЛЛОНУ, ИЛИ ЖЕЛАНИЯ ПОЭТА

«Опыты лирические», ч. II, стр. 54; «Стихотворения», стр. 121.

В Вольное общество было представлено в марте 1805 г.

Ода эта была написана Горацием по следующему случаю: в 30 г. до н. э. Август, в память Акциумской битвы, возвел на Палатинском холме храм Аполлону. Римляне, совершая жертвоприношение, клали к подножию статуи Аполлона таблички, на которых писали о своих желаниях и нуждах. Вместе с другими и Гораций изъявляет свои желания, но не просит богатства.

Н е д л я н е г о в С а р д и н с к и х з р е е т... (стр. 163). — Сардиния славилась своим плодородием.

Н и ж е К а л а б р с к и м б о г а т е е т р у н о м... (стр. 163). — Калабрия славилась своими стадами.

Н е т, п у с т ь д р у г и м Ф а л е р н с к и х г р о з д и й... (стр. 163). — Фалернское вино славилось по всей Италии.

К ЛИЦИНИЮ, О СРЕДСТВЕННОСТИ

«Опыты лирические», ч. II, стр. 56; «Стихотворения», стр. 123.

В Вольное общество было представлено в марте 1805 г.

Гораций написал эту оду в 26 г. до н. э, советуя консулу Лицинию не гордиться своим саном и прославляя «золотую середину».

К МЕЦЕНАТУ, О СПОКОЙСТВИИ ДУХА

Дата в «Летописи»: апрель 1805 г.

«Опыты лирические», ч. II, стр. 58; «Стихотворения», стр. 124.

Востоковым переведены только 8 — 16 строфы оды (вторая ее половина).

Гораций написал эту оду между 34 и 31 годами до н. э, когда Меценат, во время отсутствия Октавиана, управлял Римом. Поэт приглашает своего покровителя в Сабин (поместье Горация) отдохнуть от государственных забот.

ОТКРОВЕНИЕ МУЗЫ

Дата в «Летописи»: июнь 1804 г.

«Опыты лирические», ч. II, стр. 128; «Стихотворения», стр. 126.

ЛИСТОПАД И ЦВЕТЕНЬ

Дата в «Летописи»: октябрь 1804 г.

Автограф — в архиве Вольного общества (среди произведений, предназначавшихся для второй, невышедшей в свет, части «Периодического Издания»).

«Опыты лирические», ч. II, стр. 18; «Стихотворения», стр. 128.

САФО

Датируется условно концом 1804 — началом 1805 г.

Автограф — в архиве Вольного общества (озаглавлен: «XVIII Ода Сафы. Вольный перевод размером подлинника»; есть незначительные разночтения).

«Опыты лирические», ч. II, стр. 47; «Стихотворения», стр. 130.

В Вольное общество было представлено в мае 1805 г.

Ода эта — одна из многочисленных подделок, приписанных Сафо в позднейшее время. Увлечение поэзией Сафо во Франции XVIII века вызвало стремление «дополнить» крайне незначительное по размерам литературное наследие греческой поэтессы подобного рода подделками и подражаниями. К числу их относится целая серия псевдо-сафических стихотворений, опубликованная в «Bibliothèque Universelle des dames», Troisième classe, vol. VIII — Mélanges [1785], pp. 112—130, — возможный источник перевода Востокова (ода «К Фаону», названная Востоковым XVIII-й, помещена здесь под № IX). Подделки эти появлялись и в русских переводах, см.: «Стихотворения Сафы, перевел И. Виноградов» (1792), «Стихотворения Сафы, переведенные Павлом Голенищевым-Кутузовым» (1805) и «Стихотворения Сафы, объясненные примечаниями. Перевел В. Ан[астасеви]ч» (1808). Ср. полный список русских переводов, с учетом журнальных публикаций, в «Систематическом указателе книг и статей по греческой филологии, напечатанных в России с XVII столетия по 1892 г.», составленном П. Прозоровым, 1898, стр. 71. — Кроме XVIII оды («К Фаону») Востоков перевел также и VII оду («Афиде»), текст которой см. на стр. 252 наст. издания. Обе эти оды вошли в сборники Голенищева-Кутузова и Анастасевича.

Просит, чтоб ее превезли на тот брег... (стр. 172). — В первой редакции стих этот читался иначе: «Просит, чтоб ее превезли об он пол». И. М. Борн в своем отзыве о стихах Востокова заметил: «превезли об он-пол. Хорошо ли Венере выражаться столь высокопарно?» (с рукописи, архив Вольного общества). Однако Востоков в «Опытах лирических» оставил замечание Борна без внимания и только в изд. 1821 г. изменил стих («Об он пол» значит: на другой берег).

КАЛЛИОПЕ

«Опыты лирические», ч. II, стр. 50; «Стихотворения», стр. 133 (с незначительными изменениями).

В Вольное общество было представлено в феврале 1805 г.

Этой одой в «Опытах лирических» открывался цикл: «Оды из

Горация», в который входили шесть переводов: «К Каллиопе», «К Аполлону», «Похвала Меркурию», «К Лицинию», «К Меценату», «К Иулу Антонию» (в нашем издании переводы эти расположены в ином порядке, в соответствии с расположением сборника 1821 г.). Ко всему циклу в «Опытах лирических» Востоков сделал обширное примечание, разъясняющее принципы, которыми руководствовался он при переводе памятников классической поэзии. Приводим текст примечания:

«Здесь шесть Горациевых од, из коих пятая [«К Меценату»] переведена размером подлинника, прочие все Ямбическими стихами. Но в 1-ой и 3-ей оде [«К Каллиопе» и «Похвала Меркурию»] хотел, однако, переводчик соблюсти и в Ямбах форму Алцейской и Сафической строфы. Он переводил Горация не как мастер, а как ученик. Не имев иного руководителя, кроме некоторых книг, придерживался он может быть слишком рабски подлинника своего, в вещах побочных — в механизме стихов. От того-то сие наблюдение размеров, от того сии из одного стиха в другой переносы речей, которые сами по себе редко красоту составляют, но переводчику казались нужными, чтоб точнее изобразить форму оригинала. Я сказал: редко составляют красоту, ибо нельзя иногда и в переносах не признать существеннейших красот, особливо под пером искусных мастеров, Ломоносова или Державина. Наприм[ер] стихи первого:

Не сам ли в арфу ударяет
Орфей, и камни оживляет
И следом водит хор древес?
Любовь, и с нею восклицают
Леса и громко возвышают
Младых супругов до небес.

«В сочинениях последнего можно также найти подобные примеры.

«В Горациевых же стихотворениях видим мы еще одну особенность (общую ему и Греческим Лирикам), а именно: перенос смысла из строфы в другую. Но в этом еще более имеет он подражателей, нежели в строчных переносах, да и всяк, кто сколько нибудь постигнет лирический ход мыслей, почувствует что такие переносы иногда необходимы, и сие не только в таком случае, когда строфы состоят из четырех или шести стихов, но даже из осьми и десяти. Такие строфы с переносами, по замечанию самого Клопштока, [1] не удобны к положению на ноты и к пенью. — Но мне кажется, что и не имеют в том нужды. Ода, Кантата и Пе-

[1] В одном из первых изданий «Мессиады» поместил он рассуждение свое «О подражании на Немецк[ом] языке Греческим размерам», где между прочим говорит: «Он (Гораций) переносит весьма часто мысль из одной строфы в другую, потому что сие согласно с Энтузиазмом слуха и воображения; слух иногда требует более, нежели сколько содержит в себе поэтический период, заключающийся в одной строфе, а воображению не редко также надобно скорейшее безостановочное течение мыслей. Гораций не слыхал может быть, — присоединяет Клопшток, — ни от современных певцов, ни из Музыки своего времени, что для пенья период со строфою вместе должны оканчиваться, или же знал это, но захотел меньшим правилом пожертвовать большему» (подстрочное примечание Востокова).

с н я (по нынешнему сих слов значению) суть три вещи различные. Песня и Кантата поются, в свойственных им родах музыки. Ода не поется, а читается: она есть более предмет понятия нашего, нежели предмет слуха и хотя требует плавнейшего течения слов, согласнейших звуков и вообще так сказать Музыкальнейших стихов, но не для того ли почти, чтоб могла тем более обойтись без прямого пособия музыки, чтоб доставляла понятию нашему собственную, тончайшую музыку, внятную душе, — музыку, в которой не столько важны число и мера слов, сколько число и мера мыслей. По сему кажется мне, что переносы из одной строфы в другую, происходящие от быстроты и изобилия мыслей, свойственны Оде.

«Не говорю ничего о таких переносах, коими рассекаются слова, из одного стиха в другой переносимые, например:

neque purpura *ve* —
nale nec aura[1]

«Такие по видимому принужденные рассечения, встречающиеся у Пиндара и у Горация, позволял себе иногда Рамлер, и кажется, что сие делал он без нужды, ибо употребил их не в песнях, не в кантатах, а в одах — рассечения же сии принадлежат к механизму музыки. В читаемой оде они оскорбляли глаза наши, в пеньи — неприметны. Мы имеем тому Русской пример:

Как проходит дарагая
Мимо кельи,
Мимо кельи, где чернец *бе-*
дной горюет.

«Мне кажется, что сии переносы могут и должны случаться только у тех сочинителей, кои в одно время и речи стихов своих и музыку на оные сочиняют, как древние Греки».

Позже подобный перенос применил Дельвиг в стихотворении «Видение» (1820):

Она сидела пред урною, из-
ливающей
Источник светлый.

Ода «К Каллиопе» была написана Горацием в 31 или 30 гг. до н. э., когда Цезарь-Октавиан, закончив борьбу с Антонием, обратился к мирной деятельности и занялся насаждением в Риме наук и искусств.

Еще я отрок был... и т. д. (стр. 173). — Гораций в этой и в двух следующих строфах имеет в виду чудесный случай, якобы происшедший с ним в детстве: однажды окрестные жители нашли его в лесу, на горе Вольтуре, спящим и окруженным священными птицами — голубями, которые накрыли его лавровыми и миртовыми ветвями. Лавр у римлян был посвящен Аполлону, а мирт — Венере. Случай этот заставил зрителей видеть в Горации избранника богов.

---

[1] Ни пурпура продажного, ни злата. — *Ред.*

Ни битва не сгубила во Филиппах... (стр. 174). — В 41—42 гг. до н. э. Гораций, воодушевленный республиканскими идеями, в качестве трибуна легиона принимал участие в македонском походе Брута и в роковой для республиканцев битве при Филиппах. Понимая, что дело республиканской партии проиграно, Гораций бежал с поля сражения, о чем сам рассказал в одной из своих од (кн. II, ода 7).

Ниже паденье древа злого... (стр. 174). — Гораций во время прогулки в саду своей виллы в Сабине однажды чуть не был убит неожиданно упавшим деревом. Случай этот описал он в одной из своих од (кн. II, ода 13).

Ниже в Сиканских Палинур волнах... (стр. 174). — В 43 г. до н. э. Гораций, возвращаясь Сицилийским морем в Италию, был застигнут бурей у Палинурской скалы.

Как их два брата подвизались... (стр. 174). — Титаны, братья Отос и Эфиалт, пытались разрушить Олимп, обрушив на него Оссу, а на Оссу — Пелион.

Свидетельствуют то Гигант сторукий... (стр. 175). — Гигант Гиг (или Гиас) имел сто рук и пятьдесят голов.

Еще своих земля чудовищ кроет... (стр. 175).— Самое слово гигант означает: сын земли. Мать-земля, хотя и гнетет гигантов по приговору Юпитера, но жалеет их.

Не выел доднесь надложенную Этну огнь... (стр. 175). — Под огнедышащей Этной был погребен по приговору Юпитера гигант Тифон (он же Энцелад).

ХРИЗАНФУ

Дата в «Летописи»: февраль 1805 г.

«Опыты лирические», ч. II, стр. 26 (озаглавлено: «Стансы к Хризанфу»); «Стихотворения», стр. 138 (с незначительными изменениями).

Стихотворение это Востоков вписал в 1818 г. в альбом С. Д. Пономаревой (см. «Литературные приложения к Ниве» 1894, № 5, стр. 6).

К кому обращено стихотворение — неизвестно.

ПИСЬМО О СЧАСТИИ

Дата в «Летописи»: апрель 1805 г.

«Опыты лирические», ч. II, стр. 29; «Стихотворения», стр. 141.

В первой редакции стихотворение имело еще две заключительные строфы:

Но мы ума не презрим.—
Когда ведет нас сердце
Естественной стезею,
Тогда итти уму
Пред нами со свечою. —
Авось либо мы эдак
С пути не совратимся,

Держась *поры* и *стати*,
На том балансируя.

Прими, любезный друг,
Сие мое кропанье
Без связи, без начала
И без конца — ты видишь!
Но мне какая нужда;
Я вылил на бумагу
Все то, о чем с тобою
Вечор мы толковали.

НА СМЕРТЬ ВОРОБЬЯ

«Опыты лирические», ч. II, стр. 62; «Стихотворения», стр. 144 (с незначительными изменениями).

Шутливая элегия Катулла «На смерть птенчика», в которой он пародирует возвышенный тон традиционного «поминального плача», была чрезвычайно популярна в древности и неоднократно переводилась впоследствии.

Стихотворение Востокова в сущности не подражание, а довольно близкий перевод элегии Катулла.

Дельвиг назвал этот перевод Востокова «прекрасным» в примечании к своему шутливому стихотворению «На смерть собачки Амики» («Северные Цветы» на 1828 г., стр. 65), написанному в подражание Востокову также «русским складом».

Об этом «преграциозном» переводе Востокова в 1845 г. вспоминал также П. А. Плетнев в письме к Я. К. Гроту — см. «Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. II, 1896, стр. 647.

ПИР АЛЕКСАНДРА ИЛИ МОГУЩЕСТВО МУЗЫКИ

Дата в «Летописи»: март 1805 г.

«Опыты лирические». ч. II, стр. 63; «Стихотворения», стр. 145 (с незначительными изменениями).

В «Опытах лирических» Востоков сопроводил перевод следующим примечанием: «Драйденова Кантата «Alexander's Feast, or the power of musick» [1687] есть лучший цветок Британской поэзии.[1] Не знаю, каков он покажется, пересаженый неискусным садовником на Русской Парнас. — Сие сочинение в подлиннике сплошь с рифмами, и положено на музыку славным *Генделем*. Рамлер преложил оное на Немецкий язык белыми стихами, к Генделевым нотам и, следственно, с точным соблюдением аглинского стопосложения. Русское же сие подражание вольными стихами сделано было по переводу Рамлера [«Alexanders Fest oder die Gewalt der Musik. Eine Cantate aus dem englischen des Dryden», — см. «Karl Wilhelm Ramlers Poëtische Werke», Zweyter Theil, 1801, S. 49], и потом сличено с Англ[инским] оригиналом»

---

[1] «По словам Н. М. К[арамзина] в «Письмах рус[ского] путешественника», части 6-той [изд. 1801 г., стр. 278]» (*подстрочное примечание Востокова*).

После Востокова кантату Драйдена перевел также А. Ф. Мерзляков: «Торжество Александрово или сила музыки. Кантата Драйдена в честь святой Цецилии, переложенная с наблюдением меры подлинника» («Вестник Европы» 1806 г., ч. XXV, стр. 273; перепечатано в «Стихотворениях А. Ф. Мерзлякова», изд. Общества любителей российской словесности, ч. II, 1867, стр. 644). Перевод Мерзлякова выполнен в рифмах, но вообще дальше отстоит от оригинала, нежели перевод Востокова.

В 1812 г. эту же кантату перевел В. А. Жуковский: «Пиршество Александра, или сила гармонии» (впервые напечатано в «Вестнике Европы» 1813 г., № 7—8; перевод Жуковского — в рифмах).

В кантате Драйдена излагается эпизод из полулегендарной истории македонского царя Александра Великого, связанный с его победоносными войнами против персов. Первый поход на Персию Александр Македонский предпринял в 334 г. до н. э. и разбил войска персидского царя Дария в битве под Граником. В 333 г. Александр вторично разбил огромное войско персов под Иссом, в 331 г. — в третий раз при Гавгамеле. В 330 г. бежавший Дарий был изменнически убит одним из своих сатрапов и торжественно похоронен Александром, проявившим великодушие победителя. Победа над персами доставила Александру положение «властителя мира», сосредоточив в его руках власть над всем Ближним Востоком.

От Зевса начал песнь певец... и т. д. (стр. 182)— Имеется в виду миф о «божественном» происхождении Александра не от македонского царя Филиппа, а от Зевса, прельстившегося красотой жены Филиппа — Олимпии (у Востокова — Олимпиады).

Врага, которого сразил на трех боях... (стр. 183). — Имеются в виду три победы, одержанные Александром над персидским царем Дарием (см. выше).

НАДГРОБНАЯ М. И. КОЗЛОВСКОМУ

М. И. Козловский умер в 1802 г. — отсюда дата стихотворения.

«Опыты лирические», ч. II, стр. 22; «Стихотворения», стр. 156.

В «Опытах лирических» к «Надгробной» имеется следующее примечание:

«Здесь опыт Элегического стиха Древних, т. е. сочетание Экзаметра с Пентаметром, каковой стих употреблялся в элегиях и надписях (у Овидия, Катулла, Марциала, в Антологии и пр.).

«Экзаметр, или шестистопный состоит из Дактилей и Хореев, расположенных таким образом: в первом месте Хорей, либо Дактиль, во втором также, в третьем и четвертом также, [1] в пятом непременно Дактиль, в шестом — Хорей.

«Пентаметр, т. е. пятистопный, — рассечен на два полустишия и имеет в первых двух местах также, как и Экзаметр, либо Хорея,

---

[1] Вместо Хорея в первых четырех местах по нужде ставится Пиррихий (◡◡). Но сего избегать надобно, если желаешь чтоб стих был полнозвучнее и чрез то сходнее с Экзаметром Древних, у коих оный состоял из Спондеев и Дактилей» (подстрочное примечание Востокова).

либо Дактиля; потом слог долгий, пресекающий; потом два Дактиля и опять долгий слог, который с прежним пресекающим составляет пятую стопу».

В стихотворении перечислены некоторые скульптурные работы Козловского; из них наиболее известны: статуя Сампсона, раздирающего пасть льву (Большой фонтан в Петергофе), Геракл на коне (Павловский дворец) и памятник Суворову (в Ленинграде близ Площади жертв революции).

ПРОГЛОЧЕННЫЙ ЛЕЛЯ

Автограф — в архиве Вольного общества (среди рукописей, предназначавшихся для невышедшей в свет второй части «Периодического издания»).

«Опыты лирические», ч. II, стр. 38; «Стихотворения», стр. 157.

В Вольное общество было представлено в начале 1805 г.

ТРИ ЦАРСТВА ПРИРОДЫ

Автограф — в архиве Вольного общества (среди рукописей, предназначавшихся для невышедшей в свет второй части «Периодического Издания»).

«Опыты лирические», ч. II, стр. 39; «Стихотворения», стр. 157.

В автографе содержится вариант к шестому стиху второй строфы:

И ананасу и грибу
Идет в дожде небесном *пойло*.

Рассматривавший это стихотворение цензор Вольного общества Н. А. Радищев писал в своем отзыве (помеченном 28 января 1805 г.): «Из Трех царств природы, кажется, выставить должно слово п о й л о , как низкое и употребляемое в самых простонародных разговорах» (с рукописи, архив Вольного общества). Публикуя стихотворение, Востоков, как видим, учел замечание рецензента.

Перевод стихотворения Лессинга «Die drei Reiche der Natur».

ПРИ ИЗВЕСТИИ О СМЕРТИ ШИЛЛЕРА

Дата в «Летописи»: май 1805 г. (Шиллер умер 9 мая).

«Опыты лирические», ч. II, стр. 33; «Стихотворения», стр. 161.

Шиллер в первое пятилетие XIX в. в России был еще мало известен: с 1792 по 1806 г. появилось всего восемь переводов из Шиллера (см. сводку данных по этому вопросу в новейшей работе: O t t o P. P e t e r s o n «Schiller in Russland 1785—1805». New York, 1934). Тем более показательна для характеристики «германических» вкусов, распространенных среди поэтов Вольного общества любителей словесности, наук и художеств сравнительно большая популярность Шиллера в этом литературном кружке. Член Общества Иван螺 Praktika — Kованько еще в 1802 г. переводил Шиллера (см. «Новости русской литературы» 1802 г., ч. I, стр. 44), А. Бенитцкий отозвался на смерть Шиллера патетическим стихотворением (см. «Журнал Российской словесности» 1805 г., ч. II, стр. 201), в «Северном Вестнике» 1805 г. (ч. VIII, стр. 142) было помещено переводное «Исто-

рическое известие о Шиллере», с примечаниями издателей, чрезвычайно высоко расценивающих немецкого поэта, см. также краткую заметку о смерти «славного Шиллера» в «Журнале Российской Словесности» 1805 г., ч. III, стр. 52.

Востоков перевел из Шиллера четыре стихотворения: «Изящнейшие феномены», «Жалобы девушки», «Три слова» и «Изречения Конфуция» (см. стр. 297, 310, 214 и 238 наст. изд.) и трактат «Рассуждение о высоком» («Санктпетербургский Вестник», 1812 г., ч. III, стр. 161 и 266).

Ни краткость дней твоих, ни гоненье Тиранов... (стр. 191). — Шиллер умер сравнительно молодым — 46 лет. — Первое крупное произведение Шиллера — трагедия «Разбойники», поставленная на сцену в 1781 г., — возбудило против него преследования вюртембергского герцога Карла. Шиллер, в то время военный врач, был арестован и впоследствии бежал из Вюртембергского герцогства.

ОДА ВРЕМЕНИ

Дата в «Летописи»: октябрь 1805 г.

Авторизованный список (помеченный 9 ноября 1805 г.) — в архиве Вольного общества.

«Цветник» 1809 г., ч. I, стр. 157; «Стихотворения», стр. 164 (с незначительными изменениями).

В Вольном обществе было читано 18 ноября 1805 г.

ТРЕТЬЯ ГРАЦИЯ

«Стихотворения», стр. 167.

В Вольном обществе было читано 5 мая 1806 г.

Подражание стихотворению Гердера: «Die Kunst».[1]

Среди бумаг Вольного общества нами были обнаружены два неизданных перевода Востокова из Гердера: «Скрижали времен протекших» и «Отрочество Авраамово». Оба перевода — в прозе, и относятся повидимому к 1807 году; тогда же, в порядке соревнования с Востоковым, названные произведения Гердера перевел член Вольного общества А. П. Бенитцкий.

ГИМН УСЛАЖДЕНИЮ

Автограф — в архиве Вольного общества, где перевод был читан 12 января 1807 г.

«Цветник» 1810, ч. V, стр. 287; «Стихотворения», стр. 170 (с незначительными изменениями).

«Гимн услаждению» входит во вторую часть известного сочинения Лафонтена: «Des amours de Psyché et de Cupidon»[2] (1669; русский перевод 1769 г.), являющегося пересказом одного из эпизодов латинского романа Апулея — «Превращение, или Золотой осел» (II век н. э.). На сюжет повести Лафонтена И. Ф. Богданович написал поэму «Душенька, древняя повесть в вольных стихах»

---

[1] «Искусство». — *Ред.*

[2] «Любовь Психеи и Купидона». — *Ред.*

(1775), сыгравшую крупную роль в истории русского классицизма и имевшую у современников огромный успех.

Востоков заимствовал у Богдановича не только руссифицированное имя Психеи, но и его «вольный» стих.

ЭПИТАЛАМ КЛЕАНТУ И ДЕЛИИ

«Стихотворения», стр. 173—180.

В Вольном обществе было читано 2 июня 1806 г.

Написан был «Эпиталам», вероятно, к свадьбе И. А. Иванова — в апреле 1806 г.

Домозаконие, и Мир, и Правда — жить хотят меж нами... (стр. 201). «Horae — часы или годины, богини времени, блюстительницы согласия общежитейского. Их было три: Eunomia (благозаконие), Dice (правда), Irene (мир). Здесь по приличию вместо Евномии поставлена Экономия (домозаконие)» (примечание Востокова в «Стихотворениях»).

ГИМН НЕГОДОВАНИЮ

Первая редакция этого стихотворения (под заглавием: «Гимн возмездию») не сохранилась. Она была представлена в Вольное общество 23 декабря 1810 г. — Автограф второй редакции сохранился в архиве Вольного общества, где читан был 13 июня 1812 г.

Напечатано было трижды: «Санктпетербургский вестник» 1812 г., ч. II, стр. 258; «Сын Отечества» 1814 г., ч. XI, стр. 19 (под заглавием: «Гимн Немезиде») и «Стихотворения», стр. 181 (с незначит. измен.).

Востоков снабдил «Гимн» следующим примечанием: «У Греков обоготворяема была Немезис, т. е. Негодование, возбуждаемое в нас всяким неправедным, гордым, обидным для человечества поступком. Богиня сия изображаема была иногда с крыльями, приподнимающею покров на груди своей, с опущенным на оную взором; или пригнувшею локоть свой ко груди, как бы для вымеряния чего оным; или имеющею у ног своих колесо, а в шуйце узду; или же держащею в руке колесо, пращу, узду и ветвь древесную. Почти все сии различные изображения Немезы соединены в сем Гимне, сохранившемся до нас с другими мелкими стихотворениями Греческими, в Антологии помещенными. Сочинителем оного почитается некто Мезомид [точнее: Месомед — греческий поэт-лирик II века]. См. Brun[c]k. «Analecta veterum poetarum Graecorum», tom II [4-е изд. 1785, стр. 292, «Ὕμνος εἰς Νέμεσιν»]».

БОГ В НРАВСТВЕННОМ МИРЕ

«Цветник» 1810, ч. VI, стр. 1; «Стихотворения», стр. 188 (с незначительными изменениями). — Вошло в «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах», 2-е изд., 1821 г. (ч. II, стр. 268).

В Вольное общество было представлено в 1807 г. (не позже октября).

Которы естества смотрели чудный бег... (стр. 210). — «На трех известнейших нам коренных языках, Греческом, Немецком и Славенском, примечено сие сходство Этимоло-

гии. Θεός от глагола Θεω (бегу), Gott от geht (идет), бог от бегу. См. Ломонос[ова] Ритор[ику], § 83» (примечание Востокова в «Цветнике», повторенное в «Стихотворениях»).

Таков божественный был древле Моисей... (стр. 212). — В первопечатном тексте «Цветника» 1810 г. вслед за этим стихом следовал еще один, исключенный в «Стихотворениях», изд. 1821 г.:

И Брама, и Таут, и Нума, и Кунгтзей.

Оба эти стиха были сопровождены Востоковым следующим примечанием: «Моисей, которого Израильтяне по истине почитали токмо Пророком и человеком божиим, прослыл у Аравитян и других соседственных народов некиим богом, о коем впоследствии дошло предание и в Грецию, под именем Аравийского Вакха, завоевателя Индии. Из горы Синая сделали Греки, преложением букв, гору Нису, где будто бы Вакх родился. Таким образом, чаятельно, и многих других Патриархов Еврейских обоготворили язычники, потерявшие познание истинного бога. — Сие примечание для тех читателей, коих благочестие могло бы оскорбиться тем, что здесь поставлен Моисей на ряду с языческими Законодателями» (в «Стихотворениях» 1821 г. примечание это перепечатано в сокращенной и переработанной редакции).

В архиве Вольного общества имеется неопубликованный отзыв об этом стихотворении, представленный Н. Ф. Остолоповым 5 октября 1807 г.: «Вся пиеса исполнена прекрасных мыслей! Я заметил только несколько стихов, которые показались мне не очень гладки:

Зло? — но оно таким для нас, для малозрящих —
Противно детям так целебно питие,
Чем против воли их, в болезнях им грозящих,
Блюдут родители их нежно бытие.

Г. Востоков думает, что и зло рождает добро, то есть, что все к лучшему. — Мне кажется, что если бы какой нибудь философ вздумал утверждать, что от добра зло происходит, или что все идет к худшему, то бы верно нашел такие же доказательства, которые было бы трудно опровергнуть. Из сего можно заключить, что оба предположения сомнительны...» (далее следуют мелкие грамматические замечания).

ТРИ СЛОВА

Автограф — в архиве Вольного общества (под заглавием: «Словеса веры»), куда был представлен 26 сентября 1812 г.

«Стихотворения», стр. 201.

Перевод стихотворения Шиллера «Die Worte des Glaubens» (1797).

В первой (рукописной) редакции вторая строфа читается иначе:

Что он *свободным* создан! — так, *свободным*,
Хотя б в оковах он родился. Пусть народным
Мучителям своекорыстье льстит!
Слепая чернь сама под иго пусть бежит!

Но криком яростных безумцев не смущайтесь;
И если раб дерзнет оковы сокрушить,
Его не ужасайтесь:
Свободный человек не должен вас страшить.

Перерабатывая в 1820 г. стихотворение для печати, Востоков совершенно нейтрализовал политический смысл этой строфы, очевидно опасаясь возможных цензурных осложнений.

СТИХИ В АЛЬБОМ

«Стихотворения», стр. 203.

Когда и в чей альбом было написано это стихотворение — неизвестно.

К ЗИМЕ

«Цветник» 1809 г., ч. IV, стр. 228; «Стихотворения», стр. 204 (с незначительными изменениями).

Дате, указанной в подзаголовке: «в ноябре 1808 г.» — противоречит упоминание о «стихах к зиме», посланных Востоковым П. С. Железникову в декабре 1807 или начале января 1808 г. (см. «Переписка А. Х. Востокова», 1873, стр. XVII).

Довольны русским мы Усладом... (стр. 219). — Услад — «Славянский бог пиршеств» (примечание Востокова).

НАДЕЖДА

Автографы (2) — в архиве Вольного общества и в бумагах Востокова в Архиве Академии Наук СССР (с датой: 1812 года).

«Санктпетербургский Вестник» 1812 г., ч. I, 286 (подписано: А. В.); «Стихотворения», стр. 208.

Вольный перевод стихотворения Гете «Hoffnung» (1775—1776).

К ГАРПОКРАТУ

«Санктпетербургский Вестник» 1812 г., ч. I, стр. 49; «Стихотворения», стр. 209.

В Вольное общество было представлено 15 июля 1811 г., читано в Обществе 1 декабря 1811 г.

В стихотворении этом Востоков говорит о своем косноязычии. — «Я страшный заика, — писал он И. И. Дмитриеву в 1806 г. — Сей порок, с летами во мне увеличивающийся, сделал меня неловким, застенчивым, заградил мне все блестящие пути большого света, где язык есть лучший проводник. Мне осталось только вести жизнь кабинетскую и стараться награждать проворством пера непроворство языка моего» («Переписка А. Х. Востокова», 1873 г., стр. XXII). Насколько сильным было косноязычие Востокова, видно из слов Н. И. Греча: «Он только с большим затруднением мог произнести одно или два, три слова сряду из самых обыкновенных: да, нет, не знаю, хорошо и т. п. Напрасны были употребляемы всевозможные средства к устранению этого тягостного недостатка. Приезжавшие сюда из-за границы хирурги, специалисты в этом деле, брались излечить его и после нескольких опытов

отказывались, по невозможности исправить зло» («Памяти Александра Христофоровича Востокова», изд. 2-е, 1864, стр. 5).

Из сети искушенья Не ты ли отрока меня еще извлек... и сл. (стр. 222). — Востоков имеет в виду свой переход из кадетского корпуса в Академию Художеств — по причине заикания (см. выше, стр. 16).

ПОЛИМ И СИЯНА

«Санктпетербургский Вестник» 1812 г., ч. I, стр. 167 (с подзаголовком: «Древняя повесть», и без разделения на главы); «Стихотворения», стр. 211.

Было читано в Вольном обществе 26 августа и 21 октября 1811 г.

В своей «повести» Востоков изложил древнее новгородское предание, почерпнутое им вероятно из «Русских сказок» В. А. Левшина, в пятом томе которых, в «Повести о дворянине Заолешанине, богатыре, служившем князю Владимиру», в примечании к вставному рассказу о происхождении коня Златокопыта приводится рассказ об отце Сияны — Волхове, превращающемся в крокодила (у Востокова, в третьей песне — «огромный сом иль крокодил»); Левшин ссылается при этом, как на первоисточник, на новгородскую летопись, опубликованную Н. И. Новиковым во втором томе «Продолжения древней российской Вифлиофики» (1786). «Волховец или Волхов, — сообщает Левшин, — был сыном славенского князя Славена и родный племянник князя Руса. Он был великий чародей, злобный нравом, оборачивался крокодилом, живал в реке Мутной, где ныне стоит Новгород, и река Мутная от его имени прозвана Волхов. Сказывают, что из сей реки, выходя крокодилом, пожирал он людей и унашивал в воду. А сего и довольно было, чтоб признать его богом устрашенным славянам, которые приносили ему жертвы. Наконец, прислуживавшие ему бесы (может быть, по сделанному какому нибудь с ними договору, каковы от суеверов сочиняются от слова до слова канцелярским слогом) его удавили в оной реке. Тело его, всплыв наверх, плыло против течения воды и выкинуто на берег при урочище Перыня, имеющем поднесь сие именование, где оно погребено с насыпанием, по обычаю, высокого кургана; на третий день земля пожрала его тело и со всею насыпью. Так описано сие в летописях новгородских; я не могу уверять, чтобы составляло неоспоримую истину таковое повествование и в рассуждении того, что аллегорически изображать деяния монархов был вкус общий тогдашних времен, то, может быть, без ошибки можно извлечь из сего, что Волхов упражнялся, по обычаю того века, в разбоях по реке Мутной и по лютости своей сравнен с крокодилом. А потом, как всех злых отправляют в ад, то по смерти его необходимо надлежало ему в оный провалиться: ибо другой дороги в геенну смертные не знают». Примерно то же самое сообщали о Волхове и М. В. Попов в «Кратком описании древнего языческого баснословия» («Досуги Михаила Попова», ч. I, 1772, стр. 188—189) и М. Д. Чулков в «Абевеге русских суеверий» (1786, стр. 69—70). Чародей Волхов упоминается также в «Вечерних Часах» В. А. Лев-

шина (ч. VI, 1787, стр. 109—110) и в «Пересмешнике» М. Д. Чулкова (ч. II, 1766, стр. 59); еще прежде о нем писал Ломоносов в предисловии к «Краткому российскому летописцу» (1760 г.). А. С. Кайсаров в «Славянской мифологии» (1807, стр. 62—63) уже называл эти рассказы о Волхове «нелепыми».

НЕРАЗРЕШИМЫЙ УЗЕЛ

Автограф — в архиве Вольного общества, куда был представлен 4 июля 1812 г.

«Санктпетербургский Вестник» 1812 г., ч. II, стр. 261; «Стихотворения», стр. 232.

Из пометки на автографе видно, что Востоков перевел это стихотворение не с латинского подлинника, а с немецкого перевода Гердера.

Перевод Востокова был вызван политическими событиями 1812 года — открытием военных действий между Россией и Францией.

Фригиец, ободрен оракула вещаньем... и сл. (стр. 236). — По преданию, фригийский царь Гордий сплел запутанный узел. Тот, кто сумел бы развязать этот узел, должен был получить власть над всем миром. Александр Македонский разрубил узел мечом.

ИЗРЕЧЕНИЯ КОНФУЦИЯ

Автограф — в архиве Вольного общества, куда перевод был представлен 13 марта 1813 г.

Впервые было напечатано Востоковым в его «Опыте о русском стихосложении» 1817 г., стр. 165, — в качестве образца «русского сказочного размера», пригодного даже для перевода с иностранного языка. В примечании к стр. 165-й «Опыта» Востоков писал: «По напечатании в 1812 году сего опыта [в «Санктпетербургском Вестнике»], употребил я сказочный Русской размер в некоторых мелких стихотворениях моих, из коих одно под заглавием: Российские реки помещено в 1-й книжке Сына Отечества на 1813-й год [см. следующее примечание. — *В. О.*]; другое же, еще не напечатанное, здесь сообщаю, избрав нарочно предмет отвлеченный, дабы показать, что и таковой, довольно чуждый для простонародной Музы предмет не обезображивается одеждою Русского размера». — Вторично было напечатано в «Стихотворениях», стр. 234.

Перевод стихотворения Шиллера «Sprüche des Confucius» (1795).

РОССИЙСКИЕ РЕКИ

«Сын Отечества» 1813 г., ч. III, стр. 45; «Стихотворения», стр. 242.

Стихотворение это имеет в виду изгнание наполеоновской армии из России. Отдельные образы в нем заимствованы Востоковым из «Слова о полку Игореве».

ПЕСНЬ ЛУНЕ

Дата в «Летописи»: август 1799 г.

«Свиток Муз», кн. I, стр. 43 (под заглавием: «Кантата к луне»); «Опыты лирические», ч. I, стр. 7 (с незначительными изменениями).

Критик «Любителя Словесности» 1806 г. (ч. I, стр. 78) в рецензии на «Опыты лирические» писал: «Вся песнь состоит из самых искусных картин. Есть маленькая неисправность в рифмах; например:

Светила дневного златая колесница
Когда во океан вечерний погрузится,
Угаснут сумерки и все обымет мгла, —
Тогда ты посети дубравы и луга.

«Но верно такая погрешность произошла от того, что Автор не хотел заниматься рифмами. Угаснут сумерки сказано, кажется, неправильно; гаснет то, что светит или горит. Есть также негладкость в некоторых стихах, например:

Нерѳид сонм средь морь изник в кругах струистых
И роги раковин Тритон вознес, трубя.

«Негладкость сия делается более приметною от плавности других стихов. Перемена размеров в этой пиесе производит большую приятность».

«На Латмосе многолесистом... (стр. 244). — «Имя горы, на которой спал Эндимион» (примечание Востокова).

ПОХВАЛА БАСНОСЛОВИЮ

Дата в «Летописи»: сентябрь 1799 г.

«Свиток Муз», кн. I, стр. 85 (с подзаголовком: «из Вольтера»); «Опыты лирические», ч. I, стр. 65.

Перевод стихотворения Вольтера «Apologie de la fable».

Не беспорочная ли дева есть священный Сей лавр, из коего венцы нам слава вьет... (стр. 247). — Имеется в виду нимфа Дафна, обращенная согласно мифологии, в лавр (эмблема славы).

А здесь янтарны слезы льет В кору сосновy жрец Кибелин заключенный... (стр. 247).— Богине Рее-Кибеле, считавшейся повелительницей над всей природой, были посвящены дикорастущие деревья, между прочим сосна. Жрецы Кибелы, так называемые корибанты, устраивали, согласно фригийской мифологии, печальное шествие, с безумными криками и терзанием собственного тела, когда любимец богини — Аттис погибал осенью от дикого кабана — олицетворения разрушительных зимних бурь.

Сколь феология мила мне Гезиода!.. и т. д. (стр. 248). — Востоков имеет в виду дидактическую поэму Гезиода «Теогония» («Происхождение богов»), которая является попыткой привести в систему разноречивые эпические сказания о богах; согласно установленной Гезиодом генеалогии, «предвечными» богами были Хаос, Земля и Эрот (любовь), служившие мифологическими прообразами позднейших идей пространства, материи и движения.

БЛАГОДЕЯНИЕ

Дата в «Летописи»: сентябрь 1799 г.

«Свиток Муз», кн. II, стр. 16; «Опыты лирические», ч. I, стр. 69.

Перевод стихотворения Геллерта: «Die Gutthat». — Ср. ранний перевод И. И. Хемницера («Басни и сказки», ч. II, 1782).

ИБРАИМ

Дата в «Летописи»: сентябрь 1799 г.

«Свиток Муз», кн. I, стр. 28 (с подзаголовком: «Перевод с немецкого из Пфефеля»); «Опыты лирические», ч. I, стр. 67.

Варианты по «Свитку Муз»:

Стихи 1—5: Похвально нищим быть подмогой,
Для них единственно сокровища копить,
И лучше самому в избытке не пожить,
Чем равнодушно зреть как мучится убогой.
Ханжихиной, святой и набожной вдове...

Стихи 14—16: Исполнилася состраданья
Ханжихина к больному старику.
Для бедных ведь дано богатство ей от неба!

Перевод одноименного стихотворения немецкого поэта Готлиба-Конрада Пфеффеля (1736—1809), известного преимущественно своими баснями.

Когда Фернанд благочестивый»... (стр. 250). — «Фердинанд, прозванный Католическим, король Аррагонский, положивший конец владычеству Мавров в Гишпании» (примечание Востокова в «Опытах лирических»).

СЕДЬМАЯ ОДА САФЫ

«Свиток Муз», кн. II, стр. 62.

В Вольное общество было представлено 26 апреля 1802 г.

Перевод позднейшей французской подделки под стихи Сафо (см. выше, стр. 397).

К МЕЛЬПОМЕНЕ

Оду эту, представленную в Вольное общество 26 апреля 1802 г., Востоков не включил в основной текст «Опытов лирических», а поместил в примечаниях (ч. II, стр. 72), в качестве образца первого асклепиадейского размера (см. выше, стр. 393).

Перевод Востокова был перепечатан в «Словаре древней и новой поэзии» Н. Ф. Остолопова (ч. I, 1821, стр. 54).

Перевод из Горация (кн. III, ода 30). Знаменитая ода эта, написанная Горацием в 24 г. до н. э., вызвала бесчисленные подражания в древнее и новое время (на русском языке — Ломоносова, Капниста, Державина, Пушкина и др.).

Так: я весь не умру — бóльшая часть меня... (стр. 253) — стих этот, ставший ходячим выражением идеи бес-

смертия поэта, почти полностью совпадает у Востокова с переводом Державина (1796 г.): «Так! весь я не умру, но часть меня большая».

ВОСТОРГ ЖЕЛАНИЙ

«Свиток Муз», ч. II, стр. 54 (озаглавлено: «Желания»); «Опыты лирические», ч. I, стр. 54.

В Вольное общество было представлено 12 июля 1802 г.

К СОЛНЦУ

«Опыты лирические», ч. I, стр. 55.

К ДРУГУ

«Опыты лирические», ч. I, стр. 57.

Стихотворение обращено к И. А. Иванову, который в 1802 г. жил в Москве и вел оттуда с Востоковым переписку (см. выше, стр. 369).

Не занесен ли ты из-за Валдайских гор... (стр. 257). — Ямская станция Валдай лежала на большой проезжей дороге между Петербургом и Москвой.

РАДКЛИФСКАЯ НОЧЬ

«Свиток Муз», кн. I, стр. 105 (озаглавлено: «Ночь. Из романа: «La Forêt», сочинения Анны Радклиф»); «Опыты лирические», ч. I, стр. 70 (с незначительными изменениями).

Востоков перевел это стихотворение по французскому переводу романа английской писательницы Анны Рэдклиф: «La Forêt, ou l'Abbaye de Saint-Clair», Paris, An VI—1798, где оно помещено в шестой главе первого тома, на стр. 163—164 (русский перевод этого романа под заглавием: «Лес, или Сентклерское аббатство, сочинение славной Радклиф» — был издан в 1801—1802 гг.; здесь стихотворение «Ночь» переведено прозой — см. кн. II, стр. 95—96).

ПЕВИСЛАД И ЗОРА

Дата в «Летописи»: октябрь 1802 г.

Автограф — в бумагах Востокова (Архив Академии Наук СССР).

«Периодическое Издание» 1804 г., стр. 145 (без подписи; авторство Востокова было раскрыто в том же 1804 г., в «Северном Вестнике» — ч. II, стр. 120); «Опыты лирические», ч. II, стр. 100.

В «Периодическом Издании» повесть была разделена не на пять, а на четыре «идиллии». В рукописи «идиллий» пять, и каждая имела свое заглавие: I — «Великий день», II — «Прогулка», III — «Дивная находка», IV — «Привод к празднику» и V — «Исполнение молитвы».

«Певислад и Зора», на ряду с «Полимом и Сияной» и «Светланой и Мстиславом», примыкает к историческим поэмам начала XIX в., насыщенным псевдо-славянской мифологией (см. выше, стр. 388). Особо должно быть отмечено в данном случае влияние народной поэзии (и отчасти «Слова о полку Игореве»), выразившееся между

прочим в дактилическом размере, так называемом «русском складе», которым написана повесть Востокова и которого он был горячим поклонником (см. вступительную статью).

В «Словаре древней и новой поэзии» Н. Ф. Остолопова (т. I, 1821, стр. 233) о «русском складе» сказано: «Сей размер выбирается по большей части для повестей о старинных русских происшествиях, почему весьма приятно встречать в оных кстати помещенные старинные слова и выражения, даже изредка и рифмы, как бы нечаянно родившиеся».

Основными источниками «Певислада и Зоры», равно как и «Светланы и Мстислава», служил русская сказочная литература XVIII в. и сочинения по псевдо-славянской мифологии, указанные выше (стр. 389).

Пированием и тризнищем... (стр. 261). — «Тризнище — отправление Тризны. Тризною называлось не только поминовение об умерших, но и всякие в древности поприщные игры, как-то: борьба, беганье, кулашной, шпажной бой и проч. Смотри в словаре Росс[ийской] Академии слово Тризна» (примечание Востокова).

Сулеи и чары сребрены... (стр. 261). — «Сулея — плоская лахань, происходит от глагола сливать» (примечание Востокова в «Периодическом Издании»).

Сготовляючись к Велику-дню... (стр. 261). — «Велик-день. В старину называли так светлое Христово воскресенье; да и ныне, если не ошибаюсь, сохранилось сие название в некоторых областях России. Я положил, что до введения христианства главный праздник язычников мог так называться» (примечание Востокова).

Через все боготекущие... (стр. 262). — «Боготекущие — Гомер придает сей эпитет рекам, получившим божескую честь, каковы были: Сперхий, Скамандр, Ахерон и проч. Можно в таком смысле придать эпитет сей рекам обоготворенным славянами: Бугу, Дону, Дунаю, Волге и проч.» (примечание Востокова).

Если, Ладо, ты Белбогу дщерь... (стр. 265). — «Белбогу дщерь — Славяне называли всех добрых богов белыми богами, что видно из найденных у Вендских славян на кумирах и жертвенных орудиях надписей (начертанных особливыми письменами, кои отчасти сходны с греческими, отчасти с руническими письменами), как-то: Радегаст-Белобог, Святович-Белобог, Сева-Бел[обог] и проч., некоторые же другие надписи, но гораздо в меньшем числе, представляют имена черных богов. Смотри путешествие графа Ив. Потоцкого в Саксонию для отыскания славенских древностей, писанное на французском языке: «Voyage en Saxe du C-te Potocky», in 4 t., Figures» (примечание Востокова). — Полное заглавие книги знаменитого польского географа и этнографа-славяноведа гр. Яна Потоцкого (1761—1815), на которую ссылается Востоков: «Voyage dans quelques parties de la Basse Saxe pour la recherche des antiquités Slaves», Hamburg. 1795.

Молит сильного царя ветров... (стр. 265). — «Царь ветров — таковым почитали до сего времени Позвизда или Похвиста, но «Песнь о походе Игоря», называя ветров [sic!] «Стрибожи внуци», заставляет думать, что Стрибог был царем их. В таком случае Позвизду осталось быть Бореем или другим кем из подчиненных ветров. Но и Стрибог не имел ли еще другого какого дела? В славенском языке остался глагол: устрабляю, значущий: лечу, облегчаю болезнь, — не был ли полно Стрибог и Эскулапием русским?...» (примечание Востокова).

Пред Купала благотворного... (стр. 265). — «Купало. — Имя сие и поныне известно в деревнях. В ночи с 23-го на 24-ое июня, чрез зажигаемые по полям огни из соломы и хворосту, скачут молодые поселяне, припевая имя Купала. Оставим до другого времени строгое критическое исследование, кто был Купало, — отчего произошло его имя и что значат обряды, в честь ему совершаемые; — предположим по стихотворческой вольности, что Купало есть словенский бог, получивший имя сие за то, что совокупил, созвал первобытных славян в общество и, может быть, он же завел у них куплю и торговлю. Ежели сверх того по аналогии приписать ему изобретение гуслей и певницы (чего по сю пору не доставало в нашей мифологии) и даже изобретение письмен (по мнению некоторых, славяне умели писать задолго до введения христианства), — то он будет у нас Меркурием, Гермесом или Таутом, будет богом общежития, торговли, наук и красноречия, — законоучителем и просветителем. Но, ежели читатель хочет вернее и подробнее узнать о Купале и о других, упоминаемых здесь, богах славенских, — пусть заглянет в книжку Г-на Попова «О славенском баснословии», в «Абевегу русских суеверий» [М. Д. Чулкова] и в другие новейшие сочинения о сем предмете» (примечание Востокова).

В «Периодическом Издании» 1804 г. к имени «Купало» имелось другое примечание Востокова, свидетельствующее о том, насколько фантастическим было славянское мифотворчество в его время. Приводим текст этого примечания: «Г-н Григорий Глинка в своем «Храме Световида» («Вестник Европы» [вошло в его «Древнюю религию славян», 1804, стр. 131]) назвал Купала плодотворным огнем, выводя сие может быть из того, что в деревнях зажигают ему в честь из соломы и хворосту огни, чрез которые скачут молодые поселяне, припевая имя Купалы. Замечено, что древн[ие] римляне таким же образом возжением соломенных огней и скаканием чрез оные праздновали день богини Паледы (Pales), которой имя, по мнению некоторых, происходит от латинского слова Palea (солома), и праздник установлен самим Ромулом в память основания Рима. Очевидное сходство, находящееся между Pales и Купалою, как в обрядах праздника, так и в самом имени, заставляет спросить, кто с кого взял, Римляне ли со славян, или Славяне с Римлян? Не принимаяся за решение сего вопроса, предложу догадку, основанную на словопроизведении славянском: сему богу дано имя Купалы за то, что совокупил, созвал первобытных славян в общество и может быть он же завел у них

куплю и торговлю. Что же значут огни? — спросят меня. На это скажу я: не есть ли огонь одна из главнейших потребностей в домашнем быту, особливо для жителей хладного севера, и не могло ли сие радостное возжигание огней и безвредное чрез оные скакание при песнях и плясках служить ежегодным напоминанием того, что совокупитель людей Купало научил их в то же время для нужд общественных добывать огонь не только от солнца, но и от матери сырой земли, и сделал их так сказать властелинами сей прекрасной стихии, до того толико неприступной. Если эта догадка не пойдет в прок, то вот другая: Купало есть Ромул, собравший вкупе первых населителей Рима. Славяне имели в глубокой древности многие сношения с первобытными жителями Италии (читатель не забыл, что установление праздников Палединых приписывается Ромулу), но Болтин [1] хотел, кажется, произвести Купала из Индии, полагаяся на том, что по преданиям индейцев, Брама воплотился некогда на земле под именем Копыла или покаянника. Поле догадок бесконечно».

Многу честь приял и светлый Знич... (стр. 266). — «Знич — под сим именем, как уверяют, обожали Славяне неугасимый огонь, называвшийся у римлян Веста. Вероятно принесли Славяне сие служение от востока, так как и римская Веста почитается заимствованною от персов» (примечание Востокова).

И Триглава со Святовичем... (стр. 266). — «Триглава, или Тригла, по мнению баснословов наших, есть тройственная Геката, следственно и Луна. — Световид, Святовид, или Святовидович — бог солнца, который в то же время был и богом брака у Вендских славян» (примечание Востокова).

Хорса, хмелем увенчанного ... (стр. 266. — «Хорс, или Корча. Сего почитали некоторые Эскулапом, производя имя его от глагола: корчить, будто бы корчить все равно, что лечить! — Сие нелепое произвождение имени давно опровергнуто Болтиным и другими, называющими Корчу Бахусом, [2] что по моему мнению и вероятнее, ибо у нее остались доныне слова: корчма, корчемница (питейный дом),

---

[1] И. Н. Болтин — видный русский историк XVIII века — воспользовался материалом славянской мифологии в своих «Примечаниях на историю древния и нынешния России г. Леклерка»; см., например: том II-й, 1788 г., стр. 60—61 — его замечания о древнерусских былинах и песнях, которые называет он «песнями подлыми, без всякого складу и ладу». — *Ред.*

[2] В «Примечаниях на историю Леклерка» Болтин писал: «За благо рассудил автор описать древнее богослужение славян, почерпнутое им, как сам он признается, из сочинений г. Попова, изданных под именем «Досуги». Г. Попов, будучи в древностях славянских мало сведущ, внес в свою баснословию все, что ему не попалося без разбору, и многие такие вещи под статью богов поместил, кои никогда славянами боготворимы не были... Г. Леклерк к его догадкам и толкованиям прибавил свои... Бога Хорса производят они от глагола корчить, не доказав, подлинно ли слово сие есть славянское или русское, ибо легко статься может, что тогдашним славянам, кои богу Хорсу покланялися, оно вовсе неизвестно было, а вошло в русской язык после, из других» (т. I, 1788, стр. 97—98; там же о других славянских божествах). — *Ред.*

корчаг, корчага (питейный сосуд), да и самое действие корчить столь же свойственно приписывать силе вина, сколько лекарствам. Правда, что некто из новейших наших авторов почитает Услада Бахусом, но Услад был у славян то, что у римлян Комус — бог ядения и веселых пиров. Когда уже у Римлян особому богу поручалось ведение желудка, кольми паче у Славян, в холодном климате живших, и потому сильнейшим апетитом одаренных. Комус столько же, по крайней мере, был им нужен, сколько и Бахус» (примечание Востокова).

Вся Поляница удалая. (стр... 266). — «Взято из старинных песен. Надобно думать, что сие собирательное имя означало ратных людей, провождающих жизнь свою в поле, каковы были в особенности богатыри времен Владимировых, сходствовавшие много с Готическими странствующими рыцарями» (примечание Востокова).

В примечаниях в «Периодическом издании» Востоков уточнил ссылку на источник: «Взято из старинной песни, которую приводит Елагин в своем «Опыте истории» [т. е. «Опыте повествования о России», изданном в 1803 г. — *В. О.*] и граф Алексей Иванович [Мусин-Пушкин] в предисловии к изданной им песне Игоря [т. е. «Слову о полку Игореве», изданном в 1800 г. — *В. О.*]».

А замужние к Дидилии ... (стр. 266). — «Дидилия — то же, что у Римлян Луцина, а у греков Илифия, ежели верить нашим баснословам. Сходство имени ее с именем Дида, о коем прежде говорено было [см. стр. 392], показывает, что сии два божества имеют какое-нибудь сродство между собою, а может быть и одно лицо составляют» (примечание Востокова).

Между Милицами райскими... (стр. 267). — «Милицы — Я осмелился ославенить греческих харит и римских граций, переведши таким образом литерально, ибо χαρις и gratia совершенно то же значат, что Милица или Милая. В Мавроурбиновой славенской истории нашел я, между прочим, сие женское имя: Милица, которое и подало мне мысль выдумать русских граций и сделать их Ладинными подругами. Немцы давно уже берут смелость переводить die Huldinnen или Huldhöttinnen, — для чего же и нам не попытаться на это, а особливо в славянской мифологии, которая так скудна сама по себе» (примечание Востокова).

«Мавроурбинова славенская история», на которую ссылается Востоков — «Книга Историография, в ней же описуются початие и дела всех народов, бывших языка Славянского и единого отечества... собрано из многих книг исторических через Мавроурбина, архимандрита Рагузского... переведена Итальянского языка Графом Владиславичем [С. В. Рагузинским], напечатана повелением Петра Великого», СПБ. 1722.

Роща, Чуру посвященная... (стр. 267). — «Чур — славянский бог межей, который у римлян назывался Термином. Надобно думать, что и у славян, как у римлян, истукан сего божества состоял из четвероугольного камня, либо из деревянной колоды (отчего, может быть произошли слова чурбан — круглой, короткой отрубок от бревна, и чурка — небольшой от-

рубок от бревна. Смотри в Словаре Рос[сийской] Академии сии слова), полагаемые для размежевания полей. У нас имя сего бога сделалось теперь междуметием заклинательным и условным (смотри словарь Росс[ийской] Академии). Может быть Чур был также богом клятвы, присяги и хранения данного слова» (примечание Востокова).

Ладо! Царь-богиня! воскликнул он... (стр. 276). — «Царь-богиня — я осмелился употребить сие выражение по аналогии старинного слова: Царь-девица. Надобно заметить, что и в наши времена Венгерцы (смесь Славян и Гуннов) называли Марию-Терезию не царицею своею, а царем: Rex noster Maria-Theresia!» (примечание Востокова).

Мой названый брат Хвалимовичь!.. (стр. 277). — «Названый брат — уже Греческие писатели прославили великодушную и верную дружбу Скифов. Так и поныне в русском народе можно видеть тысячи примеров благородного сего чувства во всей его чистоте. Прекрасный обычай брататься и названые братья принадлежат особенно русским» (примечание Востокова).

АМИМОНА

«Свиток Муз», кн. II, стр. 56 (с подзаголовком: «вольный перевод» и с незначительными вариантами); «Опыты лирические», ч. I, стр. 81.

ПРЯСЛИЦА

«Периодическое Издание» 1804 г., стр. 17.

К ВЕНЕРЕ

«Периодическое Издание» 1804 г., стр. 22 с подзаголовком: «Перевод Горациевой оды O Venus, regina Cnidi Paphique etc.»; «Опыты лирические», ч. I, стр. 86.

Перевод 30-й оды из I книги од Горация.

Мы с Клоей ждем тебя... (стр. 283). — У Горация упоминается не Клоя, а его возлюбленная — Глицера.

АХЕЛОЙ, ВАКХ И ВЕРТУМН

«Опыты лирические», ч. II, стр. 41, со следующим примечанием: «В сем стихотворении по примеру Рамлера употреблено сочетание Экзаметра с Архилоховым стихом, в коем Дактиль и Хориямб (— ◡◡ — ◡◡ —) или, что все равно, два Дактиля и долгий слог».

Позже подобный размер — сочетание гекзаметра с трехстопным дактилем мужского окончания — применял Дельвиг — см. его стихотворения «Хата» (1815) и «Романс» (1823).

Источник подражания Востокова: «Karl Wilhelm Ramlers Poëtische Werke», Erster Theil, 1800, S. 21 — «Achelous, Bacchus und Vertumnus».

В Вольное общество было представлено в начале марта 1805 г.

ПОХВАЛА МЕРКУРИЮ

Написано было, вероятно, в апреле 1805 г.

«Опыты лирические», ч. II, стр. 55.

. Перевод оды Горация (кн. I, ода 10).

Устам их подал речь, телодвиженьям приятну ловкость... (стр. 287) — Меркурий славился своим красноречием, ловкостью и проворством; он установил обычай гимнастических упражнений.

Чрепаховую изобретший лиру... (стр. 287). — В день своего рождения Меркурий изобрел будто бы лиру, но променял ее Аполлону на чудотворный золотой жезл, с которым его обычно и изображали.

Ты все... искусно крадешь!.. (стр. 287). — Меркурий считался покровителем воров.

Тебе, дитяте, грозно рек Апóллон... и сл (стр. 287). — Будучи еще трехдневным младенцем, Меркурий увел быков фессалийского царя Адмета, которых пас Аполлон: с такой же ловкостью он украл у Аполлона его лук и стрелы.

Не чрез тебя ли мог Атридов гордых... и сл. (стр. 287). — При содействии хитроумного Меркурия, Приам, ехавший к Ахиллу для выкупа тела убитого сына своего Гектора, не был замечен в греческом стане стражей.

К ИУЛУ АНТОНИЮ

Написано было, вероятно, в апреле 1805 г.

«Опыты лирические», ч. II, стр. 60.

Перевод первой половины оды Горация (кн. IV, ода 2), являющейся его ответом на предложения Иула-Антония воспеть подвиги Августа в торжественном стиле Пиндара.

И имя от него останется морям... (стр. 288 — намек на то, что Икар, сын Дедала, погиб в морской пучине.

Отважно ль в Дифирамбах новы он словеса родит... (стр. 288) — намек на пристрастие Пиндара к неологизмам. — В следующих стихах Гораций имеет в виду дифирамбы Пиндара в честь богов и героев, в честь победителей на играх и, наконец, его скорбные плачи по умершим.

Всегда Дирцейский лебедь равен... (стр. 289). — Дирцейский лебедь — Пиндар (Dirce — река, протекавшая близ Фив, родины Пиндара).

ОДА СЧАСТИЮ

Сохранились два автографа этой оды: в бумагах Востокова (в Архиве Академии наук СССР) и в архиве Вольного общества.

Напечатано в сборн. А. П. Бенитцкого «Талия» 1807 г., стр. 145 (под заглавием: «Ода на счастие» и с незначительными изменениями).

Мы печатаем текст оды по второму из вышеуказанных, чистовому, автографу, представленному в Вольное общество 30 декабря 1805 г.

В первом автографе (Архива Академии Наук) и в печатном тексте

«Талии» имеется подзаголовок: «Новый перевод в декабре 1805 года»; в «Летописи» же Востокова ода датирована ноябрем 1805 г.

Перевод Востокова был вызван современными политическими событиями, как видно это из вычеркнутой пометы на автографе архива Академии Наук: «На случай Австерлицкого сражения кампании 1805 года, успехов Бонапартовых». Политический смысл перевода ясен: направленный против тирана Наполеона, «потрясшего престол законных царей», он прославляет Александра I — «прямого отца отечества», «приемлющего Тита в образец». Неясно, почему Востоков не отдал в печать свой перевод в 1806 г., когда политическая обстановка благоприятствовала появлению антибонапартистских произведений (напечатан перевод был все же до заключения Тильзитского мира, после которого было запрещено писать даже о военных неудачах Наполеона),—но можно предполагать, что в 1820 г. он исключил тираномахическую «Оду счастию» из нового собрания своих стихотворений, учитывая тогдашние цензурные условия.

Ода Ж. Б. Руссо «A la Fortune» пользовалась в XVIII веке чрезвычайно большой популярностью и служила образцом «философической» оды. В 1760 г. она была переведена на русский язык одновременно Ломоносовым и Сумароковым («Полезное Увеселение», т. I, № 2), а в 1765 г. — Тредьяковским (в «Предуведомлении» к XII тому перевода «Истории» Роллена); см. также «Переводы из творений Жан Батиста Руссо и г. Томаса», 1774.

И Македонского за то царя прославлю (стр. 293). — Имеется в виду Александр Великий.

И тамо лавры возрастил, где были кипарисы... (стр. 295). — Лавры — символ славы; кипарисы — символ вечности и нетления, — обычно сажались древними над могилами предков.

БРАТУ И СЕСТРЕ, ОТМЕННО ПРИГОЖИМ, НО КРИВЫМ

«Опыты лирические», ч. II, стр. 45, с примечанием: «Для тех, кои разумеют по Латыне, прилагается здесь подлинник, сочиненный Иеронимом Амальтеем:

Lumine Acon dextro, capta est Leucilla sinistro,
Et potis est forma vincere uterque deos.
Blande puer! lumen, quod habes, concede puellae:
Sic tu caecus Amor, sic erit illa Venus!»

Перевод Востокова был перепечатан в «Словаре древней и новой поэзии» Н. Ф. Остолопова (ч. I, 1821, стр. 394).

Эпиграмма эта только приписывается Иерониму Амальтею; автором ее называют также Авзония — древнеримского поэта и ритора (IV в. н. э.).

ИЗЯЩНЕЙШИЕ ФЕНОМЕНЫ

«Опыты лирические», ч. II, стр. 46.

Перевод стихотворения Шиллера «Die schönste Erscheinung» (1796).

К ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

«Талия» 1807 г., стр. 151.

К КОРАБЛЮ

Печатается впервые с автографа (бумаги Востокова в Архиве Академии Наук СССР).—Дата автографа: «Переведена 1808; чит[ана] в общ[естве] 1811, март[а] 4».

У Горация эта ода озаглавлена: «К республике» (государство в ней уподобляется кораблю). Востоков, как видим, не решился сохранить это заглавие даже в рукописи.

Ветрил нет у тебя целых и нет уже... богов твоих... (стр. 299). — На кормовой части римских кораблей помещались изображения богов-покровителей.

Что из славных понтийских сосн ты состроен... (стр. 299) — берега Понта (Черного моря) славились корабельным лесом.

ИФИГЕНИЯ В ТАВРИДЕ

Автограф — в бумагах Востокова (Архив Академии Наук СССР) «Литературное наследство» 1932 г., № 4—6, стр. 653.

В протоколе заседания Вольного общества 9 июля 1810 г. сказано, что Востоков читал «перевод первого явления из Гётевой трагедии Ифигения такими же стихами, какими писан оригинал». — Судя по перечню действующих лиц, Востоков предполагал перевести «Ифигению» целиком, но никаких следов работы над переводом следующих явлений трагедии в бумагах его не сохранилось.

В своем переводе Востоков впервые в русской поэзии употребил белый драматический стих, пятистопный ямб (которым написан «Борис Годунов» и «маленькие драмы» Пушкина), предвосхитив опыты в этой области В. К. Кюхельбекера («Аргивяне» 1823 г.) и А. А. Жандра («Венцеслав» 1824 г.), — см. замечания В. М. Жирмунского в указанном томе «Литературного наследства», стр. 550.

В трагедии Гёте изложен следующий эпизод из истории Троянской войны. Начальствующий над греческим войском аргосский царь Агамемнон убил на охоте в Авлидской бухте лань, принадлежавшую Диане. Богиня была разгневана этим поступком Агамемнона, и по ее повелению затихли все ветры на море, благодаря чему греческие корабли не могли отплыть из Авлидской бухты к берегам Трои. Предприятию Агамемнона грозил бесславный конец, войско его открыто выражало недовольство вынужденным бездействием, и тогда верховный жрец Калхас объявил, что разгневанная Диана требует от Агамемнона принесения ей в жертву старшей царской дочери Ифигении. Долг царя и полководца победил в Агамемноне отцовские чувства, и он призвал к себе Ифигению под предлогом выдачи ее замуж за Ахилла. Когда Ифигению возвели на жертвенный костер, Диана, тронутая послушанием Агамемнона, окружила жертву густым облаком и перенесла ее в Тавриду (Крым), где поставила жрицей в своем храме.

ЖАЛОБЫ ДЕВУШКИ

Печатается впервые с автографа (бумаги Востокова в Архиве Академии Наук СССР).

В Вольном обществе было читано 4 марта 1811 г.

Перевод стихотворения Шиллера: «Des Mädchens Klage» (1798, частично вошло в трагедию «Пикколомини»). Вольный перевод этого стихотворения есть у Жуковского: «Тоска по милом» (1807).

МОЯ БОГИНЯ

Автограф — в бумагах Востокова (Архив Академии Наук СССР). «Литературное наследство», 1932 г., № 4—6, стр. 651.

В Вольном обществе было читано 28 декабря 1811 г.

Вольный перевод стихотворения Гёте: «Meine Göttin» (1780). В этом произведении «Востоков соперничает с Жуковским, напечатавшим свой перевод той же оды в 1809 г. Короткому размеру Жуковского (двустопному амфибрахию с дактилическими окончаниями без рифм) он противопоставляет вольные рифмованные ямбы... меняющиеся по расположению рифм от строфы к строфе, оссиановскому элегическому тону — торжественный и праздничный, более близкий к подлиннику, но все же отступающий от него в сторону декламационного пафоса. Перевод вообще точнее, чем у Жуковского» (В. М. Ж и р м у н с к и й — «Литературное наследство», № 4—6, стр. 550).

ВА́ФТРУДНЕР

Печатается впервые с автографа (бумаги Востокова в Архиве Академии Наук СССР).

В Вольное общество представлено 18 апреля 1812 г.

Стихотворение взято из книги Фридриха-Давида Гретера: «Nordische Blumen» (Leipzig, 1789, S. 123—146, под заглавием: «Die Fabel von Wafthrudner»). Подстрочные примечания переведены Востоковым также из книги Гретера.

Востоков был первым русским поэтом, взявшимся за стиховой перевод скандинавского эпоса. За весь XIX в. появилось всего несколько переводов отдельных песен и отрывков «Эдды» (почти все в прозе), и только в 1917 г. вышел первый том полного стихотворного перевода С. Свириденко («Эдда. Скандинавский эпос». — «Памятники мировой литературы» изд-ва Сабашниковых; перевод Востокова С. Свириденке остался неизвестным).

Точное заглавие отрывка, переведенного Востоковым: «Речи Ва̀фтруднира». Подобно ряду других песен «Эдды», песня о Вафтруднире носит дидактический характер: темою ее служит традиционный фольклорный мотив: состязание в мудрости двух собеседников. Время происхождения этой песни исследователи скандинавского эпоса относят к середине X века, а местом ее происхождения называют Исландию.

В а́ ф т р у д н и р — мудрый древний исполин, один из главных героев «Эдды». В его имени видят указание на способность запутывать собеседника искусными вопросами.

Востоков руссифицировал многие имена скандинавских богов и героев. В «Речах Вáфтруднира» Óдин называет себя не «Перехожим странником», а Гáгнрадром (т. е. разгадывателем, отгадчиком); «Светлогриву» Востокова соответствует в песне конь Скúнфакси (т. е. «с сияющей гривою»), «Черногриву» — конь Грúмфакси (т. е. «с гривою, покрытой инеем»); реке «Вражда» — река «Ифинг»; «Сече злой» — равнина «Вигридр» (т. е. «поле боя») и т. д. (см. подробнее в Указателе к настоящему изданию).

К тому же 1812 г., когда Востоков перевел «Вафтруднера», относится стихотворение Державина «Жилище богини Фригги», источником которого послужил, вероятно, русский перевод «Введения в историю датскую» Маллета (1785), где был дан пересказ «Эдды» (в отрывках) и других произведений кельтского эпоса. Популярная книга Маллета была несомненно известна Востокову.

ОТРЫВОК ИЗ ВИРГИЛИЕВЫХ ГЕОРГИК

Печатается впервые с автографа (бумаги Востокова в Архиве Академии Наук СССР).

Перевод был представлен в Вольное общество 9 мая 1812 г.

Переведенный Востоковым отрывок открывает третью книгу «Георгик» — «О скотоводстве».

К яслям его отставляй, не щади бесполезную старость... (стр. 327). — У Вергилия этот стих выражен неясно, его можно понять и в обратном смысле: «Пощади бесполезную старость» (см. примечание С. Шервинского к «Сельским поэмам» Вергилия, 1934, стр. 161).

ЭПИТАФИЯ И. И. ТЕРЕБЕНЕВУ

Автограф — в бумагах Востокова (Архив Академии Наук СССР).

«Заметки А. X. Востокова о его жизни», 1901, стр. 67 (там же, на стр. 66 — другая редакция эпитафии).

Иван Иванович Теребенев умер 16 января 1815 г., — отсюда дата эпитафии.

Теребенев был одним из ближайших друзей Востокова и товарищем его по Академии Художеств. Письма Теребенева к Востокову (от 1806 г.) см. в «Русской Старине» 1901 г., январь, стр. 245.

Востокову принадлежит некрологическая статья о Теребеневе в «Сыне Отечества» 1815 г. (№ 4), где читаем: «Одаренный счастливейшими от природы способностями, почитался он по художеству первым между сверстниками своими в Академии, при всем том, что избранная им часть — скульптура, была не та, к которой он наибольшую чувствовал охоту и способность. Он более расположен был к живописи, однако же по некоторым уважениям приневолил себя итти в скульптурный класс и сделался почти без всякого прилежания скульптором превосходным. По выпуске из Академии оставлен он был в числе лучших воспитанников при оной, пансионером, но легкомыслие и пылкость характера, не терпящего принуждения, заставили его прежде времени отстать от Академии и итти своим путем — путем неопытного и беспечного юноши,

который натурально не вел ни к храму славы, ни к храму богатства... С редкими по своей части дарованиями соединял покойный Теребенев энтузиазм ко всему изящному и сердце до того доброе, что оно завлекало его нередко помогать другим, между тем как он сам нуждался».

К ДРУЗЬЯМ

Автографы (2) под заглавием: «К читателям» и с незначительными вариантами в двух заключительных стихах — сохранились в бумагах Востокова (Архив Академии Наук СССР). Третий известный нам автограф, озаглавленный: «Николаю Ивановичу Гнедичу» и помеченный 6 апреля 1821 г., хранится в Московской публичной библиотеке им. В. И. Ленина (см. «Отчет Московского публичного и румянцевского музеев» 1901 г., стр. 33).

Напечатано в альманахе «Северные Цветы на 1826 г.», стр. 13.

Стихотворение это Востоков обычно надписывал на книжке своих стихотворений, изданных в 1821 г. В письме к Н. И. Гречу от 15 апреля 1821 г. он писал: «Стихи, вписанные в ваш экземпляр, сочинены мною во время печатания книги моей и назначены первоначально к помещению в оной вместо предисловия, под заглавием: К читателям. Но я поусумнился их напечатать, находя, что они не могут для всех читателей быть интересны, и что немногие только снисходительные друзья моей музы войдут в мысль, какую я имел при сочинении сей небольшой апологии стихотворства, и простят мне пиитическое тщеславие, которым стихи сии отзываются. Я в самом деле боюсь, чтобы хвастливый тон сих стихов не выказался еще приметнее, когда они будут напечатаны особо в журнале. Ежели им можно быть где напечатанным, так разве только в самой книге моей, при будущем издании, а теперь покамест лучше и быть рукописным в экземплярах, принадлежащих коротким моим приятелям. Они вписаны таким образом в вашем экземпляре, и еще в трех других моею рукою. Сообщая вам сим сомнения мои против напечатания помянутых стихов в журнале, представляю оное, впрочем, на вашу волю, ежели сомнения сии не покажутся вам уважительными. В случае помещения стихов сих в журнале, можно дать им заглавие: «К друзьям моей музы (приписание на экземпляре стихотворений)» («Заметки А. Х. Востокова», 1901, стр. 106). Ср. также письмо Востокова к И. И. Дмитриеву, которому также были посланы стихи «К друзьям» («Переписка А. Х. Востокова», 1873, стр. XXV).

В 1844 г. П. А. Плетнев вспоминал, что эти стихи Востокова в свое время «восхищали» его и Дельвига («Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. II, 1896, стр. 231).

БОГЕМСКИЕ ПЕСНИ

«Труды Вольного общества любителей российской словесности» («Соревнователь просвещения и благотворения») 1821 г., ч. XVI, стр. 354 (в библиографическом списке стихотворений Востокова, составленном В. И. Срезневским, переводы эти не указаны).

Источник перевода: собрание псевдонародных чешских песен, сочиненных известным ученым-филологом Вацлавом Ганкой — «Hankowy Písnê» 1819 г. (ср. В. А. Францев, Очерки по истории чешского возрождения, Варшава, 1902, стр. 70). В оригинале песни, переведенные Востоковым, носят заглавия: «Na Sebe» и «Aj ty Labe tiché».

Кроме Востокова одним из первых в России популяризаторов чешской литературы был А. С. Шишков, поместивший в «Трудах вольного общества соревнователей просвещения и благотворения» (1820 г., ч. XI, стр. 100—118) статью «Богемские народные песнопения, извлеченные из Краледворской рукописи», и переводы некоторых песен (см. также его переводы богемских песен в «Известиях Российской Академии», кн. VIII). О песнях Вацлава Ганки была помещена заметка в «Вестнике Европы» (1821 г., ч. CXIX, стр. 294—297), принадлежащая, повидимому, М. Т. Каченовскому. См. также «Сын Отечества» 1824, кн. IX, стр. 103 (статья кн. Цертелева «Славянские песни разных наречий»).

СЕРБСКИЕ ПЕСНИ

Песня «Марко кралевич в темнице» была напечатана в «Трудах Вольного общества любителей российской словесности» 1825 г., ч. XXX, стр. 169 (с подзаголовком: «Из сербских стихотворений»). Как и все остальные, она взята Востоковым из сборника Вука Стефановича Караджича «Српске народне пjесме» (первое изд. в Вене, в 1814—1815 г.). — Остальные песни были напечатаны в альманахе «Северные Цветы» на 1825 г. («Братья Якшичи», «Смерть любовников», «Свадебный поезд»), на 1826 г. («Строение Скадра») и на 1827 г. («Яня Мизеница», «Сестра девяти братьев», «Девица и солнце», «Жалобная песня благородной Асанагиницы»).

В бумагах Востокова (Архив Академии Наук) сохранились автографы четырех последних песен, содержащие, сравнительно с печатным текстом, незначительные разночтения.

Востоков был первым русским переводчиком сербского эпоса (по собственному его свидетельству переводами сербских песен занимался он по просьбе издателя альманаха «Северные Цветы» — бар. А. А. Дельвига, см. выше, стр. 25.) Предпринятые им в середине двадцатых годов переводы сербских народных песен из сборника Вука Караджича нужно поставить в связь с его научными интересами к вопросам славянской филологии, в свою очередь вызванными довольно широким распространением в среде русской интеллигенции 1810—1820-х гг. панславистских идей.

Всем ходом политических событий, развернувшихся в эпоху наполеоновских войн, южное славянство было втянуто в круг общеевропейских проблем. Борьба сербов за независимость, открывшая эпоху «возрождения» Сербии, бывшую по существу началом создания сербской буржуазной культуры, — в общеевропейском общественном мнении играла примерно ту же роль, что и национально-освободительное движение в Греции, вдохновившее, вслед за Байроном, всю плеяду русских байронистов. В понимании пе-

редовых людей эпохи это была борьба угнетенного народа с тиранией завоевателей.

Вместе с тем, большим успехом в России пользовалась панславистская идея воссоединения славянских племен под эгидой русского самодержавия. В 1804 г., когда вспыхнуло сербское восстание, известный «либералист» В. Н. Каразин предлагал правительству выступить на помощь сербам, и выдвигал проект организации «царства славен» под управлением одного из братьев императора Александра. Аналогичные мысли развивал в 1807 г. В. Броневский, предлагавший создать «славянскую федерацию» — своего рода буферное государство, которое послужило бы оплотом России от экспансии наполеоновской Франции. Соображения Броневского были отчасти приняты во внимание в 1811—1812 гг. при организации специальной молдавской армии адмирала Чичагова. Панславистские идеи, и в частности идея создания могущественной федерации славянских народов, были распространены также в масонских ложах и тайных политических кружках (особенно в наиболее радикальном по программе и демократическом по составу «Обществе соединенных славян»).

Общность политической судьбы в эпоху наполеоновских войн пробудила интерес к южному славянству в Германии и Австрии. Большую роль сыграло при этом издание памятников сербской народной поэзии, предпринятое Вуком Караджичем. Песни, собранные и изданные Караджичем, с восторгом были приняты немецкими поэтами и между прочим поэтами Гёттинпской школы, где на ряду с одой особенно культивировался жанр «Volkslied». Сербское песнотворчество воспринималось и расценивалось в Германии в плоскости общего увлечения этнографией, народным творчеством вообще, идеями Гердера и его продолжателей. — Упрочению интересов Востокова к славянской поэзии способствовали не только его собственные филологические занятия и не только общение с виднейшими славистами Запада (Копитаром, Шафариком, Ганкой, Добровским и др.), но и влияние близких ему немецких поэтов, много сделавших для широкой популяризации южно-славянского народного эпоса.

В России в эпоху двадцатых годов интерес к балканским славянам, к их истории, быту и культуре был велик, и переводы Востокова были встречены весьма сочувственно. В «Московском Вестнике», в рецензии на «Северные Цветы» 1827 г., писали: «Все любители словесности прочтут с удовольствием перевод Востокова некоторых сербских песен. Известно, что они с восхищением были приняты в Англии и безъискусственными красотами, оригинальностью характера обратили на себя внимание величайших ученых и поэтов Германии. Известно, что Гете переводил ту самую «Песнь благородной Асан-Агиницы», которую читатели найдут в «Северных Цветах» («Московский Вестник», 1827 г., ч. III, стр. 376; автор рецензии, повидимому, М. П. Погодин; ср. письмо к Востокову Погодина от 3 июля 1827 г. в «Переписке А. Х. Востокова», 1873, стр. 247). Установлено также, что переводы Востокова оказали некоторое влияние на «Песни западных славян» Пушкина (1832 —

1833 гг.). По отзыву новейшего исследователя сербского эпоса, Н. Кравцова, переводы Востокова «слишком руссифицированы, в них нет сербского колорита» (см. «Сербский эпос», 1933, стр. 191).

Сборник Вука Стефановича Караджича, с которого переводил песни Востоков, был очень популярен не только в России, но и во всей Европе. Второе, дополненное, издание его (1823—1833 гг.) было переведено на немецкий, французский и английский языки. Особой популярностью, в частности, пользовалась песня об Асан-Агинице, переведенная знаменитым исследователем славянской народной поэзии итальянским аббатом Фортисом (в 1771 г.), Гердером (в сборнике «Stimmen der Völker in Liedern» 1778—1779 гг.), Гете (в 1778 г.), Вальтер-Скоттом (в 1799 г.), Шарлем Нодье (в 1821 г.), немецкой исследовательницей сербского эпоса Тальви (в сборнике («Volkslieder der Serben» 1825—1826 гг.) и, наконец, Проспером Мериме (в его известном сборнике «Gusla» 1827 г.). В 1835 г. отрывок этой песни перевел Пушкин («Что белеется на горе зеленой?»). На «славного Гете» Востоков ссылался в ненапечатанном примечании к своему переводу этой песни (автограф в Архиве Академии Наук)

В России имя и литературные труды Вука Стефановича Караджича были хорошо известны с 1819 г., когда он сам побывал в России. В «Вестнике Европы» 1820 г. (ч. CXII, стр. 112 и 208) был помещен пространный отзыв о его «Собрании сербских песен», «возбудивших большое любопытство в германских литераторах» (здесь же были пересказаны прозой многие песни Караджича и несколько — приведены в подлиннике). См. также «Вестник Европы» 1823 г., май — июнь (письмо Караджича); ibid. 1826 г., ч. 146, стр. 311 («Сербские предания и поверия»); ч. 149, стр. 42 («О народных песнях славян»). «Известие» о новом издании «Сербских песен» появилось в «Сыне Отечества» 1824 г., ч. 94, стр. 241. Данные по этому вопросу сосредоточены у Н. Н. Трубицына — «О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века», 1912, стр. 109—135.

Сведения о героях сербского эпоса, упоминающихся в переводах Востокова, приведены в Указателе к настоящему изданию.

[ОТРЫВОК]

Печатается впервые с автографа (бумаги Востокова в Архиве Академии Наук).

Дата — неизвестна.

СВИДАНИЕ С МУЗОЮ

Автографы (2) — в бумагах Востокова (Архив Академии Наук).

«Сборник памяти Л. Н. Майкова» 1902, стр. 172.

Когда было написано это стихотворение — неизвестно, но, судя по содержанию, оно относится уже к тому времени, когда Востоков окончательно изменил «Поэзии» для «Грамматики».

УКАЗАТЕЛЬ

В настоящем Указателе кратко разъяснены встречающиеся в тексте стихотворений Востокова: 1) имена исторических лиц и литературных персонажей, 2) мифологические и библейские имена и названия, 3) названия журналов и литературных произведений и 4) географические названия.

Сведения по псевдославянской мифологии XVIII века даны в форме цитат из специальных сочинений, материалом которых пользовался Востоков. Принятые нами в ссылках сокращения означают:

Попов — «Краткое описание древнего Славенского языческого баснословия, собранного из разных писателей, снабженного примечаниями, и в азбучный порядок приведенного; издание второе, с поправлением и умножением первого» — в книге «Досуги, или собрание сочинений и переводов Михайла Попова», СПБ. 1772.

Чулков — «Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шаманства и проч. Соч. М. Ч[улкова]», [изд. 2-е], М. 1786

Кайсаров — «Славянская мифология. Соч. Г. Кайсарова», М. 1807.

Глинка — «Древняя религия славян. Сочинение Григория Глинки, Профессора Дерптского Университета», Митава. 1804.

Ссылки на страницы текста даны в Указателе только для имен исторических лиц и для названий журналов и литературных произведений.

Имена общеизвестных исторических и литературных деятелей, как правило, не разъяснялись.

Принятые в Указателе сокращения:

(г. м.) — греческая мифология,
(р. м.) — римская мифология,
(сканд.) — скандинавская мифология,
(слав.) — псевдославянская мифология,
(см.) — смотри данное слово в Указателе.

Август — Кай Юлий Цезарь Октавиан (63 до н. э. — 14 н. э.) — первый римский император; после смерти Юлия Цезаря (см.), в результате длительной гражданской войны, образовал в 43 г. до н. э. триумвират с Антонием (см.) и Лепидом (см.), а в 31 г. до н. э. фактически установил в Риме монархию и получил от Сената имя «Август» (т. е. «священный»), ставшее впоследствии

официальным титулом римских императоров. В позднейшее время образ Августа был идеализирован и сравнение с ним монархов стало традиционной формой придворной и поэтической лести. В «век Августа» жили крупнейшие римские поэты — Вергилий и Гораций. 294.

Авфид — река в Апулии, на юго-западе Италии, впадающая в Адриатическое море.

Агамемнон (г. м.) — один из центральных героев древнегреческого эпоса («Илиада»), царь Аргоса, предводитель греческих войск в походе на Трою (см.). Согласно одной из мифологических версий, послужившей сюжетом многих трагедий, Агамемнон был убит своей женой Клитемнестрой и ее любовником Эгистом. Клитемнестра хотела погубить также и своего малолетнего сына Ореста, но последний был спасен старшей своей сестрой Электрой и впоследствии, по настоянию Электры, убил Эгиста и Клитемнестру.

Аглая — см. Грации.

Адонид или Адонис (г. м.) — прекрасный юноша, любимец Афродиты (см.), оплакивавшей его раннюю кончину. По просьбе Афродиты, Зевс разрешил Адонису проводить в царстве мертвых только неплодотворное время года, с наступлением же весны ему позволено было возвращаться в объятия Афродиты.

Азак — по сербским народным песням заморское «арапское» царство.

Азияне — у Востокова так называются турсы — баснословные исполины скандинавской мифологии, враждовавшие с богами.

Акарнания — в древности западная окраина северной Греции, орошаемая рекой Ахелоем (см.).

Аквилон (р. м.) — обожествленный северный или северо-восточный ветер.

Актеон (г. м.) — охотник, подглядевший богиню Диану (см.) во время купанья; в наказание был обращен Дианой в оленя и растерзан собственными же собаками.

Александр Великий (356—323 до н. э.) — македонский царь, сын царя Филиппа, величайший завоеватель древности, покоривший Персию, Египет и Индию. 181—187, 237, 293.

Алкион или Алкиона, Гальциона (г. м.) — дочь бога ветров Эола, жена трихидского царя Кеикса, который, потерпев кораблекрушение, утонул. Когда Алкиона узнала приплывший труп мужа, она с горя бросилась со скалы в море, но вместе с мужем была превращена богами в птицу алкиону (зимородок).

Алфей — река в Элиде, области древней Греции.

Амимона (г. м.) — младшая из Данаид (см.).

Амур или Купидон — римское имя греческого бога любви Эрота — сына и спутника Венеры (см. Афродита). Атрибутом его был лук, из которого он поражал стрелами сердца влюбленных.

«Amours de Psyché» — «Des amours de Psyché et de Cupidon» — повесть Лафонтена (1669). 199.

Амфриз — река в греческой области Фессалии, на берегах которой Аполлон (см.), изгнанный однажды Зевсом с Олимпа (см.) и обращенный в простого смертного, пас стада фессалийского царя Адмета.

Амфитрита (г. м.) — прекраснейшая из нереид (см.), супруга Посейдона (см.) и мать Тритона (см.).

Анакреон Теосский (580—495 до н. э.) — древнегреческий лирик, воспевавший любовь и пиршества. Около начала н. э. составился сборник т. н. «анакреонтических песен», оказавший глубокое влияние на западноевропейскую и русскую поэзию XVIII — нач. XIX вв. 120.

Ангелия — жена Дмитрия Якшича (см.).

Андромеда (г. м.) — дочь эфиопского царя Цефея, жена которого — Кассиопея — хвалилась, что она прекраснее нереид (см.). За такую дерзость Цефей, по воле богов, должен был принести Андромеду в жертву морскому чудовищу. Персей — сын Зевса и Данаи (см.), любимец богини Афины (см.), пораженный красотой Андромеды, обратил чудовище в камень, освободил Андромеду и взял ее в жены.

Аннибал (247—183 до н. э.) — карфагенский полководец, одержавший ряд побед над войсками Рима. 293.

«Антология» — сборник древнегреческих «эпиграмм» (мелких стихотворений) разных авторов, составленный в X в. до н. э. В позднейшее время антологиями стали называть любые сборники, составленные из стихотворений мадригального и эпиграмматического характера.

Антоний, Марк (83—31 до н. э.) — римский полководец и политический деятель, триумвир, а впоследствии соперник Августа (см.), разбитый им в битве при Акциуме в 31 г. до н. э. и покончивший самоубийством. 294.

Аонийская пещера (г. м.) — от Аонии — области древней Греции, где находилась посвященная музам гора Геликон (см.); отсюда Аониды — одно из названий муз. «Аонийская пещера» в переносном смысле — приют муз.

Апелл или Апеллес — греческий живописец IV в. до н. э. 102.

Аполлон, он же Феб, Гелиос, Дельфийский идол (г. м.) — сын Зевса и нимфы Лето (Латоны), дочери одного из титанов (см.), — бог солнца, света, прорицаний, вдохновения, искусства, поэзии, культуры вообще, — предводитель муз (см.). Атрибутом его был лук, из которого он поражал стрелами своих противников.

Апулия — юго-западная область Италии, родина поэта Горация.

Аргивская страна — Аргос, область древней Греции, которой правил Агамемнон (см.).

Ариосто, Людовик (1474—1533) — итальянский поэт, автор «Неистового Орланда». 195.

Арист — см Теребенев.

Аристид (540—467 до н. э.) — афинский полководец и поли-

тический деятель, славившийся прямотой, честностью и справедливостью В 483 г. до н. э., по проискам соперников, он подвергся изгнанию из Афин. В литературе Аристид служил образцом высших гражданских доблестей. олицетворенной добродетелью. 151.

Аркадия — гористая область в центральной части Пелопонеса в Греции, получившая название от Аркада (по мифологии, сына Зевса и жрицы Каллисто), сохранявшая в древности первобытный уклад быта скотоводов и земледельцев, не знавших торговли, наук и искусств (за исключением музыки). Население Аркадии пользовалось у остальных греков славой мирного благочестивого и счастливого народа. В литературе XVIII — нач. XIX вв. Аркадия служила символом «земного рая». страной невинности и патриархальной простоты нравов.

Аркас — приближенный Тоаса (см.).

Армида — героиня поэмы итальянского поэта Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим», — волшебница, влюбленная в героя поэмы Ринальдо, которого она удерживает своими чарами на далеком острове в волшебном саду.

Архиас — потомок Геракла (см. Иракл), легендарный основатель г. Сиракузы в Сицилии.

Асан-Ага, собственно Хасан-Ага — один из турецких юнаков (витязей, богатырей), воевавший с независимыми сербами («ускоками»); был убит в 1669 г.

Асан-Агиница — жена Асан-Аги.

Ассарх или Ассарак (р. м.) — один из легендарных предков Августа (см.), которого и называли «славным потомством Ассарака».

Ассирские степи — Ассирия.

Астрея или Дика (г. м.) — дочь Зевса и Фемиды (см.), исполнительница приговоров богини правосудия Немезиды (см.) В поэзии XVIII — нач XIX вв. часто употреблялось выражение «Златой век Астреи», означавшее грядущее время справедливости и правосудия.

Атлант или Атлас (г. м.) — один из титанов (см.), морской великан, обреченный Зевсом поддерживать на своих плечах небесный свод.

Атриды — сыновья Микенского царя Атрея — Агамемнон (см.) и Менелай, стоявшие во главе греческого войска во время похода на Трою (см.).

Аттика — область древней Греции, в которой был расположен общегреческий культурный, торговый и административный центр — Афины. — Аттическая муза — собственно муза греческой поэзии.

Аттила, собственно Этцель, по прозванию «Бич божий» (ум. в 453 г.) — с 433 г. царь кочевого народа гуннов, орды которого опустошили в V веке Восточную Римскую Империю, Германию и Галлию. Созданное Аттилой огромное государство распалось после его смерти. 210, 293.

Афина-Паллада (г. м.) — дочь Зевса, богиня разума и мудрости; римское имя ее — Минерва (римляне почитали ее также как покровительницу домашних женских занятий — пряжи, тканья, вышиванья и пр.). Изображалась с эгидой и копьем.

Афродита, она же Киприда, Цитерея, Пафосская царица (г. м.), Венера (р. м.) — богиня любви и красоты, родившаяся из морской пены. Афродита владела чудесным поясом, в котором были собраны все очарования.

Ахейская рать — ахейцы, жители Ахайи (области древней Греции), составлявшие основную группу участников похода греков на Трою (см.); в широком значении — вообще греки.

Ахелой (г. м.) — речной бог, сын Океана (см.) и Фетиды (см.); также название реки в древней Греции (ныне Аспропотамос).

Ахеронция — городок в Апулии (Италия).

Ахилл, или Ахиллес (г. м.) — главный герой древнегреческого эпоса о походе на Трою — «Илиада», победитель троянского героя Гектора (убившего друга Ахилла — Патрокла), — погиб от стрелы, пущенной Аполлоном (который был покровителем троянцев) и попавшей в пятку — единственно уязвимое место Ахилла.

Байя — дачная местность в древнем Риме, на берегу Неаполитанского залива, застроенная пышными виллами богачей и аристократов.

Бальде, Яков (1604 — 1668) — новолатинский поэт, монах иезуитского ордена; стихи его были переведены на немецкий язык и изданы Гердером (см.). 236 — 237.

Бахус, он же Вакх, Дионис (г. м.) и Либер (р. м.) — бог вина и веселья. Свиту его составляли вакханки, фавны (см.) и силены.

Баян или Боян — легендарный вещий певец-поэт, якобы живший в древней Руси. Вероятнее всего это было собирательное имя княжеских придворных поэтов, певцов и музыкантов IX века.

Белбог или Белобог (слав.) — «Божество славян Варяжских, имел кровавый образ, покрытый множеством мух, его почитали они добрым богом... жертвовали ему веселием, играми и радостным пированием» (Попов и Чулков); «Самое имя означает белого, то есть доброго бога. Говорят, его изображали с кровавым, покрытым мухами, лицом, на котором они питались... Но это совсем несправедливо. Насекомые верно произошли от случая, а именно от крови, которою Славяне после жертвы обмазывали многих богов... Не означало ли это бога-хранителя, каков у Римлян был Deus conservator? По крайней мере известно, что Славяне признавали его за источник всякого добра...» (Кайсаров).

Белград — город, известный под этим названием с IX века, с 1284 г. — сербская столица, несколько раз переходившая в руки мадьяр и турок; ныне столица Югославии.

Бельт — Балтийское море.

Бергельмер (сканд.) — единственный из древнейших исполинов, который не погиб во время потопа. Когда все прочие исполины потонули в крови Имера (см.), превратившейся в море и затопившей мир, — Бергельмер спасся в ладье с женою; от них пошел новый род исполинов.

Березина — река, приток Днепра, при переправе через которую 8 ноября 1812 г. погибла значительная часть отступавшей из России армии Наполеона.

Беровы сыны (сканд.) — три бога: Один (см.), Виле и Ве.

Борей (г. м.) — обожествленный северный зимний ветер.

Боричев холм — в Киеве, — «взвоз» с Подола на Гору, дорога от Днепра в центр города.

Босфор — пролив, соединяющий Черное море с Мраморным.

Бояна — река, на которой расположен город Скадр (см.).

Британцы — во времена римского владычества кельтские племена, с которыми вели войны римляне.

Брут, Марк Юний (85—42 до н. э.) — римский политический деятель, глава заговорщиков-республиканцев, убивших в 44 г. до н. э. Юлия Цезаря (см.). В борьбе с триумвиратом Антония, Лепида и Августа (см.) Брут потерпел полное поражение и покончил самоубийством. В литературе XVIII — нач. XIX вв. Брут служил излюбленным революционным образом самоотверженного борца за свободу. 195, 236.

Бузирид (г. м.) — мифический разбойник, египетский тиран, приносивший мирных путешественников в жертву Зевсу («богообидные требища»). Он был убит Гераклом (см. Иракл).

Буй-тур («Буйный Тур») — прозвище князя курско-трубчевского Всеволода Святославича (ум. в 1196 г.), данное ему в ознаменование его силы и доблести.

Вавилон — столица древнехалдейского царства, на Евфрате, один из самых больших и богатых городов Востока, славившийся развращенностью жителей; в V веке до н. э. был взят персами и разрушен.

Вакх — см. Бахус.

Валдайские горы — возвышенность в б. Новгородской губернии на дороге Петербург — Москва.

Валия (сканд.) — сын Одина (см.).

Ванагейм (сканд.) — мир светлых духов-ванов.

Ваны (сканд.) — первоначально божественные духи влаги и воздуха, впоследствии божества-покровители мореплаванья и торговли.

Варрон — **Гай Теренций Варрон** (III в. до н. э.) — римский консул, командовавший вместе с другим консулом **Эмилием** римскими войсками во время войны с Карфагеном. Вопреки советам Эмилия, Варрон дал Карфагенскому предводителю Аннибалу (см.) генеральное сражение, в котором потерпел полное поражение. 293, 295.

Варус, Публий Квинтилий — римский консул в Германии в царствование Августа), своей грабительской политикой вызвав-

ший восстание германцев. В 9 г. н. э. легионыВаруса были почти поголовно истреблены германцами в трехдневной битве в Тевтобургском лесу, сам Варус покончил самоубийством, а голова его была отправлена в Рим германским вождем Арминием. 295.

Варяжское море — старинное название Балтийского моря.

Ва́фтруднер (сканд.) — мудрый древний исполин, состязающийся в споре с Одином (см.). Другое его прозвище — Ветия.

Велес — «или Волос — Славенский бог, начальствующий над скотами, по Перуне первый» (Попов и Чулков).

Венера — см. Афродита.

Вертумн — древнеиталийский бог времен года и различных даров природы, почитавшийся также в римской мифологии, как супруг Помоны (см.).

Весталии — весталки, жрицы Весты — римской богини-покровительницы семейного очага и жертвенного огня. Весталки избирались сроком на тридцать лет и во все это время обязаны были строго хранить свое целомудрие.

Ветия (сканд.) — см. Ва́фтруднер.

Видар (сканд.) — сын Одина (см.), бог лесов, которому суждено отмстить за отца, убив волка Фенрира (см.).

Вила (сербск. мифол.) — речная богиня, отличающаяся красотой, отчасти соответствующая русской русалке.

Виланд, Христофор-Мартин (1733—1813) — немецкий писатель, автор сказочной эпопеи «Оберон». 110, 120, 192.

Виргилий — Публий Вергилий Марон (70—19 до н. э.). 120. 324—327.

Вистония — см. Фракия.

Владимир — великий князь киевский Владимир Святославич (ум. в 1015 г.), принявший в 988 г. христианство и впоследствии признанный церковью «святым» и «равноапостольным». Личность Владимира отчасти отразилась в образе «Владимира-Красного солнышка», одного из центральных персонажей былин киевского цикла. 134—145.

Волков, Алексей Гаврилович (ум. в 1809 г.) — поэт, член Вольного общества любителей словесности, наук и художеств; по специальности химик, служивший адъюнктом в Академии Наук. 152.

Волхов — река, на берегу которой расположен город Новгород.

Вольтер, Мари Франсуа Аруэ (1694—1778) 104, 120, 247—248

Вопь — река в б. Смоленской губернии, правый приток Днепра.

Вражда-река (сканд.) — в подлиннике: Ифинг; значение этого слова исследователями скандинавского эпоса не выяснено.

Вук Стефанович — см. Караджич.

Вукашин — один из героев сербского народного эпоса, сын Мрнява, — Мрнявчевич (или Мрлявчевич), отец Марко-Кралевича (см.), правил в г. Прилепе с 1350 г.; несколько позже узурпировал южную Сербию и объявил себя кралем, но не был признан другими знатными родами и в 1371 г. был убит в битве с турками вместе с братом своим Углешей (см.).

Вулкан (р. м.) — первоначально бог огня и муж Венеры (см.),— впоследствии, по мифологии, утратил божественную власть и стал искусным кузнецом. — «Олтарь Вулкана» — печь. камин.

Вязьма — река в б. Смоленской губернии, возле которой 22 октября 1812 г. произошло крупное сражение между отступавшей из России французской армией и русскими войсками.

Галилей, Галилео (ум. в 1642 г.). 153.

Галлы — народы арийского происхождения, в древности населявшие территорию современной Франции и ведшие войны с Римом.

Гальвани, Луиджи (1737—1798) — итальянский физик, опытным путем установивший законы действия электрической энергии (гальванический ток) на живой организм. 153.

Гамадриада — см. Нимфы.

Гангариды — народы, обитавшие в Индии у устья Ганга; древние иногда называли гангаридами вообще все восточные народности, с которыми вел войны Рим.

Ганимед (г. м.) — красавец-мальчик, похищенный орлом Зевса на небо, где сделался любимцем и виночерпием богов.

Гарпии (г. м.) — богини бури, вихря; древние представляли их в виде чудовищных птиц с девичьими лицами, оскверняющих пищу людей.

Гарпократ (г. м.) — бог молчания, немоты.

Геба (г. м.) — богиня вечной юности, дочь Зевса, служительница богов, разливающая им священный напиток нектар.

Гезиод (VIII—VII вв. до н. э.) — греческий поэт, автор дидактической поэмы «Труды и дни». 248.

Геката (г. м.) — богиня лунного света, а также — под именем Прозерпины — богиня преисподней.

Гектор — см. Ахилл.

Геликон — гора в греческой области Беотии, посвященная в древности Аполлону (см.) и музам (см.), — здесь находился источник Иппокрена, обладавший свойством возбуждать поэтическое вдохновение; здесь же пасся Пегас (см.). В широком значении Геликон — поэзия, литература вообще.

Гелла (сканд.) — правильнее: Гэль — богиня смерти, владычица подземного мира Нифельгеля (см.).

Геллерт, Христиан (1715—1769) — немецкий писатель, автор басен, духовных стихотворений, назидательных рассказов, романов и комедий. 249.

Гелоняне или Гелоны — дикое скифское племя, жившее в древности на берегах Борисфена (ныне Днепр); римляне называли гелонами всякое дикое племя вообще.

«Георгики» — «поэма о земледелии» Вергилия, написанная гекзаметрами; состоит из четырех книг: 1) о хлебопашестве, 2) о разведении деревьев и виноградных лоз, 3) о скотоводстве и 4) о пчеловодстве. 234.

Гердер, Иоганн (1744—1803) — немецкий философ и поэт,

много работавший в области изучения национальной старины, народного языка и фольклора. 196—198.

Геснер (Гесснер), Соломон (1730—1788) — швейцарский писатель, автор идиллий в прозе (на немецком языке), вызвавших многочисленные переводы и подражания в России в конце XVIII — нач. XIX вв. 120.

Геспериды (г. м.) — дочери Атланта (см.), жившие на одном из островов Океана (см.), в прекрасном саду, где росли золотые яблоки, охраняемые драконом.

Гете, Иоганн-Вольфганг (1749—1832). 192, 220, 300—309, 311—312.

Гиацинт (г. м.) — спартанский царевич, юноша необыкновенной красоты, любимец Аполлона (см.) и Зефира (см.). Когда однажды Аполлон обучал Гиацинта метанию диска, Зефир из ревности направил брошенный Аполлоном диск в голову Гиацинта, и тот умер. Из его крови Аполлон вырастил цветок.

Гиганты (г. м.) — дикие, исполинские и родственные богам существа, замыслившие победить богов. Боги, при помощи циклопов, сторуких великанов и Геракла (см. Иракл), одержали победу и перебили гигантов.

Гилас (г. м.) — красавец-юноша, любимец и спутник Геракла (см. Иракл). Плененные красотой Гиласа, наяды (см.) увлекли его в пучину.

Гимен или Гименей (г. и р. м.) — божество брака, покровитель супружеской любви.

Гипподамия (г. м.) — прекрасная дочь царя Эномая, которому было предсказано, что он погибнет, как только выдаст Гипподамию замуж, а потому он, владея лучшими в Греции конями, заставлял женихов состязаться с ним в ристании на колесницах и побежденных соперников убивал. Тринадцать женихов Гипподамии таким образом погибли, но четырнадцатый — Пелопс, выпросив у Посейдона (см.) золотую колесницу и крылатых коней, одержал победу и женился на Гипподамии.

Гойко — герой сербских народных песен, якобы один из братьев Мрлявчевичей (см.); на самом деле их было только двое: Вукашин (см.) и Углеш (см.). Имя Гойки м. б. идет от Гойко-Неймара (строителя), известного по историческим источникам и песням как строитель моста на р. Дрине.

Гомер. 120, 149, 195, 248.

Гораций, Квинт Флакк (65—8 до н. э.). 120, 132, 163—166, 173—175, 287—289, 299.

Гордий — легендарный царь Фригии, по преданию завязавший на дышле своей колесницы запутанный узел. Тому, кто сумел бы развязать этот узел, было предсказано владычество над Азией. Александр Великий (см.) разрубил узел мечом.

Грации (р. м.) или Хариты (г. м.) — сестры-богини женской прелести, изящества и красоты, спутницы Венеры-Афродиты (см.), олицетворявшие все привлекательное и радостное в природе. Число Граций и имена их не везде были одинаковы; обычно их почиталось три: Эвфросина (радость), Фалия (расцвет) и Аглая (блеск), но в Спарте — только две: Клета

(звук) и Ф а э н н а (мерцание), — в Афинах также две: Л у к с о и Гегемоне; в «Илиаде» упоминается целое семейство граций, из которых младшей была П а с и ф е я («чудно-прекрасная»).

Г р ё т е р, Фридрих-Давид (1768—1830) — немецкий археолог, автор трудов по истории скандинавской народной поэзии. 313.

Д а в н у с или Д а в н — легендарный первый царь Апулии (см.).

Д а ж б о г — «Дажбог, Дашуба или Дажба. Божество Славенское, почитается в Киеве. О качестве его история не упоминает. По догадке, имя его означает оного богом-подателем благ, от коего молебщики ожидали себе счастия; почему, кажется, можно его почесть богом богатств» (П о п о в и Ч у л к о в); «Дажбог соответствует Плутусу [см. Плутон] древних» (К а й с а р о в).

Д а м о к л (IV в. до н. э.) — любимец и угодник сиракузского тирана Дионисия Старшего, страдавшего подозрительностью и страхом покушений на свою жизнь. Однажды Дамокл стал превозносить Дионисия как счастливейшего из людей, а Дионисий в ответ уступил ему свое счастье, предоставив в его полное распоряжение свой великолепный дворец. Некоторое время Дамокл наслаждался богатством и почетом, пока однажды не увидел над своим ложем меч, висевший на лошадином волосе, и не попросил Дионисия отпустить его из дворца. Отсюда выражение «Дамоклов меч», обозначающее близкую опасность при видимом благополучии. 151.

Д а н а й — см Данаиды.

Д а н а и д ы, Д а н а е в ы д щ е р и (г. м.) — пятьдесят дочерей аргосского царя Даная, в наказание за вероломное убийство своих мужей (по приказу отца) обреченные в Тартаре (см.) вечно наполнять водою бездонную бочку.

Д а ф н и с (г. м.) — прекрасный юноша-пастух, потомок и любимец богов, искусный игрок на свирели, изобретатель буколической (пастушеской) поэзии; его внезапную смерть оплакивала вся природа. Имя Дафниса, особенно известное по греческому роману Лонга «Дафнис и Хлоя», было одним из самых популярных имен в идиллической поэзии XVIII — нач. XIX вв.

Д е д а л (г. м.) — легендарный афинский зодчий, скульптор и механик, построивший для критского царя Миноса Лабиринт — дворец, помещения которого были расположены таким образом, что из них невозможно было выбраться. Минос заключил в Лабиринте самого Дедала с сыном его Икаром. Однако они нашли способ бежать оттуда по воздуху на крыльях, сделанных Дедалом из перьев и воска.

Д е л и я — любовница римского поэта Тибулла (I в. до н. э.), прославленная в его элегиях; популярное женское имя в поэзии XVIII—XIX вв.; у Востокова — жена его приятеля И. А. Иванова (см.).

Д е л л и н г е р (сканд.) — бог, функции которого не ясны.

Д е л о с — остров в Эгейском море, родина Аполлона («Делосэ бог»), где ему был посвящен великолепный храм.

Державин, Гавриил Романович (1743—1816). 120.

Десимир — по объяснениям исследователей сербского эпоса это не слуга краля Вукашина (см.), а его боярин-вассал. Лицо неисторическое.

Диана (р. м.) — богиня луны, покровительница охотников. В греческой мифологии ей соответствовала дочь Зевса Артемида. Славившаяся своим целомудрием, Артемида-Диана сразила стрелой искушавшего ее охотника Ориона (см.).

Дид (слав.) — «Почитаем был богом отвращения любовной страсти, так как брат его Лельо [см. Лель] возбуждением оной» (Чулков); сын богини Лады (см.).

Дидилия (слав.) — «Богиня родов или родин, которую и молили о плодородии детей» (Чулков).

Дидо — см. Дид.

Дирце — источник, протекающий около Фив — родины Пиндара (см.).

Дмитрев — Дмитриев, Иван Иванович (1760—1837) — видный поэт, друг и литературный соратник Карамзина. 120.

Догода (слав.) — «Славенский Зефир [см.], которого признавали богом-производителем тихого и приятного ветра и ясныя погоды» (Попов и Чулков).

Додонская роща — древнейшее святилище Зевса в Греции; здесь находился храм Зевса с оракулом и священным дубом, шелест листьев которого и журчанье ручья, вытекавшего из-под его корней, были, по верованиям древних, голосом бога.

Дойен (Doyen), Габриэль-Франсуа (1726—1806) — французский живописец, ученик Ванлô. В эпоху Великой революции Дойен по предложению Екатерины II эмигрировал в Россию (в 1791 г.); с 1798 по 1801 г. был профессором Академии Художеств. 125.

Дойчило — персонаж сербских народных песен, «названый брат» кралевича Марко (см.).

Дорида (г. м.) — жена морского царя Нерея и мать морских нимф — нереид, называвшихся также доридами. Популярное женское имя в поэзии XVIII — нач. XIX вв.

Драйден, Джон (1631—1700) — английский поэт-сатирик, переводчик древнеримских писателей, драматург и историк; первоначально бывший сторонником Кромвеля, Драйден с восстановлением монархии перешел в лагерь католиков и приветствовал Карла II в поэме «Возвратившаяся Астрея». 181—187.

Дриады — см. Нимфы.

Душенька — руссифицированное имя Психеи (см.), ведущее свое происхождение от поэмы И. Ф. Богдановича «Душенька» (1775), написанной на сюжет «Des amours de Psyché et de Cupidon» Лафонтена (см.).

Еврисфей — см. Иракл.

Ейнгерии (сканд.) — избранное воинство Одина (см.), погибшее на поле брани, возрожденное Одином и населяющее его небесные чертоги — Валгаллу.

Елена (г. м.) — красавица-дочь Зевса и царицы Леды, жена спартанского царя Менелая, от которого бежала в Трою (см.) с красавцем Парисом. Бегство Елены вызвало Троянскую войну. в результате которой Троя была разрушена, Парис погиб, а Елена вернулась с Менелаем в Спарту.

Еней (Эней) — легендарный троянский царевич, бежавший после падения Трои (см.) в Италию; герой эпической поэмы Вергилия «Энеида», в которой собраны многочисленные легенды о странствиях и приключениях Энея.

Зевс или Зевес — верховное божество греческой мифологии, властелин мира, царь природы, отец богов и людей, повелевавший стихиями и поражавший своих противников громом, — отсюда его традиционное прозвище: «Зевс-громовержец». В римской мифологии ему соответствовал Юпитер (см.).

Земля — земля почиталась древними греками под именами Геи и Теллы, матери гигантов (см.).

Зефир (г. м.) — обожествленный легкий и теплый западный ветер.

Зимцерла (слав.) — «Какие приписывались ей качества, о том ничего не известно; разве испорченное ее название произвесть от имени зима и глагола стерть, так назовется она Зимстерлою и будет походить на богиню весны или лета, либо на Флору, богиню цветов» (Попов); «Богиня, владычествующая над началом дня, то есть заря» (Чулков).

Знич (слав.) — «Священный неугасимый огонь. По многим городам имели Славяне его храмы, жертвовали ему частию из полученных у неприятеля корыстей, и пленными Християнами. В болезнях тяжких имели к нему прибежище, а корыстолюбивые оного жрецы и обманывали народ, сказывая ответы болящим, о которых уверяли, что получили их вдохновением сего божества» (Попов и Чулков).

Иванов, Иван Алексеевич (1779—1848) — архитектор, «перспективный живописец», рисовальщик и гравер, выдающийся мастер книжной иллюстрации, товарищ Востокова по Академии Художеств, сохранивший с ним приятельские отношения до смерти. По рисункам Иванова были выполнены три гравюры к книге стихотворений Востокова (изд. 1821 г.), приложенные к настоящему изданию. Из работ Иванова более других известны перспективные пейзажи Петербурга, патриотические гравюры на темы войны 1812—1814 гг. (по рисункам И. И. Теребенева — см.) и особенно иллюстрации к сочинениям Державина, Жуковского, Крылова, Озерова, Хемницера и Пушкина («Руслан и Людмила»). 86—87, 178—179, 201—204, 257—258.

Идумея — область древней Иудеи, славившаяся своими пальмами.

Иксион (г. м.) — сын царя фессалийского народа лапифов; за попытку обесчестить богиню Геру (см. Ира), жену Зевса, был в преисподней привязан змеями к вращающемуся огненному колесу.

Илион — другое название Трои (см.).

Ильмень — озеро, расположенное в пяти верстах от Новгорода, исток реки Волхова.

Имер (сканд.) — древнейший из исполинов, олицетворявший собою первобытную силу мировых начал; боги убили его и сотворили из его тела земной мир — Мидгард.

Имош, правильнее Имос — область в Далмации с главным селением того же названия.

Инд, Индус — главная река Индии.

Иова — сын Гойко (см.).

Ионяне — одно из четырех главных племен греческого народа.

Ира или Гера (г. м.) — супруга Зевса, мать и царица богов, первоначально богиня земли, покровительница брака и супружеской верности.

Иракл или Геракл, Геркулес (г. м.) — легендарный силач, сын Зевса и смертной женщины Алкмены. На службе у аргосского царя Эврисфея совершил двенадцать подвигов: убил Немейского льва, очистил Авгиевы конюшни, спустился в подземное царство, освободил Прометея (см.) и пр. К числу его подвигов относится также укрощение диких коней фракийского царя Диомеда.

Иул Антоний — римский консул, сын триумвира Антония (см.), воспитанник и любимец Августа (см.), впоследствии казненный за преступную связь с дочерью Августа — Юлией. 288.

Ифест, т. е. Гефест (г. м.) — бог огня и ремесел, искуснейший кузнец, выстроивший на Олимпе (см.) для себя и для остальных богов великолепные медные чертоги. В римской мифологии ему соответствовал Вулкан (см.).

Ифигения (г. м.) — дочь Агамемнона (см.) и Клитемнестры, перенесенная богиней Дианой (см.) в Тавриду, где нашел ее брат ее Орест (см.), с которым она и вернулась на родину. История Ифигении послужила сюжетом целого ряда античных и новейших трагедий.

Калабрия — юго-западная область Италии.

Каллиопа — см. Музы.

Кант, Иммануил (1724—1804). 152.

Капитолия (Капитолий) — центральный из семи холмов, на которых был расположен древний Рим; застроенный храмами и общественными зданиями, он имел значение крепости и святилища.

Караджич, Вук Стефанович (1787—1864) — виднейший деятель сербского просвещения, знаток и исследователь народного языка и быта, собиратель и издатель народных песен, сказок, пословиц и пр., в 1814—1815 гг. издавший в Вене свое первое собрание народных песен: «Мала простонародньа Славяно-српска песнарица». Караджич выступил реформатором сербского литературного языка и был обвинен архаистами-клерикалами в нарушении церковного «славянско-православного предания», в латинизме. В его деятельности видели политическую и религиозную австро-католическую тенденцию, сам он был вытеснен из

сербской литературы, жил и работал преимущественно в Вене, а труды его и разработанное им новое правописание были официально запрещены в Сербии вплоть до 1860-х годов. 341, 348—349.

Карамзин, Николай Михайлович (1766—1826). 120.

Кастальский ток (г. м.) — источник, посвященный Аполлону (см.) на горе Парнас (см.), обладавший свойством возбуждать поэтическое вдохновение; название свое получил по имени нимфы Касталии, по мифологии, превращенной Аполлоном в ручей.

Катон Утический или Младший, Марк Порций (95—46 до н. э.) — римский политический деятель и философ-стоик, убежденный республиканец, боровшийся с разложением нравов в Риме. После установления монархии Юлия Цезаря (см.) Катон покончил самоубийством в Утике (римская колония на северном берегу Африки). В литературе имя Катона служило символом гражданской доблести и преданности свободе. 195.

Катулл (I в. до н. э.) — римский поэт-элегик, республиканец и противник Юлия Цезаря (см.). 180.

Кентавры (г. м.) — кони с туловищем и лицом человека, жившие якобы в Фессалии, на севере Греции.

Кербер или Цербер (г. м.) — трехголовый чудовищный пес, охранявший вход в подземное царство мертвых и никого оттуда не выпускавший обратно.

Кесарь — см. Юлий Цезарь.

Кибелла или Цибелла (г. м.) — «Великая мать» («Magna Mater»), почитавшаяся матерью всех живых существ и повелительницею над всей природой, преимущественно во Фригии (Малая Азия); у греков она имела также значение матери всех богов.

Кий (слав.) — легендарный основатель Киева.

Киллар (г. м.) — один из коней, подаренных Посейдоном (см.) Кастору и Поллуксу (см.), славившимся своей ловкостью.

Кинф — гора на острове Делосе — родине Аполлона (см.), которого иногда называли Кинфием.

Киприда — одно из имен Афродиты (см.), данное по названию острова Кипра, где процветал ее культ.

Киферон — гора в Беотии (область Греции), покрытая лесом.

Клеант — см. Иванов.

Клейст фон, Эвальд-Христиан (1715—1759) — немецкий поэт, последователь английской сентиментальной школы Томсона и др., автор поэмы «Весна» (1753), популярной среди русских сентименталистов. 120.

Клит (ум. в 328 г. до н. э.) — один из полководцев Александра Великого (см.), прозванный «Добродетельным» был убит Александром. 294.

Клопшток, Фридрих-Готтлиб (1724—1803) — немецкий поэт, глава литературной школы, выступившей против традиций французского классицизма, автор религиозно-мистической поэмы «Мессиада» (1745—1773). 120, 192, 208.

Клоя или Хлоя — одна из возлюбленных римского поэта Горация, воспетая им в одах, — популярное женское имя в поэзии

XVIII — нач. XIX вв., ставшее особенно известным из греческого романа Лонга «Дафнис и Хлоя».

Книдийский храм — храм, посвященный богине любви Афродите в греческой колонии Книде, где был особенно распространен культ этой богини.

Козловский, Михаил Иванович (ум. в 1802 г.) — выдающийся русский скульптор екатерининской и павловской эпох. 188.

Коммод, Луций Элий (161—192) — римский император с 180 г., отличавшийся крайней жестокостью, — пал жертвою заговора собственных приближенных. 210.

Конканы — дикое племя, жившее в древности на севере Испании, — питались якобы сырой кониной.

Конфуций — Конг-Фу-Тзе (551—479 до н. э.). 238.

Коринф — один из крупнейших городов — культурных и торговых центров древней Греции, славившийся пышными строениями; в 146 г. до н. э. был разрушен и более ста лет пролежал в развалинах.

Корнель, Пьер (1606—1684) — французский поэт, один из основоположников классицистической трагедии. 193.

Коцит (г. м.) — река слез в подземном царстве мертвых.

Кронион (г. м.) — одно из прозвищ Зевса.

Кроткое веянье (сканд.) — в подлиннике: Свасдр — добрый, ласковый.

Ксанфос (г. м.) — конь Ахилла (см.), рожденный Гарпией (см.) от Зефира (см.); Ахилл привязывал к хвосту Ксанфоса трупы побежденных им врагов.

Купало (слав.) — «Киевский бог плодов, вторый по Перуне. В начале жатвы приносили ему жертву, в день праздника его, бывшего 24 июня» (Попов).

Купидон — см. Амур.

Лавуазье, Антуан (1743—1794) — знаменитый французский химик, основатель новейшей химии. Был гильотинирован по приговору революционного трибунала по обвинению в участии в заговоре против французского народа. 152.

Лада или Ладо (слав.) — «Почиталась богинею любви и всех любовных удовольствий. Если сравнить ее с Греческим божеством, то это Славянская Венера» (Кайсаров); дочь Белбога (см.), мать Леля (см.) и Дида (см.).

Латмос — горная цепь в Греции, покрытая лесом.

Латония, Латона или Лето (г. м.) — нимфа, одна из возлюбленных Зевса, родившая от него на острове Делосе («остров Латонин») близнецов — богов Аполлона (см.) и Артемиду.

Лафатер, Иоганн (1741—1801) — швейцарский писатель-богослов, религиозный поэт, автор трудов по «физиономике» (изучение черепа и лица человека в целях раскрытия его интеллекта). Лафатер был чрезвычайно популярен среди русских мистиков и сентименталистов конца XVIII века. 152.

Лафонтен, Жан (1621—1695) — французский поэт, особенно прославившийся своими баснями и сказками, вызвавшими много-

численные подражания в России в конце XVIII — нач. XIX вв. 120, 199—200.

Левкадский камень — см. Сафо.

Лель или Леля (слав.) — «Сын Ладин, нежный божок воспаления любовного. Что почитали его возбудителем любви, как брата его Дида — противником оные, то сие доказывается старинными песнями, в которых имена их положены по свойству оных, как и матери их Лады» (Попов и Чулков).

Лепид (ум. в 13 г. до н. э.) — римский консул, член второго триумвирата (с Августом и Антонием). 294.

Лессинг, Готгольд-Эфраим (1729—1788) — немецкий писатель — драматург и критик, публицист и автор трудов по эстетике, — гуманист, боровшийся с церковным богословием. 190.

Лета (г. м.) — подземная «река забвения» по пути в царство мертвых — Аид. По верованиям древних, тени умерших, испив воды Леты, забывают свое земное существование.

Либер — см. Вакх.

Ликия — область древней Греции, где находился оракул Аполлона (см.).

Ликург Фракийский (г. м.) — царь эдонов во Фракии. оскорбивший Бахуса (см.) и наказанный за это безумием.

Лициний — Люций Лициний Мурена — римский патриций, родственник Мецената (см.), казненный в 22 г. за участие в заговоре против Августа (см.). 164.

Ломоносов, Михаил Васильевич (1711—1765). 120.

Лукулл — Луций Луциний Лукулл (род. в конце II в. до н. э., ум. в 56 г. до н. э.) — римский аристократ, славившийся своим богатством и роскошным образом жизни; «Лукулловы пиры» вошли в поговорку.

Луцина (р. м.) — одно из прозвищ Юноны (см.) как богини новолуния, новой жизни, покровительницы родов и рождения

Мавры — мусульманское племя, покорившее Испанию и разгромленное окончательно в конце XV века Фердинандом Католиком (см. Фернанд).

Магне (сканд.) — сын Тора (см.), «Сила».

Македония — страна на Балканском полуострове, в древности — могущественное царство.

Македонский царь — см. Александр Великий.

Македонянин — см. Александр Великий.

«Мала простонародньа Славяно-Српска песнарица» — собрание сербских народных песен, изданное Вуком Караджичем (см.) в Вене в 1814—1815 гг. 356.

Мантуа (Мантуя) — город в Северной Италии, родина римского поэта Вергилия.

Марко-Кралевич — центральный герой сербского народного эпоса, сын краля Вукашина (см.); по смерти отца в 1371 г. объявил себя кралем, но был низложен и бежал к туркам (по другой версии к венграм). В народных песнях образ Марко был

идеализирован: здесь он выступает как храбрый и благородный юнак (богатырь), неизменный победитель турок и арабов (на самом деле он был турецким вассалом), защитник угнетенных и бедных и пр. Марко был убит в 1389 г., сражаясь с валахами на стороне турецких войск.

Марс (р. м.) — бог войны, любовник Венеры (см. Афродита).

Мельнер (сканд.) — громовой молот Тора (см.), которым он поражал исполинов и чудовищ.

Мельпомена — см. Музы.

Мемфис — древняя столица Египта.

Меркурий (р. м.), Гермес или Эрмий (г. м.) — бог дождя, покровитель полей и пастбищ; также бог дорог, торговли, обмана и воровства; посланец верховных богов и исполнитель их повелений; также бог ловкости и покровитель гимнастических состязаний.

Меценат, Гай Цильний (74 или 64—8 до н. э.) — римский аристократ, друг Августа (см.), покровитель поэтов, художников, музыкантов и, в частности, Горация и Вергилия, которых он старался привлечь на службу монархии Августа. Имя Мецената стало нарицательным в смысле обозначения просвещенного вельможи-покровителя искусств и литературы. 165, 325.

Мидгардский змей (сканд.) — чудовищный змей Йормунгандр, опоясавший своим телом Мидгард — земной мир людей.

Милет — в древности самый богатый и могущественный из ионийских городов в Малой Азии; VI век до н. э. был временем его расцвета.

Мильтон, Джон (1608—1674) — английский поэт, публицист и политический деятель эпохи Кромвеля, идеолог пуританской революционной буржуазии, автор религиозной поэмы «Потерянный рай» (1667), доставившей ему мировую славу. 120, 208.

Мимас (г. м.) — один из гигантов (см.), убитый богом войны Ареем-Марсом (см.).

Минерва — см. Афина.

Минций — древнее название реки Минчио в Италии.

Моде (сканд.) — сын Тора (см.), «Мощь».

Моисей — законодатель еврейского народа, живший, по преданию, в конце XVI и начале XV вв. до н. э.; ему приписывалось составление первых пяти книг Библии, т. н. «Пятикнижия».

Моров-ветер (сканд.) — в подлиннике: Виндсвальр (от vinder — ветер и svalr — холодный).

Морфей (г. м.) — бог сна.

Мрлявчевичи или Мрнявчевичи — герои сербского народного эпоса, сыновья Прилепского правителя Мрнява — Вукашин (см.) и Углеш (см.).

Мстислав Владимирович (ум. в 1033 или 1034 г.) — третий по счету удельный князь Тмутараканский и Черниговский, сын Владимира Киевского (см.). В «Родословной князей Российских, владевших в Тмутаракани» о нем сказано только: «Сей в 1022 году на поединке убив Косожского князя Редедю,

овладел всею его областию и возложил дань на Козар; скончался на лорле в 1034 г., положен у Спасской церкви в Чернигове, княжил 46 лет». 135—146.

М у з ы (г. м.) — богини-покровительницы искусств и наук. Всех муз было девять: К л и о — муза истории, К а л л и о п а — муза эпической поэзии, М е л ь п о м е н а — муза трагедии, Т а л и я — муза комедии, Т е р п с и х о р а — муза пляски и хоровой песни, Э р а т о — муза любовной поэзии, П о л и г и м н и я — муза пения и игры на струнных инструментах, Э в т е р п а — муза игры на флейте, и У р а н и я — муза небесной гармонии, учения о звездах и их движении.

М у н д и л ь ф о р и (сканд.) — «Значение имени «Мундильфори», равно как и его этимология — не ясны... Никаких сведений не имеется и о самой личности этого отца светил: несомненно лишь то, что он принадлежал к числу с в е т л ы х и б л а г и х начал» (С. С в и р и д е н к о — Примечания к «Эдде», т. I, 1917, стр. 239—240).

М у с п е л ь г е й м (сканд.) — мир огня, в котором жили враждебные богам огненные духи Муспельгеймцы. Когда настанет гибель богов, это воинство во главе с Суртуром (см.) возьмет приступом крепость богов.

Н а в з и к а я (г. м.) — дочь царя Феаков Алкиноя, героиня «Одиссеи»; по наущению Афины (см.) она отправилась со служанками на берег моря мыть одежды и разбудила Одиссея (см.), спавшего в кустах.

Н а р ф и (сканд.) — правильнее: Н о р р — один из исполинов.

Н а с о н — Публий Овидий Назон (43 до н. э. — 17 н. э.). 120.

Н е м е й, Н е м е й с к и е р о щ и — Немейская долина в Арголиде (область Греции) была известна в древности как религиозный центр с храмами, посвященными Зевсу, Афродите и другим богам.

Н е п т у н — римское имя Посейдона (см.).

Н е р е и д ы — см. Нимфы.

Н и з о в с к и к р а я — южные окраины России.

Н и м ф ы (г. и р. м.) — богини, жившие в реках, лесах, горах, пещерах и олицетворявшие собою живые силы природы. Среди нимф древние различали: морских — Н е р е и д (петьдесят дочерей морского царя Нерея) и О к е а н и д, речных — Н а я д, горных — О р е а д, лесных — Д р и а д и Г а м а д р и а д (нимф деревьев; у каждого дерева, по верованиям древних, была своя Гамадриада, скрывавшаяся во пне).

Н и о р д (сканд.) — морской бог из рода ванов (см.), попавший в заложники к воевавшим с ванами асам (у Востокова: «Азиатский сонм»); он должен вернуться к ванам при кончине мира.

Н и ф а т, т. е. Н и ф а н т — древнее название одной из гор Армении; в широком значении Армения вообще.

Н и ф е л ь г е л ь (сканд.) — правильнее: Н и ф л ь г е й м — подземный мир смерти, наиболее трудно достижимый даже для богов.

«Nordische Blumen» — книга немецкого археолога Ф Д Грётера, изд. в Лейпциге в 1789 г. 313.

Норманны — «северные люди», германские племена, населявшие Скандинавию и с VIII века совершавшие набеги на берега почти всей Европы.

Ньютон, Исаак (1643—1727). 152.

Оберон — персонаж средневековых сказок, король эльфов, супруг Титании.

Один (сканд.) — высшее божество скандинавской мифологии, первоначально бог бурь, впоследствии — бог битв, носитель высшей власти и мудрости.

Одинстун (сканд.) — Валгалла — небесные чертоги Одина (см.), скандинавский рай.

Одиссей или Улисс (г. м.) — «хитроумный» герой древнегреческого эпоса («Одиссея»), участник похода на Трою (см.), претерпевший на обратном пути в Грецию разнообразнейшие приключения.

Океан (г. м.) — мировая река, обтекающая кольцом вселенную: по Гомеру — имя древнейшего бога водной стихии, праотца богов морей, рек, источников и пр.

Олимп — гора в Греции, покрытая вечным снегом, — по мифологии местопребывание богов («олимпийцев»), — в широком значении вообще небо. — «Олимпа царь» — Зевс (см.).

Олимпиада (ум. в 316 или 309 г. до н. э.) — супруга македонского царя Филиппа, мать Александра Великого (см.). 182.

Олимпийские игры — древнейшие и наиболее торжественные из национальных празднеств в древней Греции, устраивавшиеся ежегодно в отведенной для этой цели местности Олимпии и состоявшие из гимнастических состязаний и религиозных обрядов. Победители этих состязаний награждались пальмовой ветвью («Олимпийская награда»).

Ольг, князь — Олег Святославич (ум. в 1115 г.) — князь Черниговский, отец князей Игоря (см.) и Всеволода (см.) — «Ольговичей».

Омир — Гомер.

Ореада — см. Нимфы.

Орест (г. м.) — сын Агамемнона (см.) и Клитемнестры, брат Ифигении (см.); его дружба с Пиладом вошла в поговорку.

Орион (г. м.) — охотник, оскорбивший чувство стыдливости богини Дианы (см.); убитый Дианой, он был превращен богами в созвездие, с которым древние связывали приближение бурь и дождей.

Оркос, Оркус или Орк (р. м.) — подземное царство мертвых, также одно из прозвищ бога этого царства Плутона (см.).

Орфей (г. м.) — поэт и музыкант, увлекавший своей игрой на лире («Орфическая лира») не только диких зверей, но даже и неодушевленную природу. В широком значении — вообще вдохновенный певец.

Оры (г. м.) — три богини, олицетворявшие времена года —

весну, лето и осень (в иных местностях Греции почитали только двух ор, в иных еще четвертую — ору зимы). Орам также приписывалось древними значение покровительниц порядка, законности и нравственности.

Осса и Пелион — горы в Фессалии (область Греции); по мифологии, титаны, восставшие на богов, нагромоздили Оссу и Пелион на Олимп (см.).

Паледа или Палэс — богиня-покровительница стад и пастухов.

Палинур — мыс в Адриатическом море, получивший свое название по имени кормщика Энея (см. Еней).

Паллада — см. Афина.

Пандион (г. м.) — афинский царь, отец Филомелы (см.).

Парки (р. м.) — три сестры-прялки, отчасти соответствующие греческой богине судьбы Мойре; младшая из них — Клофа — начинала нить жизни (рождение), вторая — Лахеза — вытягивала ее (продолжение жизни), а старшая — Атрона — обрывала (смерть).

Парнасс (г. м.) — гора, служившая местопребыванием Аполлона (см.) и муз («Парнасски божества», «Парнасски девы»).

Парфяне — воинственный народ иранского происхождения, живший в древности к югу и юго-востоку от Каспийского моря; парфяне отличались гордым, заносчивым характером, вели войны с Римом.

Пафос — город на о. Кипре, где был особенно распространен культ богини любви Афродиты, называемый иногда «Пафосской царицей».

Пегас (г. м.) — крылатый конь Аполлона (см.) и муз (см.), — один из символов поэтического вдохновения.

Пелион — см. Осса.

Пелопс (г. м.) — лидийский царевич, победивший на конских состязаниях элидского царя Эномая и женившийся на дочери его Гипподамии (см.). По мифологии, Пелопс однажды был подан отцом своим в качестве блюда небожителям — с целью испытать их прозорливость. Из богов одна только Церера съела плечо Пелопса, и, оживляя его, боги сделали ему новое плечо из слоновой кости.

Пенфей (г. м.) — царь Фив, стремившийся воспрепятствовать установлению в своем царстве культа Бахуса (см.) и в наказание за это растерзанный своей матерью Агавой и теткой Автоноей — неистовыми вакханками (иначе фиадами).

Перехожий странник (сканд.) — в подлиннике: Гагнрадр (от gagn — «победа», «успех», и radr — «совет», «мудрое решение», «разгадка»).

Переяславль — город в б. Полтавской губернии, основанный в 993 г. князем Владимиром (см.).

Пермесс (г. м.) — речка в греческой области Беотии, текущая с Геликона (см.) и посвященная музам («пермесским сиренам»).

Персей — см. Андромеда.

П е р с е п о л ь — персидская столица, разграбленная и сожженная войсками Александра Великого (см.).

П е т р о п о л ь — Петербург.

П и л а д — см. Орест.

П и н д — цепь гор в древней Греции, в число которых входили Геликон (см.) и Парнасс (см.).

П и н д а р (521—441 до н. э.) — греческий поэт-лирик. 288—289.

П и м п л е й с к а я м у з а (г. м.) — муза, живущая на берегу источника Пимпла, струившегося с горы Парнасс (см.).

П и н т о р о в и ч - б е г (т. е: бек) — персонаж сербских народных песен; о нем, как о лице историческом, ничего не известно.

П и р и ф о й (г. м.) — царь лапифов; за попытку похитить и обесчестить богиню подземного царства Прозерпину он был вместе со своим другом Тезеем прикован 300 цепями к скале в преисподней.

П л а т о н (427—348 до н. э.) — греческий философ, основоположник идеалистической философии. 200.

П л у т а р х (ок. 46—120) — греческий историк и философ, автор жизнеописаний знаменитых людей древности. 151.

П л у т о н (г. и р. м.) — бог подземного царства, владыка душ умерших; также бог богатства.

П о г о р и е — часть древнего Киева.

П о д о л — часть древнего Киева.

П о л л у к с (г. м.) — бессмертный брат смертного Кастора. Братья были неразлучны при жизни, и по смерти Кастора Зевс разрешил им проводить один день на небе, другой — на земле.

П о л о т а — река, приток Западной Двины.

П о м о н а (р. м.) — богиня плодов.

П о м п е й (106—48 до н. э.) — римский политический деятель и полководец, прозванный Великим. 236.

П о н т — собственно малоазийское побережие Черного моря; в широком значении — море вообще.

П о р ф и р и о н (г. м.) — один из гигантов (см.), убитый Зевсом.

П о с е й д о н (г. м.) — владыка морей, повелитель водной стихии; атрибутом его был трезубец. Римское имя его Нептун.

П р е н е с т — древнеримский город, служивший излюбленным местом летнего отдыха римских аристократов.

П р и а м (г. м.) — царь Трои (см.) во время троянского похода греков; когда Ахилл (см.) убил его сына Гектора, Приам с богатыми дарами тайком явился к нему с просьбой выдать ему труп сына для погребения.

П р и а м о в г р а д — Троя (см.).

П р и л и п или П р и л е п — город, где правил Вукашин (см.), родина Марко-Кралевича (см.).

П р о м е ф е й или П р о м е т е й (г. м.) — один из титанов (см.), покровитель людей, спасший их от гнева Зевса, замыслившего истребить человечество. За похищение небесного огня для нужд человечества Прометей был прикован к скале Колхиде (нынешний Кавказ), и орел каждый день выклевывал его печень, выраставшую за ночь снова. Впоследствии Геракл (см. Иракл) убил орла и освободил Прометея.

Психе (Психея) (г. м.) — олицетворение человеческой души, изображавшееся древними в виде бабочки.

Пунически стены — т. е. карфагенские (карфагеняне назывались иногда пунами). Рим вел с Карфагеном три войны, названные пуническими и продолжавшиеся с перерывами от 264 до 146 г. до н. э. После длительной и упорной борьбы, римлянам в 146 г. удалось взять Карфаген, причем самый город был сравнен с землей.

Рад или Радо — персонаж сербских народных песен, в образе которого отразилась реальная личность зодчего Радо Бойовича, строителя монастыря в Любостике.

Радклиф, Анна (1764—1823) — английская писательница, одна из создателей «романа тайн». Романы Радклиф, посвященные описанию загадочных и страшных приключений, были чрезвычайно популярны в России в начале XIX века. 259.

Рамлер, Карл-Вильгельм (1725—1798) — немецкий поэт-одописец, переводчик античных поэтов и популяризатор античных форм стихосложения. 284—286.

Расин, Жан (1639—1699) — французский драматург, один из основоположников классицистической трагедии. 120, 193.

Регул (ум. в 250 г. до н. э.) — римский политический деятель и полководец. По преданию, взятый в плен карфагенянами и отпущенный ими в Рим с поручением убедить римлян заключить мир, Регул настаивал в сенате на продолжении войны и, верный данному слову, вернулся в Карфаген, где был подвергнут мучительным пыткам и заморен голодом. В литературе Регул служил образцом гражданского мужества и непоколебимой твердости духа. 151.

Резениус, Петр (1625—1688) — датский историк и филолог, издавший «Исландскую Эдду» (1665). 313.

Репнин, Фрол Филиппович (1788—1855) — художник-живописец, сотоварищ Востокова по Академии Художеств; происходил из донских казаков. С 1804 г. — учитель рисования в Екатеринославском народном училище, с 1806 по 1814 г. — в Екатеринославской гимназии, с 1815 по 1838 г. — учитель рисования и гравирования в Харьковском университете. Член Вольного Общества любителей словесности, наук и художеств с 1802 г. 128—129, 149—151.

Рет (г. м.) — один из гигантов (см.), побежденный Бахусом (см.), превратившимся в льва.

Руссо, Жан-Батист (1670—1741) — французский поэт, автор од, кантат и эпиграмм, охотно переводившихся на русский язык в конце XVII — нач. XIX вв. 89—91, 279—281, 290—295.

Сабины — имение римского поэта Горация, подаренное ему Меценатом (см.); было расположено в гористой местности Тибуре, близ Рима.

Самостар (сканд.) — в подлиннике: Аургэльмир — одно из прозваний Имера (см.).

Сардиния — остров в Средиземном море, входивший в состав Римской империи.

Сатиры (г. м.) — лесные и горные божества, олицетворявшие живые силы природы, спутники Бахуса (см.); изображались с козлиными рожками, копытцами и хвостом.

Сатурн (р. м.) — одно из верховных божеств римской мифологии, бог времени, посева и жатвы, отец Юпитера (см.), властвовавший до него над миром и им впоследствии свергнутый. Время правления Сатурна почиталось «золотым веком» всеобщего благоденствия. — Согласно мифу т. н. «фессалийского цикла», Сатурн однажды, убегая от своей ревнивой супруги Опс, обратился в коня.

Сафо — греческая поэтесса с острова Лесбоса, жившая в конце VII и первой половине VI в. до н. э. По преданию, безнадежно влюбившись в прекрасного юношу Фаона, не отвечавшего ей взаимностью, она бросилась в море с левкадской скалы. 171, 251.

Светлогрив (сканд.) — в подлиннике: Скинфакси — «с сияющею гривой»; другое его имя: «Гладр» — Радостный, Веселый.

Святович (слав.) — «Световид, Святовид и также Святович — бог солнца и войны» (Попов).

Сен-Пьер (1658—1743) — французский аббат, публицист, один из виднейших «просветителей» первого поколения, автор многочисленных полуутопических «проектов» социального характера, из которых наиболее известен «Проект вечного мира» (1713). 83.

Серимнер (сканд.) — вепрь, обладавший чудесным свойством: после того, как он изготовлен и съеден на пиру, он на другой день опять оказывается цел и оживает, так что его снова убивают и готовят.

Сеча злая (сканд.) — в подлиннике: Вигрид — поле боя, на котором при конце мира произойдет последняя великая битва между богами и духами Муспельгейма (см.).

Сивилла (г. м.) — дочь морского бога Главка, жрица Аполлона (см.) и Гекаты (см.), пророчица; — ее изречения были, по преданию, записаны в т. н. «Сивиллиных книгах».

Сизиф (г. м.) — основатель и царь Коринфа (см.). За грехи он обречен был в преисподней вечно вкатывать на высокую гору тяжелый камень, который с вершины снова катился обратно («Сизифов труд»).

Сикан — древнее название Сицилийского моря.

Силла — см. Сулла.

Сильфы и Сильфиды — по средневековым поверьям и учению алхимиков — духи воздуха, покровительствующие человеку.

Сирены (г. м.) — девы, жившие на одном из островов Средиземного моря, завлекавшие мореплавателей своим волшебным пением и губившие их.

Сирия — древнее государство на восточном берегу Средиземного моря, в I в. до н. э. ставшее римской провинцией.

Скадр на Бояне — древний город на реке Бояне, имевший большое значение для сербских правителей средневековья как стратегический пункт, — нынешнее Скутари. По преданию, в 1371 г. в Скадр пришел король Вукашин (см.) с сыном Марко (см.); по другим сведениям Марко родился в Скадре

Скифский понт — древнее название Черного моря.

Скифы — народ, населявший в древности Скифию (территория южной России); начиная с VIII в. до н. э. греки имели сношения со скифами и основали на их земле ряд колоний.

«Словарь Российской Академии» — лингвистический «Словарь Академии Российской», изданный в шести томах в 1789—1794 и 1806—1822 гг. 349.

Сократ (469—399 до н. э.) — греческий философ; осужденный к смерти за скептическое отношение к традиционным религиозным верованиям, он, по приговору судей, выпил чашу с ядом. В литературе Сократ служил образцом «твердости духа» и верности своим убеждениям. 294.

Солунь — древнее название греческого города Салоники; основанная в IV в. до н. э., Солунь служила главной гаванью Македонии.

Софокл (495—405 до н. э.) — греческий драматург. 193.

Старичище-Горынище (сканд.) — см. Бергельмер.

Старосилище (сканд.) — в подлиннике: Трудгэльмир, отец Бергельмера (см.).

Стикс (г. м.) — одна из рек, протекающих в подземном царстве мертвых.

Стоя и Стоян — сестра и брат, персонажи сербских народных песен; лица неисторические.

Суворов, гр. Рымникский, кн. Италийский, Александр Васильевич (1729—1800) — русский полководец, генералиссимус русских войск. 188.

Сулла, Луций Корнелий (138—78 до н. э.) — римский полководец и диктатор, боровшийся с демократической партией. 293.

Суртур (сканд.) — предводитель враждебных богам сил огненного мира Муспельгейма (см.).

Сын Филиппов — Александр Великий (см.).

Таврида — древнее название Крыма.

Тайгет (г. м.) — горный хребет, на склонах которого Аполлон (см.), изгнанный однажды Зевсом с Олимпа (см.) и превращенный в простого смертного. пас стада фессалийского царя Адмета.

Таиса — афинская гетера, в которую был влюблен Александр Великий (см.). 181, 184—186.

Талия — см. Музы.

Тамерлан или Тимур (1336—1405) — тюркский вождь, завоеватель, основавший огромное государство со столицей в Самарканде, распавшееся вскоре после его смерти. 210.

Тартар (г. м.) — подземное царство, где скитались души умерших.

Тассо, Торквато (1544—1595). 120.

Тацит, Корнелий (ок. 60—115) — римский политический деятель и историк императорского Рима. 151.

Тевтоны — германское племя, разгромленное римлянами в конце II века до н. э.

Телла — см. Земля.

Темногрив (сканд.) — в подлиннике: «Гримфакси» — «с гривою, покрытой инеем».

Темпе, Темпейская долина — в древней Греции, — славилась своим плодородием и живописной природой, была воспета древними поэтами как «земной рай».

Теребенев, Иван Иванович (1780—1815) — скульптор и рисовальщик-карикатурист (особенно известны его карикатуры на темы войны 1812—1814 гг.), товарищ Востокова по Академии художеств, член Вольного общества любителей словесности, наук и художеств с 1803 г. 128, 328.

Тибр — река в Италии, на берегах которой расположен Рим.

Тиверий (43 до н. э. — 37 н. э.) — римский император с 14 г. н. э., пасынок и преемник Августа (см.), отличавшийся жестокостью и распутством. До воцарения Тиверий прославился как замечательный полководец. 295.

Тизифона (г. м.) — одна из трех эвменид — богинь мщения, мстившая за убийство.

Тимотей (род. в 446 г. до н. э.) — греческий поэт и музыкант, считавшийся одним из искуснейших игроков на кифаре (струнном инструменте древних), которую он усовершенствовал. 187.

Тир — город в Сирии (см.), торговый и административный центр Финикии, славившийся производством тканей («Тирийский пурпур»).

Тит Флавий Веспасиан (41—81) — римский полководец и с 79 г. император, старавшийся завоевать популярность гуманным управлением; имя его приобрело нарицательное значение кроткого и справедливого монарха; русские поэты часто называли Титом Александра I. 294.

Титания — см. Оберон.

Титаны (г. м.) — дети Урана (неба) и Геи (земли). Побуждаемые к восстанию Геей, титаны низвергли Урана и утвердили власть Крона (один из титанов), который в свою очередь был низвергнут сыном своим Зевсом. Власть Зевса была признана всеми титанами, за исключением одного Япета, который со своим потомством вел долгую и ожесточенную борьбу с олимпийцами. В конце концов Зевс, с помощью сторуких исполинов и циклопов, победил титанов и низвергнул их в преисподнюю. Позднее титаны были отожествлены с гигантами (см.).

Титий (г. м.) — титан, оскорбивший Зевса; был повержен Зевсовой молнией в преисподнюю, где два орла вечно терзали его печень.

Титон или Тифон (г. м.) — могущественный великан, олицетворение огненных сил земли, также — по некоторым мифам — олицетворение солнца.

Т и ф е й — см. Титий.

Т м у т а р а к а н ь — древнерусская область на восточном берегу Азовского моря.

Т о а с (г. м.) — царь Тавриды (см.), куда богиня Артемида перенесла спасенную от жертвенного ножа Ифигению (см.); преследовал Ифигению своей любовью и за это был убит Орестом (см.).

Т о л е д о — главный город одноименной испанской провинции, построенный в XIII веке на месте старинной мавританской крепости.

Т о р (сканд.) — сын Одина, бог грома, покровитель урожая и жатвы, враг и истребитель исполинов и Мидгардского змея (см.).

Т р а з е а, т. е. Тразилл (ум. в 406 г. до н. э.) — афинский полководец и один из вождей демократической партии, казненный по ложному обвинению в халатном исполнении возложенных на него обязанностей начальника флота. 151.

Т р и г л а в а (слав.) — «Так называлась... от некоторых Славян Диана [см.], получившая сие имя от треглавого своего истукана» (П о п о в и Ч у л к о в); «В сем божестве, говорят, есть некоторое сродство с Дианою Тривиею (Diana Trivia, покровительница дорог)» (К а й с а р о в); «Три ее главы означают три начала, составляющие земной шар, т. е. земля, вода и воздух... Сверх сего три ее главы могут представлять собою горы, долины и леса. В смысле не отвлеченном, богиня сия, кажется, изображала продолжение времени, настоящее, прошедшее и будущее» (Г л и н к а).

Т р и н а к р и я — древнее название острова Сицилия.

Т р и т о н (г. м.) — морской бог, сын Посейдона (см.) и Амфитриты (см.); постепенно он утратил индивидуальность и стал мифологическим родовым понятием. Тритоны, составлявшие свиту Посейдона, изображались обычно трубящими в раковины.

Т р о й или Т р о с (р. м.) — легендарный потомок Августа (см.), отец Ассарха (см.).

Т р о я — древний город в Малой Азии, осада и взятие которого греками описаны в «Илиаде».

Т р у п о я д е ц (сканд.) — в подлиннике: Г р э с в е л ь г р — «Пожиратель трупов».

У г л е ш — герой сербского народного эпоса, один из братьев Мрлявчевичей (см.), брат Вукашина (см.) и дядя Марко (см.), — один из сербских деспотов XIV в., убитый в 1371 г.

У л а — река в б. Витебской губ., левый приток Западной Двины

У л и с с — см. Одиссей.

У с л а д (слав.) — «Божество Киевское. Имя его кажется происходит от глагола у с л а д и т ь и означает его богом пиршеств и роскоши; следовательно по качествам своим уподобляется он Греческому К о м у, богу пиршеств» (П о п о в).

Ф а в н (р. м.) — бог лесов и полей, покровитель пастухов и защитник их стад; также родовое мифологическое понятие.

Ф а л е р н — область Италии, славившаяся своими виноградниками.

Ф а о н — см. Сафо.

Ф е б (г. м.) — одно из имен Аполлона (см.) как бога солнца; отсюда у Востокова: «Феб вечерний», «Огнекрылаты кони Феба».

Ф е м и д а (г. м.) — богиня закона и правосудия. — «Ф е м и д и н а п а л а т а» — судебное учреждение.

Ф е н р и р (сканд.) — исполинский волк, которого богам удалось хитростью связать. По верованиям скандинавов, при наступлении кончины мира Фенрир расторгнет свои узы, чтобы вступить в последний бой с богами и поглотить Одина (см.).

Ф е о к р и т (310—220 до н. э.) — греческий поэт-идиллик, изображавший приукрашенную пастушескую жизнь; подражения Феокриту занимают видное место в русской поэзии XVIII — нач. XIX вв. 282.

Ф е р н а н д Б л а г о ч е с т и в ы й, т. е. Фердинанд V Католик (1452—1516) — король Кастилии, Арагонии, Сицилии и Неаполя, с необычайной жестокостью уничтожавший «еретиков» и, в первую очередь, мавров; его царствование составило эпоху в истории инквизиции. 250.

Ф е т и д а (г. м.) — старшая из нереид (см.), мать Ахилла (см.).

Ф и а д а (г. м.) — вакханка, спутница бога вина и веселья Вакха (см. Бахус), прославлявшая его в неистовых плясках.

Ф и л и п п II (ок. 379—336 до н. э.) — македонский царь, отец Александра Великого (см.). 181.

Ф и л и п п ы — селение в Македонии, возле которого в 42 г. до н. э. республиканские войска Брута (см.) потерпели поражение в битве с войсками Августа (см.) и Антония (см.).

Ф и л л и д а (г. м.) — фракийская царица, полюбившая афинского царевича Демофонта. Не дождавшись Демофонта, обещавшего взять ее в жены, Филлида в отчаянии лишила себя жизни, после чего боги превратили ее в миндальное дерево. Когда Демофонт, задержавшийся в пути, прибыл во Фракию, он обнял сухое дерево, и оно покрылось свежими листьями. В литературе имя Филлиды употреблялось как нарицательное, обозначая идеальную девушку, возлюбленную поэта.

Ф и л о м е л а (г. м.) — афинская царевна, превращенная в соловья богами, спасавшими ее от преследований мужа ее сестры. На языке поэтов — соловей вообще.

Ф и л о н — см. Фуфаев.

Ф л о р — см. Репнин.

Ф л о р а (р. м.) — богиня весеннего расцвета природы, цветов и полевых плодов.

Ф о р е н т — городок в Апулии (Италия).

Ф о р т у н а (р. м.) — богиня случая, счастья и благополучия; изображалась с рогом изобилия в руках и крыльями за спиной — в знак непостоянства.

Ф р а к и я — северо-восточная область Балканского полуострова, в древности Фракией называли весь север Европы за пределами Греции.

Франклин, Вениамин (1706—1790) — североамериканский государственный деятель и ученый (изобретатель громоотвода и электрического змея), сыгравший крупную роль в борьбе Соединенных Штатов за независимость. 152.
Фригга (сканд.) — супруга Одина (см.), первоначально богиня солнца, впоследствии — богиня брака, семейного очага, покровительница жен, матерей, хозяек.
Фригиец — см. Гордий.
Фурии (р. м.) — богини мщения, отчасти соответствующие трем греческим Эвменидам.
Фуфаев, Александр Дмитриевич (1778—1800) — воспитанник Академии Художеств по классу скульптуры, приятель Востокова. 98—99, 128—129.

Хариты — см. Грации.
Химеры (г. м.) — чудовища, имевшие три огнедышащие головы — льва, козла и дракона. В переносном смысле — фантастические мечты.
Хорс или Корша (слав.) — «Его признавали богом болезней и всех припадков» (Чулков); «Попов и Леклерк утверждают о сем боге, что он был Славянским Эскулапом [греческий бог врачевания]. Они не приводят других доказательств кроме одного имени, которое, по мнению их, происходит от слова корчить... Татищев доказывает, что Корша подобен был Бахусу [см.]. Но опять одна только догадка; и так нам нечего говорить о том утвердительно. Вообще должны мы, Россияне, жаловаться несколько на древних наших Летописцев, потому что они оставили нам темные понятия о нашей Мифологии» (Кайсаров).

Царь ветров — Позвизд или Похвист (слав.) — «Словенский Эол [см.], которого древние признавали богом бурных ветров» (Попов).
Цербер — см. Кербер.
Цецилия (первая половина III в.) — римлянка, тайно обращенная в христианство и канонизированная католической церковью; считается покровительницей духовной музыки и изобретательницей органа. 181, 186—187.
Цибела — см. Кибела.
Циклопы (г. и р. м.) — одноглазые великаны, обитавшие в Сицилии, к которым попали Одиссей (см.) и Эней (см. Еней).
Цинтия (р. м.) — одно из имен Дианы как богини луны.
Цирцея (г. м.) — волшебница, превратившая посредством волшебного напитка спутников Одиссея (см.) в стадо свиней. Вообще — обольстительная красавица.
Цитерея — см. Афродита.

Чекмен-мост — через реку Чекмен у Белграда; упоминается в сербских народных песнях.

Чернобог (слав.) — «Этот бог был противоположен Белбогу [см.]; его почитали злым божеством» (Кайсаров).

Чур (слав.) — «Хранитель межей, полей и пашен; оный больше всех прочих богов имел власти над чертями» (Чулков).

Шекспир, Вильям (1564—1616). 110, 193.

Шиллер, Фридрих (1759—1805). 191—193, 214—215, 238—239, 297, 310.

Эврипид (480—406 до н. э.) — греческий драматург-трагик. 193.

«Эдда» — название двух памятников древнеисландского народного эпоса. «Эдда» — «старшая» (стихотворная) восходит к V веку; «Эдда» — «младшая» (прозаическая) — составлена в XII или XIII веке. 313.

Электра (г. м.) — дочь Агамемнона (см.) и Клитемнестры, излюбленная героиня греческих трагедий.

Эливаген (сканд.) — правильнее: Эливаагар — «бурные воды», мировой поток, существовавший раньше земли.

Элида — область древней Греции (в Пелопоннесе), в состав которой входила Олимпия, где происходили знаменитые состязания (см. Олимпийские игры).

Элизиум, Элисей (г. и р. м.) — посмертное жилище блаженных душ, античный рай.

Эллада — Греция.

Эльба — одна из крупнейших рек Германии, берущая начало в Чехии.

Эмилий — см. Варрон.

Эндимион (г. м.) — прекрасный юноша-пастух, испросивший себе у Зевса бессмертие ценою вечного сна. Грот, в котором спал Эндимион, посещала по ночам влюбленная в него богиня луны Диана и целовала спящего.

Энкелад (г. м.) — один из титанов (см.), пораженный Зевсом и заключенный им в подножье огнедышащей горы Этны.

Эол (г. м.) — бог ветров, повелитель бурь.

Эолийские гусли — греческие, от «эолийцев» — ветви древнегреческого народа, представлявших древнейшую эллинскую культуру; к VI в. до н. э. относится расцвет эолийской лирики (Сафо, Алкей и др.).

Эпидавр — древний город в Арголиде (область Греции), славившийся рысистыми конями.

Эпикур (342—270 до н. э.) — греческий философ, по учению которого цель жизни состоит в удовольствии, счастьи, избавлении от страданий, духовных наслаждениях. В обыденном же смысле слово «эпикуреец» стало синонимом человека, предающегося чувственным наслаждениям. 200.

Эрмий — см. Меркурий.

Эрот — см. Амур.

Эсхил (525—456 до н. э.) — греческий драматург-трагик. 193.

Этна — вулканическая гора в Сицилии.

Юлий Цезарь (102—44 до н. э.) — римский полководец и диктатор, убитый заговорщиками во главе с Брутом (см.) и Кассием (см.); оставил после себя крупное литературное произведение: «Комментарий к Галльской войне». — Имя Цезарь (Кесарь) стало впоследствии императорским титулом 174, 325.

Юнона (р. м.) — древнеиталийская богиня луны и неба, супруга Юпитера (см.). Как покровительница брака и блюстительница супружеской верности, Юнона преследовала Энея (см. Еней) за его незаконную связь с Дидоной (см. «Энеиду» Вергилия).

Юпитер (р. м.) — древнеиталийский бог неба, верховное божество римской мифологии, повелитель богов и людей; соответствовал греческому Зевсу.

Якшичи — герои сербского народного эпоса, сыновья воеводы Якши Врешича — Дмитрий (ум. в 1486 г.) и Богдан (ум. в 1489 г.). Из них особенно известен в истории Дмитрий — предводитель войск своего тестя Белградского правителя Юрия Бранковича во время турецкого похода 1453 г.

СЛОВАРЬ

А г а — турецкий титул
А д а м а н т — алмаз.
А е р а (аэра) — воздух, воздушное пространство.
А м в р о з и я (миф.) — пища богов, делающая их бессмертными

Б а л а н с е р ы — канатоходцы.
Б а н — южнославянское: пан — господин; употр. в значении: начальник области.
Б а я н ы — поэты и певцы в древней Руси.

В е н у л и — провеяли (употр. в народных песнях: «Венули ветры по полю»).
В е р т е п ы — пещеры.
В н е г д а — в смысле: когда.
В н у ш и — в смысле: услышь, узнай.
В о с р е т е н ь е — навстречу.

Г е к а т о м б — собственно жертва из ста быков у древних греков; вообще — жертвоприношение.
Г р и д н и — телохранители древнерусских князей.

Д е б е л о е — мощное.
Д и в а н — высшее государственное учреждение в Турции, тайный совет султана.

Ж е н е́ т — в смысле: заключает.
Ж у п е л — вулканическое пламя, огонь

З е л ь н ы й — полевой, дикорастущий.

И в е р н и — осколки.
Й н у д а — в иное место.
И с с о п — синий зверобой, род мелкого кустарника
И с т н и́ т ь — стереть, свести на-нет.

К а д и й — духовное лицо у мусульман, исполняющий также обязанности светского судьи.
К а д у ц е й (миф.) — жезл Меркурия (крылатая палочка, обвитая змеями), символизирующий мир и торговлю.
К о м у ж д о — каждому.

К о т у р н — обувь на высоких каблуках, употреблявшаяся в древности трагическими актерами для придания себе большей величавости.
К р и н — лилия.

Л а к т — локоть; старинная единица меры (около 14 вершков).
Л е п а я — красивая.
Л и с т о п а д — древнерусское название месяца октября.

М а г и с т р а т — городское судебно-административное учреждение в России XVIII—XIX вв.

Н а д м е р у — чрезмерно, слишком.
Н е к т а р (миф.) — напиток богов.

О б а п о л ы — с обеих сторон, вокруг.
О б л ы х — тучных, неуклюжих.
Орю́щих — пашущих.
О т ж е н е т с я — в смысле: отделится.
О т ч и н а — наследство.

П а р и й с к и й к а м е н ь — мрамор, добывавшийся на острове Паросе в Греческом Архипелаге.
П е а н — хоровая хвалебная песнь в честь богов у древних греков.
П е р у н ы — молнии.
П е т е л — петух.
П и ф и я — прорицательница Дельфийского храма в древней Греции; пророчествовала, сидя на треножнике.
П о л ы е — чистые ото льда.
П о н т — море.
П о р е в а ю т с я — порываются, устремляются.
П р е з о р н ы х — высокомерных, надменных, кичливых.

Р а з ó р е т — распашет.
Р а з р е ш а е т — в смысле: освобождает.
Р а м е н а — плечи.
Р и с т а н ь е — воинские игры, конские состязания.
Р у н ы — древнейшие письменные знаки германцев и скандинавов.
Р ц ы — изреки.

С м е р д ь — простонародье.
С т о г н ы — площади.
С т у д — стыд, срам, позор.
С я ч е т с я — капает, сочится.

Т а т ь б а — воровство.
Т е ч ь — в смысле: итти.
Т и р с (миф.) — жезл Бахуса и его спутников, увитый плющем и виноградными листьями.

Т о н к и й — в смысле: легкий, нежный.
Т у л — колчан.
Т ы с я ц к и й — начальник воинского ополчения в древнем Новгороде.

Ф и а л — у древних греков и римлян сосуд для питья и для возлияний при жертвоприношениях богам.

Х и т о н — одежда древних греков.

Ц в е т е н ь — древнерусское название месяца мая.

Ч а с т ь — в смысле: участь.
Ч е р в л е н н а я — багряная.

Щ о г л а — мачта.

Э в о е — восклицание, которым сопровождали свои исступленные пляски участники вакханалий — оргий в честь Вакха (Бахуса).
Э г и д а (миф.) — атрибут божественной власти Зевса, Афины и Аполлона.
Э к л о г а — идиллическое стихотворение в форме диалога, изображающее прелести сельской пастушеской жизни.
Э п и т а л а м — брачная песня; «предмет Епиталамы: представить новобрачным благополучное их соединение и изъявить желание будущего их счастия» (Н. О с т о л о п о в, Словарь древней и новой поэзии, ч. I, 1821, стр. 440).

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* Портрет Востокова (масло) работы А. Г. Варника (1803). — Варник, Александр Григорьевич (1782—1843) — товарищ Востокова по Академии Художеств, впоследствии известный портретист. Портрет Востокова он начал писать в июле 1803 г. (см. «Заметки А. Х. Востокова о его жизни», 1901, стр. 19). — Воспроизводится с оригинала (Музей ИРЛИ — Института русской литературы Академии Наук СССР).

2. *Стр. 19.* Конец письма И. А. Иванова к Востокову от 2 августа 1802 г. из подмосковной деревни Тюхили. Под письмом портрет Востокова, сделанный Ивановым по памяти. — Текст отрывка: «...беречься малейшей простуды, и в диете великую наблюдать осторожность; а как етого убережешься? Благословенна буди кора Перуанска; она в миг ее отгоняет; только она дорогонька. Радуйся друг мой, общий наш друг к тебе едет из Украины, и везет пребольшой короб рассказов, кузов анекдотов и кулиок побесионок и гисториек. — Прощай друг мой остаюсь навсегда любящим тебя Ивановым». — Воспроизводится с оригинала, хранящегося среди бумаг Востокова (Архив Академии Наук СССР).

3. *Между стр. 32 и 33.* Портрет Востокова (карандаш) работы К. Трутовского, помеченный 24 декабря 1850 г. — Воспроизводится впервые с оригинала (Архив Академии Наук).

4. *Между стр. 48 и 49.* Портрет Востокова, литография В. Матвеева (Музей ИРЛИ).

5. *Между стр. 64 и 65.* Портрет Востокова, литография А. Мюнстера, с факсимиле автографа: «А. Х. Востоков 82-х лет. 1863 года апреля 4-го» (Музей ИРЛИ).

6. *Между стр. 80 и 81.* Рисунок И. А. Иванова, гравированный М. Ивановым и приложенный к первой книге «Стихотворений» Востокова изд. 1821 г. (перед стихотворением «К Фантазии»). Здесь на стр. 263 Востоков дал следующее «изъяснение» этого рисунка: «Фантазия, окруженная мечтами, спускается на льдистую и сумрачную пустыню, на которую крылатые слуги ее сыплют цветы».

7. *Между стр. 124 и 125.* «Ветры подземные, напав на Цибелу, Матерь богов, хотят лишить ее царства» — эскиз Дойена, гравированный Е. Скотниковым и послуживший «образцом изображения бури» в стихотворении Востокова «К Теону» (см. его примечание в «Стихотворениях», 1821, стр. 65; ср. стр. 383 наст. издания). Под гравюрой имеется посвящение гр. А. С. Строганову (на русском

и на французском языках), герб Строганова и помета: «С рисунка г. Доеня, первого живописца его императорского величества» (точное описание гравюры см. у Д. А. Ровинского — «Подробный словарь русских граверов XVI—XIX вв.», 1895, стбц 609, № 33). — Воспроизводится впервые с отпечатка 1803 г., — при любезном содействии П. Е. Корнилова (Отдел эстампов и гравюр Государственного Русского Музея).

8. *Между стр. 148 и 149.* Рисунок И. А. Иванова, гравированный М. Ивановым и приложенный ко второй книге «Стихотворений» Востокова изд. 1821 г. (перед стихотворением «История и Басня»). «Изъяснение» Востокова (ibid., стр. 263): «Поэзия засвечает у огня небесного два светильника, чтоб уделить один из них Гению живописи (относится к началу первого стихотворения в сей книге). — Подобно сему, с двумя подъятыми светильниками, представлена Поэзия на древнем Барелиеве, изображающем обоготворение Гомера. См. Museo Pio-Clementino. Roma. 1782. Том I».

9. *Между стр. 176 и 177.* Портрет Востокова (миниатюра, акварель) работы неизвестного художника (1800-е годы). Воспроизводится впервые с оригинала (Музей ИРЛИ).

10. *Между стр. 206 и 207.* Рисунок И. А. Иванова, гравированный М. Ивановым и приложенный к третьей книге «Стихотворений» Востокова изд. 1821 г. (перед стихотворением «Гимн Негодованию»). «Изъяснение» Востокова (ibid., стр. 263): «Негодование или Немезис и летящее Правосудие, так как они описаны в Гимне, коим начинается сия книга».

11. *Между стр. 240 и 241.* Портрет Востокова, литография 1810-х годов (Музей ИРЛИ).

12. *Стр. 263.* Автограф Востокова — беловая рукопись повести «Певислад и Зора» (1803). — Текст см. на стр. 261. — Воспроизводится впервые (Архив Академии Наук).

13. *Стр. 291.* Автограф Востокова — беловая рукопись «Оды щастию» Ж.-Б. Руссо, представленная в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств 30 декабря 1805 г. — Текст см. на стр. 290. — Воспроизводится впервые (Архив Вольного общества, хранящийся в Фундаментальной библиотеке Ленинградского государственного университета).

14. *Между стр. 364 и 365.* Бюст Востокова (гипс), работы С. И. Гальберга. — Гальберг, Самуил Иванович (1787—1839) — товарищ Востокова по Академии Художеств, впоследствии известный скульптор; на его сестре — Анне Ивановне — Востоков был женат первым браком. — Воспроизводится впервые с оригинала (Музей ИРЛИ).

СОДЕРЖАНИЕ

[1] Первая цифра обозначает страницу текста, вторая — страницу примечаний. Звездочками отмечены стихи, публикуемые впервые.

Отпечатано для Издательства «Советский писатель» типографией «Советский печатник», Ленинград, Моховая, 40, в количестве 3500 экз.. — 13,8 авт. лист. Заказ № 2136. Ленгорлит № 207. Переплет и суперобложка М. Кирнарского. Сдано в набор 13/IX 1934 г. Подписано к печати с матриц 20/III 1935 года. Формат 82×110 см. Типографских знаков в 1 печ. листе 34760. Бумажных листов 7. Порядковый № 10 Л. Ответственный редактор И. А. Груздев. Технический редактор Ал. Кукуричкина.

1935

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРОСИТ ЧИТАТЕЛЕЙ И БИБЛИОТЕКИ ОТЗЫВЫ ОБ ЭТОЙ КНИГЕ ПРИСЫЛАТЬ ПО АДРЕСУ: МОСКВА, БОЛЬШОЙ ГНЕЗДИКОВСКИЙ ПЕР., 10, ИЗДАТЕЛЬСТВУ «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»